

МАКСУДОВ

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР

МАКСУДОВ

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР

CHALIDZE PUBLICATIONS 1989

S. Maksudov

**Poteri naselenia SSSR
Losses of Population in the USSR**

**Copyright 1989 by Chalidze Publications
Published by Chalidze Publications
Benson, Vermont 05731
USA**

”Сих опальных людей поминати по грамоте цареве и панихиды по них пети; а которые в сем сенанике не имени писаны, прозвищи, или в котором месте писано 10 или 20 или 50, ино бы тех поминали: ”Ты, Господи, сам веси имена их”.

Синодик опальных Ивана Грозного.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
ПОБЕДА НАД ДЕРЕВНЕЙ	
Цель и результат	8
Кооперация и община	18
Иосиф	21
Второй шаг коллективизации	26
Голод 1933 года	57
Новый порядок	66
Памятник жертвам голода	89
По праву памяти	91
ПОТЕРИ	
Потери населения СССР в 1930—1938 гг.	121
Демографические потери населения	
Украины в 1930—1938 гг.	159
География голода	170
Потери населения СССР в 1918—1953 гг.	177
Дискуссия на Западе о потерях советского	
населения в эпоху коллективизации	213
БОЛЬШОЙ ТЕРРОР	
Человек и большой террор	237
Начало 1937: перепись	266
ДОКУМЕНТЫ	
Инструкция. Всем партийно-советским работникам	
и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры	283
Голод 1933 г. в партийно-правительственных	
постановлениях	287

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни вопрос о масштабах сталинских репрессий вызывает жгучий интерес. Практически все, включая М. С. Горбачева, согласны, что без восстановления исторической правды о размахе террора невозможно решение сегодняшних проблем, таких как демократизация и гласность. Оказалось однако, что ни на Западе, ни на Востоке, ни ученые, ни политики не имеют готового ответа на этот вопрос. В печати появляются произвольные, порой абсурдные цифры, раздаются бездоказательные, противоречащие здравому смыслу утверждения. В связи с этим, мне показалось полезным собрать под одной обложкой мои работы по изучению размеров потерь советского населения. Я надеюсь, что они будут интересны не только специалистам, историкам и демографам, но и широкому кругу читателей. Не все вопросы, затронутые в этой работе, изучены с одинаковой полнотой. Наибольшее место посвящено убыли населения в годы коллективизации. Потерям гражданской и второй мировой войн уделено сравнительно мало места; они нуждаются в более глубокой разработке; размеры репрессий 1937 года вообще не рассмотрены.

Статьи, вошедшие в эту книгу, связаны не только темой или точкой зрения автора. Они — часть единой работы, ставшей главным моим занятием с начала 60-х годов, когда мне в руки попала монография Б. Ц. Урланиса "Войны и народонаселение Европы". Маститый ученый рассчитывал потери Германии во второй мировой войне, опираясь на изменения соотношения численности мужчин и женщин, но тут же предостерег против использования подобного подхода для СССР: "Ведь в период 1926—39 гг. войны не было, а женский перевес в СССР не только не исчез, а усилился: в 1926 г. на 1000 мужчин приходилось 1070 женщин, а в 1939 г. — 1087!" "Ага, — подумал я, — знаем мы, почему в 1926—39 гг. умирали мужчины", и приступил к расчетам потерь населения по женскому перевесу. Шло время, рукопись пухла, методика усложнялась, возникали новые вопросы, требовавшие рассмотрения. В 1975 году Рой Александрович Медведев согласился включить в самиздатский журнал "XX век" основные результаты исследования, пришлось срочно сжимать книгу в статью. В 1977 году эта статья, "Потери населения СССР в 1918—58 гг.", вышла по-французски, а много

позже — и по-английски. Благодаря этой публикации я смог установить связи с зарубежными и с советскими демографами и получил доступ к материалам ЦСУ, что привело к очередной переделке работы и к сужению рассматриваемого периода. С 1982 г. основной темой исследования стали потери населения в эпоху коллективизации. Работа над этой проблемой выполнялась под эгидой украинских институтов Гарвардского университета и университета Альберта (Канада) и в 1989 году она должна выйти в издательстве Макмилан (Лондон) по-английски. По ходу работы я опубликовал несколько статей и заметок. Теперь, собрав их вместе, я постарался перейти к цельному изложению вопроса, снял повторения, внес уточнения и ссылки справочного характера.

Хочется надеяться, что книга будет интересна читателям, особенно читателям, разделяющим взгляды общества "Мемориал". С деятельностью этой организации я связываю надежды на действительно полное изучение вопроса о потерях советского населения, составление синодика опальных XX века.

**Список работ С. Максудова по потерям населения
(звездочкой отмечены статьи, полностью или частично
включенные в настоящее издание)**

"Collectivization and Population Losses in Ukraine and the USSR". London, Mc Millan, New York, St. Martin, University of Alberta (in print).*

Pertes subies par la population de L'URSS 1918—1958. "Cahiers du Monde Russe et Sovietique", Paris, XVIII, N 3, 1977, pp. 223—65. (English) "Losses Suffered by the Population of the USSR 1918—1958". In Samizdat Register II, edited by Roy Medvedev. London, Merlin Press, 1981, pp. 220—76. Потери населения СССР в 1918—1958. "СССР: Внутренние противоречия", № 11, 1984, сс. 156—242. *

Интернационалисты и русская революция. "Вестник РХД", № 131, I—II, 1980, сс. 221—262.

Потери населения СССР 1930–1938. "СССР: Внутренние противоречия", № 5, 1982, сс. 5–78. How Many Millions Perished from 1930–1938? "Russia", N 7–8, 1983, pp. 3–26*.

The Geography of the Soviet Famine of 1933. "Journal of Ukrainian Studies", 1983, vol. 8, N 2, pp. 52–58. География голода 1933 года. "СССР: Внутренние противоречия", № 7, 1983, сс. 5–17 *

Demografichni vtraty naseleniia Ukrainy v 1927–38 rokakh. "Suchasnist", N 10, Oct. 1983, pp. 32–48. Демографические потери населения Украины в 1927–38 гг. "Форум", № 4, 1983, сс. 198–212.

La composition nationale de L'Armee Rouge d'apres le recensement de 1920. "Cahiers du Monde Russe et Sovietique", 1983, N 4, pp. 483–92. Национальный состав Красной армии по переписи 1920 года. "Проблемы Восточной Европы", № 7–8, 1983, сс. 169–180.

Iosif G. Dyadkin. Unnatural deaths in the USSR, 1928–1954. "Journal of Ukrainian Studies", vol. 9, N 1, 1984, pp. 120–123.

Correspondence. "Soviet Studies", vol. XXXVI, 1984, N 4, pp. 622–623.

Ukraine's Demographic Losses 1927–1938. "Famine in Ukraine 1932–1933". Edited by R. Serbin and V. Krawchenko, 1986, pp. 27–43.*

Цель и результаты. "Страна и мир", № 1–2, 1984, сс. 78–88.*

Памятник жертвам голода. "Страна и мир", № 1–2, сс. 93–94.*

Голод 1933 г. в партийных постановлениях. "СССР: Внутренние противоречия", № 10, 1984, сс. 80–128.*

Иосиф. "Форум", № 9, 1984, сс. 175–179.*

Новый порядок. "СССР: Внутренние противоречия", № 13, 1985, сс. 145–179.*

Голод 1933 года. "Страна и мир", 1985, № 10, сс. 40–48.*

Начало 1937: перепись населения, "Минувшее", № 1, 1986, сс. 275–274 (совместно с Солодовым). *

Некоторые документы Смоленского архива о раскулачивании и выселении кулаков. "Минувшее", № 4, 1987, сс. 169–251.

Дискуссия на Западе о потерях населения в эпоху коллективизации. "Минувшее", № 4, 1987, сс. 369–393.*

Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива, кн. 1, 1929, Кулаки и партейцы, "Ардис", 1987.

Предисловие. Юлия Пятницкая. "Дневник жены большевика", 1987, сс. 5–16.

ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ

События, происходившие в советской деревне в начале 30-х годов, получили множество названий, отражающих значительность перемен: "Аграрная революция", "Великий перелом", "Культурная революция в деревне", "Второй шаг Октября" и т.п.

Обыденное имя этих революционных преобразований — коллективизация.

Впервые лозунг коллективизации в более или менее отчетливой форме был выдвинут в декабре 1927 года на XV съезде партии. В резолюции съезда говорилось:

"Одной из основных предпосылок развития СССР к социализму является подъем производительных сил деревни и рост благосостояния широких крестьянских масс. Социалистический город может вести за собой деревню только на этом пути, всемерно при этом способствуя постепенному переходу от индивидуального собственнического хозяйства, которое еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства, к его коллективным формам... Этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян."

Составленный в соответствии с решениями съезда пятилетний план (тогда еще он назывался не первым, а просто пятилетним) предусматривал рост производства сельскохозяйственной продукции на 20—30%, в значительной степени благодаря созданию крупных хозяйств, которые к концу 1932 г. должны были охватить 15% сельских жителей и дать 43% товарного зерна. Нельзя сказать, чтобы намеченный рост выглядел нереальным. В предыдущее пятилетие (1923—1927) продуктивность различных отраслей сельского хозяйства возросла на 30—50%. Достаточно высокими были и дореволюционные темпы (33% с 1900 по 1913 гг.)

Перелистывая сборник партийно-государственных документов "Коллективизация сельского хозяйства 1925—1935 гг." (1957), мы можем узнать, что "народ с энтузиазмом встретил решения партии" и "массовое вступление крестьян в колхозы позволило перевыполнить во много раз самые смелые наметки пятилетнего плана". Победы следовали одна за другой, трудности решительно преодолевались, темпы неуклонно росли.

Особенно успешным был 1933 год. ЦИК СССР на своей сессии, завершившейся в последний день декабря, отметил:

"Огромная победа в этом году одержана трудящимися СССР в сельском хозяйстве, где достигнуто значительное организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов..., значительно повысились урожайность и валовой сбор зерновых и технических культур, а также обеспечено улучшение и подъем животноводства. Все это в соединении с успешной борьбой против кулацких элементов обеспечило значительный рост жизненного уровня широких масс колхозников."

Триумф коллективизации выглядел еще эффектней на фоне „кризиса и упадка сельского хозяйства в капиталистических странах.” Как говорилось в резолюции пленума ЦК ВКП (б) от 10 января 1933 г.:

„Человечество с восхищением наблюдает, как страна мелкого крестьянского хозяйства, разоренного до нищенства помещиками и кулаками, становится страной самого крупного, самого передового сельского хозяйства в мире.”

Решение зерновой проблемы позволило перейти к другим вопросам:

„ В области животноводства во второй пятилетке добиться такого увеличения стада и роста товарной продукции, которое соответствовало бы разрешению в основном животноводческой проблемы для СССР, как этого партия добилась в первую пятилетку по отношению к зерновой проблеме.”

Затем подошла очередь переделки природы:

„ Центральной задачей второй пятилетки должно стать решительное повышение урожайности колхозных и совхозных полей и большевистское решение вопроса о борьбе с засухой.”

Наконец, XVII съезд партии — „Съезд победителей”, заседавший в конце января — начале февраля 1934 г., констатировал, что социализм в СССР построен, „созданы необычайно благоприятные условия для быстрого подъема уровня колхозно-крестьянской массы и для достижения культурной и зажиточной жизни колхозников.”

Говоря словами товарища Сталина, „жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей”.

Итак, краткий экскурс в историю партийных постановлений показывает: была поставлена определенная цель — поднять благосостояние населения с помощью роста сельскохозяйственного производства, был выработан метод — колхозное производство, этот метод был молниеносно и успешно реализован, а результат превзошел все ожидания: „невиданные прежде благоприятные условия жизни”.

Если, однако, мы обратимся к справочникам ЦСУ (см. сборники „Сельское хозяйство СССР”, М. 1960 и „Народное хозяйство СССР 1922 — 1972 гг.”, М. 1972), чтобы узнать, насколько выросло благосостояние счастливого народа, то окажется, что „решение зерновой проблемы” означало заметно меньшее производство и потребление по сравнению с временами, когда эта проблема не была „решена”.

В 1928 году на каждого жителя страны производилось 400 кг зерна, 300 кг картофеля, 32 кг мяса, 70 яиц и 200 литров молока.

В 1933—37 годах зерна было в среднем в год 336 кг, картофеля — 314 кг, мяса — 16 кг, яиц — 35 шт., молока — 136 литров. Доколхозный уровень производства продуктов питания на одного человека не был достигнут ни в 1938—40 гг., ни в 1946—48, ни в 1949—53.

Правда, довоенные официальные сведения рисовали совсем иную картину: утверждали, что уже в 1933 году доколхозный и дореволюцион-

ный уровень сельскохозяйственного производства был превзойден. Но из появившихся после 1958 года справочников ЦСУ следовало, что торжественные рапорты и резолюции съездов были липой. Неожидано подтвердилось другое изречение товарища Сталина: „Факты — упрямая вещь.”

Пересчет ЦСУ стал своеобразным триумфом западной советологии, которая никогда не доверяла советским публикациям сталинского периода с характерными для них несообразностями и методическими ошибками. Наиболее обоснованные поправки были предложены в капитальном научном труде Наума Ясного „Обобщественное сельское хозяйство СССР. Планы и перспективы”, изданном в США в 1949 г. Новые публикации ЦСУ подтвердили выкладки Ясного и даже показали, что в своих оценках он был достаточно осторожен. Например, среднегодовой урожай зерновых за период 1933—37 гг., согласно довоенным советским данным, составлял 945 млн. центнеров. По оценке Ясного урожай был 757 млн. ц, а по данным ЦСУ даже еще меньше — 729 млн. ц. Для периода 1936—39 гг. соответствующие цифры: 1012 млн., 799 млн. и 728 млн. ц. Перерасчет исправил главный порок методики — оценку урожая в поле. Не исключено, впрочем, что приписки были связаны не только с тем, что использовалась та или иная некорректная методика, и новый расчет не мог устранить все преувеличения.

Пересчет посеял панику в рядах официальных исследователей достижений колхозного строя. Их тревоги хорошо выразил член-корр. АН С. Трапезников. Позволим себе привести обширную выписку из его работы „Исторический опыт КПСС в осуществлении кооперативного плана” (1965):

„Нам думается, что данные о валовых сборах зерновых культур в предвоенные годы требуют уточнения. Это в неотложном порядке должны сделать экономисты. Конечно, ранее бытовавшая цифра 7,2 млрд. пудов является явно завышенной, но и введенная ныне в оборот — 4756 млн. пудов — не соответствует действительности.

Можно ли всерьез думать, что наше крупное социалистическое хозяйство, оснащенное передовой техникой, давало хлеба меньше, чем земледелие трехполья и деревянной сохи царской России? Если это так, значит надо признать, что гигантская работа партии по социалистическому преобразованию деревни — пустая затея, значит новая техника, поступавшая в деревню, — пущенные на ветер деньги, значит героический труд колхозников, специалистов — просто блеф. Конечно же, в этом нет ни грана логики.

Далее, если признать эту цифру действительной, то, естественно, возникает вопрос: как могло случиться, что в 1928 г. при таком же количестве валовой продукции зерна страна была вынуждена перейти к хлебной карточке? Точно также можно ли было отменить в 1934 г. карточную систему при значительном уменьшении валовой продукции зерновых, имея в виду, что, по указанию некоторых источников, среднегодовой сбор зерновых за годы второй пятилетки составлял лишь 4,4 млрд. пудов?

Позволительно здесь поставить и такой вопрос: можно ли было при наличии столь низкого валового сбора зерна создать такие хлебные резервы, которые позволили бы обеспечить более или менее нормальное снабжение многомиллионной армии и населения в годы тяжелой и длительной войны, а затем, на втором году после ее окончания отменить карточную систему, снять ограничения в хлебе? При этом надо иметь в виду, что в годы предвоенных пятилеток Советский Союз экспортировал значительное количество зерна за границу, ввозя техническое оборудование.”

Академик делает вид, будто не знает, что результаты ЦСУ выведены не из общих соображений, а на основании первичной документации учета амбарного урожая, — и подсказывает статистикам, какой должна быть минимальная цифра. Автор складывает государственные заготовки с расходами на семена и предполагаемым (желательным) потреблением деревни и получает цифру 960 млн. ц. Соображения Трапезникова вполне резонны, но больше напоминают советы бывшим руководителям: не следовало, дескать, оставлять деревне меньше 300 млн. центнеров на питание и фураж, а то получается, что при колхозах живется хуже, чем до революции и коллективизации. Мысль верная, но немного запоздалая.

Все поставленные академиком вопросы верны и ответы на них очевидны. Действительно, есть все основания предположить, что крупное социалистическое хозяйство, оснащенное передовой техникой, давало хлеба меньше чем "земледелие трехполья и сохи", и, более того, трудно думать иначе. Действительно, приходится признать, что „гигантская работа партии" была „пустая затея" (если не хуже), что „новая техника, поступившая в деревню, — пущенные на ветер деньги", что подневольный труд колхозников и механизаторов малопроизводителен или, как выразился академик, представляет собой „просто блеф". Во всем этом, увы, есть железная логика.

Карточки были введены в 1928 г. при цене хлеба 10 коп. за килограмм и защитили рабочих от рыночных цен (15—20 коп.). Килограмм мяса в то время стоил 66 коп. Государственные заготовки зерна составляли в год 11 млн. тонн. При отмене карточек в 1935 году цены на ржаной хлеб были установлены 2 руб. 60 коп. — 3 руб. 20 коп. (в зависимости от климатического пояса), на говядину — от 9 до 14 руб. за килограмм; государственные заготовки зерна выросли до 25 — 30 млн. тонн. За эти же годы (1928 — 1935) средняя заработная плата рабочего увеличилась вдвое — с 70 до 142 рублей в месяц, а доходы крестьянина изменились следующим образом: в 1928 году 335 руб. и 2200 кг зерна, в 1935 году 413 руб. и 804 кг зерна. Эти данные относятся к житнице страны — Украине. В целом по Союзу в 1935 году колхозник получал 247 рублей деньгами и 900 кг зерна. Все эти цифры взяты из советских источников (С. Кульчицкий, Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР, 1979; Сб. законов СССР, 1935; Статистический ежегодник „Социалистическое строительство Союза ССР", 1935).

Такие масштабы изъятия зерна, соотношение цен и доходов городского населения давали возможность прокормить город. Зато деревню в буквальном смысле ободрали, и предвоенный экспорт хлеба в обмен на промышленное оборудование, о котором упоминает академик Трапезников, был не чем иным, как куском, вырванным изо рта у голодного.

И все же победные реляции, заполнявшие с 1933 года газеты и радиопедачи, не были ложью. Победа действительно была достигнута. Крутой по-

ворот заключался не в поднятии производства, а в изменении распределения, которое называлось теперь иначе: "выход товарной продукции". Увеличение государственной доли в продукции сельского хозяйства и было основной целью проводимых мероприятий.

Эту задачу четко сформулировал И.В.Сталин. Ему принадлежат и выбор методов решения проблемы, и честь победы.

В 1928 г. в брошюре с характерным названием "На хлебном фронте" Сталин привел таблицу выхода товарной продукции. (Как стало известно впоследствии, таблицу подготовил для Сталина академик В.С.Немчинов. Однако он не опубликовал в своих трудах методов расчета или обоснования данных. Попытки отыскать в архивах рукопись с расчетами Немчинова, предпринятые историком И.А.Чемерисским в начале 70-х годов, не увенчались успехом.)

Вот как выглядела эта таблица:

	Валовое произ. зерна		Товарное произ. зерна		Товарность: доля продукции, продаваемая деревней городу в %
	Млн. пудов	% общ. к-ва	Млн. пудов	% общ. к-ва	
1913 год					
Помещичьи хозяйства	600	12,0	281,6	21,6	46,9
Кулаки	1900	38,0	650,0	50,0	34,2
Середняки и бедняки	2500	50,0	369,0	28,4	14,8
ИТОГО	5000	100,0	1300,6	100,0	26,0
1926/27 гг.					
Совхозы и колхозы	80	1,7	37,8	6,0	47,2
Кулаки	617	13,0	126,0	20,0	20,4
Середняки и бедняки	4052	85,3	466,2	74,0	11,5
ИТОГО	4749	100,0	630,0	100,0	13,0

Таблица демонстрировала важный факт: количество и доля зерна, продаваемого селом, уменьшились после революции вдвое. В 1926/27 годах деревня оставляла себе почти семь восьмых всего урожая. Можно было бы порадоваться за крестьянина, припомнив слова Ленина о том, что "крестьянин никогда еще в течении долгих веков нашей истории не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам в город и за границу" (Соч., т. 39, стр. 276). Однако к этой фразе трудно отнестись серьезно: ведь несколько десятилетий подряд после установления советской власти дореволюционный "голодный" уро-

вень потребления оставался для сельских жителей недостижимой мечтой. И все же в ней есть некоторый резон. Сравнительно высокая товарность сельскохозяйственного производства до революции достигалась частично за счет снижения потребления, особенно продуктов животноводства.

Но Сталин не для того открывал свой „фронт”, чтобы дать возможность крестьянам лучше питаться. Для него очевидно другое: товарная продукция упала, так как исчезли крупные помещичьи и кулацкие хозяйства. С другой стороны, в социалистических крупных хозяйствах — колхозах и совхозах товарность не ниже, чем у помещиков. Вывод: для увеличения товарности надо создать побольше колхозов и совхозов, то есть провести коллективизацию. Нужно сказать, что и по сей день эта нехитрая табличка, отчасти вдохновившая Сталина и его соратников на преобразование, которые по существу означали вторую революцию в стране, воспроизводится в серьезных научных изданиях; более убедительных аргументов в пользу колхозного строя советские историки и экономисты нам не предлагают.

Довод Сталина прост и на первый взгляд не лишен привлекательности. Известно, что помещичьи усадьбы работали в большой мере для рынка. Известно также, что советское правительство испытывало определенные трудности с хлебозаготовками, с проблемой снабжения города, между тем как до революции хлеба в городах было вдоволь. Развивалась промышленность, городское население росло; нужно было думать, как его прокормить. Приводя в 1952 г. сталинскую табличку, автор вышедшей в США „Истории народного хозяйства СССР” профессор С.И.Прокопович писал:

„Цифры эти не могут претендовать на точность, но в общем и целом они правильно рисуют хлебные балансы России в 1913 г. и 1926/27 гг. Аграрная революция совершенно уничтожила помещичьи хозяйства, в три раза сократила продукцию зажиточных крестьян, имевших значительные запашки, значительно увеличила продукцию хозяйств средних и беднейших крестьян и создала небольшое количество коллективных и советских хозяйств. В итоге продукция зерновых хлебов упала на 5%. Но на товарную часть хлебной продукции аграрная революция оказала катастрофическое действие: она упала наполовину. Сокращение посевов у зажиточных крестьян, естественно, должно было понизить товарность их продукции; но она упала и в хозяйствах средних и бедных крестьян, которые, увеличив свою валовую продукцию на 62%, увеличили количество хлеба, выпущенного на рынок, только на 26,3%. Очевидно, большинство крестьян воспользовались результатом аграрной революции прежде всего для повышения своего личного потребления; они перестали вести полугодное существование и стали есть досыта.”

Вернемся к таблице: можно ли согласиться с Прокоповичем, что она дает верное представление о хлебных балансах? Какова, в частности, была товарность зернового хозяйства до революции? По современным оценкам ЦСУ в 1909—1913 гг. товарный хлеб составил 1018 млн. пудов, или 20,4% всего урожая (5 млрд.). Что касается цифры, приведенной в таблице — 1301 млн. пудов, — то она относится только к 1913 году, когда урожай был выше среднего. По оценке известного советского ученого А.М.Анфимова, автора книги „Зерновое хозяйство России в годы Первой Мировой войны” (1959), товарность зерна в этом благоприятном году была около 24%. Таким образом, расхождения в оценке дореволюционной товарности невелики. Можно считать, что в предвоенное пятилетие она составляла от 20 до 26%.

Важно, однако, договориться, что мы понимаем под товарностью. Советские справочники подчеркивают, что это рыночная продукция. В сборнике статистических материалов „Страна Советов за 50 лет” (1967) дано следующее разъяснение: „В товарную продукцию сельского хозяйства включаются сельскохозяйственные продукты, проданные государству и кооперации, а также проданные несельскохозяйственному населению на колхозных рынках. Не включен в сельскохозяйственную продукцию внутриотраслевой (внутридеревенский) оборот, т.е. непосредственная продажа и обмен продуктами сельского хозяйства между отдельными сельскохозяйственными предприятиями и сельскохозяйственным населением”. Если придерживаться этого определения, цифры сталинской таблицы за 1926/27 гг. никак не соответствуют товарной продукции. Они даже ниже государственных заготовок, составивших в это время 711 млн. пудов. Вопросом рыночных продаж и товарности зерна в середине 20-х годов занимались многие советские ученые, включая и Немчинова, и все они оценивают товарность 1926/27 гг. в 20–22% или чуть больше (по данным В. С. Немчинова — 22,1%). Основным источником, по которому можно судить о товарности, до революции служили транспортные — железнодорожные и морские — перевозки. По этим данным, товарность в 1926/27 гг. составила 21,5% — цифра, близкая к другим оценкам.

Следовательно, товарность зернового производства упала в середине 20-х годов не в два раза, как объявил товарищ Сталин, а всего лишь с 20–26% до 21–22%.

Причины некоторого сокращения товарности (если оно действительно имело место) очевидны: снижение валового сбора примерно на 15% и рост сельского населения (на 7%). Вопреки утверждениям многих советских исследователей, потребление зерна на одного сельского жителя в 1926/27 гг. не только не увеличилось по сравнению с дореволюционным временем, но, напротив, сократилось.

Недостатком сталинского подхода было использование сведений только о зерне. На зерновые, однако, приходилось не более трети всей товарной продукции села. Товарность животноводства в 1926/27 гг., возможно, была выше дореволюционной: по данным В.Н.Яковецкого („Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма”, 1964), в 1913 г. товарность по мясу составила 38,1%, в 1926/27 гг. — 40,9%, в 1927/28 гг. — 42%. Общая товарность сельскохозяйственной продукции по одним сведениям выше, чем в 1913 г., по другим — одинакова.

Не слишком настаивая на точности тех или иных цифр, можно все же утверждать, что к исходу 20-х годов сельское хозяйство, хотя и не достигло довоенного уровня по валовому производству, приблизилось к нему по уровню товарности (примерно 30%). Некоторое снижение выхода товарного зерна было компенсировано животноводством, огородными и техническими культурами. Если учесть, что производительность была в среднем ниже, чем до революции, а население села увеличилось, то сохранение того же уровня товарности означает, что крестьяне снизили собственное потребление, с тем чтобы больше продавать на рынке. Причин для этого было достаточно: рост налогов, „ножницы” цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, приобретение средств производства, не обновлявшихся за годы Мировой

и Гражданских войн, сокращение поголовья лошадей (потребителей кормового зерна) и пр.

Рассмотрим теперь данные Сталина о товарности различных типов хозяйств. Говоря о высокой товарности помещичьего хозяйства, не следует забывать, что это было специализированное производство. Как таковое оно нуждалось в сотрудничестве с мелким хозяином. У помещика практически не было скота, и для полевых работ он обычно нанимал крестьян с их лошадьми. Все потребление зерна рабочими и скотом шло за счет хозяйства мелкого производителя. Следовательно, если бы в стране зерно производили только помещики, то продажа зерна в город и за границу была бы гораздо ниже, так как помещичьим хозяйствам пришлось бы взять на себя и все расходы села.

Это и произошло с советскими аналогами помещичьих хозяйств — колхозами и совхозами. Сотни монографий советских авторов по сей день расписывают высокую товарность колхозного производства в первые годы коллективизации. Но при этом как-то обходится стороной вопрос, почему же, когда колхозов стало много, их товарность и производительность оказалась ниже, чем в хозяйствах единоличников до коллективизации. Очевидно, что либо авторы манипулируют ложными сведениями, либо колхозы стали другими. На самом деле произошло и то, и другое.

Курьезный пример подтасовки сведений дает нам сталинско-немчиновская табличка. Приведенные в ней краткие данные о производстве зерна за 1926/1927 гг. совпадают с публикацией ЦСУ тех лет („Итоги десятилетия советской власти в цифрах”, 1927). Не сходится только одна мелочь: по сведениям ЦСУ, валовый сбор в колхозах и совхозах составил не 80, а 96 млн. пудов; приведена даже подробная разбивка колхозного производства по районам страны. Зачем же понадобилось преуменьшать успехи столь любимых вождем коллективов? Дело в том, что при указанном в отчете ЦСУ валовом сборе товарность социалистических хозяйств получалась 40%—меньше, чем до революции у помещиков. Но этого не должно было быть! Пришлось исправить цифры, чтобы хоть немного, хоть чуточку, но превзойти помещиков.

Подобные манипуляции производились в те годы не только на самом высоком уровне. Тесно связанные с советскими местными властями колхозы имели возможность получать ссуды. Например, 37 колхозов Харьковского округа к 15 февраля 1929 года сдали 27589 пудов зерна и сразу потребовали помощь в размере 15 тыс. пудов (см. И. И. Слынько, „Социалистическая перестройка и техническая реконструкция сельского хозяйства Украины”, 1961). Зачем же, спрашивается, сдавали? Однако тут вступает в действие механизм бюрократической отчетности и местные административные интересы.

Вместе с тем было бы несправедливо считать высокую товарность первых колхозов и совхозов абсолютно мнимой. Для нее существовали реальные предпосылки. Во-первых, социалистические хозяйства были созданы на бывших помещичьих землях, как правило, более плодородных. Во-вторых, зерновые совхозы, подобно прежним помещичьим хозяйствам, были или по крайней мере стремились быть хозяйствами специализированными; со

своими рабочими они расплачивались деньгами. Естественно, что за вычетом расходов на семена вся совхозная продукция рассматривалась как товарная. Другое дело, что сами рабочие совхозов, покупая эту продукцию, превращались в потребителей. Другими потребителями оказывались животноводческие совхозы, не производившие зерна. Таким образом, товарность совхозов в системе взаимоотношений между деревней и городом была намного ниже, чем та, о которой рапортовали официальные отчеты.

Сказанное относится и к колхозам. Первые колхозы не были обычно универсальными хозяйствами и, в частности, не уделяли достаточного внимания животноводству. Вдобавок они комплектовались почти исключительно из бедняков и батраков — людей с сравнительно малочисленными семьями.

Наконец, говоря о высокой товарности колхозов в конце 20-х годов, не учитывают еще одного обстоятельства. Обобществление земли в ТОЗах (товариществах по обработке земли) даже в артелях поначалу было неполным. В 1928 году, например, было обобществлено внутри самих коллективных хозяйств лишь около 55% обрабатываемой земли („Народное хозяйство СССР 1932“). Колхозник обеспечивал семью за счет собственного поля, которое, конечно, следовало бы тоже принять в расчет при определении товарности колхозного производства. Можно не сомневаться, что товарность колхозника на его личном участке была ниже, чем у единоличника. В результате, как показывает приблизительный расчет, товарность колхозников должна уменьшиться едва ли не вдвое.

В дальнейшем, по мере роста посевных площадей в колхозах, их товарность неуклонно снижалась. Доля товарной продукции колхозов, по тогдашним официальным данным, превышала размеры посевов в 1929 году в 2,83 раза, в 1930/31 г. — в 1,11 раза, в 1932г. — в 1,02 раза („Итоги выполнения Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР“, 1934). Но эти данные приукрашивают картину. В тридцатом году на Украине коллективизация охватывала 35% хозяйств; колхозам принадлежало 37,4% посевов. Однако они сдали 30,5% от общего объема хлебозаготовок (146 млн. пудов из 480).

Причем рыночные продажи осуществляли единоличники, а не колхозы. Почти весь гарницевый сбор (плата за помол), составлявший в 1929/30 г. 16,6% заготовок, также пришелся на долю индивидуальных хозяйств. (Цифры взяты из „Очерков коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках“ под ред. В. Данилова, 1963, и сборника „Народное хозяйство СССР 1932 г.“).

Единоличники кормили большую часть скота, имевшегося в деревне, и численность их семей была несколько выше, чем у колхозников. Размер посевной площади на одного члена семьи в колхозах после 1930 года заметно больше, чем в единоличных хозяйствах. Фактическая же товарность намного меньше.

Причина состояла в поразительной неэффективности колхозного производства. Но в 20-х годах, пока колхозов было мало, низкая производительность маскировалась тем, что колхозы располагали несколько более плодородной землей; были лучше оснащены технически; ну и, конечно, ма-

инициативы с отчетностью играли свою роль. Поэтому вплоть до 1930 года урожайность колхозных полей была выше, чем у единоличников, о чем с гордостью и сегодня пишут советские авторы. Затем дела пошли хуже. В 1931 году зерновых было собрано в колхозах в среднем 6,29 ц с гектара, в совхозах — 5,85 ц, у единоличников — 7,48. Если бы весь урожай собирали единоличники с их скромными техническими средствами, он оказался бы выше на целых 70 млн. центнеров — на 12%. В 1933 г. колхозы получили 8,78 ц, совхозы — 8,44 ц, а единоличники 9,41 ц (сб. „Социалистическое строительство Союза ССР“, 1935), и так далее. Вплоть до полного вытеснения индивидуальных хозяйств они служили образцом высокой производительности и живым уроком колхозно-государственной системе.

Итак, оба утверждения товарища Сталина, высказанные им в брошюре „На хлебном фронте“, были ложью. Товарность сельского хозяйства до революции ненамного превышала уровень 1926/27 гг., она не упала в два раза из-за исчезновения помещиков или измельчания хозяйств, а быть может, даже вообще не изменилась. Совхозы и колхозы не были образцами высоко-товарного эффективного производства. Однако из ложных посылок был получен желаемый результат. На пленуме ЦК партии 7 января 1933 г. вождь докладывал о победе на хлебном фронте:

„Партия добилась того, что вместо 500 — 600 млн. пудов товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, она имеет теперь возможность заготавливать 1200 — 1400 млн. пудов зерна ежегодно.“

В 1913 году, когда сельских жителей было 114 млн., в деревне оставалось 4300 млн. пудов собранного хлеба. Зато в 1933—1940 годах, когда численность сельского населения колебалась в пределах 110 — 120 млн., на его прокорм было оставлено 2800 — 2900 млн. пудов хлеба („Сельское хозяйство СССР“, 1960). Вычтя семена (около одного миллиарда пудов в год), мы увидим к чему свелись достижения партии: в селе оказалось в два раза меньше зерна. Новые экономические отношения привели к тому, что сельский житель порой должен был бродить с протянутой рукой по городским улицам.

Партия и лично товарищ Сталин добились того, что крестьянин стал меньше есть.

КООПЕРАЦИЯ И ОБЩИНА

Важным элементом сельской жизни в 20-е годы была кооперация. Эта идея встречала поддержку и у руководителей страны ("Ленинский кооперативный план"), и у самого сельского жителя, использовавшего различные формы кооперации еще до революции. Правда, советская власть пыталась насадить в кооперативах классовый подход. Зажиточных заставляли платить более высокие паевые взносы, запрещали выбирать их в правление, порой отказывали им в продаже дефицитных товаров.

Все это, однако, не помешало кооперативному движению стать массовым. Много в кооперации было и состоятельных крестьян. Более того, зажиточные хозяйства были особенно заинтересованы в участии в кооперативах. Данные гнездовой сельскохозяйственной переписи 1927 г. показали, что хозяйства с высокой стоимостью средств производства были кооперированы на 73%, а с низкой стоимостью — на 20–30%. Отмечалось также, что при прочих условиях, кооперативные хозяйства получали на 15–30% более высокий доход, чем некооперативные. Естественно, что число членов кооперации быстро увеличивалось. В 1929 г. всеми видами кооперации было охвачено, по данным историка В. Данилова, почти 80% сельских жителей.

При этом, формы кооперации были самыми разнообразными. Наиболее массовой была сбытовая кооперация, практически моно-

полизовавшая продажу самых разнообразных товаров в сельской местности. В большинстве сел не было иных торговых точек, кроме кооперативных лавок. Хлеб, чай, сахар, сапоги, ситец и водку — все это можно было приобрести только будучи членом кооператива. Ну как же при этом в него не вступить?!

Распространенной формой кооперации было совместное получение кредитов. Очень часто крестьяне объединяли усилия для продажи своей продукции: молока и мяса, свеклы, табака и других технических культур — все это было удобно сбывать, объединившись в артель. Использовались различные формы производственного кооперирования — от совместного наема трактора или других сельскохозяйственных машин до коммун с единством производства, потребления и даже условий жизни. Следует отметить, что чем слабее была форма объединения, тем большей популярностью она пользовалась у жителей села. Наблюдалось постепенное сокращение доли коммун и рост числа ТОЗ'ов. Совместная работа и распределение доходов по трудовому вкладу и внесенным средствам, несомненно, лучше соответствовали крестьянской психологии, чем полное равенство.

Одной из особенностей этих добровольных объединений была их неустойчивость. Кооперативы создавались, распадались и снова возникали. На Украине, например, в 1928 г. в коммуны и артели вступило 64 тыс. семей, а вышла из них 31 тысяча.

Важно отметить, что государство не слишком доверяло кооперативным объединениям и всячески старалось их контролировать. В свою очередь и сельские жители не доверяли властям. Вот один характерный пример — запись уполномоченного ОГПУ по Ярцевскому уезду о собрании пайщиков Богородской молочной артели:

“...выступавшие в прениях говорили, что многие из крестьян выдвигали вопрос о снабжении отрубями для корма скота, но эти отруби пойдут не для корма скота, а для употребления в пищу в силу отсутствия у крестьян хлеба. Какие тут отруби, когда хозяйство добито до ручки. Мы на бедноту отчислили не 15%, как нам говорят, а 45%, мы даем, союз дает, маслоцентр дает, а с гольша не получается ни шиша. Из публики послышались выкрики “не давать говорить. он кулак”. Следующие выкрики: “какой он кулак, он сказал правильно, довольно нас морочить, долой, довольно, а то мы вас погоним”. Из среды крестьян кто-то крикнул, что высту-

пающих берут на заметку, в силу чего раздались голоса "долой Шаурова" (кандидат ВКП (б), который находился в составе президиума и что-то записывал). Также были выкрики о том, чтобы обыскать весь состав президиума и изъять все заметки по выступлению крестьян." (Смоленский архив).

Постепенно кооперативы ставились под все более жесткий контроль. Были введены понятия "лжекооператив", "лжеколхоз". К ним, по постановлению Совета Народных Комиссаров, относили объединения, в которых имеют влияние капиталистические элементы или деятельность которых "уклоняется в сторону, противную интересам социалистического строительства". (Так можно было назвать любую артель, приносящую доходы.) На Украине в 1927—28 гг. ликвидировали половину товариществ по использованию тракторов. Вслед за этим были уничтожены и другие добровольные объединения. С началом коллективизации были упразднены и все центральные кооперативные учреждения.

Колхоз вовсе не был наследником кооператива или даже коммуны. Это была новая неэкономическая организация, построенная на силе административного контроля. Сельские жители это хорошо понимали. Вот выдержка еще из одной докладной записки ОГПУ от 7 августа 1929 года:

"Лопаткино. Бычков Павел, бедняк, который сказал, что советская власть того и знай кормит законами, довела страну, что не стало ни хлеба, ни порядок, что скотину нельзя завести; хотите загнать в коллектив, а сами убиваете тех, кто живет вместе и имеет большое хозяйство, от этого крестьяне стали делиться на мелкие хозяйства. Вот как вы добиваете нашу жизнь, — задавили нас, ни хлеба, ни муки; собралась банда, при царе не так душили, как теперь. — "Я больше не стану расширять свое хозяйство, а буду уменьшать, чтоб меньше платить налога".

ИОСИФ

Как известно, в довольно далекие времена находчивый еврейский пастух Иосиф предложил фараону египетскому поставить под контроль производство и распределение сельскохозяйственных продуктов. Для этого в течение семи лет строились элеваторы, накапливались запасы зерна, а когда наступили трудные неурожайные годы (опять же семь), фараон скупил за кусок хлеба у голодных крестьян их участки и стал, таким образом, единственным землевладельцем в стране, монопольно распоряжаясь плодами полей и Нила в течение тысячелетий.

Понимая, что всякое сравнение страдает, а любая аналогия условна, рискнем сопоставить эту библейскую легенду с событиями, происшедшими пятьдесят с лишним лет назад в нашей стране.

Вряд ли кто-нибудь из советских руководителей может претендовать на роль Иосифа. Большое участие в проведении коллективизации принял Л. М. Каганович. В. М. Молотов возглавлял сельскохозяйственный отдел и руководил одной из важнейших комиссий Политбюро — "О кулаке". Головокружительную карьеру сделал Я. А. Яковлев (Эпштейн), ставший в ноябре 1929 г. первым наркомом земледелия СССР и возглавивший тогда же комиссию Политбюро по коллективизации. В начале своего восхождения Яковлев был активным борцом против левого уклона (Троцкий, Зиновьев и Каменев), требовавшего повышения сельхозналога в 1926/27 г.

на 300 млн. рублей. Яковлев, с помощью гнездовых сельскохозяйственных переписей, доказал, что кулаков в деревне нет: лишь 2.6% крестьян имеют доход 100–150 рублей в год на едока, а свыше 150 рублей — всего 0.6% хозяйств¹. Не было, по его мнению, и избытков хлеба в деревне, небольшие запасы являлись лишь необходимым резервом на случай неурожая. Он справедливо, опять же с цифрами в руках, доказал, что до революции налоги на село были меньше (564 млн. рубл. вместе с арендной платой) и выплачивали их главным образом зажиточные крестьяне, купившие или арендовавшие землю. В 1926 г. выплаты села в тех же довоенных рублях составили 1312 миллионов и приходились, по утверждению Яковлева, в основном на середняка. В речи Я. Яковлева есть прямо-таки пророческое восклицание: "Понимает ли партия, что зерновая проблема не является сегодня главной в сельском хозяйстве?" (Он имел в виду более высокую товарность животноводства и технических культур, развитие которых могло дать больший доход как внутри страны, так и во внешней торговле.) И сам же оратор ответил отрицательно: "партия этого, кажется, не понимает".

Прошел всего лишь год и большевики, так и не успев ничего понять, начали поход в деревню за зерном, а Яковлев, вопреки своим разумным соображениям, возглавил борьбу за то, чтобы отнять у крестьянина уже не триста миллионов, а миллиарды рублей. Начиная с 1930 г. Яковлев постоянно появляется на государственной сцене с сообщениями и проектами. Он делал доклад о колхозном строительстве на XVI съезде, он — автор устава сельскохозяйственной артели и множества других партийных решений.

И все же ни Я. Яковлев, ни другие партийные вожди не могут претендовать в полной мере на роль Иосифа Прекрасного. Фигура Иосифа Виссарионовича (прекрасным его не называли даже в самый разгар культа) была во всех отношениях определяющей. В одном лице совместились все возможные виды власти и формы управления, совпали Иосиф и фараон. Именно Сталину принадлежат основные идеи преобразований и методы их осуществления. Ему, судя по всему, снились вещи (марксистские) сны и он же выступил их толкователем.

Как ни отличны друг от друга рассматриваемые страны, нельзя не отметить общие черты систем, возникших в результате аграрных преобразований. Бюрократизация и регламентация, концентрация в одних руках управления производством и распределением, высо-

кая "товарность", аресты и высылка на стройки (рудники) за плохую работу или неуплату налогов, иерархическое построение управления с абсолютной божественной властью наверху. Даже в страсти Сталина к монументальным сооружениям, будь то каналы или высотные дома, прослеживается параллель со вкусами фараонов.

К сожалению, кое-что общее можно отметить и в методах решения аграрной проблемы. Предвидимый голод как главное звено построения новой системы, семь благополучных лет, за которыми последовали семь "тощих", неожиданность начала преобразования для населения². Конечно, читатель возразит нам, что нехватка продовольствия в 1930—36 гг., как и в последующие годы, — не воля богов, а дело рук человеческих. Что верно, то верно. Но можно предположить, что и в Египте события развивались не совсем естественным образом. Семь неурожайных лет в районе орошаемого земледелия явление маловероятное. Да и сны фараона, истолкованные Иосифом, выглядят подозрительно.

Существенное различие заключается, на мой взгляд, в том, что реформы Иосифа Прекрасного были тщательно подготовлены. Он знал, чего хочет, он запас необходимые средства, приступил к преобразованиям и пришел к намеченной цели, избежав голода, благославляемый жителями страны. По сравнению с этим комплексом мероприятий, непоследовательные действия советских вождей выглядят крайне нелепо. Сначала земля предоставлена в вечное пользование тем, кто на ней работает. Затем она изымается у бывших помещиков и кулаков (даже если они не применяют наемный труд, а работают сами). Наконец, полностью прекращается индивидуальное землепользование и все та же земля передается на вечное пользование колхозам.

На предприятиях вводится рабочий контроль, затем национализируется крупная промышленность, затем, в ноябре 1920 г., издается декрет о полной национализации даже мелких промышленных предприятий, и декрет об упразднении денег (3 февраля 1921 г.). В декабре 1920 г. VII съезд Советов принимает решение о социализации крестьянского хозяйства (ведение каждого хозяйства было решено подвергнуть четкому плану и централизованному управлению), а еще через три месяца — полный отказ от государственного регулирования сельским производством.

Также в течение каких-нибудь десяти лет продрозверстка сме-

няется продналогом, продналог — денежным налогом, тот — опять продналогом (поставки по фиксированным ценам), снова продразверстка с обысками и арестами и, наконец, обложение каждого крестьянского двора всеми мыслимыми видами натуральных поставок: с коровы, с курицы, с сотки огорода, с совершенно пустого двора.

Арендовать землю и нанимать рабочих: нельзя, можно, запрещено и все, кто успел воспользоваться государственным разрешением, подлежат страшным наказаниям без суда (аресту, конфискации имущества, высылке)³.

Распашка целинных земель Казахстана: нельзя, выселить колонистов обратно, можно, необходимо.

Трактора: нужны, необходимы для создания социалистических хозяйств, колхозы могут обойтись без тракторов.

Коллективизация: план — обобществление 15% хозяйств за пять лет, осуществление плана — 60% за два месяца.

Хаотичность действий была такова, что самые послушные, самые старательные руководители не могли понять, чего от них в конце концов требуют: загонять крестьян в колхозы или не загонять, обобществлять скот и птицу или не надо, выдавать зерно авансом при обмолоте или отнимать его. Одно они усвоили хорошо: за невыполнение очередного приказа наказание будет жестоким. Впрочем, в этом отношении все фараоны одинаковы.

Сопоставляя поведение Иосифа и советских вождей можно подумать, что плановая система, ЦСУ, сельскохозяйственная академия и прочие полезные учреждения существовали уже в древнем Египте. Вряд ли можно объяснить расхождение методов различием национальных традиций: простодушным русским "авось" и семитской расчетливостью египтян. Лишь отчасти кажется мне справедливой ссылка на то, что у фараонов был позади многовековой опыт управления, а советская власть возникла без году неделя.

Главная причина заключается, видимо, в том, что фараону во время проведения реформы не приходилось бороться за власть. Непоследовательность действий советских руководителей вытекала из необходимости маневрировать для устранения политических противников, которыми поочередно становились многие бывшие друзья. Лавирование, уступки, неожиданные удары — все это обычные приемы сталинской политической группировки. По сравнению с главной целью — удержанием безраздельной власти, тактические

шаги были не столь существенны и предпринимались в зависимости от обстоятельств. Сравнивая готовое здание с проектными чертежами, мы почти не найдем соответствия в конструктивных решениях. Но функциональная цель была достигнута можно сказать на сто процентов. Колхозная система выполнила то, ради чего она была установлена — был достигнут полный контроль над жителями деревни, над производством и распределением. Огромная современная пирамида была завершена.

¹ Я. А. Яковлев. "Сельское хозяйство и индустриализация" (Речь в Комкадемии). М.—Л., 1927, сс. 4—46.

Для сравнения укажем, что зарплата служащего составляла в 1926/27 г. 960 руб. в год ("Итоги десятилетия советской власти", М., 1927, с. 347).

² Поразительно, что во сне фараона тощие коровы пожрали тучных, но не стали полными. Применительно к древнеегипетским событиям это мало о чем говорит, так как после реформы вновь наступило изобилие. Однако для современного сельского хозяйства этот сон кажется пророческим.

³ Расширение возможности аренды было осуществлено решением ЦИК и СНК буквально перед самым началом коллективизации — 16 октября 1929 г. (С. З. 1929, № 69, с. 1320), а 1 февраля 1930 г. аренда была полностью запрещена и арендаторы подверглись экспроприации.

ВТОРОЙ ШАГ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (число раскулаченных и сосланных)

Надежных оценок численности репрессированных сельских жителей не существует. Это связано как с неполнотой сведений, так и с неопределенностью понятий — кулак и раскулаченный. Раскулачиванием обычно называют кампанию конфискации имущества по решению местных властей, проводившуюся с января 1930 г. по июнь 1932 г. по всей стране, а после этого лишь в отдельных районах. При этом обычно не учитывают крестьян, у которых имущество было распродано по решению суда, за неуплату налогов. Процесс экспроприации хозяйства сельского жителя по суду продолжался в течение всего довоенного времени, начиная с 1928 г. По числу жертв такие конфискации не уступали прямому раскулачиванию.

Часть пострадавших избежали раскулачивания, бросив свое имущество и уехав в город или другой район, у иных была конфискована только земля, а некоторые подверглись арестам и административной высылке.

Все эти многочисленные группы несомненно должны быть учтены в общей оценке потерь сельского населения от коллективизации. Однако выделить цифру погибших от репрессий — на данном этапе исследования не представляется возможным.

Кроме того, следует отметить, что сведения о числе раскулаченных особо засекречивались. Материалы эти были известны только

в ОГПУ. По завершении операции, в 1932 г. было отдано распоряжение об уничтожении всех документов.¹

Полной оценки числа раскулаченных по стране не существует, но исследователи приводят много разрозненных сведений, главным образом относящихся к первой половине 1930 г.

Как известно, первым в СССР округом сплошной коллективизации был Хоперский Нижневолжского края. Он считался образцом и примером для всей страны, его часто посещали иностранные туристы и корреспонденты. Вот как описывала такое посещение газета "Волжская правда" от 7 ноября 1929 г.: "Корреспонденты задавали казакам вопросы: не загоняют ли их в колхоз силой? Колхозники были оскорблены. Зарубежным посетителям они ответили: "Мы не бараны, чтобы нас загонять, кроме того, мы живем не в буржуазной стране, чтобы делать что-либо по принуждению". Всюду крестьяне говорили, что в колхозах они видят единственный путь к подъему сельского хозяйства и благосостоянию". Комиссия ЦК, проверявшая работу по коллективизации в округе, также пришла к выводу, что работа строится на сознательности и добровольности.

И вдруг, через несколько месяцев, казаки, с таким достоинством отвечавшие западным посетителям, стали массой выходить из колхозов, 10–25% их оказалось раскулачено, а 3.1 тысяч высланы из края.²

Еще более удивительные вещи происходили в ЦЧО. Область никогда не была богатой. В 1927 г. кулацкие (зажиточные) хозяйства составляли 2.2% крестьян, а в 1929 г. их число сократилось до 7–14 тысяч.³ Однако, весной 1930 г. было раскулачено 53.6 тысяч, то есть все и еще в три раза больше. В том числе 1-й и 2-й категории, подлежащие высылке — 23.6 тыс.⁴ Некоторые исследователи, ссылаясь на партархив Воронежского обкома, утверждают, что в действительности число раскулаченных в конце февраля 1930 г. составляло в области 10–15%, то есть 200–300 тысяч.⁵ Несомненно, что положение в области было более тяжелым, чем в других районах страны. На 1 марта было охвачено колхозами 85% крестьянских хозяйств, а 4 мая всего 15.8%.⁶ На область приходится 20% жалоб в Наркомат РКИ от всех сельских жителей страны.⁷ К 25 мая 1930 г. было восстановлено в правах "32583 неправильно раскулаченных середняцких хозяйств".⁸ Обращает на себя внимание и совершенно ничтожная цифра кулацкого имущества, конфискованного в области — 8355 тыс. рублей

(табл. 2). При 200 тысячах раскулаченных это означало бы 40 рублей на семью, то есть в десять с лишним раз меньше средних данных по стране.

Из приведенных сведений следует, что оценка в 53.6 тысяч преуменьшена, так как 23.6 тыс. было выслано и 32.6 тыс. реабилитировано. В то же время цифры 200—300 тысяч представляются слишком большими. Они превосходят данные по всей территории страны и никак не согласуются со сведениями о размерах конфискованного имущества.

Ориентировочно можно оценить минимальное число раскулаченных исходя из данных о реабилитации. Работавшие комиссии по пересмотру результатов раскулачивания исходили из того, что отдельные работники допустили перегибы. Они не могли признать, что кулаков вообще нет (что было бы справедливо) и что вся эта кампания была проведена напрасно. В последнем случае пришлось бы изъять у колхозов все материальные ценности, полученные с таким трудом, признать виноватыми не отдельных местных, а самых высших руководителей. Все это было, конечно, невозможно. Пересматривались наиболее вопиющие случаи, но в то же время предполагалось, что в каждом селе существует какой-то процент кулаков. Известны работы комиссий в северных районах, рассматривавшие дела сосланных. Они признали, что 10% сосланных в Северный край высланы неверно. Однако центральная комиссия сократила эту цифру до 6%.⁹

Пересмотры на местах имели, конечно, заметно более широкие пределы. В Нижневолжском крае было реабилитировано 5.5 тыс. крестьян, то есть 12%, на Средней Волге также 5 тыс. — 18%, в Сибири 13 тыс. — 22—28%.¹⁰ Можно предположить, что в ЦЧО доля пересмотренных дел была выше и достигла 40—50% от поданных заявлений (то есть не считая уже высланных). В этом случае число раскулаченных в области должно было составлять около 90 тысяч семей.

Несмотря на огромные репрессии против кулаков весной 1930 г. и некоторую их реабилитацию в дальнейшем, давление на кулаков в ЦЧО продолжалось очень энергично.

Осенью 1930 г. твердым заданием по поставкам зерна было обложено около 115 тысяч семей (193 тыс. т. — 16, 5 ц на семью).¹¹

”В конце марта — начале апреля 1931 г. были приняты решения о дальнейшем наступлении на кулачество и осуществлению мер по его ликвидации в ЦЧО...”¹² Во время разоблачения вредителей-

кулаков, пролезших в колхозы, в том же 1931 г. было обнаружено в ЦЧО 3485 человек.¹³

Воспользуемся также данными о реабилитации для оценки числа раскулаченных в Казахстане. Там были прощены 9356 человек. Нет никаких свидетельств, что перегибы в Казахстане были признаны столь же сильными, как в ЦЧО или Поволжье. По мнению советских историков кампания там проходила нормально. Поэтому можно осторожно предполагать, что было реабилитировано не более 30% всех раскулаченных, численность которых составляла таким образом около 30 тысяч.

Суммируя встреченные в литературе данные (табл. 3), получаем, что по основным районам коллективизации было раскулачено до лета 1930 г. около 444 тысяч человек. По остальным районам можно воспользоваться для оценки сведениями о конфискациях (табл. 2).

Эти территории разобьем на две части. Одна — районы РСФСР: Ленинградская, Западная области, Нижегородский край, Крымская и Башкирская АССР, Дальний Восток. По данным о конфискациях в этих регионах было раскулачено 47 тыс. человек. Как было показано (табл. 3), данные эти заведомо неполны. Воспользуемся для их корректировки поправкой, найденной для всех остальных районов, — 43%. Получаем оценку числа раскулаченных — 62 тысячи.

Для республик: Белоруссии, Закавказья и Средней Азии возьмем оценку конфискаций без поправки, ориентируясь на данные по Украине. Это дает еще 29.6 тыс. раскулаченных.

Таким образом, общая оценка числа раскулаченных в первой половине 1930 г. равна по СССР 535 тысяч семей.

Осенью 1930 г. раскулачивание возобновилось во многих районах страны. Это, в частности, отмечено в выступлениях на конференции по "Проблемам аграрной истории советского общества в 1969 году".¹⁴ Однако сколько-нибудь серьезных данных по этому вопросу авторы не приводят. Ивницкий, правда, косвенно оценивает раскулачивание за этот период, утверждая, что к лету 1930 г. было экспроприровано 320 тыс. семей, а к концу года — 400 тыс. Или 350 тыс. кулацких семей летом 1930 г. и 450 тыс. к концу года.¹⁵ Однако эти величины явно преуменьшены. Только по Украине число раскулаченных изменилось с 93 тыс. до 200 тыс. по одним данным или до 160 тыс. по другой оценке.¹⁶

Следовательно, минимальной оценкой раскулачиваний в 1930 г.

будет 642 тыс., причем более вероятно, что оно составило 700—800 тысяч семей.

И первая, и вторая цифры заметно выше распространенных в литературе — 398—400 тысяч.¹⁷

Кроме прямого раскулачивания, в 1930 г. активизировалась экспроприация имущества по суду за неуплату налога.

Выселив на север всех так называемых кулаков и часть зажиточных крестьян, правительство при этом по-прежнему хотело получать от них повышенную долю налога. Больше всего это желание напоминает попытки получить молоко от зарезанной коровы. Более того, если перед раскулачиванием в законе о сельскохозяйственном налоге предлагалось подвергать повышенному обложению не больше 3% населения, то 18 сентября 1930 г. директивой Хлебоцентра предлагается охватывать твердым заданием 4—5% населения каждой области или края, изменяя соотношение в ту и другую сторону, но не превышая 7%. 4% сельских жителей составляет примерно 1 млн. хозяйств. Общее задание 18 млн т. зерна, примерно, указывает на 700—800 тысяч твердосдатчиков.¹⁸ Встречаются однако и заметно меньшие цифры — 350 тыс. кулаков, обложенных твердым налогом осенью 1930 г.¹⁹ Возможно, в последнем случае автор разделил всех подвергнутых специальному заданию на кулаков и середняков, которые отчасти привлекались к повышенному налогообложению.

На Украине из 200 тысяч плативших повышенный налог, 50 тысяч подверглись репрессиям. Были привлечены к ответственности 13102 чел. на Северном Кавказе, 2585 — в Западной области, в Западной Сибири — 18700 (в том числе — 4 тыс. самоликвидаций), 1131 — в Уральской области, 614 — в Средневолжском крае, 2277 — в Крыму.²⁰ Сопоставление этих данных со сведениями о поступлении хлеба от кулаков и выполнении ими заданий показывает, что в среднем на Украине, в Крыму и Северном Кавказе приходилось на одно конфискованное хозяйство около 3-х тонн невыполнения хлебозаготовок. Такой же пропорции можно было ожидать и в Казахстане, где невыполнение было равно примерно 30 тыс. тонн²¹ — 10 тысяч репрессированных. В Нижневолжском крае на 1 октября план заготовок у кулаков был выполнен только на 18%, а к 1 февраля 1931 г. — на 66%. Не хватало до полного выполнения обязательства 47 тыс. тонн. Все эти цифры говорят, что большинство обложенных твердым налогом (10091) кулацких и зажиточных хозяйств были репрессированы,

и даже более того, их список, вероятно, был заметно шире.

В более бедной ЦЧО налог на хозяйство был 16,7 ц., и невыполнение 32 тыс. тонн указывает на конфискацию имущества не меньше, чем у 20 тысяч человек.²²

В Рославльском районе в заготовительную кампанию 1930 г. было наказано за невыполнение твердого задания 119 кулацких хозяйств (14% от всех привлеченных к индивидуальному обложению). В том числе к денежному штрафу и условным принудительным работам — 59 человек (50%), к лишению свободы на 1–2 года — 24 человека, к лишению свободы или принуд. работам до года — 34 человека и двое к высылке. Все наказания сопровождались либо огромными штрафами, либо полной конфискацией имущества.²³

По всей Западной области весной 1930 г. было приговорено к лишению свободы 829 кулаков и 1044 были подвергнуты конфискации имущества и другим мерам социальной защиты. В хлебозаготовительную кампанию осенью 1930 г. органы прокуратуры "несвоевременно включились", "лишь с ноября наступает решительный перелом", выражающийся в усилении нажима на кулацкую часть деревни "для обеспечения успешного хода хлебозаготовок". До 1 декабря было осуждено 3993 кулака и зажиточных за неспасение хлеба.²⁴

Эти цифры, которые автор доклада на очередном областном съезде Советов, считает явно недостаточными, составляют почти половину всех кулаков, числившихся в Западной области в 1929 г., и почти 1% всего крестьянского населения.

Сравнение этой цифры из материалов Смоленского архива не меньше 5866 репрессированных за невыполнение заготовок весной и осенью 1930 г., с данными, извлеченными из архива Ю. Машковым — 2585 человек,²⁵ показывает, что его материалы неполны, что, вероятно, справедливо и для других территорий.

Сопоставление приведенных выше цифр о числе репрессированных во время заготовок в отдельных районах, с численностью сельского населения показывает, что на Украине, Северном Кавказе, Западной области, Нижне-Волжском крае, ЦЧО и Казахстане — было привлечено к ответственности около 1% сельских жителей. В Крыму и Сибири эта доля увеличивается, а на Урале и Средней Волге она оказалась немного меньше.

Только эти данные, с поправкой для Западной области, Казахстана и Нижней Волги, дают число репрессированных при хлебо-

заготовках 130 тыс. человек. В них однако не вошли огромные территории, где проживало около 35% сельских семей. Кроме того, данные не включают весну 1930 г. и не полностью охватывают осенние репрессии.

Все это позволяет утверждать, что минимальная оценка конфискации, арестов и разорений, связанных с заготовками в 1930 г., составляет 150 тыс. человек. Причем, в эту цифру не входят так называемые самораскулачившиеся, бросившие дома и бежавшие из деревни в город.

Общее число насильственно ликвидированных хозяйств составило в стране к концу 1930 г. 800—950 тысяч.

В 1931 г. раскулачивание продолжалось повсеместно. В Сибири было раскулачено и переселено на север 40 тыс. человек, на Средней Волге раскулачено 16 тысяч (выселено 5), на Северном Кавказе проходили значительные переселения и т. д.²⁶ Известна оценка числа раскулаченных в 1931 г. в 200 тыс. человек. Эта цифра, очевидно, преуменьшена. Только выселения с весны до осени 1931 г. дали 265795 семей.²⁷

Существует утверждение, что часть выселенных составляли раскулаченные еще в прошлом году. Это, вероятно, так. Но также очевидно, что выселение означало повторное раскулачивание. Семья должна была бросить дом старый, или на новом месте, огород, уже и без того скудные пожитки, у нее отнимали оставшийся скот и инвентарь и как бы скудно ни было крестьянское имущество, его экспроприация была жестоким ударом.

Поэтому цифру 266 тысяч совершенно естественно принять как число раскулаченных. Эта оценка удобна еще и тем, что сравнительно мало пересекается с другой массовой волной репрессий — конфискациями имущества за долги. За неуплату налогов наказывали штрафом, конфискацией, арестом, но не выселением. Это позволяет надеяться, что мы хотя бы отчасти избегаем двойного счета тех же самых хозяйств.

Сведений о конфискациях по суду в 1931 г. немного, хотя поиск обеспеченных, по-прежнему именуемых кулаками, продолжается со все возрастающей силой. В конце декабря 1930 г. правительство предоставляет право местным властям самим определять признаки кулацких хозяйств. Это, конечно, облегчает дело, только на Северном Кавказе было выявлено дополнительно 8 тыс. кулаков. В Западной Сибири твердому обложению было подвергнуто 3.7% крестьян, 9.2% единоличников (примерно, 50 тысяч хо-

действ), из них было привлечено к ответственности 3145. На Нижней Волге, из 19371 хозяйств, обложенных твердым заданием (2.3%), оштрафовано 6702 и осуждено 4021.²⁸ Эти группы крестьян обеспечили 2.3% заготовок в первом случае, и 1% — во втором. В целом по стране "кулаки" сдали около 2% товарного хлеба. Судя по сведениям Сибири, Нижней Волги, Украины и Западной области, твердым заданием было охвачено не меньше 2—3% сельских жителей — 500—700 тыс. семей. Несомненно, что в конце концов все они были разорены и подвергнуты репрессиям, либо бежали, либо вступили в колхозы.

Документы Смоленского архива показывают, что налогообложение становится в 1931 г. все более жестоким, достигая 6—8% сельских семей. Уже после завершения массовых выселений, в Думиничском районе предполагают осенью 1931 г. получить от кулаков 28% всех заготовок зерна, 35% по частному сектору. Каким бы высоким ни было обложение каждого хозяйства, эти сведения указывают, что в категорию кулаков зачислялось более 10% жителей села.²⁹

Повышенное налогообложение охватывает не только сельских жителей, но и маленькие города, жители которых поставляют по твердой норме картошку, молоко и другие продукты и караются за невыполнение поставок конфискациями имущества наравне с крестьянством.³⁰ Учитывая жестокие трудности, с которыми столкнулись заготовки в 1931 г., можно предположить, что по крайней мере половина обложенных твердым заданием (около 250 тысяч) была наказана тем или иным образом: повышенным штрафом, равносильным разорению, тюрьмой, конфискацией.

Таким образом, репрессии охватили в 1931 г. 516 тыс. сельских семей — 266 раскулаченных силой и 250 тыс. разоренных налогами. За два года было раскулачено 908 тыс. и разорено конфискациями и штрафами 400 тысяч. Правда, общее число пострадавших семей несколько меньше суммарной цифры 1300 тысяч, так как вероятны повторные наказания, в частности, хозяйств, реабилитированных летом 1930 г.

Согласно упоминавшемуся выше обследованию колхозов, число раскулаченных составляло летом 1931 г. около 5% или 1200 тыс. семей для всей страны.³¹ Это больше, чем получено нами на конец 1931 г. — 908 тысяч, и даже выше, чем сумма раскулаченных и тех, у кого имущество было конфисковано по суду 1058 тыс. (без конфискаций 1931 г.). Расхождение оценок

возникает, вероятно, из-за неполного учета раскулаченных в отдельных областях и, с другой стороны, из-за некоторого преувеличения при обследовании за счет повышенной доли зерновых районов в выборке.

С другой стороны, распространенная оценка 568,3 тыс. хозяйств в 1930—31 гг. заметно меньше полученной цифры.³² Скорее всего этот результат относится лишь к части рассматриваемой территории и не охватывает весь период, как и приводимые теми же авторами данные о депортациях кулаков.

В 1931 и в последующие годы раскулачивание распространяется на национальные окраины. Здесь так же отсутствуют достаточно полные сведения. Можно указать однако на 40 тыс. хозяйств в Узбекистане (по некоторым сведениям это только высланные). В Казахстане было раскулачено 40 тысяч кочевых байских хозяйств и около 15—20 тысяч самоликвидировались.³³ Несколько десятков тысяч семей были, вероятно, раскулачены в Закавказье и районах северо-востока, однако надежных данных нет.

Ивницкий пишет, что в конце 1931 г. в стране было 150 тыс.³⁴ кулацких хозяйств, и можно не сомневаться, что все они вскоре исчезли.

Наконец, следует указать депортации с Северного Кавказа 1932 г., захватившие несколько крупных станиц: Медведицкую, Полтавскую, Уманскую, Урупинскую и др. Всего на черную доску на Кубани было занесено 15 станиц.³⁵ Ориентировочно число высланных из них составило 10—20 тыс. семей.

Подведем итоги репрессий в годы коллективизации против сельского населения.

В 1928—29 гг. судебным преследованиям и конфискациям имущества подверглось 180 тыс. хозяйств.

В 1930 г. было раскулачено 642 тыс. семей и разорено налогом и обложением и подвергнуто репрессиям около 150 тыс. семей.

В 1931 г. раскулачено 266 тыс. хозяйств и репрессировано с помощью конфискаций и штрафов еще около 250 тысяч.

В 1932 г. раскулачено и депортировано около 100 тысяч семей и конфискациям подверглись примерно 50 тыс. хозяйств.

Всего насильственными мерами было ликвидировано за этот период около миллиона хозяйств и экономической экспроприацией — 630 тысяч. Предположим, что повторно репрессированные составили среди них четвертую часть. В этом случае можно говорить о ликвидации 1250 тыс. семей, то есть 5% сельских жителей,

что представлялось в свое время организаторам коллективизации допустимым верхним пределом.

В эту оценку практически не входят самоликвидировавшиеся хозяйства — все бросившие и бежавшие в город. Их число, оцениваемое по избыткам колхозной земли, составляет примерно 10% сельского населения (то есть еще 1.3 млн. хозяйств).

Но в действительности этими двумя группами никак не исчерпываются крестьяне, пострадавшие в годы коллективизации. Практически не было семьи, у которой не ухудшилось бы материальное положение. Все сельские жители потеряли в результате проведенной реорганизации землю и орудия труда. Но вскоре выяснилось, что они потеряли не только экономическую, но и политическую свободу.

Число высланных

Рассмотрим имеющиеся сведения о депортациях. Наиболее распространенные цифры для всего СССР — 77975 тыс. семей весной 1930 г. и 162962 тыс. семей зимой и весной 1931 г. (с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября).³⁶ Сумма этих двух цифр с временным интервалом 1930—32 гг. вошла в учебник Истории СССР и тем самым стало неоспоримой формулой, цитируемой в каждой статье.³⁷ Вероятно, эти цифры восходят к транспортно-статистике ОГПУ, по крайней мере, Вылцан, Ивницкий, Поляков, впервые введшие их в оборот, не сопроводили их ссылкой на архивы, в отличие от всех других сообщаемых ими сведений. Неполнота этих оценок очевидна, хотя в первое время не сообщалось, что они охватывают только половину рассматриваемого периода. Также неясно, какие территории страны стоят за этими данными и какие группы населения были в них включены.

В 1969 г. появились, также без ссылки на источник, две другие цифры, приведенные в работе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, — 115231 тыс. человек, высланных к октябрю 1930 г. и 265795 тыс. семей — с весны до осени 1931 г.³⁸

Судя по точности цифр, мы опять имеем дело с каким-то отчетным документом ОГПУ, и в этом случае данные не охватывают всего временного интервала и, возможно, не относятся к территории всей страны.

Отдельные сведения по главным зерновым районам позволяют нам оценить надежность данных о числе высланных в 1930 году.

Суммируя данные по ЦЧО (23.6 тыс.), Северному Кавказу (18.8 тыс.), Западной Сибири (24.3 тыс.), Средней Волге (15 тыс.), Нижней Волге (5.6 тыс.), Украине (60 тыс.).³⁹ получаем 147.3 тысячи человек.

Эти цифры относятся главным образом к весне 1930 г. и во многих случаях неполны (Северный Кавказ, Нижняя Волга, Сибирь). Возможно также некоторое преувеличение для Средней Волги, где могли не успеть реализовать свое намерение, хотя по другим сведениям численность переселяемых (1 и 2 категории) была там намного выше — 26 тыс. человек.⁴⁰ Депортации с Украины также, вероятно, не все были осуществлены в 1930 г., хотя общее число высланных могло быть больше.

Представляется однако, что некоторые возникшие преувеличения с лихвой перекрываются депортациями из других районов страны.

Так, в этих данных не учтен Урал, где 1 и 2 категории составляли 20 тысяч и, судя по описываемым мероприятиям, выселение их энергично проводилось. В Восточной Сибири было переселено 6869 человек, из Центрально-промышленного района намеревались выселить 20—24 тысячи, правда весной 1930 г. из-за транспортных заторов это переселение было приостановлено ЦК, но, вероятно, его отчасти удалось реализовать осенью, и т. д.⁴¹

Суммируя эти сведения, получаем оценку числа высланных больше 200 тысяч. Однако опасаясь завышения отдельных значений, остановимся на первой цифре — 147 тысяч семей, больше данных, приводимых и Ивницким, и Абрамовым, хотя она также охватывает только часть временного интервала и часть территории.

Критикуя сведения Абрамова, Ивницкий пишет, что, возможно, в них заключены ошибки, обычно встречающиеся в транспортной статистике: кулацкие семьи, высланные и возвращенные обратно, двойной учет глав семей и их семей, который может содержаться в документах, и, наконец, в "число выселенных могли попасть кулацкие семьи, расселяемые в пределах районов сплошной коллективизации".⁴²

Эти замечания носят формальный характер или не слишком существенны. Численность возвращенных кулаков была невелика (см. ниже), но главное, она не меняет оценки числа высланных или раскулаченных, так как невинно осужденный все-таки был осужден.

Двойной учет за счет отдельной транспортировки глав семей

и их членов маловероятен, так как ОГПУ несомненно подсчитывало высылаемых не только по семьям, но и по душам, что видно, в частности, из документов Смоленского архива.⁴³

Третье замечание сводится к тому, что сибиряки, высылаемые на север Сибири, или жители Оренбурга, перебрасываемые на Северный Урал, должны рассматриваться не как высланные, а среди переселяемых внутри данного района. Этот чисто формальный подход не может быть принят во внимание, но, вероятно, он объясняет заметное расхождение данных Ивницкого и Абрамова.

О выселениях 1931 г. приводится значительно меньше сведений, чем для 1930 г. Сибирь — 40 тыс., Средняя Волга — около 3—5 тыс., Нижняя Волга — 3—4 тыс., Узбекистан — 6.9 тыс. (по другим данным — 40 тыс.), Казахстан — 5.5 тыс.⁴² Однако именно в этот период происходит основная масса выселений из районов второй очереди коллективизации. Фейнсоуд приводит докладную записку о настроениях населения в связи с выселением кулачества, посланную начальнику ОГПУ Смоленска из города Рославля. Из записки следует, что на сборных пунктах горотделения на 26 марта 1931 г. имелось 437 семей (2202 человек). Они были рассредоточены в четырех железнодорожных пунктах: Рославль (172 семьи, 811 человек), Стодолищенский (68 — 369), Дубровский (78 — 480), Починковский (118 — 562). Из арестованных на Рославльское городское отделение приходилось 375 семей — 1917 человек, а 62 семьи — 285 человек были доставлены из Монастырщинского района на Починковский сборный пункт.⁴⁵ Средняя численность населения одного района в Западной области составляла 50—75 тысяч, то есть 10—15 тысяч сельских семей.

Таким образом, для Монастырщинского района речь идет о выселении примерно 0.5% хозяйств. Примерно столько же падает на Починковский, Дубровский, Стодолищенский районы. Но, конечно, нельзя исключить, что речь идет всего лишь об одной из партий выселяемых с этой территории.

В 1931 г. выселение активно продолжалось и в районах сплошной коллективизации. В этот период судьба кулаков была решена окончательно. Местные организации обращались с просьбами об их переселении, так как, не имея права принимать кулаков в колхоз, они в то же время не хотели брать на себя громоздкую работу по их расселению и трудоустройству. 11 марта ЦК создает постоянную комиссию во главе с А. А. Андреевым, в которую входит и П. П. Постышев, и комиссия организует массовые

переселения. Только за 5 месяцев, с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября 1931 г., было переселено 162962 кулацкие семьи.⁴⁶ Эта цифра многими советскими авторами рассматривается как исчерпывающая за 1931 г. Более полную оценку за 1931 г. содержит, очевидно, цифра 265795 семей.⁴⁷ С точки зрения приведенных выше замечаний, в ней еще меньше возможных ошибок, так как решался не вопрос раскулачивания, а переселения уже раскулаченных. Глав семей в этот период уже не везли отдельно (если они вообще были на месте).

Таким образом, оценка 265795 может быть принята с довольно серьезным основанием, тем более, что, как было показано выше, для 1930 г. те же авторы не преувеличивали, а несколько уменьшили численность высылаемых. Всего за два года было депортировано 413 тыс. семей.

Следует также учесть высланных в 1929 г. из пограничных районов и Северного Кавказа, а также в связи с неуплатой сельхозналога и конфискацией по суду. Ивницкий оценивает их число в 30—40 тысяч, округляя тем самым рассчитанную им цифру за 1930—33 гг. — 260—270 тыс. до 300 тысяч.⁴⁸ Возможно, что подтверждением этих данных служит расхождение между числом высланных, находившихся в Северном крае в феврале 1930 г., — 70 тыс. семей (по сведениям областного архива)⁴⁹ и численностью переселенцев — 46 тыс. семей. Следовательно, не менее 25 тыс. семей было в крае уже до начала массовых переселений. Учитывая, что Северный край был не единственным, хотя и главным, местом высылки до 1930 г., примем эту оценку.

Для 1932—33 гг. Ивницкий вносит поправку на 20—30 тысяч семей.⁵⁰ Это примерно равно депортации с Северного Кавказа и южных районов страны осенью 1932 г.

Из отдельных примеров в литературе видно, что в действительности выселения и аресты продолжались энергично и повсеместно в 1932—33 гг. Яр Славутич пишет, как в мае 1932 г. оцепили хутор Благодатное Долинского района Херсонского округа и вывезли все 7 семей на север (автор убежал по дороге).⁵¹

Кроме того, репрессии носили характер поиска вредителей, лодырей, саботажников и т. д. Например, только по данным политотделов 50 МТС Московской области, ими в 1933 г. было депортировано из области 7156 враждебных антиколхозных элементов. По отчету политсектора Ленинградской области в 3562 колхозах было выявлено 6477 классово-враждебных антиколхоз-

ных элементов, в их числе 4011 руководящих и обслуживающих работников. В колхозах 41 МТС Горьковского края было выявлено 2658 бывших кулаков и полицейских и 3134 расхитителя колхозного добра и т. д.

Если роль политотделов сводилась к тому, чтобы в каждом колхозе, хотя бы для примера, выявить одного кулака или расхитителя, то одно это должно было дать не десятки, а сотни тысяч арестов и депортаций. Так что оценка Ивницкого является преуменьшенной.

Известно также, что в этот период развернулись депортации в Средней Азии и Закавказье. Только из Узбекистана было выселено 40 тыс. семей, 3,5 тысяч из них были завезены на Украину в надежде внедрить хлопководство, часть — на Северный Кавказ. Направление других переселений баев и декхан неизвестно, хотя автор работы пишет, что "основная масса кулаков Узбекистана была переселена в другие районы Советского Союза".⁵² Из осторожности, однако, примем лишь цифру 3,5 тыс. семей на Украине и будем считать, что большинство кулаков Средней Азии, Казахстана и Кавказа остались внутри этих районов. Эти несколько десятков тысяч переселенных семей не войдут в нашу оценку.

Конец массовых депортаций наступил в мае 1933 г., когда Сталин и Молотов направили всем партийным и советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры специальную инструкцию, в которой отмечают, что требования о массовом выселении, поступающие из областей не обоснованы. Они пишут, что в ЦК накопились заявки на выселение около ста тысяч семей, однако разрешают выселить лишь 12 тыс. хозяйств: Украина — 2000, Северный Кавказ, Нижняя Волга, Средняя Волга, ЦЧО, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь — по тысяче из каждого района, Горьковский кр., Белоруссия, Западная область, Башкирия, Закавказье, Средняя Азия — по 500 хозяйств.⁵³

Очевидно, что эти лимиты были использованы. Вместе с выселенными из Средней Азии и примерно 10000 депортированных семей из северокавказских станиц минимальная оценка переселений 1932—33 гг. может быть принята 25 тыс. хозяйств.

Таким образом, общие результаты переселений во время коллективизации выглядят следующим образом: 1929 г. — 25 тыс.; 1930 г. — 147 тыс.; 1931 г. — 266 тыс.; 1932 и 1933 гг. — 25 тыс. Всего 463 тыс. семей. Возможный недоучет составляет около 100 тысяч, а преувеличение (хотя и не слишком вероятное) —

100—150 тысяч (ориентируясь на оценку 300 тысяч семей).⁵⁴

Главным источником неполноты сведений является неполный территориальный охват и пропуск отдельных временных интервалов (лето и осень 1930 г., ноябрь — декабрь 1931 г.). Ошибка преувеличения может возникать как из-за двойного счета в транспортной статистике ГПУ, так и из-за неточностей в сведениях отдельных краев. Некоторой проверкой сделанной оценки может служить статистика кулаков по новому месту жительства.

Кулаки на новых местах

Вернемся теперь к судьбе переселяемых кулаков. С минимальным запасом вещей и продовольствия их вывозили в районные центры. Там держали под арестом, пока не соберется достаточно большая группа, затем грузили в товарные вагоны по 50—60 человек в каждый и везли на Север.⁵⁵ В середине февраля первые эшелоны тронулись с Северного Кавказа, затем со Средней Волги и вскоре к ним присоединились потоки с Украины, Центрально-Черноземной области, Крыма. Главными пунктами назначения были Северный край и Северный Урал.⁵⁶ Уже в конце февраля первые поезда прибывают в Вологду, Архангельск, Котлас. В течение нескольких недель все церкви, бараки и другие свободные помещения вокруг этих небольших населенных пунктов оказываются переполненными. В вологодских церквях сооружаются семиэтажные нары, возможно, это достижение советской технической мысли, — единственный мировой рекорд, непревзойденный до наших дней.

Всех трудоспособных мужчин отправляют на строительство барачков в местах поселений, старики, женщины и дети остаются в городах. Морозы, плохая одежда, отсутствие отопления в дороге, посредственное питание — все это приводит к высокой смертности.

Ссылаясь на информацию охраны и списки на дровяном складе, Кривобок пишет, что только в Вологде скопилось зимой 1930 г. 262500 человек.⁵⁷ Оценка эта, очевидно, преувеличена, что следует из самих источников информации. Церкви и школы Вологды, города с населением около 60 тыс. человек не могли вместить такого количества вновь прибывших. Тем более не приходится говорить о заготовке впрок дров для распределения между ними.

Жизнь в вологодских церквях была тюремной. Выходили только под охраной милиции, как правило, группами. Выдавался хлебный паек по 200 граммов на человека и по 25—30 граммов сахара. Кроме того, из продуктов, привезенных переселенцами, готовили суп и два раза в день раздавали кипяток.⁵⁸

Прибывшие содержались также в вологодской тюрьме, где, по свидетельству П. К., с ними очень жестоко обращались. Было много смертных случаев, о чем заключенные написали жалобу на имя Сталина. Через несколько дней прибыла комиссия, которая в сопровождении заключенного, писавшего жалобу, обошла тюрьму (о, времена!) и удостоверилась в правдивости заявления. Через несколько часов решением комиссии (она же суд) коменданта тюрьмы и его помощника приговорили к расстрелу, двух других заместителей — к 6 и 3 годам заключения, а областному уполномоченному ГПУ был объявлен строгий выговор с предупреждением. По слухам, комендант не был расстрелян, он работал начальником одного из лесных участков.⁵⁹ Эта история демонстрирует, что, наряду со страшными зверствами, в системе еще наблюдались некоторые человеческие элементы.

В апреле 1930 г. создается комиссия под председательством секретаря обкома Северной области Бергавинова для пересмотра дел высланных.

По мнению Кривобок, инициаторами создания комиссии были рабочие Вологды, которые, убедившись, что масса раскулаченных состоит из обыкновенных крестьян, начали писать в Москву письма и даже направили специальную делегацию. В результате было разрешено отправить детей до 14 лет домой, а из рабочих, при участии ОГПУ, были созданы районные комиссии по рассмотрению жалоб высланных. Всего было рассмотрено 35 тысяч заявлений.⁶⁰

Кривобок рассказывает, что до начала работы комиссии, комендант церкви, где он жил, отобрал все имеющиеся документы, что существенно затруднило доказательства высланными справедливости их утверждений. Работа комиссии заключалась в устном опросе, заполнении анкет и проверке документов. В результате работы комиссии высланные были разделены на три категории: отправка обратно, работа в Вологде и окрестностях, работа на лесоразработках.

По данным проверки окружных комиссий число неправильно высланных составило 10%. Центральная комиссия уменьшила его

до 6%, указав, что окружные комиссии учитывали только социальные признаки, между тем как из пограничных районов Украины и Белоруссии высылали политически ненадежных.

Результаты работы комиссии свелись, таким образом, к реабилитации 2800 семей. Больше, очевидно, и нельзя было себе позволить, так как комиссия не могла пересмотреть результаты всей кампании.⁶¹ Интересны две другие цифры: 10 процентов раскулаченных не подходили даже по стандартным признакам, и вторая — 75 процентов сами не считали себя кулаками (вероятней всего по экономическому положению хозяйства и использованию чужого труда).

Хотя отправка детей на родину преследовала явно гуманные цели, многие родители отнеслись к этому решению отрицательно. В отдельных местах происходили даже сражения с убитыми и ранеными. Так, в Пятницкой церкви Вологды родители сопротивлялись два дня, было убито 8 мужчин, ранено 19, погиб один ребенок.⁶² Другой свидетель рассказывает о благополучном возвращении ребенка на родину с подвернувшейся соседской оказией.⁶³

Об отправке детей домой рассказывает и другой очевидец, М. Шурко. Его троих детей ГПУ из Котласского района в начале 1930 г. отправило домой на Украину, в Петровский район. Впоследствии его жене, убежавшей с лесоразработок, удалось отыскать детей и жить нелегально неподалеку от них до 1937 г., когда она была вновь арестована.

Весной началось распределение высланных по районам. Одну из групп вологодских заключенных на старых баржах (одна из них затонула) повезли по Сухоне до Тотьмы, где набралось почти 15 тыс. человек. Другие оказались около Котласа. Третьи плыли от Перьми по Каме и Вишере, также пробираясь на север.⁶⁴ Север Европейской части страны покрывается сотнями, если не тысячами новых поселков.

В этот период правительство, наконец, всерьез задумывается, что же делать с массой высланных. Создается специальная комиссия, которая принимает решения о снабжении и трудоустройстве кулаков, одновременно по просьбе партийного руководства северных областей поток приостанавливается.

Деятельность комиссии позволяет нам составить некоторое представление о численности высланных. Так, комиссия приказала Наркомзему удовлетворить заявки на инвентарь: 18400 борон,

столько же плугов, 14 тыс. серпов, 145 тыс. кос, 87.5 тыс. вил.

Нормы распределения инвентаря на высланную семью, занятую сельским хозяйством, были такие: 0.1 бороны, две косы, два серпа и т. д. Мы видим, что предполагалось снабдить около 72 тысяч семей. Цифра эта велика, если учесть, что большинство высланных было занято не сельскохозяйственной деятельностью, а работой на лесозаготовках.⁶⁵

Относительно снабжения сосланных продовольствием, Ивницкий сообщает, что в апреле 1930 г. Северный край получил для этих целей 18 вагонов сахара и 120 тонн чая и чайного напитка, Урал соответственно — 13 вагонов и 59 тонн, Сибирь — 3 вагона и 31 тонну.⁶⁶

Чай был импортным напитком. В 1928 г. его производство в стране составило 1.06 тыс. тонн, а закупки в 1930 г. — 24.2 тыс. тонн.⁶⁷ На одного жителя приходилось, таким образом, 158 граммов чая в год или 0.4 грамма в день. Следовательно, по обычным нормам потребления кулакам было завезено чая на 775 млн. дней. Для 4 млн. человек на полгода, или для 2 млн. — на год. Этот условный расчет показывает, что речь уже идет о числе, измеряемом миллионами.

Обращает на себя внимание пропорция между тремя основными районами депортации: немного больше половины — Северный край, а Урал в два раза больше Сибири. Это, очевидно, отражало распределение сосланных на первом этапе. Об этом пишет и Ивницкий: "Поэтому Северный край получил продовольствия в общем больше, чем Урал и Сибирь, так как в 1930 г. он являлся самым крупным районом новых поселений".⁶⁸ В Северном крае весной было около 70 тыс. семей (по данным Архангельского обкома на февраль 1930 г.).

Примерно такую же цифру получаем по данным о численности учителей.⁶⁹ Для спецпереселенцев края требовалось 352 учителя, принимая по 40 детей на одного преподавателя (норма для переселенцев Урала в 1931 г., мало отличающаяся от обычных школ страны) и посещаемости 0.90%, получаем число детей школьного возраста — 15.5 тысяч. Речь несомненно идет главным образом о начальной школе. В селах Украины в 1930 г. приходилось по 38 учеников начальной школы на 100 семей.⁷⁰ По этой пропорции в Северном крае находилось около 60 тыс. семей. Если учесть, что много детей умерло или было отослано на родину, то количество семей будет заметно выше.

Пропорция снабжения районов Севера, Сибири и Урала сахаром и чаем позволяет оценить число высланных на Урал и в Сибирь в 60 тыс. семей, а всего — 130 тыс. семей.

В эти данные не входят высланные в Казахстан, Мурманск (в Ленинградскую область), переселения на Северном Кавказе, где только в Дивенском районе в 1930 г. было размещено 9.5 тысяч кулацких хозяйств, и депортации осени 1930 г.⁷¹

Известно также, что летом 1930 г. для переселенцев было выделено 290 тыс. ц. муки, 27.3 тыс. ц. крупы, 7.3 тыс. ц. сахара, 2.5 тыс. ц. растительного масла, 72.4 тыс. ц. рыбы и 81.6 тыс. ц. овса.⁷²

Соотношение между мукой, крупой, сахаром, растительным маслом и рыбой почти полностью совпадает с пропорциями в питании сельского населения в 1926 г., с единственной поправкой — в деревнях использовали в семь раз меньше рыбы. В рационе кулаков рыба должна была заменить отсутствующее мясо. Кроме того, в приведенном перечне полностью выпали жиры животного происхождения и такие экзотические продукты, как молоко, масло, яйца, участвовавшие в питании деревенского жителя.

Принимая среднюю дневную норму на человека 320 граммов муки и крупы (400 г. хлеба) и 70 г. рыбы, получаем, что завезенные продукты составляли около 100 млн. дневных норм. На какой срок делались запасы? От видимых хлебных запасов на складах страны в летнее время, приведенная цифра составляла 1.5%, а от запасов потребляющей полосы — почти 10%.⁷³ Совершенно исключено, чтобы в условиях постоянных нехваток и очередей, такая огромная доля запасов замораживалась на длительный срок, особенно летом, то есть до основных заготовок из нового урожая. В этом случае можно говорить о снабжении примерно миллиона человек в течение 3 месяцев, то есть до нового урожая (230 тыс. семей). Это больше, чем найденная выше оценка числа сосланных.

Советские исследователи любят писать об огромной помощи государства высланным кулакам, о громадных затратах, превышающих, по их мнению, стоимость конфискованного у кулаков имущества (не лучше ли было в этом случае оставить имущество?!). Читать эти рассуждения стыдно и горько. Они показывают нравственный уровень ученых, которые не могут надвинуться на то, что кулаков кормили и лечили, учили детей. А могли ведь просто убить!

”Даже кулакам, высланным за контрреволюционную деятель-

ность в отдаленные районы страны, государство предоставляло необходимые орудия производства и средства ведения трудового хозяйства”, — пишут три советских исследователя.⁷⁴

В 1931 г. направление высылки и занятия сосланных несколько меняются. На их труд начинает все больше ориентироваться горнодобывающая промышленность и распорядители в лице комиссии А. Андреева и Наркомзема охотно выполняют заявки.

В связи с этим весной 1931 г. было принято решение о передаче 10 тыс. кулацких семей в распоряжение Цветметзолота, а 8 тыс. — для освоения угольных районов Печоры.

Или такая мелкохозяйственная подробность:

”В Усть-Цилемском районе Коми автономной области в распоряжение Кустпромсоюза были направлены 10 кулацких семей для развития производства шифера, а 200 семей — для разработки точильного камня”.

Особенно трогательны в этом описании круглые цифры раздаваемого живого товара. Видно, что распределяющий не слишком дорожит своими подопечными и уж по крайней мере не мелочится. Поднимается цена одной души. Если в 1930 г. на высылаемую семью государство отпустило около 500 рублей, истраченные главным образом на дорогу, охрану и пр. (по крайней мере историка не решаются разделить расходы по переселению от расходов по устройству), то в 1931 г. на устройство кулаков только Цветметзолото получило 6 млн. рублей и само истратило дополнительно 6 млн. рублей, а всего, тем самым, 1,5 тысяч на семью. Высокие расходы свидетельствуют, видимо, и о лучшем обращении.

Рассмотрим кратко известные данные о численности и расселении кулаков в 1931 и в последующие годы.

Самая большая колония кулаков оказывается в 1932 г. на Урале. 130 тыс. семей, 500 тыс. человек, в том числе 220 тысяч занятых (85% всех трудоспособных) и 56 тыс. детей (им требовалось 1319 учителей).⁷⁵

В Нарымский край Сибири было завезено 47 тыс. семей (196 тыс. человек), в конце 1931 г. там насчитывалось 40 тыс. семей. В южных районах Сибири оказалось 26 тыс. семей, занятых главным образом в тяжелой промышленности.⁷⁶ Сведения о численности высланных в Сибирь (66 тыс. семей) немного расходятся с данными, приводимыми со ссылкой на архив Новосибирского обкома — 62 тыс. семей на конец 1931 г. Возможно, это указывает на продолжающееся сокращение числа семей или является погрешностью подсчетов.

В Восточно-Сибирском крае "труд переселенцев использовался в основном в горно-рудной и лесной промышленности (трест Востоксиблес), а небольшой их части (около 3 тыс. семей) — в сельском хозяйстве". Трудно, конечно, понять, что такое большая часть, если небольшая составляет три тысячи?

Всего в Сибири нужды высланных кулаков обслуживали 266 школ, где работало 466 учителей (при потребности 710 в 1931—32 гг.).⁷⁷ Это указывает, очевидно, на наличие 28 тыс. школьников и 31 тыс. (при 90% охвате обучением) детей школьного возраста.

В Казахстане было 45 тыс. семей сосланных кулаков — 190 тыс. человек, в том числе в Южном Казахстане — 10 тыс. семей, то есть 42 тыс. человек.

На Северном Кавказе в 1931 г. насчитывается 14 тыс. семей сосланных, часть из них — таджики и туркмены. На Украине — 3,5 тыс. семей, в основном узбеки. На Дальнем Востоке — 10 тыс. семей, в Нижегородском крае — 1,5 тыс., в Ленинградской области — 8 тыс., на Средней Волге — 2,5 тыс., в Средней Азии — 2 тыс. семей.

Суммируя все эти сведения, получаем, что в местах ссылки насчитывалось в 1930—31 гг. не меньше 370 тыс. семей. Для 222 тыс. семей известна их численность — 886 тыс. человек, то есть в среднем по 4 человека на семью. Принимая эту же пропорцию для всех остальных семей, получаем оценку числа сосланных в 1477 тысяч, хотя к концу 1931 г. их, видимо, было уже несколько меньше.

Ивницкий приводит данные, которые позволяют оценить численность и занятия сосланных в начале 1935 года: в промышленности работало, вместе с членами семей, 640 тыс. человек, в неуставных сельскохозяйственных артелях состояло 445 тысяч.⁷⁸ Можно предположить, что артели охватывали почти все сельское население. Членами артели могли быть с 16 лет. Мы видели, что школьники составляли примерно 11% всех жителей. Дети дошкольного возраста в стране по административному учету 1931 г. составляли в СССР 20%. Учитывая повышенные потери детей у кулаков и снижение рождаемости среди них, примем долю детей до школы в 14%, то есть будем считать, что артелями не было охвачено 25% сосланных из числа занятых в сельском хозяйстве. Таким образом, все сельское население высланных кулаков составит 853 тысячи. Это, вероятно, несколько преуменьшенная

цифра, так как среди кулаков могли оставаться единоличники, а также не все старики автоматически записывались в артели.

Эта оценка довольно близка к численности спецпереселенцев по данным государственного снабжения продовольственными хлебами. В 1931/32 г. им было отпущено 132.7 тыс. тонн зерна, что указывает примерно на численность около 900 тыс. человек.⁷⁹ Кулаки, работавшие в промышленности, снабжались соответственно из фондов цветметзолота, лесозаготовок, Дальнего Севера и т. п., поэтому можно считать, что 900 тысяч составляли в основном занятые в сельском хозяйстве.

Общая оценка численности сосланных составила, таким образом, на начало 1935 г. 1490 тыс., то есть почти полтора миллиона. Вероятно, в 1931—34 гг. убыль населения несколько превышала естественный прирост среди кулаков (как, впрочем, и в целом по стране), но небольшой рост обеспечен дополнительными депортациями с Северного Кавказа, возможно, из Средней Азии и Закавказья, а также отовсюду понемножку. Численность одной семьи должна была сократиться, а число семей немного увеличиться, примерно до 380—400 тысяч. Впрочем, следует иметь в виду, что оценка численности в 1931 г. неполна, так что возможно в действительности происходило сокращение числа депортированных, неулавливаемое имеющимися сведениями.

В 1941 г. ссыльные кулаки насчитывали 930 тыс. человек 220 тыс. семей.⁸⁰ Некоторый рост численности одной семьи объясняется убылью одиночек и ростом рождаемости после запрета аборт в 1936 г. Убыль общего числа сосланных связана с переменами места жительства, ставшими возможными после 1936 г.

Учет кулаков мог вестись только по местам первоначального расселения, а отъезд на учебу или работу в город, выход замуж в некулацкую деревню и т. п. уменьшали численность бывших кулаков. Особенно быстро она должна была падать среди занятых в промышленности, перемешанных с другими группами советских людей.

Я не буду, вслед за советскими исследователями, описывать чудесное преобразование кулаков, происшедшее за 2—3 года. Как они из вредителей стали прекрасными тружениками, собирали более высокие урожаи, чем средние по стране, прекрасно сражались на фронте и в конечном итоге руководили колхозами и совхозами. Читать об этом не столько умирительно, сколько грустно. Растоптанные, выброшенные из жизни люди, потерявшие близких

и все свое достояние, были "прощены" и получили разрешение вести такую же жизнь, как и другие жители страны. Оказалось, что они действительно ничем не отличаются от всех остальных граждан, и даже такие первоначально им присущие качества как трудолюбие и грамотность они понемногу преодолели.

Таким образом, по сведениям о депортациях в 1930—31 гг. было выселено около 413 тыс. семей. По неполным данным о прибытии в местах ссылки в то же время находилось 370 тыс. семей. Расхождение цифр связано с потерями от репрессий, неполнотой учета, потерями по дороге и погрешностями статистики. Средняя численность семьи снизилась примерно на 1,5 человека, что говорит о потерях около 600 тысяч. Сюда входит прежде всего убыль около 100 тыс. мужчин в результате профилактических арестов и потеря примерно такого же количества в процессе сопротивления и арестов 1930—32 гг. Кроме того, огромные потери понесли старики и дети во время переезда и в первые месяцы пребывания на новом месте. Не исключено, что пониженные значения численности родившихся в 1929—33 гг. среди женщин Архангельской области, живущих в сельской местности, по материалам переписи 1959 г. связаны с потерями раскулаченных в это время. Часть потерь объясняется бегством по дороге и из ссылки отдельных членов семьи.

Однако достаточно определенно можно утверждать, что собственно гибель во время раскулачивания и высылки составила несколько сотен тысяч человек.

Особенно велики были потери в самом начале депортаций — зимой 1930 г. В частности, на это указывает малочисленность семей, сосланных в Коми АССР в 1931 г. Так, Ивницкий приводит данные по двум поселкам, из которых в первом приходилось 3 человека, а во втором — 3,3 человека на семью. Потеря одного человека на семью указывает на повышенную убыль в Северном крае примерно 70 тыс. человек.

Итоги

Подведем некоторые итоги второго этапа сталинского курса.

1. Руководство осознает, что нэп завершен и уже не испытывает по этому поводу угрызений совести. Практические мероприятия, считавшиеся временными, оформляются в виде системы законов и постановлений. Они направлены на изъятие сельскохозяйствен-

ной продукции по низким (близким к нулевым) ценам. Постепенно совершенствуются методы экспроприации, развивается законодательство. Начинают спускаться задания по посеву, по продаже зерна с гектара и т. д. Все эти мероприятия являются развитием и завершением стихийного курса, начатого в декабре 1927 года. Крестьянин окончательно потерял право распоряжаться продуктами своего труда.

2. Предпринимается решительная перестройка форм сельскохозяйственного производства. Угрозами и обещаниями крестьяне загоняются в артели, главная цель которых — совместный труд и продажа продуктов не на рынок, — государству. Тем самым ликвидируется право крестьян на самостоятельное ведение хозяйства.

3. Все потенциальные противники советской власти в деревне ликвидируются. От политики экономического уничтожения класса кулаков, начавшейся на предыдущем этапе, государство переходит к уничтожению кулака, как личности, экспроприруя его имущество и высылая на север и восток. В 1929—32 гг. было разорено около 1 млн. семей (0.9—1.2 млн.), насчитывавших перед раскулачиванием не меньше 5—6 млн. человек. Около 250 тысяч уничтоженных хозяйств приходится на Украину (1.2—1.5 млн. человек). Число высланных в отдаленные районы составило по всей стране около 460 тыс. семей (2—2.5 млн. человек), из них — 60—100 тыс. семей с Украины. Несколько сотен тысяч человек погибли при арестах и по дороге. Лишено земли было 1.7 млн. хозяйств (10 млн. человек), загнано в колхозы 60% сельских жителей и обложены повышенными налогами все. Миллионы крестьян бежали в города и другие районы страны. Имущество, отнятое у кулаков, поступило в распоряжение колхозов и государства. Оно стало основой новых коллективных хозяйств.

4. Несмотря на энергичное правовое творчество множества советских учреждений, большинство проводимых мероприятий носили характер насилия и беззакония, нарушающего самые основные декреты Советской власти, утвержденные в свое время как законодательная основа страны. К числу этих мероприятий относится лишения права на трудовое землепользование, ограбление — то есть изъятие имущества, заработанного в полном соответствии с существующими законами, аресты и высылки без решений суда, отмена общины и т. д. Основным методом воздействия на сельское население становится угроза или прямое насилие.

5. Все происходящее катастрофически сказывается на сельскохозяйственном производстве. Падение, начавшееся в 1928 г., становится все более стремительным и глубоким. Все меньше оказывается в стране мяса, молока, яиц и хлеба. Все больше внедряется распределение продуктов по карточкам и параллельно фантастически растут рыночные цены. Предприятия для снабжения собственных рабочих заводят подсобные хозяйства, в которых выращивают картошку, овощи, откармливают свиней, ловят рыбу и т. д.

Все труднее становится жизнь людей. Все неопределенней положение сельского жителя.

Конец второго периода коллективизации был отмечен прекращением массового раскулачивания и депортаций. Официальное постановление об этом появилось в середине 1932 года. Оно равно касалось и тех районов, которые основательно разорили более зажиточные группы крестьян и выслали львиную долю их, и тех территорий, где только еще собирались этим заняться. Это не означало смягчения общего отношения к кулаку. Он оставался врагом и символом врага; как символ он все более расширялся и охватывал потенциально все более широкие слои сельского населения. Любой председатель колхоза или сельсовета, любой колхозник мог быть в случае чего объявлен скрытым кулаком, кулаком по убеждениям, подкулачником и т. д. Но было решено, что впредь государство не нуждается в массовом народном энтузиазме. С операциями уничтожения справлялась милиция. Энергия колхозного строительства по инициативе масс (аналогичная в чем-то взрыву культурной революции в Китае), была заменена бюрократической силой государственного аппарата. Массы не оправдали вышестоящего доверия.

Внизу также царили разочарование и отчаяние. Жизнь становилась тяжелее, работа в колхозе не обеспечивала нормального жизненного уровня, не говоря уж, что обещаны были "золотые горы". Работа казалась бессмысленной и бесполезной. Выхода не было.

Так, без каких-либо специальных событий или мероприятий заканчивался период коллективизации.

ТАБЛИЦА 1

ДАННЫЕ ПО РАСКУЛАЧИВАНИЮ НА УКРАИНЕ
на 10 марта 1930 г.

Зона	Всего районов	Число районов где шло раскулачивание	Всего раскулачено семей	% раскулаченных от общего числа хозяйств	Стоимость имущества переданного колхозам руб.	Стоимость на одно хозяйство руб.
Полесье	60	4	987	2.1	1125000	1140
Правобережье	182	96	14419	1.4	7768478	539
Левобережье	151	72	12934	2.4	7423172	574
Степь	199	133	33557	3.6	23984284	715
Украина	592	305	61897	2.3	39800734	643

Архив ЦК КП Украины ф. 1, оп. 1, опр. 1651, арт. 114

Цит. по Социалистична перебудова и розвиток Сельского хозяйства Украинской ССР. Киев, 1967, сс. 334—335.

ТАБЛИЦА 2

ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ КУЛАКОВ ПО СВЕДЕНИЯМ
О КОНФИСКОВАННОМ ИМУЩЕСТВЕ

Районы	Стоимость имущества тыс. руб.	Оценка числа кулаков по средней стоимости имущества тыс.
СССР	175419.9	около 320 *
Основные зерновые районы	57749.2	105.3
Производящие р-ны	62516.2	114.0
Потребляющие р-ны	55154.5	100.9
РСФСР	108995.7	198.8
Северный край	470.4	0.9
Карельская АССР	11.2	—

1	2	3
Ленинградская обл.	1690.1	3.1
Западная область	3561.7	6.5
Московская область	7837.6	14.3
Ивановская промыш- ленная область	3334.7	6.1
Нижегородский край	4632.2	8.5
Уральская область	10624.9	19.4
Башкирская АССР	4128.9	7.5
Татарская АССР	3369.2	6.1
Средне-Волжский кр.	10460.0	19.4
Заволжье	6652.1	12.1
Правобережье	3807.9	7.0
Центрально-Черно- земная область	8355.0	15.2
Нижне-Волжский край	15045.3	27.4
Северо-Кавказский край	12067.3	22.0
Степной	11718.3	21.4
Горный	349.0	0.6
Дагестанская АССР	261.7	0.5
Крымская АССР	2359.8	4.3
Казахская ССР	5489.1	10.0
Сибирский край	11547.1	21.1
Юго-Запад. Сибирь	7491.6	13.7
Северо-Вост. Сибирь	4055.5	7.4
Дальневосточный край	3363.8	6.1
Бурят-Монгольская АССР	375.7	0.6
Украина	50187.4	91.6
Полесье	1780.2	3.2
Правобережье	11895.4	21.7
Левобережье	12157.0	22.2
Степь	16135.3	29.4
Днепропетровский потребляющий р-н	3540.7	6.5
Горнопромышл. потребляющий р-н	4678.5	8.6
Белоруссия	11583.4	21.1
Закавказские республики	3024.3	5.5
Узбекская ССР	1631.0	3.0

* Стоимость имущества на одно хозяйство — 548 руб.

Ивницкий, сс. 239—242. М. А. Вылцан, Н. А. Ивницкий, Ю. А. Поляков, Некоторые проблемы истории коллективизации СССР. "Вопросы истории", 1965, № 3, с. 18.

ТАБЛИЦА 3

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РАСКУЛАЧЕННЫХ
ПО СВЕДЕНИЯМ ИСТОРИКОВ И ПО ДАННЫМ
О КОНФИСКОВАННОМ ИМУЩЕСТВЕ НА ЛЕТО 1930 г.
(тыс. чел.)**

Районы	Данные историков	Расчет по конфиск.	Разница	
			абсолют.	% %
Украина	93	91.6	1.4	1.5
Северный Кавказ	40	22	18	45
ЦЧО	90	15.2	41	61.9
Нижняя Волга	45	27.4	17.6	39.1
Средняя Волга	28	19.1	8.9	31.8
Урал	30	19.4	10.6	35.3
Сибирь	47.2**	21.1	26.1	55.5
Москва и Иваново	24 *	20.4	3.6	15.0
Татария	13	6.1	6.9	53.1
Великие Луки	3.6	1.0	2.6	72.2
Казахстан	30	10	20	66.7
Всего	443.8	253.3	190.5	42.9

Расчет по конфискации имущества проведен по среднему значению стоимости конфискованного имущества, переданного в колхоз по стране — 548 г. (Табл. 2)

* — только высылаемые.

Сидоров, 1968, 29—33; Медведев, 1958, 25—27; Ивницкий, 221—246; Богденко, 1963, 34.

** — по Сидорову 59 тыс.

Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, Mass. 1958, p. 245.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С. Максудов. Некоторые документы Смоленского архива о раскулачивании и высылке кулаков, "Минувшее", № 4, Париж, 1987, сс. 240–250.
2. Медведев В. К. Ликвидация кулачества как класса в Нижне-Волжском крае. "История СССР", 1958, № 6, сс. 25–27.
3. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979, сс. 340–341.
4. Сидоров В. А. Ликвидация кулачества как класса. "Вопросы истории", № 7, сс. 29–33.
5. Шарова. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. М., 1963, с. 153.
6. Там же, с. 165.
7. Там же, с. 155.
8. Там же, с. 166.
9. Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972, с. 238.
10. Богденко М. Л. К истории начального этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. "Вопросы истории", 1963, № 5, сс. 34–35.
11. Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1966, сс. 156–157.
12. Ивницкий, 1972, с. 288.
13. Сидоров, 1968, с. 33.
14. Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971, сс. 182, 184.
15. Ивницкий, 1972, сс. 242, 245, 296.
16. Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960, с. 249.
17. Ивницкий, 1972, с. 245.
18. Мошков, сс. 155, 157.
19. Ивницкий, 1972, сс. 245, 296.
20. Сидоров, 1968, сс. 29–34; Мошков, сс. 155–156.
21. Мошков, с. 157.
22. Там же.
23. Партийный архив Западной области, файл 159.
24. Там же, файлы, сс. 116–118.
25. Мошков, с. 155.
26. Сидоров, 1968, сс. 33–34; Ивницкий, 1972, с. 288.
27. Ивницкий, 1972, с. 292; Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969, с. 121.
28. Мошков, сс. 176–177.
29. Партийный архив Западной области, файл 159, файл 177, с. 98, файл 153, сс. 1000–1001.
30. Там же, файл 347, сс. 106, 246, 340–380.
31. Ивницкий, 1972, с. 288.
32. Там же, с. 292; Сидоров, 1968, с. 34.
33. Сидоров, 1968, с. 34; Очерки истории сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963, с. 252:

34. Ивницкий, 1972, с. 296.
35. Очерки истории, 1963, с. 55; "Новое русское слово" 26 декабря 1982.
36. Ивницкий, 1972, с. 292; Вылцан М. А., Ивницкий Н. А., Поляков Ю. А. Некоторые проблемы истории коллективизации СССР. "Вопросы истории", 1965, № 3, с. 19.
37. История коммунистической партии СССР, М., 1962, с. 420.
38. Ленинский кооперативный... 1969, сс. 121.
39. Сидоров, 1968, с. 29; Медведев, 1958, с. 27; Ивницкий, 1972, сс. 230, 245; Богденко, 1969, с. 34; История селянства Украинской ССР. Т. 2, Киев, 1967, с. 175.
40. В литературе встречаются и большие цифры. Например, 39 тыс. для 1 и 2 категорий в Западной Сибири, Ивницкий, 1972, с. 230; 26 тыс. 1 и 2 категории на Средней Волге, Трапезников С. П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965, с. 205.
41. Ивницкий, 1972, с. 226; Davies R. W. The Socialist offensive. The collectivization of Soviet Agriculture. 1929–1930, v. 1, 6, 1980, p. 245.
42. Ивницкий, 1972, сс. 298–299.
43. Максудов. Некоторые..., 1987, сс. 169–250.
44. Ивницкий, 1972, сс. 286–288; Очерки истории..., 1963, сс. 134, 252; Сидоров, 1968, сс. 33, 34.
45. Максудов. Некоторые..., 1987, сс.
46. Ивницкий, 1972, сс. 282, 292.
47. Ленинский кооперативный, 1969, с. 121.
48. Ивницкий, 1972, с. 298.
49. Сидоров В. А. Мероприятия советской власти по трудовому воспитанию бывших кулаков. "Вопросы истории", 1964, № 11, сс. 53–64.
50. Ивницкий, 1972, сс. 238, 298.
51. Соловей Д. Ф. Голгота Украины. Виннипег, 1953, с. 164.
52. Очерки истории..., 1963, сс. 133–134, 252.
53. "Инструкция всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда, прокуратуры", 8 мая 1933, "Страна и мир", № 12, 1984, сс. 54–57.
54. Ивницкий, 1972, с. 298.
55. Максудов. Некоторые..., 1987, сс. 169–250.
56. Ивницкий, 1972, сс. 323, 328.
57. Кривобок П. М. Штabela трупов умерших ссыльных в Вологде. "Голод 1933 года на Украине", Мюнхен, 1963, сс. 19–20.
58. Там же.
59. Соловей, 1953, 161–162.
60. Ивницкий, 1972, с. 238.
61. Там же.
62. Кривобок, цит. соч.
63. Из анкет Украинского института в Гарварде.
64. Голод 1933 года на Украине. Мюнхен, 1963, сс. 21–29.
65. Ивницкий, 1972, 308; Сидоров, 1964, сс. 57, 59.
66. Ивницкий, 1972, с. 328.
67. Сельское хозяйство СССР. М., 1960, с. 257; Внешняя торговля СССР в 1918–66 гг. М., 1967, сс. 28–29.

68. Ивницкий, 1972, сс. 328, 329.
69. Там же, с. 334; Сидоров, 1964, с. 59.
70. Народне господарство УСРР, Киев, 1935, сс. 379, 546–548.
71. Ивницкий, 1972, сс. 305, 328.
72. Итоги десятилетия Советской власти. Статистический справочник. М., 1927, с. 355; Обычные нормы выдачи хлеба в стране на работавшего 0.7–1 кг., иждивенцы и дети – 0.3–0.5 кг. Нормы у кулаков были, как правило, ниже.
73. Там же, сс. 383–384.
74. Зак Л. М., Лелчук В. С., Погудин В. И. Строительство социализма в СССР. М., 1971, с. 225.
75. Ивницкий, 1972, сс. 308–311, 315, 318, 329.
76. Трапезников, 1965, с. 517; Ивницкий, 1972, сс. 304, 319, 320.
77. Ивницкий, 1972, сс. 322, 335; Сидоров, 1964, сс. 58–59.
78. Ивницкий, 1972, сс. 301–304, 326.
79. Машков, 1966, с. 133.
80. Ивницкий, 1972, с. 346.

ГОЛОД ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО ГОДА

“Надо было лучше работать”

Коллективизация, декларированная цель которой состояла в увеличении сельскохозяйственного производства, привела к обратным результатам. Снизилась урожайность, сократилось поголовье скота — крестьяне потеряли интерес к обработке земли и сохранению ее плодородия, к работам в хозяйстве.

Однако, хотя валовые сборы сокращались, государственные заготовки зерна росли из года в год. В 1926–28 гг. — 112 млн. ц (14% всего урожая), в 1929 г. — 161 млн. ц (22,5%), в 1930 г. — 221 млн. ц (26,5%), в 1931 г. — 228 млн. ц (33%), в 1933–36 гг. — 264 млн. ц (39,5%).¹

Государство забирало не только зерно. Увеличивались поставки мяса, молока, яиц, и одновременно, словно шагреневая кожа, сокращалось их производство. Так, если в 1928 г. было произведено 4,9 млн. тонн мяса, то в 1933–1936 гг. — 2,6 млн. тонн; соответственно молока — 31 и 21 млн. тонн, яиц — 10,8 и 5,2 млрд. штук. Этот двойной процесс сокращения производства и роста заготовок тяжело отразился на деревне. Зерна, молока и яиц оставалось там почти в два раза меньше, чем до коллективизации, мяса — в три с лишним раза меньше.²

Советские историки, в целом одобряя (или, по крайней мере, оправдывая) политику все возрастающего изъятия зерна и других продуктов, все-таки позволяют себе задуматься над вопросом, когда она перешла допустимые пределы. С.Трапезников рассказывает, что тогдашний нарком земледелия Яковлев составил баланс с учетом потребления сельских жителей, “но в 1932 году в основу хлебозаготовок были положены другие принципы... Во многих колхозах было вывезено все продовольственное и даже семенное зерно, сорвано распределение доходов среди колхозников...”³

Повышенное изъятие зерна началось раньше. “К концу 1931 года обстановка в деревне ухудшилась в результате ошибок, допущенных при проведении хлебозаготовок: в основных зерновых районах был неурожай, а задания по сдаче хлеба были повышены по сравнению с урожайным 1930 годом”.⁴

В действительности заготовки были непомерно высокими уже и в 1929, и 1930 гг. Но главное — изменился подход государства к самому процессу поставок. Они перестали быть обычным налогом — частью дохода, изымаемой в пользу государства. Отныне — это священный долг. Первоочередная обязанность. Главная заповедь. В стране утверждается новый порядок распределения зерна: в первую очередь — государству; если останется — в семенные фонды; если и после этого что-то сохранится — на корм скоту и питание колхозников в период полевых работ; наконец, в самую последнюю очередь зерно выдается на пропитание самим сельским жителям.

Глава из подготовленной к изданию книги “Collectivisation and Population Losses in the Ukraine and the USSR”

¹ Ю.А.Мошков, Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации, М., 1966, стр. 226.

² Народное хозяйство СССР, 1922-72, стр. 216-218; Сельское хозяйство СССР, М., 1960, стр. 86-89, 196, 328-329.

³ Трапезников С.П., Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана, М., 1965, стр. 400.

⁴ Хроника основных событий экономической жизни, М., 1967, стр. 222.

Крестьянам, не выполнившим план поставок зерна государству, есть не полагалось. Бригады горожан и активистов выносили из избы не только последний мешок картошки, но и горшок уже сваренной каши. На скорбно недоуменное восклицание хозяев: "А мы-то что есть будем?" — уполномоченные спокойно отвечали: "Работать надо было лучше."

Это означало, что всю ответственность за разрушение сельского хозяйства, за нелепые и просто бессмысленные реорганизации партия и правительство возлагали на сельского жителя. Он был виновен и в том, что сократилось производство, и в том, что государство пожелало в два-три раза увеличить поборы, и, конечно, в том, что хотел есть.

Претензии партийного руководства к колхозному крестьянству сформулировал Сталин, отвечая на письмо Шолохова. Шолохов жаловался, что на Дону хлебозаготовки проводятся с помощью пыток. Сталин возражал: "Наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма... Но это только одна сторона дела... А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили "итальянку" (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели "тихую" войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов..."

Конечно, это обстоятельство ни в коей мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками, и виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали.¹

Уверенность правительства, что сельское население является его врагом, саботирует его политику и должно быть за это наказано, — один из главных факторов, обусловивших трагедию.

Три обстоятельства, таким образом, определили страшные размеры катастрофы 1932—1933 гг. и тяжелейшее существование сельского населения в последующие годы: падение производства, рост заготовок, репрессии против крестьянства.

1. Падение сельскохозяйственного производства — результат уничтожения наиболее эффективных хозяйств, безграмотности новых руководителей деревни, абсурдности многих мероприятий, навязанных селу сверху, отсутствия заинтересованности крестьянина в урожае.

Одновременно с падением производства шло разрушение системы учета продукции. В 1930 году ЦСУ было закрыто, многие видные статистики арестованы. В последующие годы удар обрушился уже на рядовых работников системы учета, обвиненных в сознательном занижении данных. Была поставлена под сомнение и традиционная методика оценки урожайности, в частности — результаты контрольных обмолов в начале уборки, которые обычно дают несколько завышенную (но уж никак не преуменьшенную) характеристику валовых сборов.

В ряде мест (например, в Днепропетровской области) данные об урожаях 1932 г. были засекречены, так как, исходя из них, выполнить план заготовок зерна было просто невозможно. Высшее партийное руководство это не устраивало. Поэтому оно требовало вообще не принимать данные статистики, называя их "кулацкой арифметикой". С.Косиор, обосновывая этот подход, писал в январе 1933 года: "Если бы данные статистики были верными, то нам не удалось бы изъять из села и половины зерна, которое мы уже получили". Это доказательство "от противного" строилось на том, что власти — может быть, впервые в истории — сочли возможным отобрать у деревни все имеющееся там зерно.

¹ "Правда", 10 марта 1963 г.

2. Начиная с 1930 года государство претендует на все большую долю урожая, оставляя сельскому жителю все меньше и меньше. Это вынуждает крестьянина менять структуру потребления, учиться есть не хлеб, сало и яйца, а картошку, овощи, крапиву, лебеду, заправляя их в лучшем случае молоком. Особенно резкой перестройки новые условия потребовали от жителей южных районов страны (Левобережье и степь Украинны, Кубань, Южная Сибирь и Нижняя Волга), где пшеница, свинина и птица составляли основу питания. Напротив, в северных районах, где картошка, овощи и молоко всегда играли важную роль, повышенное изъятие зерна привело не к столь трагическим последствиям. Пожалуй, в самом худшем положении оказались жители Казахстана и Бурятии. Переход к коллективному хозяйству означал резкое сокращение потребления мяса, основной пищи кочевников. Обобществление скота и его массовый падеж вызвали в этих районах острейший голод — может быть, самый сильный в стране.

3. Мы уже говорили, что власти рассматривали крестьянина — и колхозника, и единоличника — как врага, которого следовало "проучить." Отсюда — целая серия мер, направленных против сельского населения. Главные из них — обложение различными налогами и займами, взыскание огромных штрафов за несвоевременное или неполное выполнение плана поставок и выплаты налогов. Нередко размеры поборов превышали стоимость собранного зерна.

Деревни и целые районы, не справившиеся с заготовками, заносились на черную доску. В 1932 году это означало: запрет торговли зерном, прекращение работы магазинов и других государственных учреждений (в том числе поликлиник), наказание руководителей села, использование — для помощи в проведении заготовок — буксирных бригад из числа горожан и жителей других районов. "Помощь" выражалась в обысках и всякого рода репрессиях. Кроме того, с провинившихся взымались мясоставки на 15 месяцев вперед.

Интересно, что власти при заготовках не допускали замены зерна мясом. Зерно, естественно, было дешевле мяса, и уплатить налоги скотом деревне было сравнительно просто. Такой расчет, кстати, вполне отвечал действующему законодательству. Однако еще выгоднее было просто отобрать скот у крестьян, не имеющих хлеба. Делалось это под предлогом его "разбазаривания".

Ограниченность поголовья, принудительное изъятие скота государством, запрет торговли — все это привело к тому, что в 1932—1933 гг. сельский житель оказался в гораздо худшем положении, чем в иные голодные годы (1891 или 1921).

В числе других специальных мер, направленных против села, отметим отказ государства помочь нуждающимся областям семенами и продовольствием, отказ, оформленный официальным правительственным постановлением. В том же ряду стоят и необычайно жестокие законы против "хищений" в колхозе. Едва ли не каждое такое действие грозило сельскому жителю расстрелом. К разряду хищений были отнесены, например, сбор на полях необранной картошки, свеклы, оставшихся под снегом колосьев.¹ Тем самым была до предела ограничена возможность крестьян использовать для питания суррогаты — средство, к которому они всегда прибегали в трудное время.

Обыски в домах и во дворах (все равно — колхозников или единоличников) с целью обнаружить спрятанные продукты были явлением заурядным. Как отмечал Шолохов в уже упомянутом письме, обыски нередко сопровождался пытками и издевательствами. Свидетели отмечают и случаи прямого уничтожения найденных продуктов в доме крестьянина: отобрав зерно и картошку, "помощники" заливали керосином бочки с соленой капустой и огурцами.

Весь этот чудовищный комплекс мер и привел к голоду в невиданных прежде размерах. В 1931, 1932 и особенно в 1933 г. голод охватил большинство зерновых районов

¹ См. подробнее: Максудов С., Голод 1933 года в постановлениях партии и правительства. "СССР: внутренние противоречия", вып. 10, 1984.

южной (производящей) полосы, но прежде всего — Украину, Северный Кавказ, Крым и Нижнюю Волгу, а также кочевые районы Казахстана.

Ради куска хлеба

Страшны и многообразны формы голода. Трудно и страшно писать о них. Голод стал нормой жизни. Мало кто в стране получал хотя бы минимально удовлетворительное питание. Разве что самые высшие руководители и людоеды. Но обе эти категории составляли ничтожную часть населения. Миллионы людей ложились спать с мыслями о еде. Миллионы голодных вспоминали караван и окорока, существовавшие в доброе старое время. Миллионы были готовы на все ради куска хлеба.

Общее недоедание, отсутствие мяса, масла, молока, яиц, овощей, рыбы, а часто картошки и хлеба — были уделом каждого, независимо от того, жил он в городе или в деревне.

Когда в 1933 году была разрешена продажа хлеба по коммерческим ценам, тысячи людей с утра до ночи толпились в очередях у магазинов. Стояли, вцепившись друг в друга, опасаясь отойти, страшась потерять место. Очевидец рассказывает, как он с самым первым поездом отправлялся из пригородной деревни в Харьков для того, чтобы занять в коммерческом магазине очередь за хлебом. При этом чаще всего хлеб кончался раньше, чем подходила его очередь. За хлебом по карточкам тоже надо было часами выстаивать в очередях, но зато вероятность "стовариться" там была выше.

Голод разделил людей. Многие утратили одно из важнейших человеческих качеств — сострадание, желание помочь ближнему. "Самому мало", — такой ответ обычно слышали люди, не имевшие ничего. Совсем ничего. Тут нужны были океаны человеческой доброты и отзывчивости, а встречались лишь скудные, хотя и драгоценные капли. Фотографии сохранили нам фигуры людей, деловито шагающих по своим делам мимо скрючившегося в канаве ребенка; женщин с хозяйственными сумками, спокойно беседующих о чем-то своем, а неподалеку от дороги валяются трупы; возчиков, восседающих на телегах, из которых торчат руки и ноги...

Сколько их было — безнадежно молящих глаз, протянутых за подаванием рук, разрушенных надежд. Шестилетняя Таня Покидько сорвала на грядке у соседа, Турки Гаврилы, головку чеснока. Турка избил ее так, что она, добравшись до хаты, умерла. Ее отец Степан, бывший красный партизан, взял четырех уже опухших детей и пошел просить помощи у районного начальства. Получив отказ, он оставил детей в кабинете секретаря райисполкома Полонского, сказав: "Лучше вы их съешьте, чем я буду смотреть, как они мучаются." Детей отдали в интернат, где двое из них вскоре погибли. Степан повесился на березе во дворе райисполкома, а его жена Одарка, съев слишком много лягушек, скончалась.

Соседка семейства, Федорчук, пожалела маленьких Николая (шести лет) и Олю (двух лет) и обещала давать им по кружке молока в день. Однако молока дети не получили. Омелий, глава семьи, сказал жене: "У соседей у всех дети давно уже умерли, а мы будем их кормить. Себя надо, пока не поздно, спасать."

Мальчик 7-8 лет украл на базаре печеную рыбу. Толпа остервенело бежит за ним, догоняет, топчет ногами и расходится только тогда, когда детское тельце перестает дергаться.

Селянин Василь Лучко жил на хуторе Лукашенко Полтавской области с женой Оксаной, дочкой 11 лет и двумя сыновьями — шести и четырех лет. Жена его, энергичная сельская активистка, ездила за продуктами в Полтаву, Миргород. Однажды сосед Василь зашел к нему и увидел, что его старший сын повешен на дверях.

— Шо ты сделал, Василь?

— Повесил хлопца.

- А где другой?
- В кладовке лежит, я еще вчера повесил его.
- Зачем ты это сделал?
- Есть нечего. Ксанка как привозит хлеба, все дает детям, детям. А теперь как привезет, она и мне даст.

Можно бесконечно пересказывать эти истории о людях, потерявших человеческий облик. Как охрана застрелила мать троих детей за то, что женщина воровала по ночам мерзлую свеклу, как ее труп был оставлен для устрашения на улице, рядом с домом. А ее маленькие дети умерли от голода.

Как вдоль железной дороги на коленях стояли крестьяне, крича: "Хлеба, хлеба!" а железнодорожная охрана спускала шторы на окнах, запрещая не только бросить им кусок хлеба, но и просто смотреть на них.

Как на секретаря сельрады села Шиловка Полтавской области напали ночью три людоеда. Секретарь с трудом отбил, а утром в домах этих "людей" нашли головы и руки зарезанных детей, чугушки с человеческим мясом.

Сотни очевидцев рассказывают о страшных событиях того времени. В это трудно поверить и невозможно не верить, ибо человеческая фантазия не способна выдумать такое.

Но и обычные истории про добрых, отзывчивых людей, помогавших другим, когда это было возможно, нельзя читать без слез. Вот агроном рассказывает, как он ехал в скором поезде Шепетовка—Баку. На станции Гребенка в вагон сели две крестьянки с детьми. Маленький хлопчик лет четырех, которого мать держала на коленях, заныл: "Мама, кушать..." Женщина посмотрела на ребенка взглядом, исполненным боли, развезала котомку, достала из нее что-то черное, испеченное как коржик, отпилила по маленькому кусочку и дала детям. Пассажиры зашевелились, полезли в сумки и чемоданы, доставая у кого что есть.

— Дьвись, мамо, хлиб! — закричала девочка, когда кто-то протянул краюшку стандартного клейкого хлеба, который выдавали по карточкам. Дети разом кинулись на него, хотели вырвать каждый себе и есть... только есть. Глаза их загорелись, как у голодных зверят. Это продолжалось одно короткое мгновение. Со всех концов вагона пассажиры несли еду, и в следующую минуту дети уже жадно ели, завистливо глядя на то, что им приносили.

Обе матери не выдержали и разрыдались. Следом заплакали и дети, а потом, наверное, и все женщины в вагоне. Мужчины отворачивались, смахивая слезы. Наступила психическая разрядка, что-то прорвалось. То, что люди думали каждый про себя, передалось всем, овладело целым вагоном.

Женщинам в этой истории повезло. Нашелся сердобольный железнодорожник, который купил им билет, хотя у них не было справок из сельсовета. Но тысячи и тысячи крестьян пешком уходили из родных мест, не смея рассчитывать на железную дорогу. Шли, падали, вставали и опять шли.

Очевидец вспоминает. Народ спешит по своим делам: кто на работу, кто в кино, трамвай ходят, а голодные среди народа ползут — дети, дядьки, дивчины, и кажется — это не люди, какие-то большие собаки или кошки паскудные. Какая-то женщина поползла поперек тротуара, ее дворник ногой ударил, она на мостовую скатилась. И не оглянувшись даже, ползет быстро, старается, откуда еще сила. И еще платье отряхивает, запыхалось, видишь.

Некоторым удавалось устроиться на работу на шахтах и на стройках; начальство, нуждавшееся в рабочих руках, порой закрывало глаза на социальное происхождение. Однако многие уже были не пригодны для тяжелого физического труда. Они просили милостыню, собирали объедки, часами выстаивали у домов. Милиция вытаскивала крестьян на вокзалах, на рынках, на улице, грузила на машины и увозила. Куда? В не-

которых случаях в совхозы и на другие государственные предприятия, нуждавшиеся в рабочей силе, чаще же всего — просто подальше от города.¹

Многие приезжали в город, чтобы выменять вещи на продукты. Эти мешочники проникали далеко на север, добирались до Москвы, повторяя в обратном направлении маршруты гражданской войны. На железнодорожных станциях их ловили и все отбирали.

Сергей Фурса рассказывает, как на станции Юзовка милиция обыскивала людей и забирала у них все, что находила. У одного крестьянина отобрали пять фунтов крупы и две буханки хлеба. Он умолял оставить их, объясняя, что дома у него больная жена и дети, просил окружающих за него заступиться. Ничего не помогло. Через полчаса он бросился под поезд.

К инженеру Ломака в Брянскую область приезжала сестра. Он покупал ей крупу и муку, и она отвозила их домой на Украину. Один раз на станции Купянск железнодорожная милиция отобрала все продукты. Картошка, посланная багажом, также была конфискована ГПУ.

Но самые страшные трагедии разыгрывались, когда, вернувшись домой, добытки не заставали в живых близких. Смерть царил в селе. Братские могилы на несколько десятков человек выкапывались впрок, — никто не сомневался, что через несколько дней их заполнят и понадобятся новые. Как рассказывает Лев Копелев, телеги, собирающие тела скончавшихся, стали обычной приметой деревенского быта. Будто так и должно быть: ни прощания с покойником родных и близких, ни отпевания. Заботливая власть присылает на дом своих уполномоченных, интересуясь, не помер ли еще хозяин или кто другой из семьи, и если умер, помогает сбросить мертвое тело в большую общую яму.

Что люди ели? Правильнее спросить, чего они не ели. Желуди считались деликатесом; отруби, полова, мороженая свекла, листья сушеные и свежие, древесные опилки — все шло в ход, наполняя человеческие желудки. Кошки, собаки, вороны, дождевые черви и лягушки стали мясным рационом человека.

Весной, когда появилась трава, дизентерия и понос стали даже большей опасностью, чем голод. Но и нормальная человеческая еда грозила искалеченным людям смертью. Один из научных работников Харьковского технологического института, отправленный вместе с группой студентов в село, рассказывает:

"Когда вышли ужинать, со всего села начали сбегаться голодные дети и даже взрослые и просить хлеба или затирки. Студенты, пораженные страшным видом голодных детей, стали давать им куски хлеба и сваренную затирку. Дети и взрослые с жадностью бросились на еду... Через полчаса или час после этого дети, которые после долгого голодания с жадностью наелись хлеба, с криком и плачем стали падать на землю и корчиться от боли. Среди студентов начались истеричные крики... Тогда руководство приказало студентам зайти в помещение школы, а детей отвести в село..."

Пошли в поле полоть буряки. И тут снова несчастье. Колхоз прикрепил к нашей бригаде одного селянина, точить тяпки. Колхозник молча выполнял свое задание до обеда. Во время обеда студенты от щедрого сердца дали ему немало хлеба и вареной каши, не опасаясь беды. Голодный человек хорошо поел, а через какие-нибудь полчаса тут же умер у всех на глазах..."

Люди разучились есть. Еще один свидетель рассказывает, как в большом селе Киевской области выдали весной по килограмму гречки на человека. Люди ели ее, не помолов (да и негде было), а некоторые — прямо сырой. И многие умерли от этого вполне диетического продукта.

Весной для работающих в поле восстанавливается общественное питание. Правда, не везде и в очень ограниченных размерах, так как прошлогодние угрозы по поводу

¹ Факты, приведенные ниже, взяты из воспоминаний людей, переживших те страшные годы. Часть этих воспоминаний опубликована, часть хранится в архивах зарубежных украинских организаций.

"напрасной траты зерна" всем памятно. Так, например, директор райзо Черноусского района приказал перебрать посевной материал и непригодную картошку продать колхозникам. За эту волюность его сняли.

Директор МТС и начальник ее политотдела просили разрешения ввести в "своих" колхозах общественное питание. За антигосударственные тенденции директора исключили из партии. Положение сельского населения в середине 30-х годов было настолько ужасно, что попавшие в тюрьму считались счастливыми: у них был, хотя и крошечный, но надежный кусок хлеба.

Вот история, рассказанная Иваном Солоневичем — обитателем одного из островов ГУЛАГа в районе Беломорско-Балтийского канала. И он, и другие заключенные сливали остатки щей в кастрюлю, чтобы подкормить ими ребятишек из соседней деревни. Как-то, вернувшись с работы, Солоневич обнаружил, что щи замерзли и превратились в глыбу сплошного льда. "Я решил занести кастрюлю на кухню, поставить ее на плиту, и когда лед слегка оттаял, выкинуть всю эту глыбу вон и в пустую кастрюлю получить свою порцию каши.

Я взял кастрюлю и вышел из палатки. Была почти уже ночь. Пронзительный морозный ветер выл в телеграфных проводах и засыпал глаза снежной пылью. У палаток не было никого. Стайка детей, которые в обеденную пору шныряли здесь, уже разошлась. Вдруг какая-то неясная фигурка метнулась ко мне из-за сугроба, и хриплый, застуженный детский голосок пропещал:

— Дяденька, дяденька, может, что осталось, дяденька, дай...

Это была девочка лет, вероятно, одиннадцати. Ее глаза под спутанными космами волос блестели голодным блеском. А голосок автоматически, привычно, без всякого выражения продолжал скулить:

— Дяденька, давай!

— А тут только лед.

— От щей, дяденька?

— От щей.

— Ничего, дяденька. Ты только дай. Я его сейчас... отогрею... Он сейчас вытряхнется. Ты только дай...

В голосе девочки звучали суетливость, жадность и боязнь отказа. Я соображал как-то туго и стоял в нерешимости. Девочка почти вырвала кастрюлю из моих рук. Потом она распахнула рваный зипунишко, под которым не было ничего, только торчали голые острые ребра, прижала кастрюлю к своему голому тельцу, словно своего ребенка, запахнула зипунишко и села на снег.

Я находился в состоянии такой отупелости, что даже не попытался найти объяснение тому, что эта девочка собиралась делать. Только мелькнула ассоциация о ребенке, о материнском инстинкте, который каким-то чудом живет еще в этом иссохшем тельце. Я прошел в палатку отыскивать другую посуду для каши своей засушенной.

В жизни каждого человека бывают минуты великого унижения. Такую минуту пережил я, когда, ползая под нарами в поисках какой-нибудь посуды, я сообразил, что эта девочка собирается теплом изголодавшегося своего тела растопить эту полупудовую глыбу замерзшей, отвратительной, свиной, но все же пищи; и что во всем этом скелетике тела не хватит и на четверть этой глыбы.

Я очень тяжело ударился головой о какую-то перекладину под нарами, и почти оглушенный от удара, отвращения и ярости, выбежал из палатки. Девочка все еще сидела на том же месте, и ее нижняя челюсть дрожала мелкой частой дрожью.

— Дяденька, не отбирай! — завизжала она. Я схватил ее вместе с кастрюлей и потащил в палатку. В голове мелькали какие-то сумасшедшие мысли. Я что-то, помню, говорил, но думаю, что и мои слова пахли сумасшедшим домом. Девочка вырвалась в истерике у меня из рук и бросилась к выходу из палатки. Я поймал ее и посадил на нары. Ли-

хорадожно, дрожащими руками я стал шарить на полках под нарами. Нашел что-то объедки, пол-пайка Юрино хлеба и что-то еще. Девочка не ожидала, чтобы я протянул ей все это. Она судорожно схватила огрызок хлеба и стала закидывать себе в рот. По ее грязному личику катились слезы еще не остывшего испуга. Я стоял перед нею прищипленный, полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к самому себе."¹

Но главной заботой лета 1933 г. была охрана урожая. Ставилась задача сохранить каждое зернышко. Не от птиц или грызунов. От людей. На полях были сооружены дозорные вышки. Конные разъезды притаились в засадах. Сельским жителям не должно было достаться ни одного колоска колхозного хлеба. Страшный закон от 7 августа, грозивший расстрелом за все, не зря был прозван в народе законом о колосках.

Даже с собственного поля колхозник не имел права унести ни одного зернышка. Специальное распоряжение запрещало жатву раньше времени, и вдова — мать шестерых пухнувших от голода детей, срезавшая у себя на огороде несколько колосков, — получила три с половиной года заключения в трудовой колонии. Здесь она и умерла через две недели. Хищение зафиксировали голова сельрады, председатель колхоза и агроном. Они смололи снопы, взвесили их, затем через несколько дней, когда пшеница дозрела, вновь повторили операцию и определили, сколько граммов зерна государство недополучило (или могло недополучить) из-за преступного желания матери накормить своих детей. Труд государственных чиновников, каждый из которых съел в тот день больше хлеба, чем собиралась несчастная мать скормить своим детям, оправдал себя. Они доказали, что преступные действия вдовы лишили государство 100 граммов причитающегося ему зерна.

Охрана урожая стала делом государственной важности. В операции участвовали не только взрослые, но и совсем маленькие дети. Как утверждал С.Косиор, в то лето 500 тысяч пионеров сторожили поля от своих родителей.

Правда, другие очевидцы рисуют менее патетическую картину.

"Разговаривая друг с другом, усталые колхозники шли с поля. И вдруг, что за явление? На краю деревни они догоняют странное сборище детей, старух и стариков под охраной головы сельрады Зозули Самойло, вооруженного ружьем и пистолетом, верхом на коне. Плетется толпа медленно. Детишки в запачканных, сто раз заплатаанных портках и рубашках, все босиком и почти у каждого через плечо котомка, а в ней — вещественные доказательства этих великих преступлений. Важных преступников вышел встречать сам начальник районной милиции Смирнов. "Тони их всех в сарай, а завтра разберемся, кого куда!" А утром несколько детских трупов похоронная бригада увезла на кладбище. Мертвые уже вне закона."

ТАСС уполномочен заявить...

Много усилий тратилось на то, чтобы скрыть происходящее. Конечно, о голоде знала вся страна, но правдивой и полной информации ни у кого не было. Н.Хрущев, занимавший тогда высокий пост в Московском горкоме партии, пишет, что достаточно подробно узнал о масштабах голода лишь через несколько лет. П.Григоренко, отправившийся в деревню спасать отца, только там смог оценить весь ужас происходящего.

ТАСС выпустил специальное опровержение, категорически отменяя все сообщения о голоде, появившиеся за границей. Агентство клеймило позором черную клевету на прекрасную советскую действительность. Пришлось решительно ограничить поездки иностранных корреспондентов.

Чтобы скрыть от населения чудовищные подробности голода, дела о людоедстве были изъяты из компетенции обычных судов.²

¹ Иван Солоневич, Россия в концлагере., 1958, стр.161-163.

² Украинский сборник, № 2, 1955, стр. 97.

Отдел кодификации законов при Наркомюсте СССР письмом своим от ... с.г. за № 175-К разъяснил:

Ввиду того, что существующим уголовным законодательством не предусмотрено наказание для лиц, виновных в людоедстве, а поэтому все дела обвинения в людоедстве должны быть немедленно переданы местным органам ОГПУ. Если людоедству предшествовало убийство, предусмотренное ст.142 УК, эти дела также должны быть изъяты из судов и следственных органов системы Наркомюста и переданы на рассмотрение коллегии ОГПУ в Москве.

Это распоряжение примите к неуклонному исполнению.

Зам.Наркома
ОГПУ УССР *Карлсон*

Прокурор республики
Михайлик

Покров тайны был настолько непроницаем, что даже крупные руководители местного масштаба не были уверены, что в центре представляют себе реальное положение дел. Н.Хрущев вспоминает:

"Микоян рассказал мне, что товарищ Демченко, бывший тогда первым секретарем Киевского обкома партии, однажды приехал к нему в Москву. И вот что Демченко ему сказал: "Анастас Иванович, знает ли товарищ Сталин или хоть кто-нибудь в Политбюро, что делается на Украине? Так если нет, я приведу вам пример, чтобы вы имели об этом хоть какое-нибудь представление. Вот недавно в Киев прибыл поезд, нагруженный трупами людей, умерших с голоду. Это был поезд, подбиравший трупы вдоль железнодорожного полотна от Полтавы до Киева. Мне кажется, что хорошо бы, чтобы кто-нибудь проинформировал товарища Сталина про это положение."¹

Не только секретари обкомов обращали свои взоры на Кремль в это трагическое время. Сотни тысяч людей, ежедневно читавших в газетах о мудром вожде, писали ему в надежде, что он узнает и поможет.

"Я Вас любила и люблю, Иосиф Виссарионович. И я не верю, что Вы допустите, чтобы я погибла в расцвете моей молодости так трагично и бессмысленно от голодной смерти", — пишет комсомолка, ученица 8-го класса, дочь красного партизана из села Стовбина Долина Харьковской области.

Девочка рассказывает вождю, что у них в доме уже больше месяца нет ни кусочка хлеба. Мы не знаем, умилялся ли товарищ Сталин, читая это наивное детское письмо, или хмурился. Во всяком случае, кусок не застревал у него в горле. Очевидцы вспоминают, что он охотно участвовал в многочисленных кремлевских пирах, вообще вождь человечества всегда любил покушать и не отказывал себе в этом невинном удовольствии. Правда, как свидетельствуют современники, где-то в начале 30-х годов товарищ Сталин перестал спать по ночам.

В заключение приведу маленькую историю о том, как преломились те далекие годы в наше время. У матери моего знакомого, живущего в Австралии, обнаружилось психическое расстройство, а, проще, душевная болезнь. В 30-е годы она работала бухгалтером-экономистом в Полтаве. Сейчас она потеряла память, к ней охватил страх. Бедная женщина боится соседей. Ей кажется, что они следят за ней, когда она ест. Она пугается и одновременно испытывает чувство вины: бедные, у них нет своего дома, им нечего есть. Иногда она печет пироги и нарочно ставит их на окно: пусть соседям будет что красть...

Демоны тех далеких и страшных дней терзают душу этой несчастной женщины. Мне кажется, что сегодняшнее советское общество переживает нечто подобное. Оно лишено памяти, но смутное ощущение вины и страха живет в его историческом подсознании. ●

¹ Воспоминания Н.С.Хрущева, Бостон, 1970, стр. 73-74.

НОВЫЙ ПОРЯДОК

Невольно возникает вопрос: почему люди терпели? Почему не пытались прекратить это страшное нечеловеческое положение, заставить вернуть себе отобранное продовольствие? Они восставали. Грабили магазины и склады, убивали своих мучителей. Но восстания эти были без надежды на победу. Главными участниками выступлений были женщины. Не потому, что мужчины трусливее, а потому, что бунтовщики знали, что они беспомощны и беззащитны, знали, что поражение и наказание неизбежны и рассчитывали только на снисхождение будущих победителей. Снисхождения не было. Эти бунты без надежды было нетрудно подавить.

Осенью и зимой 1932—33 г. государство уже не боялось сельского населения. Оно лишь демонстрировало ему свою абсолютную силу, требовало беспрекословного подчинения.

В это время принимаются принципиально новые решения, которые в течение долгого времени были основой советской системы сельскохозяйственного производства. Правительство формулирует новые правила игры. Смысл их сводился к следующему. Государство берет на себя монопольное право распоряжаться всей продукцией сельского хозяйства, орудиями и средствами производства, организацией работ. Не существует никаких обязательств государства перед сельским жителем.

Долг крестьянина — хорошо работать, беспрекословно подчи-

няться всем распоряжениям и постановлениям власти. В этом случае он не будет наказан. При хорошем урожае и честном отношении к труду сельское население получит свою долю — то, что останется после сдачи государству и создания фондов и резервов. При плохой работе оно ничего не получит и будет наказано самым жестоким образом, в частности, полным изъятием продовольствия, депортацией в другие районы страны, арестом и тюрьмой.

Поставленный на колени голодом сельский житель принял все пункты нового устава почти без сопротивления. При описании событий тех лет советские исследователи больше не сообщают нам о поджогах, убийствах, бунтах, которыми были так богаты конец 20-х — начало 30-х годов. У сельского жителя остался лишь единственный недостаток — он не умел хорошо работать в колхозе. Но от этого порока его быстро и успешно отучали.

Разоблачение вредителей, расхитителей, скрытых кулаков и агентов империализма продолжалось еще десятки лет. Но эти разоблачения не ставили себе целью подавить сопротивление, то были лишь учебные примеры, наглядная агитация, чего не следует делать: воровать, обманывать государство, не выполнять распоряжений. На этих примерах была воспитана когорта исполнительных чиновников, ставших проводниками самых бессмысленных и бесполезных решений центральной власти.

Для того, чтобы лучше понять глубину происшедших перемен, следует сопоставить постановления правительства 1933 г. с аналогичными документами предшествующих лет. Возьмем постановление ЦИК о расширенном яровом севе весной 1928 года.

”Крестьяне и крестьянки должны отдавать себе ясный отчет в значении текущей весенней посевной кампании. Успешное проведение этой кампании означает серьезный вклад в социалистическое хозяйственное строительство. Успешная весенняя яровая кампания — это одновременно означает успешное, более полное снабжение деревни необходимыми промышленными изделиями”.¹

”Крестьяне и крестьянки...” такого прямого человеческого обращения сельский житель больше не удостоивается. В 1933 г. постановления направляются либо к руководителям ведомств, либо вообще не имеют прямого адресата, исполнители не посмеют сделать вид, что это к ним не относится.

1933 год

”Центральный комитет Союза ССР обязывает все исполнительные комитеты, советы и земельные органы, МТС и колхозы немедленно включиться в работу по подготовке к севу...”

1928 год

”Со своей стороны, каждый крестьянин и каждая крестьянка должны всемерно стремиться к тому, чтобы улучшать свое хозяйство, развивать его производительность с помощью и под руководством советской власти. Вспомните, сколько крестьяне выгадали, заменив старую трехпольную систему многопольной. Посмотрите, насколько больше вам земля стала давать после того, как вы стали ее обрабатывать хорошим плугом, машинами, в том числе тракторами”.

1933 год

”Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) ставят главной задачей весенней посевной кампании... уничтожение сорняков, полную засыпку семян, недопущения малейшего опоздания к севу и полное выполнение посевного плана, сокращение сроков сева и действительное улучшение качества обработки земли... Провести сплошную очистку полей от сорняков путем их сжигания и другими методами, предоставить райисполкомам право мобилизации крестьянского населения в порядке трудовой повинности...”

1928 год

”...сколько крестьянских сил и крестьянского времени вы сэкономили там, где стали обрабатывать землю сообща, где ввели общественные, коллективные формы землепользования. Переход на более высокий уровень производства не под силу единоличным хозяйствам — у них сплошь и рядом нет для этого ни достаточных средств, ни необходимых навыков. Наиболее верный путь к поднятию сельского хозяйства — путь Ленина, путь объединения маломощных и середняцких хозяйств, создание товариществ, артелей, коммун и коллективов для совместной обработки земли, для общественного труда”.

1933 год

”Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) указывают, что без установления твердой трудовой дисциплины в колхозах невозможно успешное проведение весеннего сева; в связи с этим невыход на работу и злостно-небрежное

отношение к работе в поле со стороны отдельных колхозников должны караться без всякого снисхождения, вплоть до исключения из колхоза.

Совет народных комиссаров и Центральный комитет ВКП(б) предупреждают партийные и советские организации... что их первой обязанностью является сломить всякое проявление кулацкого саботажа и вредительства, которые еще могут повториться в ряде районов во время сбора семян или во время сева, причем всякое снисхождение к врагам народа, саботирующим сев, будет рассматриваться как помощь с их стороны кулаку и контрреволюционному вредителю.

Совет народных комиссаров и Центральный комитет ВКП(б) обязывают местные органы власти рассматривать уличенных в краже семян из амбаров и сеялок или во вредительском уменьшении норм высева и вредительской работе при пахоте и севе, рассчитанной на порчу полей и срыв урожая, — как расхитителей колхозной и государственной собственности и применять к ним декрет от 7 августа 1932 года об охране общественной собственности, не допуская снисхождения”.²

Эти документы настолько разнятся между собой, что кажется, будто между ними прошли века, а не какие-то четыре года. В одном, крестьянам объясняют, как хорошо и полезно было бы расширить посевную площадь, в другом, советским местными руководителям напоминают, что каждый крестьянин, пока еще сохраняющий право пользования государственной землей, обязан... должен... необходимо его контролировать и, в случае чего, примерно наказать, вплоть до лишения земли, выселения или даже расстрела.

Но главные изменения произошли не в организации производства, а в способах и размерах распределения продукции. До 1928 г. сельское население платило денежный налог примерно равный 10–15% чистого дохода.³ Долю изымаемого дохода можно примерно оценить по размерам последнего натурального налога, в 1923/24 г. — 81,6 млн. центнеров зерна (в пересчете на зерно всех других продуктов).⁴ Это составило 14,4% от валового сбора.

В 1933 г. публикуется постановление, которое содержит почти все основные принципы, использовавшиеся в сельском хозяйстве в последующие 25 лет. Обязательные поставки государству, не зависящие от размера урожая и засеянной площади (налогом облагается площадь, которую приказано засеять). Размер поставок

близок к половине валового сбора для колхозов, не обслуживаемых МТС (средняя урожайность в 1933—36 гг. составляла около 6,6 центнеров с гектара).⁵ К налоговой ставке 2,5—3 центнера с га надо прибавить гарнцевый сбор, скидку за качество зерна, налог с неспаханых земель и погибших посевов. Колхозы, обслуживаемые МТС, и единоличники сдают еще более высокую долю урожая.

Цены на зерно остаются фиксированными. Практически это означает бесплатную сдачу зерна государству, так как уже в 1933—35 гг. заготовительные цены были в десятки раз ниже фактических (рыночных). За качество и доставку зерна отвечают колхозы. Неисполнение плана строго карается.

На колхозы накладывается штраф "в размере рыночной стоимости невыполненной части обязательства и сверх того к этим колхозам предъявляется требование о досрочном выполнении всего годового обязательства, подлежащего взысканию в бесспорном порядке... Единоличные хозяйства, не выполнившие своих обязательств по сдаче зерна государству к установленному настоящим постановлением сроку, привлекаются к судебной ответственности..."⁶

Таким образом государство обеспечивало себе большую часть урожая без всяких встречных обязательств, кроме наказания невыполнивших план.

Принципиальное отличие новой системы от старой неоднократно подчеркивалось в дальнейшем:

"В отличие от прежних лет, мы имеем в этом году не хлебозаготовки старого типа, проводившиеся на основе не вполне определенных контрактационных договоров с крестьянством, а зернопоставки, основанные на твердом и непрерываемом законе, обязательном к выполнению всеми колхозами и единоличниками. Это значит, что никакое уклонение от обязательств от сдачи зерна в срок не должно быть допущено ни под каким видом".⁷

В первый момент правительство упустило вопрос о собственной земле колхозников, но еще до первого урожая успело спохватиться:

"Распространить закон об обязательной зернопоставке на колхозников, посеявших зерновые культуры на приусадебных землях, из расчета фактического посева на 5% ниже нормы единоличников и на 5% выше нормы колхозов".⁸

Претендуя примерно на половину урожая при среднем валовом сборе, государство, однако, не забыло распорядиться, что делать с оставшимся зерном:

”...обеспечивается право самих колхозников свободно распоряжаться остатками хлеба в колхозах после выполнения колхозом своих обязательств перед государством и после засыпки обязательных фондов — семенных, страховых, фуражных... Совет народных комиссаров и ЦК ВКП(б) разъясняют, что если сами колхозы пожелают, они имеют право постановлением общего собрания с участием не менее 2/3 колхозников создавать и другие фонды в колхозах, как-то фонд на увеличение неделимых капиталов в колхозах, а также фонд для оказания помощи инвалидам, семьям красноармейцев, на содержание детских яслей”.⁹

Таким образом устанавливалась четкая иерархия потребителей зерна: государство — примерно 40–60% урожая, земля — 15–20%, скот, принадлежащий колхозу — 10–15%, сельское население — 20–25%, фонд помощи и иные общественные расходы — 1–2,5%.¹⁰ Вопрос, достаточно ли колхознику и его домашним животным четверти или пятой части урожая, обсуждению не подлежал. Опыт 1933 г. показал, что ”более чем достаточно”.

Вскоре одно за другим следуют решения и постановления, регулирующие все остальные аспекты сельскохозяйственного производства. Как выращивать картошку, свеклу, хлопок, лен и т. д., как распределять урожай каждой из этих культур.

Принципиально важным были, однако, два вопроса: как проследить, чтобы крестьянин действительно работал, а не пытался обмануть государство, воруя его продукты, и что есть сельскому населению.

Товарища Сталина в этот период очень волнует нравственно-экономическая проблема. Принимая делегацию колхозников Днепропетровской области, он им объяснил: ”...главное теперь работать в колхозах честно. Если все колхозы будут работать честно, то они завалят продуктами и товарами наши города”.¹¹

Но ни ученикам, ни учителям освоить эту премудрость так и не удалось, поэтому для наблюдения за работающими были образованы политотделы.

Политотделы

Политотделы были специальной системой контроля за сельскими жителями и местным руководством. Они создавались при МТС

и совхозах и охватывали практически всю страну. Они должны были обеспечить точное соблюдение правительственных распоряжений. Начальники политотделов подбирались уже не из рабочих с производственным стажем, их время прошло, а из офицерских кадров и партийной верхушки. Заместителями были уполномоченные ОГПУ. (25% начальников политотделов Северного Кавказа служили в армии комиссарами корпусов, начподивами и военкомами.)¹²

На Украине было создано 846 политотделов, в которых работало 4.500 коммунистов. Начальники политотделов проходили специальную комиссию ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У. Создавался новый сильный аппарат специального назначения.

Обвинения в саботаже, вредительстве, аресты и изгнание из колхозов были главным оружием, помогавшим политотделам установить суровую дисциплину. По данным политотделов 24-х областей за 1933 г. были сняты с работы как вредители 30% агрономов, 47,3% счетоводов, 23,7% учетчиков, 24,4% конюхов, 13% трактористов. Врагами колхозного строя было объявлено 25–33% председателей колхозов Казахстана, Нижней Волги, Северного Кавказа.¹³

В Одесской области политотделы сменили 49,2% председателей колхозов, 44,3% завхозов, 32,2% бригадиров. Еще более интенсивные перемены были проведены в Донбассе.¹⁴

Из колхозов были выброшены сотни тысяч человек. "И лишь немногие, — констатирует нарком земледелия Яковлев, — были действительно неисправимыми".¹⁵ В отличие от 1929–1932 гг., исключенным не возвращалась земля и орудия производства. В лучшем случае они оставались на свободе.

Только в 24 совхозах Украины политотделы разоблачили 564 кулака и 644 активных петлюровца, т. е. в среднем по 50 человек на совхоз при средней численности персонала около 400 человек.¹⁶

Важной особенностью политотделов была строгая централизация. Они подчинялись не местному руководству, а прямо Москве. Странно и нелепо видеть в документах Смоленского архива рапорты, посылаемые в Кремль (копия — в обком Западной области) о том, что к трактору Форзон нужна шестеренка, сын лишенца в далекой деревушке выражал сомнения в мудрости последних распоряжений, а Иванов не написал заметки в стенгазету.¹⁷

Этот централизованный контроль поставил под надзор и партий-

ный аппарат, продемонстрировал местным руководителям, что они не всемогущи, что без них могут обойтись и тут же снимут при неподчинении и невыполнении распоряжений. Практически руководители политотделов должны были сразу начать отыскивать недостатки в работе партийного и государственного аппарата, иначе на них самих ложилась ответственность за невыполнение плана. Доносы на районных руководителей, директоров совхозов и МТС стали их средством самозащиты.

“Политотделы, — писал С. Киров, — были свежей струей в деревне, которая оживила и растормошила работу и секретарей райкомов, и председателей райисполкомов, и директоров совхозов и МТС”.¹⁸

Но и в политотделах, несмотря на специальный отбор, нередко оказывались люди, заинтересованные в укреплении экономики, сочувствующие колхозникам. Так, глава политотделов Криницкий на пленуме ЦК 28 декабря 1933 г. сообщил, что в 15-ти политотделах Харьковской области засели вредители, которые, скрывая хороший урожай, добивались, чтобы их колхозы были признаны неурожайными.¹⁹ Антигосударственные тенденции открылись у начальников политотделов и в Днепропетровской, и в Винницкой области, где они преувеличивали посевные фонды в колхозах. И вот уже начальников политотделов вычищают из партии и называют, если не кулаками, то подкулачниками.

Но такие действия были скорее исключением, чем правилом. В целом политотделы оправдали надежды высшего руководства, обеспечивая контроль на всех уровнях, беспрекословное выполнение распоряжений, расстановку кадров.

Как сильная внешняя власть политотделы во многих местах действительно навели порядок и улучшили организацию работ. Но главное, они показали сельскому жителю, включая и сельского администратора, что он находится под жестким государственным контролем.

Появление политотделов совпало с внутренней капитуляцией деревни. Ей была дана возможность убедиться, что сопротивление бесполезно, она уже чувствовала, что возврата к старым порядкам не будет, она побывала на краю полного уничтожения. Сельскому жителю больше всего хотелось в этот момент хоть как-то устроить свою жизнь. Пусть не как прежде, но хоть каким-нибудь образом. Политотделы оказались тем аппаратом, который принял капитуля-

цию. Это положение хорошо выразил один крестьянин, письмо которого любят цитировать советские авторы:

”Мы те же люди, что и раньше были. Только порядка у нас не было. Пришел политотдел, прощупал нас, показал каждому заслуженное место, навел порядок, и тогда мы сами почувствовали свою силу”.²⁰

Действительно, где уж было сельскому дурачку разобраться, на что он способен, чем ему следует заниматься. Его надо было ”прощупать”, припугнуть, заставить работать. Этот сталинский политотдел, пришедший на смену ленинской кухарке, умудрявшейся управлять государством, очень знаменателен.

Через два года от политотделов решено было отказаться, так как возникали трения между ними и местными партийными организациями. Начальники политотделов были награждены орденами и переведены на руководящую работу, главным образом — секретарями райкомов.

Устав сельскохозяйственной артели

Вопрос, что же есть крестьянину, после столь решительного перераспределения продуктов, правительство в первое время совершенно не интересовало. Увлекаясь нормированием и кодификацией всех без исключения сторон сельскохозяйственной жизни, выпуская сотни предписаний, в которых регламентировалось все (нормы вывоза удобрений, глубина боронования, распределение соломы, правила откорма свиней, фуражные выдачи лошадям и т. д. и т. п.), руководство ни разу не обмолвилось, какой минимальный уровень снабжения полагается сельскому населению. Кроме общих соображений, что крестьянина следует кормить в последнюю очередь, после того как будут созданы все фонды, никаких указаний на эту тему дано не было. Вероятно, предполагалось, что взяв фиксированную долю урожая и распределив еще 30% по разным фондам, государство предоставляет крестьянину широкую возможность для поднятия производительности труда. Увеличив урожайность, он сможет получить зерно в свое распоряжение. Была предложена и другая возможность — расширение площадей. С площади, запаханной сверх плана, налоги вообще не брались.²¹ Обе идеи опирались на излюбленный конек Сталина тех лет — материальную заинтересованность.

Однако обе идеи не привели к желаемым результатам. Дело в том, что в созданной системе крестьянин был лишен возможности оказывать влияние на колхозное производство. Все попытки создать непосредственно работающие маленькие коллективы (бригады, звенья) упирались в централизованную систему руководства. Интересы же начальства были иными. Здесь наиболее важным фактором являлось выполнение существующего плана, будь то посев озимых, внедрение травополя или что другое. Поэтому урожайность практически всех культур оказалась в колхозах ниже, чем до революции и в доколхозный период.

Решение продовольственной проблемы в селе произошло сначала стихийным образом. Формулируя свои требования к колхозам, государство в первый момент не учло, что незначительное количество земли, приусадебные участки, еще находятся в личном распоряжении колхозников. Потом эта ошибка была исправлена. Однако налогами были обложены лишь посевы зерновых, и некоторое время колхозники на приусадебных участках могли выращивать овощи и картофель почти беспрепятственно.

Второй точкой опоры оказался скот. Государство обложило поставками мяса каждый двор, колхозный — в размере от 15 до 32 кг., в зависимости от района и наличия в колхозе животноводческой фермы, единоличный — от 45 до 50 кг.²² Но из этого факта следовало право семьи иметь домашних животных. Продукты животноводства стали существенным подспорьем сельской семье, реализуемые в городе на рынке и потребляемые дома. В этом случае принцип материальной заинтересованности сработал успешно. Государство облагало налогом хозяйство, но продуктами сверх налога можно было пользоваться самому крестьянину. Он знал, что из двух выращенных свиней одна будет его, и это, несмотря на отсутствие кормов, стимулировало развитие животноводства. Продукты с приусадебного участка и домашний скот позволили сельскому жителю существовать.

На этом промежуточном, никем раньше не предусмотренном этапе система неожиданно застыла. Преобразования закончились. Отдельные мероприятия последующих лет вносили лишь некоторые коррективы, расставляя там или здесь ударения. (Увеличивались налоги, переселялись жители хуторов и далеких поселков, сокращалась площадь приусадебных участков, но все это были уточнения в сложившемся и работающем механизме.)

Под этот странный симбиоз колхозного производства и личного приусадебного хозяйства была подведена товарищем Сталиным и соответствующая теоретическая база.

”Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, крупное и решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд, и есть наряду с этим небольшое личное хозяйство, необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника. Коль скоро имеются семьи, дети, личные потребности и личные вкусы, то с этим нельзя не считаться...

Сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов — вот где ключ укрепления колхозов”.²³

Устав сельскохозяйственной артели, принятый 17 февраля 1935 года четко разделил эти две сферы интересов крестьянина и государства.²⁴ За крестьянином оставались приусадебный участок размером 0,25—0,5 га, в некоторых районах до 1 га, скот: корова и две головы молодняка, свиноматка с приплодом, до 10 овец и коз, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев. В его распоряжении оставался дом, хозяйственные постройки для скота и мелкий инвентарь. В отдельных районах в эти нормы были внесены изменения. К продуктам, получаемым на приусадебном участке, артель никакого отношения не имеет, и колхозник сам рассчитывается за них перед государством, уплачивая налоги.

В свою очередь колхозник обязан работать на полях и фермах, не слишком рассчитывая на вознаграждение. Правда, в завуалированном виде государство признало минимальный размер выдачи зерна колхозникам. В уставе указано, что после начала молотбы хлебов из урожая, отчисляемого на внутриколхозные нужды, выдаются натуральные авансы — 10—15% намолоченного хлеба. Так как практика отбирания авансов обратно использовалась только в 1932 г., можно считать, что государство признает за производителем право на десятую часть урожая. Это, конечно, меньше, чем 9/10, которые крестьянин имел в прежние времена, но все-таки определенная доля. (Обещание 10—15% фактически обмолоченного хлеба содержалось уже в постановлении об уборочной кампании 1932 года.²⁵ Однако тогда на Украине оно привело к печальным результатам. Было приказано отобрать обратно выданное — ”разбазаренное” зерно, и в домах у колхозников так же, как и у единоличников, проводились обыски.)

Важной особенностью нового устава был пункт о земле. "Земля, занимаемая артелью (как и всякая другая земля в СССР), есть общенародная собственность. Она, согласно законам рабоче-крестьянского государства, закрепляется за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно, и не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче артелью в аренду".

Также из устава артели неясно, что стало с Правом трудящихся на землю, которое гарантировалось "всем желающим обрабатывать землю своим трудом, гражданам СССР без различия пола, вероисповедания, национальности". Все они могли получить землю в трудовое пользование (включая и иностранцев) "без установления наперед определенного срока", и лишить их этого права никто не мог. Потерять землю эти трудящиеся могли лишь в нескольких оговоренных законом случаях.²⁶

Согласно уставу, колхозник обязан работать в артели добросовестно, аккуратно выполняя все обязанности и распоряжения и соблюдая дисциплину труда.

За плохую работу колхознику грозят самые разнообразные наказания, а за хорошую — записываются трудовые дни. По этим трудовым дням он может получить некоторую часть доходов артели, если таковые окажутся.

Распределение доходов перечисляется в уставе дважды: для урожая и продуктов животноводства и для денежных поступлений. Оба раза указывается, что члены артели получают все оставшиеся после выполнения обязанностей перед государством — создания фондов семян, фуража, страхового фонда (для животноводства, конечно, не для колхозников), помощи инвалидам, сиротам и семьям красноармейцев, расходов на борьбу с вредителями, покупку средств производства, страховых взносов, уплаты административных расходов, затрат на культурные нужды и подготовку кадров, пополнения неделимых фондов в размере 10—20% денежных доходов. Все, что останется после этих расходов и затрат, принадлежит колхозникам и делится между ними пропорционально заработанным трудовым дням.

Как член артели колхозник должен выполнять все предписания государства:

"Артель обязуется вести свое коллективное хозяйство по плану, точно соблюдая установленные органами рабоче-крестьянского правительства планы сельскохозяйственно-

го производства и обязательства артели перед государством.

Артель принимает к точному исполнению: планы сева, подъема паров, междурядной обработки, уборки, молотбы и зяблевой пахоты, составляемые с учетом состояния и особенностей колхозов, а также государственный план развития животноводства”.

Слово ”план” повторяется два раза в одном предложении не случайно. План стал символом веры того времени, наряду с соцсоревнованием и материальной заинтересованностью или даже больше их.

”Партия выдвинула новое мощное орудие в деле подъема животноводства — государственный план”, — записал в своем постановлении VII съезд Советов 6 февраля 1935 года.²⁷ И хотя ни один план по сельскому хозяйству ни разу не был выполнен, и, порой происходило прямо противоположное намеченному, — это ни в коей степени не дискредитировало саму волшебную идею. Новые планы с маниакальным упорством становились на место старых, чтобы вновь доказать свою нереальность. Будущие достижения кружили голову и помогали мириться с настоящим. В этом действительно была могущественная сила составляемых планов.

Принятием устава сельскохозяйственной артели период коллективизации был завершен и оформлен. С небольшими модификациями сложившаяся система просуществовала вплоть до реорганизаций Н. Хрущева в середине 50-х годов.

Единоличники

Проблема единоличников была решена простым способом. Им было отказано в праве на существование. Сделано это было с помощью налогообложения, внутри которого единоличник занял место исчезнувшего кулака. Налог на хозяйство единоличника устанавливался местными Советами практически произвольно. Уже в 1934 г. налоги в два или три раза превысили доходы единоличника. Норма сдачи зерна для него в августе 1934 г. на 50% превышала норму для колхозов, не обслуживаемых МТС.²⁸ Для Украины это означало 4,5 центнера с га засеянной площади, если прибавить расходы на семена (около 1,3 центнера с га), то окажется, что при среднем урожае 1933—36 гг. в 6,6 центнеров с га, на долю единоличника оставалось 0,8 центнеров с га. Однако он также

должен был заплатить так называемое самообложение, равное по объему сельскохозяйственному налогу. Кроме того, в 1932 г. был введен единовременный налог на единоличников, ставки которого были дифференцированы от нескольких десятков рублей до 175% сельскохозяйственного налога (для кулаков — 200%).²⁹ Этим налогообложение единоличника не исчерпывалось, но и этого было достаточно для полного разорения. Специальным постановлением правительство отменяет все ограничения, которые прежде существовали на конфискуемое у крестьян имущество:

”При невыполнении в срок единоличными хозяйствами государственных обязательных натуральных поставок и неуплате денежных платежей, взыскание обращается на все имущество единоличных хозяйств за исключением лишь дома, топлива, необходимого для отопления жилых помещений, носильного зимнего и летнего платья, обуви, белья и других предметов домашнего обихода, необходимых для недоимщика и лиц, состоящих на его иждивении”.³⁰

Чтобы понять, что имелось в виду, следует привести ограничения, имевшиеся прежде и отменявшиеся этим постановлением.

”Взыскание не может быть обращено на следующее имущество частных предприятий и лиц (кроме кулацких хозяйств и лиц, облагаемых подходящим налогом по расписанию № 3):

- а) на сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь в количестве, необходимом для ведения сельского хозяйства;
- б) на жилые и хозяйственные постройки, составляющие неотъемлемую принадлежность сельского хозяйства;
- в) на продовольственные продукты лиц, занимающихся сельским хозяйством, в количестве, необходимом для недоимщика и его иждивенцев до нового урожая;
- г) на семена в количестве, необходимом для посевов в текущем хозяйственном году, а в скотоводческих хозяйствах — на скот в количестве, необходимом для сохранения хозяйства;
- д) на корм скоту в количестве, необходимом до сбора новых кормов;
- е) на неснятый урожай;
- ж) на оборудование производства, инструменты, пособия

и книги, необходимые для профессиональных занятий недоимщиков, работающих без наемного труда или имеющих не более 3 наемных рабочих;

з) на сырье и топливо, необходимое для работы предприятий в течение 3 месяцев;

и) на необходимое для недоимщика и лиц, состоящих на его иждивении, носильное зимнее и летнее платье, белье, обувь и другие необходимые предметы домашнего обихода;

к) на запас топлива, необходимый для отопления жилых помещений;

л) на паевые взносы членов кооперативных организаций;

м) на причитающееся недоимщику страховое вознаграждение по обязательному страхованию".³¹

Таким образом, единоличник был обложен налогами, непосильными ни при каких обстоятельствах, и было решено конфисковать за невыполнение налогов его хозяйство и все продовольственные запасы, все, кроме одежды.

Судьба единоличников после этого сложилась по-разному. Одни вступили в колхозы, не дожидаясь конфискации имущества, другие — после того, как их дом и вещи были распроданы; третьи бежали в город или устроились на работу на государственные предприятия (совхозы, железную дорогу и т. п.), четвертые были арестованы. Так или иначе, сельскохозяйственное производство единоличниками было прекращено в течение 2—3 лет в европейской части страны и несколько позже — в азиатских районах.

Следует отметить, что завершение коллективизации было некоторым рубежом не только для сельского населения, но и для партийного руководства. Увидев, что победа достигнута и крестьяне больше не оказывают сопротивления, товарищ Сталин простил сельских жителей. Были сняты в ряде случаев недоимки по зернопоставкам и взыскание ссуд распределено на три года.³²

Было решено прекратить массовые произвольные аресты кем угодно и кого угодно. Право ареста становится привилегией ОГПУ и милиции, причем и над ними вводится прокурорский надзор. Резко ограничиваются депортации. Численность заключенных в тюрьмах уменьшается в два раза с 800 до 400 тысяч, причем для каждого места заключения вводятся предельные нормы числа содержащихся там под стражей, выше которых начальники тюрем

не должны принимать арестованных. Предписывается "обязательно обеспечить арестованных хлебным пайком".

Контрольным комиссиям поручается проверять контингенты арестуемых и переселяемых, чтобы в их число попадали только активные противники колхозов и организаторы отказа от сева и заготовок. Они должны были следить за организацией транспорта и снабжения высылаемых, медицинским состоянием мест заключения (бороться с сыпным тифом) и т. д.³³

Даже "важнейший" закон от 7 августа "основа революционной законности" подвергнут КК ВКП(б) некоторой косвенной критике. Он оказывается "применялся довольно часто неправильно". Закон перестает постоянно упоминаться в правительственных постановлениях и число наказанных по этой статье снижается в десятки раз.³⁴

Общий смысл принятых решений сводился к переходу от массовых репрессий против всего сельского населения к подавлению лишь активно сопротивляющихся противников. Это означало, что власть больше не считает себя в состоянии гражданской войны с селом и согласна вернуться к законным с точки зрения государства формам репрессий.

Значительное число колхозников было выпущено из тюрем.

"Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

1. Снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 5 лет либо к иным более мягким мерам наказания и отбывших данное им наказание или досрочно освобожденных до издания настоящего постановления, если они в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах, хотя бы они в момент совершения преступления были единоличниками.

2. Действие этого постановления не распространяется:

- а) на осужденных за контрреволюционные преступления и особо опасные преступления против порядка управления;
- б) на осужденных по всем преступлениям на сроки свыше 5 лет лишения свободы;
- в) на рецидивистов;
- г) на лиц, осужденных за злостное и систематическое невыполнение обязательств по поставкам сельскохозяйственных продуктов (зернопоставки, мясо и молокопоставки и др.)³⁵

А в секретной инструкции, описывающей это же решение ЦК и СНК, говорилось:

”Теперь задача состоит в том, чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и помочь им войти в колхоз, где только и могут они уберечь себя от опасности обнищания и голода”.

Еще более образно ту же мысль Сталин высказывал в беседе с иностранными делегациями:

”Что оставалось крестьянам: либо лечь помирать, либо перейти к новой форме землепользования и машинному способу обработки земли. Понятно, что крестьяне ухватились за предложения Советского правительства, стали объединять свои мелкие земельные клочки в большие поля, приняли тракторы и другие машины и вышли таким образом на широкую дорогу укрупнения сельского хозяйства”.³⁶

Здесь опущено только одно, каким способом удалось поставить сельское население перед столь замечательной альтернативой: ”обнищание”, голодная смерть или ”укрупнение”, — и во что это ему обошлось.

И будеге есть хлеб свой из рук моих...

Всемирно-историческая победа колхозного строя в 1933 г., как уже отмечалось, не привела к росту производства. Продуктов в стране стало меньше. Падение производства произошло, несмотря на огромные затраты государства. В МТС числилось в 1939 г. 142,2 тысячи комбайнов, в то время как в США их было 75 тысяч, а в Англии, Франции и Германии вместе взятых — 180 комбайнов, то есть как в одном районе Украины.³⁷

Однако по урожайности зерновых СССР и Украина уступали и США, и европейским странам. Средняя урожайность зерна в 1931—35 гг. составила 6,9 центнеров с га, в Германии же — около 20 центнеров с га, в Польше — 11,8, в Канаде и США — около 10 центнеров с га.³⁸ Уступали колхозные поля и дореволюционному времени и мирному доколхозному. (За девять лет с 1922 по 1930 год урожайность составила 7,7 центнеров с га.)³⁹

Казалось, что советское государство своими огромными затратами на технику стремится доказать одну из аксиом марксизма,

что существенны не только и не столько производительные силы, сколько производственные отношения, или, иными словами, рабский труд во всех случаях непроизводителен.

Сотни миллионов рублей в виде машин, внедрение агротехнических мероприятий, единые большие поля, сортовые семена — одной десятой доли этих средств было достаточно, чтобы поднять урожайность в несколько раз. Об этом свидетельствует опыт всего мира, в том числе и рациональных дореволюционных хозяйств. Но в колхозной системе эти фантастические усилия лишь позволяли удерживать хозяйство на прежнем уровне.

Марксизм же дал описание аналогов советской системы в древнем мире, назвав их азиатским способом производства. В этом случае все орудия труда, включая землю и человека, принадлежат единой центральной системе. Наиболее важным элементом в ней является контроль верховной власти над потреблением хлеба.

Когда чешскому исследователю попали в руки глиняные таблички с текстами на хетском языке, он расшифровал их, не зная ни одной буквы и не имея параллельных текстов. Его осенила гениальная догадка, что первой фразой в царском повелении жителям города должно быть: "Хлеб ешьте, а воду пейте". Милостивое разрешение на употребление пищевых продуктов, а также напоминание, что без позволения верховной власти, являющейся единственным собственником, употреблять зерно в пищу нельзя. Это не анекдот, а исторический факт, характеризующий дух отношений в некоторых общественных системах.

Сталину удалось воссоздать подобный строй в XX веке. Получив монопольное право указывать, кому сколько есть, кому что делать, он лишь восстановил одну из самых древних восточных моделей. И победив, он разрешил крестьянам есть. Не очень много, но больше, чем они имели во время войны. При этом они только не должны были забывать, кто дал им этот хлеб, кому они обязаны "счастливой жизнью". А то, что жизнь замечательная, доказывалось самым надежным в мире способом — несогласные исчезали навсегда.

Соглашение между правительством и крестьянином (партия приказывает, село подчиняется) не решило полностью проблем производства и потребления. Для получения прежних урожаев зерновых и технических культур на Украине не хватало рабочих рук и конского поголовья. Больше же всего не хватало умения и знаний

у взявшего на себя управление бюрократического аппарата. Требуя беспрекословного подчинения, власть отдавала множество нелепых распоряжений. Внедрялось травополье по Вильямсу, местные сорта вытеснялись едиными для страны, глубина запашки и плуг у тракторов не всегда соответствовали мощности гумусового слоя и т. д. и т. п. Но полностью уничтожить сельскохозяйственное производство не удалось. Зерна, брошенные в землю, становились колосьями, люди выходили на поля, пололи сорняки, собирали урожай. Людей было меньше, они были не так старательны, как когда-то на своем поле, нередко урожай уходил под снег, чего прежде не бывало. И все-таки производство продолжалось, какой-то валовой сбор был.

В чем-то оказался прав товарищ Сталин. Жить стало, если не веселее, то спокойнее, определеннее. После 1933 г. не было массовых депортаций крестьян. В дома не врываются с обысками активисты. Не то, чтобы совсем ничего такого не было, но репрессии перестали быть ежедневным случайным произволом кого угодно. Обыскивать и арестовывать мог уполномоченный КГБ, приказы отдавать — председатель колхоза, урожай с приусадебного участка принадлежал самому крестьянину.

И хотя голод многие годы оставался постоянным спутником, он не был столь опустошительным и чудовищным, как в 1932/33 гг. (за исключением 1946—47 гг.). Неурожай 1934 г. и неважный урожай 1935 г. на Украине сохраняли село в полуголодном состоянии апатии и равнодушия. Жить было тяжело и голодно, но жить было можно. В 1936 г. Украина оказалась даже в лучшем положении, чем вся страна, собрав более высокий урожай и, несмотря на заготовки, получила больше зерна на душу населения. В последующие годы — 1937, 1938 — экономическое положение колхозника было относительно неплохим. Политически власть, правда, не могла оставить его в покое, проводились мероприятия по введению обязательного минимума трудодней, по переселению с хуторов, по сокращению приусадебных участков, но крестьянство подчинялось, и его не слишком сурово наказывали.

Город тем временем не мог похвастать стабильностью жизни. Постепенно вводилось прикрепление к рабочему месту, пока, наконец, самовольные переходы с одного места работы на другое не были запрещены. За опоздания и прогулы стали судить и ссылать в лагеря. Цены, после отмены карточек, выросли почти в десять раз, и зарплата за ними не поспевала. А главное, аресты и репрессии

бушевали теперь среди горожан. Это там, оказывается, прятались главные враги и вредители, занимая руководящие посты или работая у станка.

Полного выравнивания советских людей по доходам не произошло, но некоторые аспекты жизни безусловно сnivelировались. В стране появился новый человек, принципиально отличающийся от прежнего жителя отношением к труду, взаимоотношением с окружающими, положением в государственной системе. Этот новый советский человек скоро узнал, что он живет при социализме и, даже более того, поверил, что его жизнь несравнимо лучше и счастливее всех других возможных вариантов.

Новое или старое крепостное право

Многие исследователи отмечали, что установившаяся в 1930—34 годах колхозная система напоминает отмененное за семьдесят лет до нее крепостное право. Обработка помещичьей земли за известную плату или льготы, а то и безо всякого вознаграждения, называвшаяся барщиной, практически точно соответствовала обязанности колхозника трудиться не за вознаграждение, которого может и не быть, а из страха наказания. Сибирь, как угроза нерадивым и непослушным — в сталинские годы их еще называли "саботажниками", — присутствовала в обоих случаях. Введение паспортной системы в 1932—34 гг. еще более усилило сходство. При крепостном праве крестьяне обычно не могли отлучаться дальше тридцати километров от собственного жилья без специального паспорта, заверенного губернатором по просьбе помещика.

Многочисленные поставки — мясо, яйца, молоко, шерсть, — которые налагались на каждый крестьянский двор, независимо от доходов, напоминают и оброчные повинности, и подушную подать, практиковавшуюся в течение столетий.

Даже мелочная регламентация сельского быта и трудовых работ не была советским нововведением, а соответствовала старой традиции. Например, в имениях А. П. Вольнского десятские ежедневно утром и вечером обходили вверенные им десять домов, свидетельствовали трезвость их обитателей и отмечали приезд и отъезд по-

сторонних. Без разрешения даже детям не позволялось выходить из деревни.

В. Н. Самарин ввел специальный институт "первостатейных крестьян" и мирских поверенных, которые решали основные вопросы в деревне и следили за порядком. В частности, мирские поверенные должны были обходить дворы и гасить свет по вечерам.

Крупный землевладелец Суворов вставал ранее всех и сам будил мужиков на работу, наставительно объясняя, что "нельзя мужику спать долго: поле проспит, покос проспит и все именье потеряет".

Регулируя сельскохозяйственное производство, этот помещик поступал так не только в собственных интересах — нередко он заботился о действительных нуждах своих крестьян. Например, Суворов отдает следующее курьезное для наших дней распоряжение:

"...У крестьянина Михайла Иванова одна корова... следовало бы старосту и весь мир оштрафовать за то, что допустили они Михайлу Иванова дожить до одной коровы, но на сей раз, впервые и в последнее, прощается. Купить Иванову другую корову из **оброчных моих денег**. Сие делаю не в пошество и объявляю, чтобы впредь на то же еще никому не надеяться".

Характерные черты подневольного состояния: забитость, незаинтересованность в результатах труда, низкая производительность, отсутствие инициативы, пьянство, нищета — типичны и для дореформенного, и для колхозного периодов крестьянской истории.

Можно было проследить еще много близких и отдаленных совпадений, но в первую очередь следует остановиться на одном важном различии. Крепостник-помещик был в законодательном порядке **обязан** содержать престарелых и неимущих и иметь достаточно хлеба, чтобы обеспечить своих крестьян в случае неурожая.

Помещики пытались переложить эту обязанность на плечи крестьян, а нередко вовсе ею пренебрегали. Правительству приходилось принимать специальные постановления — против землевладельцев.

Первым из них является, по-видимому, уложение Алексея Михайловича об освобождении холопов, которых господин не кормил во время голода. В 1734 г. в местностях, пострадавших от неурожая, была проведена конфискация хлеба у помещиков и продажа его по твердым низким ценам. В 1750 г. правительство ввиду неурожая запретило винокурение.

Напоминаю об этих фактах не для идеализации крепостного права. Думаю, сегодня ни у кого не вызывает сомнения чудовищная несправедливость этой системы. Но нужно подчеркнуть, что она включала определенные обязательства землевладельца в случае голода. Отсутствие таких обязательств при колхозном строе оказалось в 1932–34 гг. роковым.

Защитники колхозной системы тоже постепенно, хотя и очень медленно, пришли к мысли, что минимальный прожиточный уровень старикам и больным должен быть как-то обеспечен. В 1937 г. (через семь лет после начала массовой коллективизации) старикам, не имеющим в семье трудоспособных, было разрешено не платить налоги с приусадебного участка. В шестидесятые годы колхозам было разрешено выплачивать пенсионерам крошечные пособия, а в семидесятые годы эту обязанность взяло на себя государство. К сожалению, на осознание факта, что крестьянин — тоже человек, которому нужно есть, ушло немало времени.

Таким образом, колхозная система — это не просто еще одна форма крепостного права. Это новое, никогда прежде не существовавшее сооружение, возводившееся без плана в необычайно срочном порядке. Не было и предварительных теоретических построений, предполагавших именно такую модель. Был лишь чудовищный эксперимент, продолжавшийся несколько лет, в ходе которого была создана двойная система производства: каждый крестьянин работал на государственном поле на государство и на собственном маленьком поле — на себя и на государство. Возникший монстр, сочетавший якобы личные и государственные интересы, был непредсказуем, но оказался жизнеспособным.

-
1. Сборник законов (далее — С. з.), 1928, № 14, 118.
 2. Там же, 1933, № 4, 19, 26; № 6, 38, 41.
 3. Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг., М. 1960, 240–245.
 4. Яковецкий, В. Н. Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. М. 1964, 210.

5. С. з., 1933, № 5, 35; № 4, 25.
6. Там же, 1933, 25.
7. Там же, 1933, № 38, 228.
8. Там же.
9. Там же, 1933, № 54, 315.
10. Колгоспи УРСР в 1938. Киев, 1940, 132–136.
11. Сучасни проблеми, 52.
12. Трапезников, С. П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965, 419.
13. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. (Под ред. Данилова В. П.) М., 1963, 58.
14. Історія селянства. Укр. РСР. Киев, 1967, 181.
15. Очерки истории, 1963, 58.
16. Народне господарство УССР. Киев, 1935, 174; Соціалістична перебудова і розвиток сільського господарства Української РСР. Киев, 1935, 174.
17. Смоленский архив.
18. Історія селянства, 1967, 184.
19. "Известия", 25.9.1934.
20. Очерки истории, 1963, 141.
21. С. з., 1933, № 32, 188; № 45, 268.
22. С. з., 1933, № 55, 323; 1934, № 70, 418.
23. Сталин, И. Сочинения, 1928, том 11, 81.
24. Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления коммунистической партии и советского правительства. 1927–35. М., 1957, 531–539.
25. С. з., 1932, № 52, 312.
26. Коллективизация, 1957, 96–98.
27. Там же, 530.
28. С. з., 1934, № 40, 321, 49, 380.
29. Кульчицкий, С. В. Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926–1937). Киев, 1979, 139; С. з., 1934, № 49, 380; 1932, № 78, 476.
30. С. з., 1934, № 48, 370.
31. Там же, 1932, № 69, 410 б.
32. С. з., 1934, № 12, 72.
33. Письмо председателя ЦКК. Смоленский архив, WKR, 178, 137.
34. С. з., 1934, № 12, 72.
35. Там же, 1935, № 40, 327.
36. Сталин, том 13, 267.
37. Куц, М. Т. Пытання колгоспного буднітства на Україні. 1929–1941. Львов, 1965, 110.
38. Сельское хозяйство СССР. 1927–72. М., 1972, 218; Социалистическое строительство СССР. М., 1935, 361; Український статистични річник. 1936–37, 98.
39. Социалистическое строительство, 1935, 361.

ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ГОЛОДА

Их имена Ты, Господи, веси...

Черная материя рывками опускается, открывая памятник. Серый круг, разорванный сверху, так что черный проем служит стрелкой, показывающей ровно 12. Час пробил. Круг разбит. Круг жизни. Круг времени.

А с надломленной стороны памятника тянутся руки: жалкие, беспомощные, молящие.

— Не забывайте. Прощайте. Простите.

На постаменте на украинском, английском и французском языках высечены слова "Божественной комедии" Данте:

*Очнувшись раньше, чем зарделось небо,
Я услышал, как, мучимые сном,
Мои четыре сына просят хлеба.*

(Ад, XXXIII, 37 — 39)

Памятник миллионам, погибших от голода в Советском Союзе пятьдесят лет назад. Памятник хлеборобам Украины, у которых отняли хлеб. Памятник плакавшим от голода детям, старикам и старухам, худым, истощенным, потерявшим человеческий облик. Потерявшим жизнь.

"Я Вас люблю и люблю, Иосиф Виссарионович. И я не верю, что Вы допустите, чтобы я погибла в расцвете моей молодости так трагично и бессмысленно от голодной смерти" — писала комсомолка, ученица 8 класса, дочь красного партизана из села Стовбина Долина Ново-Саджарского района Харьковской области в декабре 1932 года.

Товарищ Сталин допустил.

Памятник, открытый 23 октября 1983 года в городе Эдмонтоне, столице огромной канадской провинции Альберта, создан монреальским скульптором Людмилой Темертей, мать которой пережила голод 1932-33 годов на Украине. Освящение памятника и панихида по жертвам голода проводились одновременно по православному и католическому обрядам. В молитве принимали участие римско-католический архиепископ, епископы других церквей и раввин.

Перед собравшимися выступили очевидцы голода, представители многочисленных украинских организаций, руководители города, провинции, правительства Канады.

Монумент перед зданием муниципалитета в центре Эдмонтона — пока единственный памятник погибшим от страшного голода 1933 года в СССР. Но придет время и такие памятники покроют нашу страну. Они будут стоять в Киеве на Крещатике, куда был закрыт милицией доступ умирающим от голода и куда они прорывались, чтобы выпросить кусок хлеба и в судорогах вытянуться вдоль тротуара. В Харькове на вокзале, где каждый день находили десятки окоченевших трупов. В Полтаве, где была обнаружена подпольная фабрика, перерабатывавшая людей на котлеты. Памятники будут стоять в кубанских станицах, памятниками покроются Казахстан и Сибирь, тундра и тайга. Памятник будет установлен в центре Москвы.

Скульпторы будут соревноваться друг с другом, пытаясь передать невозможное — боль, скорбь и отчаяние. Нечеловеческую жизнь и смерть. Они создадут памятники, восстанавливая нашу память о невинно замученных.

Их имена, Господи, мы вспомним.

ПО ПРАВУ ПАМЯТИ (Коллективизация и гласность)

И случилось чудо. Без видимого толчка миф о коллективизации, как о величайшем достижении советской власти, социальном и экономическом преобразовании села, обеспечившем рост производительных сил и лучшую жизнь, миф, над созданием которого трудились тысячи ученых, политиков и писателей, рухнул, рассыпался в прах, исчез, рассеялся как ядовитый туман, и на страницах советских газет и журналов замелькали рассказы очевидцев тех страшных лет. Люди пишут о том, что они пережили, о том, что они слышали от родителей.

”По праву памяти” назвал свою незаконченную поэму Александр Твардовский. Память имеет свои права. Коллективная память народа, тлевшая под глыбами официальной пропаганды, вспыхнула ярким очистительным пламенем.

”А к слову — о непосвященных:
Где взять их? Все посвящены.
Все знают все; беда с народом! —
Не тем, так этим знают родом,
Не по отметкам и рубцам,
Так мимоездом, мимоходом,
Не сам,
Так через тех, кто сам...”

”По праву памяти”.¹

Среди непосвященных остались, правда, американские коммунисты. В 1987 г. в Торонто вышла книга Дугласа Тотла "Фальшивка, голод и фашизм. Украинский геноцид — миф от Гитлера до Гарварда".² Автор с горячностью доказывает, что голод на Украине выдумали Херст и Геббельс вместе с украинскими националистами и сторонниками холодной войны, среди которых оказались и гарвардские ученые. И вдруг, о ужас, выдумки газет Херста подхватила советская печать. "Огонек", "Знамя", "Новый мир", "Литературная газета", и даже "Правда" пишут о голоде на Украине в 1933 году, голоде, который возник не вследствие плохого урожая, а по вине сталинского руководства.

Нельзя утверждать, что этот поток правдивых воспоминаний полностью совпадает с позицией советского руководства. Официальная точка зрения на коллективизацию пока не то чтобы совсем отрицательна. "Она создала социальную базу для модернизации аграрного сектора и перевода его на рельсы культурного хозяйствования, позволила значительно повысить производительность труда, высвободила значительную часть рабочих рук, необходимых для других сфер социалистического строительства".³

Правда, "наломали дров":

"Возникла убежденность, что все проблемы можно решить одним махом в кратчайшие сроки. Целые области и регионы страны стали соревноваться, кто быстрее проведет полную коллективизацию. Сверху давались произвольные процентные разнарядки. Грубые нарушения принципов коллективизации приобрели повсеместный характер... Сама по себе правильная линия на борьбу с кулачеством зачастую так широко трактовалась, что захватила и значительную часть середняков".⁴

Естественно, что ученые, десятилетиями воспевавшие прелести колхозного строя, охотно присоединяются к позиции Генерального секретаря. Так, историк А. Н. Сахаров пишет:

"Объективно оценивая историческую реальность, нельзя не видеть (а в полемике с буржуазными советологами это необходимо особо подчеркнуть) и того поворотного значения, которое имела коллективизация в перестройке всего уклада жизни основной массы населения страны на социалистических началах".⁵

Так же думает доктор исторических наук Л. Ф. Морозов. Восхваляя современный курс партии на внедрение кооперации, рассказывая о том, что Бухарин и его сторонники всегда стремились к

широкому распространению кооперации среди крестьян, автор однако приходит к заключению:

”В итоге, отстаиваемые группой Бухарина установки на эволюционный путь преобразования сельского хозяйства, были отвергнуты. Возобладал курс на революционную его переделку, на проведение сплошной коллективизации, не случайно позже названной революцией, проведенной сверху. В принципе этот замысел отвечал требованиям исторического развития”.⁶

Морозов, как и В. М. Селунская,⁷ считает, что неправы писатели и журналисты, усматривающие альтернативный путь развития в продолжении нэпа, в эволюционном развитии страны, к чему призывал Бухарин.

”В то же время уроки истории показали бесперспективность отстаиваемой группой Бухарина альтернативы постепенного преобразования сельского хозяйства. За столь короткое время, которое оставалось до начала второй мировой войны, в реальных условиях того времени она не могла обеспечить переход деревни на социалистические рельсы. В связи с этим не могла быть решена задача создания материально-технической базы социализма, а следовательно, и отпора агрессору. Проведение же коллективизации позволило в короткие сроки решить эту и другие задачи, о чем говорилось выше”.⁸

Историки Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов пишут о Бухарине с большой симпатией. Они даже готовы признать, что при некотором ”запасе времени” его путь был оправдан. Но времени не было.

”Можно ли было позволить себе один или два года передышки? В конкретных условиях конца 20-х годов, когда, по признанию самого Бухарина, мы стояли на пороге ”второго тура войны”, когда ”третья сила” — новая буржуазия города и деревни активизировала сопротивление социализму, а мелкий собственник сохранял свою двойственную натуру, проведение такой политики фактически означало отступление под напором мелкобуржуазной стихии и экономических трудностей. А люди, недовольные ухудшением положения, в определенной мере подверженные обывательским, ”хвостистским” настроениям, восприняли как знамя своих настроений позицию Бухарина, Рыкова, Томского”.⁹

”Ни бухаринский, ни сталинский путь не был оптимальным”, — считают Бордюгов и Козлов, — ”цель была исторически прогрессивной”, а вот тактика ее достижения ошибочной и стоила слишком дорого”.¹⁰

Наиболее решительную позицию среди историков занимает доктор В. П. Данилов в двух больших статьях в "Правде" под общим заголовком "Коллективизация: как это было".¹¹ Признав, что "колхозное производство было и остается одной из основ экономики и всего общественного строя нашей страны", автор справедливо отмечает, что "на счет коллективизации часто относят и то, что было получено благодаря ей, и то, что было достигнуто, несмотря на нее".¹²

В отличие от других историков, Данилов не считает, что необходимость развития индустрии была неизбежно связана с коллективизацией: "...эта необходимость не требовала проведения "сплошной коллективизации" за два или три года и любыми средствами. Никакие объективные условия не могут оправдать того насилия над крестьянством, которое было совершено при проведении коллективизации и раскулачивания по-сталински".¹³

Рассказывая о первом этапе коллективизации, заготовках 1928 года, автор решительно осуждает сталинский возврат к продрозверстке и отождествляет позицию Бухарина с продолжением ленинского кооперативного плана:

"Фактически вопрос стоял так: будет или не будет осуществляться ленинский план построения социализма, основой которого являлся подлинный союз рабочего класса и крестьянства, исключавший применение насилия по отношению к трудящимся массам деревни. В этом и состояла суть борьбы Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и их сторонников против сталинского варианта решения проблем".¹⁴

Описывая методы коллективизации, Данилов называет их "разгулом бюрократического насилия". Он напоминает, что число кулаков сократилось в 1927—29 гг. почти в два раза без всяких специальных мер по экспроприации. Приводит данные о числе арестованных и высланных, оценивая общую численность раскулаченных в 1—1.1 млн. хозяйств. Но главное достоинство статей Данилова в том, что он впервые в широкой советской печати заговорил о голоде 1932—33 гг.

"Первые же результаты конкретно-исторического анализа показали, что голод, унесший столько жизней, был самым страшным преступлением Сталина и его окружения".¹⁵

Автор приводит данные об урожаях, заготовках, вывозе зерна за границу и страшных репрессиях, обрушившихся на сельское

население. В частности, мы узнаем, что по закону от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности, было осуждено за пять первых месяцев 54.645 человек, из них 2110 человек к расстрелу. Не остается сомнения, что главными виновниками голода были Сталин и его ближайшие помощники. Это благодаря их специальным усилиям "зимой 1932/33 года в селах зерновых районов страны — на Украине, Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге, Южном Урале и Казахстане — разразился массовый голод. Имелись случаи вымирания целых селений".¹⁶

Оценивая размеры потерь от голода в письме в журнал "Вопросы истории", Данилов пишет:

"Этот голод действительно являлся самым страшным преступлением Сталина, той катастрофой, последствия которой сказывались во всей последующей истории советской деревни".¹⁷

Еще более решительным противником коллективизации выступает академик ВАСХНИЛ Владимир Тихонов, опубликовавший целую серию статей и интервью в центральных газетах.¹⁸ Он называет коллективизацию "колхозизацией", считает, что ликвидация кулачества была равносильна ликвидации крестьянства, говорит, что у введенных в 30-х годах заготовительных цен сходство со стоимостью было такое же, как у Гималаев со среднерусскими холмами. Период нэпа кажется академику буквально райским:

"Новая экономическая политика дала крестьянину семилетнюю передышку. В 1921 г. страна смертельно страдала от голода. А уже в 1923 г. российская степная пшеница вновь появилась на внешнем рынке, причем закуплена она была у крестьянина без угроз, без винтовок, без кованого сапога "продотрядников".

В 1927 г. городской житель потреблял на душу населения от 67 до 73 килограммов мяса и мясных продуктов в год. И этот счет без сала, а тем более субпродуктов. Потребление мяса в деревне на душу населения составляло в тот год от 48 до 56 килограммов.

Но это был уникальный период. Ни ранее, ни позднее, даже в годы, когда раскатами гремели восклицания о "расцвете" колхозного строя, подобного снабжения жители страны не знали.

В чем тут причина? Да только в одном: крестьянин получил землю не в "пользование", а в безраздельное владение. И ни одна душа не имела возможностей вмешиваться в его хозяйство. Полноправный владелец земли вправе был распоряжаться и продуктом,

выращенным на ней. Естественно, он продавал эту продукцию".¹⁹

Конец этой счастливой жизни наступил в 1928 году. "Неожиданно возникли трудности с закупками зерна и срочно сформировался "хлебный фронт". "Вот тебе на, войны нет, а фронт появился!" — восклицает академик и объясняет читателям, что причина крылась не в урожае ("он был средним"), а в политике.

"Сталин (лично!)" добился изменения цен и налогов, так что масса промышленных товаров сократилась, а цены стремительно выросли.

Сопротивление крестьян было сломлено старыми, проверенными методами — насильственным изъятием хлеба, в том числе и с помощью военной силы; применением Уголовного кодекса к тем, кто пытался избежать поборов; введением ужесточающих налогов и так называемого "самообложения".²⁰

Тогда, по мнению академика Тихонова, и родилась идея создать колхозы, чтобы легче было отбирать у крестьян хлеб по низким ценам из общих амбаров.

"Так и вступила страна в "год великого перелома". Не только кулачество было уничтожено, но и крестьянство понесло огромные потери как социальная группа, как класс, отличающийся особым местом в общественном производстве, особым способом получения необходимого продукта, особым укладом общественной жизни, привычками, традициями, бытом, наконец, особыми нормами социальной психологии. Ликвидировано было в ходе коллективизации с 1929 по 1933 год включительно около трех миллионов крестьянских хозяйств. Это значит, не менее 15 миллионов душ осталось без крова. Около двух миллионов "пристроилось" на индустриальных стройках. Остальные — в лучшем случае — в переселение на сибирский лесоповал, а около миллиона взрослых, трудоспособных отправилось торить дорогу в лагеря. Нельзя к тому же забывать и о тех миллионах, которые коллективизации не сопротивлялись и тихо погибли от возникшего голода в украинских селах, донских станицах, деревнях других областей.

Чем же и кем стал после такого кровавого урока крестьянин? Отчужденный от своей земли, от распределения произведенного, превратился он из хозяина в исполнителя работ и команд".²¹

Среди свидетельств о потерях населения следует выделить статью демографа Марка Тольца, опубликованную в журнале "Огонек". Автор критически рассматривает сведения ЦСУ 30-х годов

о численности населения и урожаях, подчеркивает тенденциозный характер данных, приводившихся Сталиным, дает правдивое описание картины голода, поразившего страну:

”Голод охватил прежде всего ту часть населения страны, которая обычно ее кормила. Первыми жертвами становились дети. В деревнях погибали целые семьи. Ведь известно, что для выполнения плана в тех трудных условиях во многих местах при заготовках зерна вывозился весь хлеб без исключения. Это коснулось даже того зерна, которое предназначалось на фураж или было выдано в виде аванса по трудодням. Потом будут приняты меры для исправления этих ”перегибов”, но они уже успеют нанести свой непоправимый урон”.²²

Из собственно демографических данных, приводимых Тольцем, интересным кажется предположение о двойном счете населения при переписи 1939 г. за счет неточного учета смертности в лагерях. Ориентировочная оценка расхождений фактической и гипотетической численности населения на дату переписи 1937 г. составляет, по мнению демографа, 6.2 млн., а из расчетов Б. Ц. Урланиса Толыц выводит заключение о потерях в 10 млн. человек. Конечно, все эти данные, появившиеся на страницах популярного журнала, не претендуют на серьезное научное обоснование, но при этом они представляют определенный интерес.

Украинские историки также начинают говорить о голоде 1932–33 гг., но делают это намного более осторожно, чем их московские коллеги. Наибольшим авторитетом пользуется среди них Станислав Кульчицкий, опубликовавший ряд статей, и выступающий даже по республиканскому радио.²³ Не отрицая того, что был голод и повышенная смертность населения, особенно детей, автор постоянно подчеркивает положительные стороны коллективизации, ее успехи в начале 30-х гг. и в 1934–36 гг. Кроме того, он много внимания уделяет мировому экономическому кризису, затруднившему правительству СССР продажу зерна, отмечает, что весной 1933 г. ЦК ВКП(б)У отпустило для детей 700 тонн муки и некоторое количество прочего продовольствия и около 60 тысяч детей в марте 1933 г. получили продовольственную помощь в детских домах. Постоянное беспокойство у Кульчицкого вызывает использование вопроса о голоде украинскими националистами, и автор подчеркивает, что голод охватил не только Украину, но и многие другие районы страны, включая Тамбовскую и Курскую области. Наряду

с известными фактами, Сталинслав Кульчицкий сообщает и ряд новых сведений, например, что урожай в 1932 г. был в полтора раза ниже, чем в 1930, что заготовки в тот год составили 255 млн. пудов, то есть около 60 млн. пудов государство отобрало у села уже после начала голода, в декабре 1932 и весной 1933 гг. Наиболее важным является, пожалуй, то, что Кульчицкий публично признает организованный характер голода в начале 30-х гг., объясняя его административными ошибками властей и высокими темпами коллективизации.

Но подлинную правду о великом переломе сумели рассказать не политики и ученые, а писатели и читатели. Наконец-то в СССР напечатаны романы Андрея Платонова "Котлован" и "Ювенильное море". Платонов не просто дал правдивую картину коллективизации, он сумел создать символическую модель советского общества, показал экзистенциальную сущность происходящего. Как писал критик Ф. Сучков:

"Котлован" — это гневное отрицание того вздора, который именовался всеобщим вступлением в колхоз на добровольных началах, в чем мы боимся признаться. И надо писать об этом, писать без оглядки.²⁴

"Котлован" — это гневное отрицание насилия над людьми ради каких бы то ни было великих целей и идеалов.

Другим важным событием явилась публикация романа В. Гроссмана "Жизнь и судьба". Рассказывая о судьбах своих героев, автор то и дело вспоминает о трагических событиях эпохи коллективизации. Вот майор Ершов, главарь подпольной организации в немецком лагере, вспоминает, как его отца сослали в Сибирь, а он поехал к нему и был за это уволен из армии. Иконников, который видел эшелоны раскулаченных, видел, как матери от голода ели своих детей, и решил, что если Бог допустил такое, значит, его нет. Даже Сталин вспоминает в романе "о деревенских могилах 30 года".²⁵ По словам редактора "Октября" Ананьева, повесть Гроссмана "Все течет" — одно из самых сильных описаний искусственного голода на Украине в 1933 г., скоро будет опубликована в журнале.

О событиях коллективизации, сопротивлении деревни насилию государства, о том, кто такие были сельские активисты, о последних днях сельской общины и о нелегкой жизни крестьянина, перебравшегося в город рассказывают известные советские писатели Сергей Антонов ("Овраги", "Васька"), В. Белов ("Кануны"),

Б. Можаяв ("Мужики и бабы"), И. Минутко ("Деревенские повести") и многие другие. От деревенской прозы предшествующего периода современные авторы отличаются не только большей социальной заостренностью произведений, решительным осуждением государства ("делают не по-людски"), но и открытой публицистичностью, нередко рассказом от первого лица. Писатель свидетельствует о том, что видел сам, своими глазами. Как отмечал Александр Твардовский в приведенном стихотворении, непосредственных свидетелей оказалось в стране необычайно много. Павел Нилин записывает в дневник:

"Переделкино, 4.9.63.

Борис Резников — сотрудник "Правды", наблюдавший на Украине картины раскулачивания и коллективизации в 1931 году, рассказывал, какой ужас охватывал его:

— Как будто у меня земля горит под ногами. Страшно, душно, мучительно. Думалось, никогда этого не забуду, этой матерщины, детского плача, старушечьего отчаяния и летящего пуха из перин".²⁶

В рассказе "Тишанка горит" Анатолий Знаменский передает разговор председателя колхоза и районного уполномоченного:

" — Кулаков, какие у нас были, мы выселили — всех! Девять семей. По программе партии. У кого более одного плуга в запряжке, лишние коровы, молотилка с движком либо частная торговля в прошлом. Это никуда не обойдешь, раз ликвидация как класса. У Ефрема Нагайкина, бывшего красного комэскадрона, к примеру, триер появился и пять пар быков за время нэпа подросло — как его не выселить, дурака? Выселили! А дальше, товарищ Благирев, уже работать надо. Пахать, сеять, траву косить, скирдовать.

— По мартовской разнарядке... — кашлянул уполномоченный, — по вашей станице — недобор 25 хозяйств! Указание окружка-ма!"²⁷

О таком же случае рассказывает в газете академик Лихачев:

"В деревне, в которой жила семья Воронцовых, никто никого не эксплуатировал, все трудились от зари до зари. Но пришла из района разнарядка на раскулачивание. Жребий пал на семью Воронцовых. Их погрузили в товарный вагон и отправили в ссылку. Спустя время разобрались, из ссылки вернули, что, конечно, бывало не часто. Когда же семья Воронцовых прибыла в родную деревню, их дом уже был занят под учреждение".²⁸

Пенсионерка Н. К. Мочалова пишет в журнал "Огонек":

”В 1929 году, зимой, нас раскулачили, хотя никаких излишков не было, еле-еле хватало, чтобы прокормить нашу большую семью. Отца с нами не было, в то время он работал в Средней Азии, строил оросительные установки. Все отобрали: посуду, мебель, пожитки, валенки сняли прямо с бабушки, даже из люльки, где лежала маленькая Фрося, сестренка, вытащили мамину шаль и одеяльце. Короткое время мы жили на чужой кухне, а затем нас выслали”.²⁹

Василий Сапожников рассказывает, как раскулачивал в сибирской деревне его отца (засевавшего до 200 десятин земли) Игнашка Плюхин (засевавшего только подсолнухи на огороде). Автор вспоминает, как выбрасывали из сундука на пол вещи матери, как соседки хватали, кто что успел и тут же начинали примерять материнские юбки. Помнит, как избивали отца при аресте, помнит поселок спецпереселенцев на окраине Кузнецка, на улице Социалистической. ”Ни школы, ни газетного ларька — скопище кое-как слепленных землянок, полуземлянок, насыпих, будок фанерных. Ни улиц, ни переулков и лишь одному Богу ведомо, как в ”шанхай” наш протискивался ”черный ворон”. ”³⁰

Картины принудительных заготовок и раскулачивания-ограбления описывают очевидцы из самых разных концов страны. Газета ”Московские новости” опубликовала интересное свидетельство М. А. Шолохова, письмо, адресованное в Москву его знакомой Е. Г. Левицкой.

”Вешенская 18 июня 1929 года... Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу по боку!) и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко ”скорблю душой”... А вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает. Имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится...”

Шолохов рассказывает, что почте запрещено принимать телеграммы во ВЦИК, а незаконно обложенным не разрешают выезжать из края.

”Один парень — казак хутора Скулядного, ушедший в 1919 году добровольцем в Красную армию, прослуживший в ней 6 лет, красный командир — два года, до 1927 года, работал председателем

сельсовета. У него продали все, вплоть до семейного хлеба и курей. Забрали тягло, одежду, самовар, оставили только стены дома. Он приезжал ко мне еще с двумя красноармейцами. В телеграмме Калинин у них прямо сказали: "Нас разорили хуже, чем нас разорили в 1919 году белые". И в разговоре со мною горько улыбаясь. "Те, — говорит, — хоть брали только хлеб да лошадей, а своя родимая власть забрала до нитки. Одежду у детишек взяли. Просил, купить хотел, взял бы денег взаймы". "Нет, — мол, — денег нам не нужно, лови четырнадцать штук курей". Вот эти районы и дали банду. А что творилось в апреле, в мае! Конфискованный скот гиб на станичных базах, кобылы жеребились, и жеребят пожирала свинья (скот весь был на одних базах), и все это на глазах у тех, кто ночи не досыпал, ходил и глядел за кобылицами... После этого давайте говорить о союзе с середняком. Ведь все это проделывалось в отношении середняка".³¹

Шолохов свидетельствует, что жалобы в Москву оставались без ответа или пересылались местному начальству. Но и заступничество из центра было опасно. Читательница "Огонька" Н. Малыхина пишет в журнал:

"Родилась я в большой семье, девять детей нас было... Жили мы в селе Воронцовка Степанаванского района в Армении, ныне село Калинино. Испокон веков деды и прадеды наши были крестьянами, а мы — крестьянские дети и внуки. Держали корову и лошадь, работали в поте лица.

Стоял холодный февраль 1929-го, мне десять лет. Отец поехал в Тифлис (в 123 километрах от нашего села) продать или поменять картошку на крупу. Дома одни. Помню, вдруг крики: одежонку мать просит оставить, хлеба. Плачет, младшую, Татьяну, ей еще и месяца не было, спустила на пол, а сама пыгается отобрать, что удастся. Вот так нас в 24 часа раскулачили. Посадили на чужую подводку и повезли в Тифлис. Каким-то образом отца мы разыскали. Деть нас некуда, кормить нечем. Только к осени обосновались в небольшой конюшне над Курой, спасибо добрым людям.

Надо было идти в школу. Тогда-то отец и написал М. И. Калинин заявление, перечислил, что имел, и просил ответить, правильно или нет его раскулачили. Пришел ответ с резолюцией Калинина: "Как неправильно. раскулаченному, все движимое и недвижимое имущество вернуть гр. Болотину Петру Дмитриевичу."

Часть имущества удалось вернуть, но в отместку власти аресто-

вали отца и осудили на пять лет. Он скончался в 1932 году в ереванской тюрьме”.³²

При обсуждении романа Бориса Можаева “Мужики и бабы” в колхозе “Рассвет”, бухгалтер, Раиса Калякина, говорила:

“Я прочитала роман своей маме. Мне она сказала: “Это прямо про нашу Марфинку написано”. И рассказала, как пришли в один дом за зерном и ничего не нашли. Заглянули в русскую печь, а там стоял горшок с пшеницей. Так они горшок этот унесли. Вот до чего доходило. Так что, за правду — спасибо”.³³

Порой пишут письма в газеты и журналы и бывшие активисты, проводившие коллективизацию. Некоторые сердятся на то, что меняется система ценностей, и былые подвиги рассматриваются чуть ли не как позор. Другие понимают, что участвовали в преступлении. Вот что рассказывает комсомолец, работавший уполномоченным в колхозе:

“Наша власть была неограниченной, мы указывали седоголовым хлеботоргам, что и когда делать. Идет уборка. Надо вывозить хлеб. Мне сказали: председатель хоть и коммунист, но отец его имел землю и сапожную мастерскую. Смотри там... Моя бдительность не заставила долго ждать. Стояла сухая погода, хлеб уродился хороший. Колхозники вязали снопы, складывали в копны, в скирды. Когда появилось две скирды, я приказал снять людей с вязания, поставить молотилку, чтобы поскорее отправить хлеб красным обозом. Председатель и мужики стали возражать: мол, пока стоит хорошая погода, надо хлеб убрать с поля, а в дождь можно молотить. Но я пригрозил... Когда домолачивали скирды, пошел дождь, обложной, на много дней. Хлеб пропал в поле. План не выполнили..

Простите за плохой почерк. Пишу в постели, с последней ступеньки своей жизни...”³⁴

Вспоминают авторы и об уничтожении крестьянских кооперативов, так называемых “лжеколхозов”³⁵ и о сельских бунтах, причем последние рассматриваются уже не как преступление, а как героическое сопротивление деревни грубому насилию. Например, литературовед Л. Сараскина говорит писателю Можаеву:

“Так ли послушна, так ли покорна была страна, воспевавшая Вождя и Учителя?

Ваш роман “Мужики и бабы”, опирающийся на документы и факты, дает достоверное свидетельство об огромной энергии народного сопротивления, отчаянно пытавшегося противостать

произволу. Крестьяне не поклонялись злу, не приняли разбойничьего лозунга: "Даешь сплошную!" Вынужденно подчиняясь силе, люди не покорялись неправде — не хотели брать грех на душу. Отказ от соучастия в организованном преступлении был едва ли не единственным способом отпора насильственной коллективизации".³⁶

Можаев отвечает, что большинство крестьян не сопротивлялось коллективизации, а бежало от насилия (как при Иване Грозном, при Петре и т. д.) Они "приняли толстовство не на словах, а на деле". Поэтому бунты были относительной редкостью. Писатель Игорь Минутко доказывает, что вооруженное сопротивление крестьян было лишь ответом на насилие власти.

"Давайте прямо посмотрим беспощадной правде в глаза. Сталиным провозглашается линия борьбы за коллективизацию: уничтожение кулачества как класс. Уничтожение... это значит не только разорение твоего хозяйства, экспроприация, но физическое уничтожение тебя, твоей семьи, твоих детей — массовое выселение... Как это делалось, мы постепенно узнаем. Нет, не от изуверства частнособственнической психологии обреза, убийства, вооруженное сопротивление. Ответ насилием на насилие государства".³⁷

На такой же позиции стоит профессор В. Данилов. Он решительно опровергает распространенную в советской литературе точку зрения, что к репрессиям и ускорению коллективизации вынуждали советских руководителей сопротивление кулаков: саботаж и восстания. Скорее наоборот:

"Нарушения законности, произвол, насилие вызывали открытые протесты крестьян вплоть до вооруженных восстаний. В 1929 г. было зарегистрировано до 1.300 "кулацких" мятежей. Эти мелкие и разрозненные выступления часто затухали сами собой — они были настолько же противоестественны в условиях советского общественного строя, насколько противоестественным было и насилие над крестьянами".³⁸

С Даниловым соглашается и академик Тихонов, он считает, что не крестьяне, а государство совершало преступление:

"Бунты, естественно, подавлялись, но не кулаков та драконовская мера давила, а тружеников, которые в сложное время накормили-таки народ российский".³⁹

Не бунт, а бегство было обычным крестьянским ответом на давление властей. Бегство из деревни, бегство из ссылки, бегство в

город, на юг, на Дальний Восток, бегство куда глаза глядят, бегство в поисках работы и куска хлеба. В этом отношении типична история семьи Твардовских, рассказанная на страницах журнала "Юность" младшим братом знаменитого поэта Александра Трифоновича Твардовского Иваном".⁴⁰

Это была большая крепкая семья, семеро детей. Старший, Константин, помогал отцу в кузнице, средний, Александр, уехал учиться в Смоленск, третий сын Иван ходил в пятый класс сельской школы, младшие сидели дома с матерью. Весной 1930 г. хозяйство обложили громадным индивидуальным налогом, выплатить который они не могли, даже если бы все продали. Отец запер кузницу и уехал на заработки в Донбасс. В начале осени Константина вызвали в сельсовет и приказали в три дня выплатить налог. Так как это было невозможно, Константин, вместе с братом Иваном, решили бежать в Среднюю Азию в город Китаб, о котором слышали от знакомого. Продали корову, купили билеты. Москва, Ташкент, Каган, Ашхабад, Красноводск, Баку, Ростов-на-Дону, Донбасс и, наконец, не разыскав ни "страны Муравии", ни отца, обворованные и ограбленные, не найдя ни работы, ни пристанища, братья возвращаются на родину в Загорье. Здесь Константина ожидает приговор суда: год тюрьмы за невыполнение обязательств, а Ивана выгоняют из школы, как сына кулака. Наконец, 19 марта 1931 года семью выселяют.

Плачут младшие дети, просят прощения понятия, стыдливо отворачивает голову председатель сельсовета. "Из хат выбегали соседи, прощались, кое-что дарили, на ходу, бегом догоняя передавали хлеб, куски сала, узелки муки". Нормальные человеческие отношения, сохранившиеся несмотря на нечеловеческие условия жизни.

Нелегкий путь в товарных вагонах на Северный Урал. После долгой дороги вся семья оказалась на лесоповале в поселке Парча.

"Ни сама работа, ни климат нас не пугали, начинал мучить голод. Питание было совсем никудашнее: хлеба мало, для горячего выделялось ничтожно мало крупы, изредка вобла...

Подавляющее большинство из спецпереселенцев было из крестьян-хлеборобов и никоим образом не походило на рисованных хищников-эксплуататоров. Их заскорузлые от извечного труда руки, их безропотная покорность судьбе утверждали совсем другое: постоянную заботу о куске хлеба. Они и в ссылке были готовы на

любую работу, лишь бы выжить, свести концы с концами. Помню, как пожилой спецпереселенец в беседе с нашим отцом говорил: "Главное — хлеб! Местность, климат, работа — все это... ладно, ничего, жить можно... хорошо можно жить! Но хлеб... хлеб нужен!"

Отец слушал его, как бы дивясь его скромным желаниям, и даже заметил, что нужно же, дескать, что-то и к хлебу, в ответ ему было сказано еще более твердо: "Ничего мне не надо к хлебу! Хлеб — он все заменяет! А вода, ее вон, сколь тебе надо! Так-то вот!"

Местное население относилось враждебно и пренебрежительно. И потому, что голодные переселенцы не так умели в работе в лесу, и из-за говора, который отличался от местного, и, главное, из-за пропаганды против кулаков.

"Отношение к спецпереселенцам усугублялось еще и тем, что звучащий повсюду лозунг "Ликвидировать кулачество как класс!" многими из низовых руководящих работников был понят в том смысле, что все позволительно по отношению к спецпереселенцам, которые в массе своей голодали, болели сыпным тифом, умирали.

Убежденное пренебрежение и равнодушие к спецпереселенческой молодежи и даже к детям горечью накапливалось в душе, лишало надежд, омрачало сознание. Я никак не мог понять: в чем же моя вина и за что? К нам не было элементарного сочувствия, никакого милосердия — только жестокость. Каждый случай конфликта на работе заканчивался напоминанием: "Вас ликвидируют... как класс! Ясно?!"

Голод, сыпной тиф, непосильный труд свирепствовали в поселке. Быстро разрасталось таежное кладбище: могилки в полметра глубиной, дальше копать не позволял скальный грунт, обложенные сверху камнями. Оставался единственный выход — побег. Бегут Константин и Иван. Их ловят, они бегут снова и снова, то возвращаясь к своим в Парчу, то скитаясь по стране в поисках места, где можно спокойно работать, жить своим трудом и помогать родным. Бежит из ссылки глава семьи Трофим с младшим братом тринадцатилетним Павлом. Бежит, чтобы где-нибудь устроившись на работу, спасти семью. Недели блуждания по тайге, где единственная еда — смородина вдоль лесной речки. Месяц пути в обход деревень и городов и наконец встреча с единственным уцелевшим от репрессий сыном Александром, сыном, ставшим представителем власти.

"Стоит и смотрит на нас молча. А потом не "Здравствуй, отец",

а — ”Как вы здесь оказались?!“.

— Шура! Сын мой! — говорю. — Гибель же нам там! Голод, болезни, произвол полный!

— Значит, бежали? — спрашивает отрывисто, как бы не своим голосом, и взгляд его, просто не ему свойственный, так всего меня к земле прижал. Молчу — что там можно было сказать? И пусть бы оно даже так, да только чтоб Павлуша этого не видел. Мальчишка же только тем и жил, что надеялся на братское слово, на братскую ласку старшего к младшему, а оно вон как обернулось!

— Помочь могу только в том, чтобы бесплатно доставили вас туда, где были! — так точно и сказал”.

Трагическая встреча отца с сыном, столкновение старой и новой жизни, закончившееся непониманием и обидой. Трифон обратился за помощью к старому другу, друг выдал, пришлось бежать прямо из постели десятки километров в одном нижнем белье. Двоюродный брат одел и отдал самое ценное, что мог дать один сельский житель другому — свой документ. Устроившись на работу, Трифон Гордеевич каждый месяц посылал деньги семье, чем спас ее от голодной смерти. А затем, вернувшись в ссылку, бежал с женой и четырьмя маленькими детьми.

”Младшая наша сестра, Мария, рассказывала, что шли месяца полтора лесами. Часто отец оставлял их, а сам уходил искать какое-либо селение, чтобы добыть картошки. Так было страшно! Бывали случаи, когда ждать приходилось часов по десять, сидя в диком лесу, с напряжением ловя каждый шорох и боясь, что с ним что-то может случиться, и тогда всем нам беда и конец”.

В конце концов обосновались в Кировской области в Уржумском районе. Голода в тех местах не было. Иван Твардовский специально подчеркивает это:

”...о хлебе никто и не толкует: мука продается свободно, на столе всегда домашней выпечки чудесный каравай. И я про себя дивлюсь и не могу понять: ведь в это же время в Зауралье люди умирали от истощения”.

По наблюдениям Ивана не было голода и в Горьковской области:

”В отличие от районов Урала, здесь тогда — в Нижегородском крае — голода не знали. Помимо пайка по карточкам, хлеб можно было покупать в местных лавках по несколько повышенной цене, а неподалеку от Теши — в Ардатове — на базаре было сколько угодно муки, и совсем недорого”.

Постепенно жизнь вошла в колею, хоть и под фальшивыми документами, семья собралась вместе, а затем уже с помощью ставшего знаменитым поэтом — Александра, вернулись на родину.

Александр Трифонович Твардовский отнюдь не единственный советский писатель, вышедший из так называемой кулацкой семьи. Таких авторов оказалось довольно много. Оказывается, Виктор Астафьев вырос в детдоме Игарки, "куда он был ребенком этапирован вместе со своей быстро таявшей семьей как внук кулака".⁴¹ В те же края отправилась семья писателя Владимира Сапожникова, оставшегося в живых по "чьей-то оплошности". Вот его выразительный и достаточно типичный рассказ:

"Дело в том, что я выходец из того несчастного сословия крестьянства российского, которое мановением воли высочайшей в одночасье оказалось изгоем в родной стране, в родном селе, в доме родном и с позорным клеймом паразита и мироеда подлежало "ликвидации как класс". Летом двадцать девятого весь мой клан, а с ним немалая часть наших Ключков, был согнан с родных пепелищ, с детишками и стариками, под вооруженной охраной посажен на баржи и отправлен вниз по Оби в Нарым. Ту баржу, где плыли мои родные, чьей-то волей высадили на обский песчаный остров, и все они той же зимой на том голом острове нашли покой: мой дед по матери, дядья, мужики здоровенные, но смиренные, тетки, все мои двоюродные братья и сестры.

Я тогда остался жив по чьему-то недосмотру, потому что мать перед посадкой на баржи убежала, прихватив меня, в бор, а зимой увезла в Кузбасс. Мы поселились в совхозном общем бараке, где все было общее: нары, чашки-ложки, клопы и вши и даже эпидемия тифа. Четыре недели я провалялся в беспамятстве, и когда очнулся, оказалось, что все барачные дети умерли, остались в живых лишь мы вдвоем с девчонкой по имени Парунька, которая ела известку".⁴²

В. Сапожников помнит поселки по Енисею, оставшиеся с тех времен, "когда везли на баржах народ и через каждые 20 километров высаживали на берег определенную норму мужчин и женщин". Помнит и не хочет и не может простить.

"Они, двадцать миллионов, лежат тихо, да и неизвестно, сколько лежит их на самом деле. А те, что лежат вот тут, по северам: енисейскому, колымскому, обскому? Давно усопшие, они лежат тихо, не шелохнувшись, но души-то их носятся и вопиют беззвучно: кто виноват?"⁴³

О судьбе переселенцев, высаженных с енисейской баржи в тайгу рассказывает в книге воспоминаний писатель Олег Волков:

“К весне перемерло более половины всех новоселов. Но само собой сколотилась группа тех, кто поздоровее и крепче духом, кто решил во что бы то ни стало не поддаться, выжить. Сплотились, стали валить лес, рубить поначалу зимовья, позже обращенные в баньки, подбадривать других — не давали опустить руки. Нашлись умевшие ладить с начальством, выколачивать нужное, добиваться продовольствия, материалов, а потом семян.

Выжила всего, как определял председатель, пятая часть высаженных с барж в тайгу: поумирали дети, смерть косила стариков, гибли беглецы, морозились, мерли от поносов, простуд, разных воспалений — лечить было нечем, негде и некому. А уцелевшие, не потерявшие свои вековые крестьянские навыки, стали прилаживаться к нерожающей таежной земле”.⁴⁴

Пенсионерка Н. К. Мочалова, рассказ которой о раскулачивании ее семьи зимой 1929 года мы цитировали выше, пишет о ссылке:

“До сих пор вижу этот день: зима, мороз, мне семь лет, братьям-сестрам — кому больше, кому меньше, нас шестеро детей, мы идем 15 километров на станцию Курган...”

Бабушка Аня и Фрося умерли на чужой кухне. В Кургане несколько дней мы жили под открытым небом, нас много было на этой земле, раскулаченных, ни медиков, ни столовой, никакого благоустройства. Потом подошел состав из “телячьих” вагонов и нас погрузили. По дороге люди умирали. Конвоиры приходили на остановках, проверяли, не сбежал ли кто.

Наконец привезли нас в казарму, нам дали нижние нары, поскольку семья была большая. Мать работала без выходных, да еще ночью ее заставляли сторожить кирпич. Она не выдержала, заболела, утром ушла в больницу и через три дня умерла — менингит. Через две недели после мамы умерла Маня, а нас увезли из барака в детский дом. Голод был страшный. Просили мы повариху чаю, горбушку хлеба, но где она возьмет? Вскоре у меня пошло все перед глазами, увезли в больницу, где я пролежала до весны. Пока там была, умер наш брат Леня. Я еще ходила, затем опять заболела малярией и желтухой, — истощение. Выбиралась в тайгу за клюквой, брусникой, ела щавель, полевой лук, все-таки выжила”.⁴⁵

Писатель В. Белов в очерке “Ремесло отчуждения” приводит архивные сведения о расселении 70 тысяч кулацких семей в Север-

ном крае зимой 1930 года, о том, какие нормы "хозяйственного вооружения" предусматривались для одной семьи. "Почему лошадей 0,5, а коров 0,4? — спрашивает сам себя автор. И отвечает: "Не совсем ясно. Не ясно покамест и то, сколько украинских детей, стариков, женщин и мужчин было зарыто на импровизированных лесных кладбищах вдоль Северной железной дороги.

Жутковато становится, когда безымянный кто-то где-то планирует мою жизнь".⁴⁶

Если знакомиться с историями о раскулачивании и выселке на север страшно, то бесхитростные рассказы о завершающем этапе коллективизации, голоде 33 года, невозможно читать. Слезы наворачиваются на глаза, голос прерывается, кажется совершенно невозможным, недопустимым, что такое творилось на земле, и в то же время ничего не поделаешь. Это было. Свидетели, уцелевшие очевидцы сообщают:

"Люди умирали семьями. В нашем селе Монастырском из шестисот дворов осталось сто пятьдесят, а ведь в те места на Саратовщине не докатывалась ни одна из войн! Многие мои родные и школьные товарищи умерли у меня на глазах, многих из них закапывали в землю там, где их настигла голодная смерть".

Михаил Алексеев (Саратовская область).⁴⁷

"В то лето мне, тогда подростку, довелось пасти полуживых уцелевших коров. На лугу собирал цветочки клевера, сушил, мял, растирал в порошок. Клеверную мучицу мать смешивала с гречневой половой, ими питались да еще баландой из крапивы. До конца дней своих не забуду глаза умирающих голодной смертью".

М. Е. Галушко (Сумы)⁴⁸

"Мне было 19 лет. Но я переростком ходил в школу в другое село. По дороге в степи видел лежащих людей, мертвых или умирающих от голода. Они шли невесть куда в поисках пищи, но, не находя ее, по дороге умирали. Села Степанки, Вергуны, Бузуков, как и другие села Черкасского района, буквально опустели. Мне доподлинно известно, что то же самое происходило и в Запорожской, Кировоградской, Житомирской и других областях Украины. И все это результат так называемой выкачки хлеба.

Как практически эта выкачка осуществлялась? Вот один пример.

..Шел февраль 1933 года. Директор школы в Степанках, где я учился, Федор Иванович Чигирик вызвал меня и ученицу Анастасию Боровую (она еще жива) в кабинет: "Пойдете сегодня вечером к

Макару Хандусь, там собирается комиссия, которая будет работать ночью по хлебозаготовке. Вы будете в этой комиссии от школы". Трое мужчин во главе с Макаром и нас двое подростков зашли в домик, в котором проживали совсем старые дед с бабушкой и внук 3—4 лет. Родители его невесть куда выехали. Макар сразу же грубо предложил деду сдать зерно. Дед ответил, что нет у него. Зерна действительно не оказалось. Тогда члены комиссии отправились в сарай и нашли припрятанный клунок ржи — килограммов двадцать. Дед стал на колени и начал просить: "Сыночки, оставьте... Он же умрет от голода". На санках в три часа ночи зерно увезли. Дед с бабкой и внуком скоро умерли с голоду.

Хлеб изымался до последнего килограмма".

И. М. Хмильковский (Черкассы) ⁴⁹

"В 1933 году, когда голод охватил места, где жила наша семья, нам пришлось покинуть родину".

Тимофей Гусев (США) ⁵⁰

"Летом 38 года мы с Жирмунскими и Гуковскими жили в деревне на Полтавщине. Там все еще было полно памятью о голоде... До нас же об украинском голоде доходили неясные подавленные слухи. Мы ни за что не отвечали и ничем не могли помочь".

Лидия Гинзбург (Ленинград) ⁵¹

"4 августа 1932 года... я был освобожден, как ударник Беломорско-Балтийского канала... Так мне повезло. В это время как раз шло уничтожение крестьян. Их везли навстречу нам эшелонами".

Д. Лихачев (Беломорский канал) ⁵²

"Еще я забыл написать о самом прекрасном и самом страшном в моей жизни — о любви и голоде.

Голод едва коснулся нас с Марией своим черным крылом, но многих, многих он не только коснулся, но и толкнул в бесчисленные могилы на моей милой Украине.

И вот начался голод.

На витринах продовольственных магазинов белели только одинокие головки капусты и иногда картофелины. Продавцам нечего было делать, и они грустно и растерянно стояли, все в белом, как в китайском трауре, за прилавками.

По улицам ходили так же, как во времена безработицы, при нэпе, только без пил и топоров. Крестьяне в свитках, голодные мои братья, те от голода уже не могли ходить, и их свозили в определенные для того места.

Иногда они ходили по квартирам нашего дома "Слово", но на верхние этажи уже не могли подниматься. Я жил на втором этаже, и когда они заходили ко мне, то я мог поделиться с ними только хлебом, потому что ничего другого у нас не было. Мы и сами ели всего один раз в день и делали все возможное, чтобы сын ел трижды в день. А они, худые и желтые, как воск, едва двигали пересохшими от внутреннего жара губами:

— Хоть бы кусочек мяса!..

А где я его мог взять?..

И вот полупомеркшие глаза страдальцев моего народа с тяжким укором заглядывали в мою залитую слезами душу, и их муки больно застревали в ней, чтоб в 1934 году вспыхнуть гипоманиакальным пожаром.

Мы, полуголодные, стоим у окна писательской столовой, на первом этаже нашего крыла "Слова", а жена одного известного писателя, который чудом остался жив после страшных мук там, "где Макара телят не гонял", стоит (жена) над нами на лестнице и с издевательским высокомерием говорит нам:

— А мы этими объедками кормим наших щенков...

Я возненавидел ее за эту фразу, и когда ее репрессировали, подумал: "Так этой куркульке и надо!"

И вот 1933 год. Меня послали на Никопольщину...

По дороге от околицы в одно из сел (уже начинала зеленеть весна) мы увидели маленькую девочку, которая опухшими руками собирала с зеленого куста какие-то ягодки, тоже еще зеленые... От этих бедных опухших ручек сердце мое словно остановилось и весь свет качнулся во мне и вокруг... Но это был лишь миг, я вернулся к жизни.

Входим в село. Идем в колхозный детсад, который помещался в сарае, собственно, столовая детсадика.

Дети сидят на корточках вокруг низенького стола, едят деревянными ложками все из одной миски.

Одна девочка наберет ложку мутной жидкости, поднесет к губам, проглотит и оближет.

Мы ее спрашиваем:

— Зачем ты так делаешь?

А она:

— Чтоб дольше есть.

Боже мой! Я видел только каплю страданий моего народа, но и

те капли падали, словно огонь, на мое сердце и прожигали насквозь. А писать о том, что рассказывали другие, я не могу, потому что у меня и так страшно горит лицо и остро болит затылок”.

Украинский поэт Владимир Сосюра, отрывки, выброшенные в свое время из романа “Третья рота”.⁵³

”Мы жили в Одессе... Осенью в городе появились первые голодающие. Они неслышно садились семьями вокруг теплых асфальтовых котлов позади их законных хозяев — беспризорников — и молча смотрели в огонь. Глаза у них были одинаковые — у стариков, у женщин, грудных детей. Никто не плакал. Беспризорники что-то воровали в порту или на Привозе, порой вырывали хлеб из рук зазевавшихся женщин.

Эти же сидели неподвижно, обреченно, пока не валились здесь же на новую асфальтовую мостовую. Их места занимали другие. Просить что-нибудь было бессмысленно. По карточкам в распределе научных работников мать получала по фунту черного хлеба на работающего, полтора фунта пшена на месяц и три-четыре сухие тарани. Эта деликатесная рыба была тогда основной едой:

Иж таранку, пий водичку,
Та викунуї п'ятирічку!

Одесса шутила...

Это была очередная “неформальная” вежа. Тридцать Третий Год. С середины зимы голодающих стало прибавляться, а к весне будто вся Украина бросилась к Черному морю. Теперь уже шли не семьями, а толпами, с черными высохшими лицами, и детей с ними уже не было. Они лежали в подъездах, парадных, на лестницах, прямо на улицах, и глаза у них были открыты. А мимо нашего дома к портовому спуску день и ночь грохотали кованые фуры, везли зерно, гнали скот. Каждый день от причала по обе стороны холодильника уходили по три-четыре иностранных парохода с мороженым мясом, маслом, битой птицей. В городе вместо тарани стали выдавать на месяц по полтора фунта сине-зеленой конины. Мне в тот год предстояло идти в школу. Помню буйный майский дождь. Задрав штаны, мы, припортовые дети, бегали в потоках несущейся вдоль тротуаров воды и во все горло пели:

Телятину, курятину буржуям отдадим,
А Конную-Буденную мы сами поедим!

Морис Семашко (Одесса)”.⁵⁴

”Станица Пашковская... ”Пришла зима, в трамваях стали возить

мешки с живыми лягушками, с водяными орехами. За Карасуном жгли камыш страшные существа — беспризорники. Год тек 1933-й... Квартиру у казачки снимали, мать боялась бросать меня одного, чтоб не украли (было, было на Кубани людоедство), сюда к нам приходила какая-то пухлая бабушка и все говорила матери: "По-моему посуду — не выливайте, я попою". Я просил от нее сказок, но старуха не помнила и все вздыхала о своих детках, они поумирали. Лет старухе было, видать, не больше, чем моей матери...

Дед умер плохо. И не сослали, и не кулачили, а вот... В плодороднейшей середине черноземов — между Белгородом и Харьковом, где голодной смерти не знали от татар! Умер, смертью по прав триумф коллективизации... Лучше меня напишет двоюродная сестра Людмила: "Умер дедушка в 33-м трагически, голодной смертью. Мы в то время жили в Донбассе, в Сталино, в тот год к нам приехало 15 человек родственников. Знаешь, страшно вспомнить то время: опухшие, голодные... Отец спросил у теток, почему старика не привезли. Тетя Варя сказала — очень плохой, не доехал бы... "Но вы-то доехали — и он бы доехал". Стали по возможности собирать и отправлять посылки. Но дедушка был слаб ходить на почту и поручал получать посылки невестке Степаниде, она получала и кормила свою семью, все остались живы, а дедушки не стало".

Юрий Черниченко (Кубань)⁵⁵

"Помню первое потрясение души, из тех, что метят конец детству. Молотили рожь. Нас, школьников, отрядили погонять лошадей в приводе, а мать с другими бабами отгребала солому от молотилки. Кому не с кем было оставить "робенков" дома, усадили их на свежую солому около гумна — все же под призором. По-вятски таких звали сидунами: им лет по пять, а еще не ходят. Ножки тонкие, головы большие, животы пухлые — рахитики, словом. И вот вижу, проворно ползут они к молотилке, горстями пихают в рот зерно. А этого нельзя — набухнет зерно и порвет кишки. Матери оттаскивают их подальше, а они, окаянные, опять ползут к немеченой еде...

Хлеб у нас пекли с опилками, с клеверными головками, а когда с толченой картошкой, так это праздник. Всего противнее в детстве было ходить на двор: опилки, непереваренная трава в кровь расцарапывали задний проход.

Такие вот они у меня, истоки.

Конечно, год на год не приходился, бывало и получше, но начи-

ная с 1932 года (тот голод я отчетливо помню) не часто едали до-сыта. Урожай, неурожай — разница невелика: надо кормить держа-ву. И так до конца, пока кормильцы не разбежались кто куда.”

Василий Селюнин (Вологодская область) ⁵⁶

”Чуть подальше кучка мужиков столпилась над неподвижным человеком в зипуне, в растоптанных лаптях. Он растянулся на го-лой земле — во весь свой немалый рост. У меня на глазах он вдруг весь напрягся, точно хотел потянуться затекшими членами, да так и замер. И сразу окаменело лицо.

Ветхий мужик в полушубке с рваной поллой торопливо стянул с плешивой головы треух, перекрестился. Вокруг — ни одного вос-клициания, ни единого вздоха. Живые стояли молчаливые, как бы безучастные. Их ведь загнали сюда на север, умирать. Жди каждый свой черед”.

Олег Волков (Архангельск) ⁵⁷

”Чтобы купить килограмм ржаного, пополам с половой, хлеба, люди стояли в очереди по нескольку суток... К концу дня в очере-дях насчитывали сотни трупов, а ночью их подбирали, грузили, как дрова...”

”Я зашел в одну из хат и окаменел. У самой стены на деревян-ной лавке лежал почти высохший ребенок лет пяти-шести, над ним склонилась мать, держа в руке нож и с трудом старалась отрезать ему голову. Нож и руки были в крови, ребенок конвульсивно дергал ногами.

Побежал в сельсовет, где председатель и двое дежурных ”равно-душно” заметили, что случаи, когда родители ели своих детей, в селе не единичны”.

”Аргументы и факты” (Украина) ⁵⁸

”С детства в моей памяти застряла загадочная цифра — 1933, примелькалась на нашем сельском кладбище, — пишет в журнале ”Киев” № 41, октябрь 1988 года журналист Александр Михайлюта. — И совсем не всем ставили кресты, те кресты, потрескавшиеся, искривленные возвышались чаще всего над детскими могилками...

Голод на Украине был организован искусственно. Нагло и ис-кусственно. По чьему приказанию, пусть разберутся историки... Мне рассказывали как в Токмацком районе специальные отряды вывозили прочь из села все подряд: зерно, продукты, домашние вещи, выгоняли скот. Людей обрекали на гибель...

Когда я слушал рассказ обыкновенной крестьянки Гани Дани-

ловны Левады (голодный год перебивалась она пятнадцатилетней девочкой в селе Алексийцы Куйбышевского района Украины), становилось холодно спине, хотя беседовали мы жарким июньским днем. Думаю, эта история не может не взволновать самых черствых.

— Жили мы в сарае: ни печки, ни стола, ни кроватей. Мамина сестра пустила нашу немалую семью к себе... Тогда богатых уже по-выгоняли всех из их домов. Соседей наших Куценко вывезли в Сибирь. У них была корова и два коня. По селу ходила вооруженная группа, несколько человек наших и несколько чужих в кожанках. Говорили какая-то Палашка ходит. Очевидно, какая-то "активистка" была, выслуживалась перед районом. Стучат к нам, а мы, перепуганные, кричим: "Отца и матери нет дома" — и не открываем.

Корову нашу забрали в колхоз, и не только у нас. Ох и ревели те недоенные коровы, невозможно слушать. Коней расстреливал один из чужих, в галифе. У нас был молодой добрый конь, такой весь в яблоках, его убили из нагана в ухо. Помню целый конский могильник устроили за селом. Тетка взяла потом конины, когда уехала комиссия, так как при ней — боже сохрани, если б кто взял; сварила тетка эту конину, сыночек ее наелся и умер. А мы ели тошнотворную жижу. Мама варила ложку ячменя на восемь человек, ни хлеба, ни соломы не было. А летом в поле скосили колоски и побросали на землю не обмолотив. Кто так сделал — не знаю, но собирать их на поле не пускали, сказали: там нет ничего съедобного. Меня всю жизнь мучит: как не спасла я младшего братика Петруся. Ему еще трех лет не было, лежит в колыбели и бредит: "Кушать хочется, кушать". Хорошо так уже говорил. Он на той баланде не выдержал и помер. Уже я взрослая была, пасу телят на лугу и все мне слышится его голосок и я бегу в степь и зову, зову, сердце мое зовет, хоть и не моя то вина, что Петрусь помер.

Александр Михайлюта (Запорожье) ⁵⁹

”Лето 1933 года.

У прокопченного крашенного казенной охрой вокзального здания, за выпущенным заборчиком — сквозной березовый скверик. В нем, прямо на утопанных дорожках, на корнях, на уцелевшей пыльной травке валялись те, кого уже не считали людьми.

Правда, у каждого в недрах грязного, вшивого тряпья должен храниться — если не утерян — замусоленный документ, удостоверяющий, что предъявитель сего носит такую-то фамилию, имя, отчество, родился там-то, на основании такого-то решения сослан с лишением гражданских прав и конфискацией имущества. Но уже никого не заботило, что он, имярек, лишенец, адмовысланный, не доехал

до места, никого не интересовало, что он, имярек, лишенец, нигде не живет, не работает, ничего не ест. Он выпал из числа людей.

Большей частью это раскулаченные мужики из-под Тулы, Воронежа, Курска, Орла, со всей Украины. Вместе с ними в наши северные места прибыло и южное словечко "куркуль".

Куркули даже внешне не походили на людей.

Одни из них — скелеты, обтянутые темной, морщинистой, казалось, шуршащей кожей, скелеты с огромными, кротко горящими глазами.

Другие, наоборот, туго раздуты — вот-вот лопнет посиневшая от напряжения кожа, тела кольшутся, ноги похожи на подушки, пристроенные грязные пальцы прячутся за напыльками белой мякоти.

И вели они себя сейчас тоже не как люди.

Кто-то задумчиво грыз кору на березовом стволе и взирал в пространство тлеющими, нечеловечьи широкими глазами.

Кто-то, лежа в пыли, источая от своего полуистлевшего тряпья кислый смрад, брезгливо вытирал пальцы с такой энергией и упрямством, что, казалось, готов был счистить с них и кожу.

Кто-то расплылся на земле студнем, не шевелился, а только клекотал и булькал нутром, словно кипящий титан.

А кто-то уныло закидывал в рот пристанционный мусорок с земли...

Больше всего походили на людей те, кто уже успел помереть. Эти покойно лежали — спали.

Но перед смертью кто-нибудь из кротких, кто тишайше грыз кору, вкушал мусор, вдруг бунтовал — вставал во весь рост, обхватывал лучинными, ломкими руками гладкий, сильный ствол березы, прижимался к нему угловатой щекой, открывал рот, просторно черный, зубастый, собирался, наверное, крикнуть испепеляющее проклятие, но вылетал хрип, пузырилась пена. Обдирая кожу на костистой щеке, "бунтарь" сползал вниз по стволу и... затихал насовсем.

Такие и после смерти не походили на людей — по-обезьяньи сжимали деревья.

Взрослые обходили скверик. Только по перрону вдоль низенькой оградки бродил по долгу службы начальник станции в новенькой форменной фуражке с кричаще красным верхом. У него было оплывшее, свинцовое лицо, он глядел себе под ноги и молчал.

Время от времени появлялся милиционер Ваня Душной, степенный парень с застывшей миной — ”смотри ты у меня!”

— Никто не выполз? — спрашивал он у начальника станции.

А тот не отвечал, проходил мимо, не подымал головы.

Ваня Душной следил, чтоб куркули не расползались из скверика — ни на перрон, ни на пути.

Мы, мальчишки, в сам скверик тоже не заходили, а наблюдали из-за заборчика. Никакие ужасы не могли задушить нашего зверущего любопытства. Окаменев от страха, безгливости, изнемогая от упрятанной панической жалости, мы наблюдали за короедами, за вспысками ”бунтарей”, кончающимися хрипом, пеной, сползанием по стволу вниз.

Начальник станции — ”красная шапочка” — однажды повернулся в нашу сторону воспаленно-темным лицом, долго глядел, наконец изрек то ли нам, то ли самому себе, то ли вообще равнодушному небу:

— Что же вырастет из таких детей? Любуются смертью. Что за мир станет жить после нас? Что за мир?..

Я сидел дома за стол, тянулся рукой к хлебу, и память разворачивала картины: направленные вдаль, тихо ошалелые глаза, белые зубы, грызущие кору, клокочущая внутри студенистая туша, разверстый черный рот, хрип, пена... И под горло подкатывала тошнота.

Я вставал из-за стола. Не потому ли в привокзальном сквере люди грызут кору, что я съел сейчас слишком много?

Я сыт, очень сыт — до отвала. Я съел сейчас столько, что, наверное, пятерым хватило бы спастись от голодной смерти. Не спас пятерых, съел их жизнь. Только чью — врагов или не врагов?..

А кто враг?.. Враг ли тот, кто грызет кору? Он им был — да! — но сейчас ему не до вражды, нет мяса на его костях, нет силы даже в его голосе..

Я съел весь свой обед сам и ни с кем не поделился.

Есть мне приходится по три раза в день.

Уже взрослым я долгое время удивлялся и гадал: почему я, в общем-то впечатлительный, уязвимый мальчишка, не заболел, не сошел с ума сразу же после того, как впервые увидел куркуля, с пеной и хрипом умирающего у меня на глазах?

Наверное, потому, что ужасы сквера появились не сразу и у меня была возможность как-то попривыкнуть, обмозолиться.

Первое потрясение, куда более сильное, чем от куркульской смерти, я испытал от тихого уличного случая.

Женщина в опрятном и поношенном пальто с бархатным воротничком и столь же опрятным и поношенным лицом, на моих глазах поскользнулась и разбила стеклянную банку с молоком, которое купила у перрона на станции. Молоко вылилось в обледеневший нечистый след лошадиного копыта. Женщина опустилась перед ним, как перед могилой дочери, придушенно всхлипнула и вдруг вынула из кармана простую обгрызенную деревянную ложку. Она плакала и черпала ложкой молоко из копытной ямки на дороге, плакала и ела, плакала и ела, аккуратно, без жадности, воспитанно.

В тот месяц застрелился начальник станции, которому по долгу службы приходилось ходить в красной шапке вдоль вокзального скверика”.

Владимир Тендряков (Вологодская область)⁶⁰

Начальник станции в рассказе Тендрякова покончил с собой. Ему не пришлось узнать ответа на вопрос, что станет со страной, в которой дети с любопытством рассматривают умирающих от голода. Это довелось увидеть нам. Жестокий, лицемерный и глубоко несчастный мир. Цинизм и равнодушие, прикрытое громкими, ничего не значащими словами. Мир страха, предательства и самообмана. Ужас коллективизации и голода, гибель миллионов, глубоко спрятанная под лозунгом счастливой колхозной жизни отравляла советское общество поколение за поколением.

Писатель Владимир Белов называет ”эту, не лишённую элементов геноцида, трагедию... раскрестьяниванием”.⁶¹ Читая рассказ Тендрякова, понимаешь, что беда глубже – расчеловечивание общества. Обездушивание человека. ”Эти дети” работали следователями и охранниками, поднимали руки на собраниях, лгали и верили лжи.

Сегодня гнойник прорвало. Смердящие раны открылись на том месте, где недавно красовались потемкинские дворцы социализма. На это страшно смотреть, но это необходимо для выздоровления. Выпуская гнойную отраву лжи, страна делает первый шаг к нормальной человеческой жизни. Покаяние и очищение, осознание происшедшего во всей его трагической полноте – надежда народа на лучшее будущее. Процесс восстановления исторического сознания еще только начался. Он нелегко, но иного не дано.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. Т. Твардовский. По праву памяти. "Знамя" № 2, с. 199, 1987.
2. Douglas Tottle. Freud Famine and Fascism. The Ukrainian genocide Myth from Hitler to Harvard. Progress Book, Toronto, 1987.
3. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, с. 19.
4. Там же.
5. Сахаров А. Н. История Советского Союза под пером консервативных советологов 80-х годов. "История СССР" № 2, 1988, с. 196.
6. Морозов Л. Ф. Ленинская концепция кооперации и альтернативы развития. "Вопросы истории КПСС", № 6, 1988, сс 113—114.
7. Селунская В. М. Коммунистическая партия в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства в СССР. "Вопросы истории КПСС", 1987, № 9.
8. Морозов Л. Ф. Цит. соч.
9. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина. "Вопросы истории КПСС", 1988, № 8, сс. 24—25.
10. Бордюгов и Козлов, с. 30.
11. Коллективизация: как это было. Беседа с корреспондентом "Правды" В. П. Данилова и Н. В. Тешцова. "Правда" 26 августа, 16 сентября 1988.
- 12—16. Там же.
17. В. П. Данилов. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 гг. и "Демографической катастрофе" 30—40-х гг. в СССР. "Вопросы истории", 1987, № 3, сс. 116—121.
18. Тихонов В. А. Чтобы народ прокормил себя, "Литературная газета", 3 августа 1988 (см. также "Литературная газета" 8 апреля 1987, 13 января 1988) Пора земельной реформы, "Московские новости", 7 августа 1988, "Аргументы и факты", 5 апреля 1988.
19. В. Тихонов. Чтобы народ прокормил себя. "Литературная газета", 3 августа 1988.
20. Там же.
21. Там же.
22. Марк Тольц. Сколько же нас тогда было? "Огонек", № 51, декабрь 1987.
23. Кульчицкий Станислав. "Вести с Украины", №№ 2—4, 1988. Голод на Украине в 1931—33 гг. Правда и домыслы. Передача киевского радио 10 февраля 1988. Мониторинг радио "Свобода" № 77, с. 50.
24. Андрей Платонов сегодня. "Литературная газета", 23 сентября 1987 г.
25. Например, И. Золотусский. Война и свобода. "Литературная газета", 8 июня 1988.
26. П. Нилин. Страницы из дневника. "Литературная газета", 20 января 1988
27. А. Знаменский. Тишанка горит. "Наш современник", № 2, 1988, с. 118.
28. Д. С. Лихачев. От покаяния — к действию. "Литературная газета", 9 сентября 1987.
29. "Огонек" № 8, апрель, 1988.
30. В. Сапожников. И кто все-таки виноват? "Литературная газета" 24 августа 1988.

31. Письмо М. А. Шолохова Е. Г. Левицкой. "Московские новости", 1987.
32. Н. Малыгина. Ничего не стирает время. "Огонек", № 35, августа 1987.
33. Из прошлого, трудный путь. "Литературная газета", 6 апреля 1988.
34. ЛГ в деревне. "Литературная газета", 8 апреля 1987.
35. В. Белов. Ремесло отчуждения. "Новый мир", № 6, 1988, сс. 151–181.
36. Люди сопротивления. "Московские новости", 31 июля 1988.
37. И. Минутко. Помни имя свое... "Московские новости", 22 мая 1988.
38. Коллективизация: как это было. Цит. № 19.
39. В. Тихонов. Цит. № 19.
40. Иван Твардовский. Страницы пережитого. "Юность", № 3, 1988, сс. 10–31.
41. В. Кожинов. Мы меняемся. "Наш современник", № 10, 1987.
42. В. Сапожников. Цит. соч.
43. Там же.
44. О. Волков. Погружение во тьму, 1987, сс. 316–318.
45. "Огонек", № 8, 1988.
46. В. Белов. Ремесло отчуждения. "Новый мир", № 6, 1988, с. 155.
47. М. Алексеев. Уроки на завтра. "Литературная газета", 25 ноября 1987.
48. "Огонек", № 2, январь, 1988.
49. "Огонек", № 12, март 1988.
50. О чем толкует народ. "Отчизна", № 3, 1988. Интересно, что этот журнал предназначен для распространения за рубежом.
51. Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Отв. ред. М. О. Чудакова, Рига, 1988. Цит. по "Русской мысли", 16 сентября 1988.
52. "Огонек", 28 июля 1988.
53. Т. В. Сосюра. Третья рота. Фрагменты романа. "Литературная газета", 11 мая, 1988.
54. М. Семашко. Писание по Бондарю. "Литературная газета", 1 июня 1988.
55. Ю. Черниченко. Две тайны. "Литературная газета", 13 апреля 1988.
56. В. Селонин. Истоки. "Новый мир", № 5, 1988, сс. 162–163.
57. О. Волков. Цит. соч., сс. 182–183.
58. "Аргументы и факты", цит. по М. Михайлову. Корни людоедства. "Панорама", 16 сентября 1988.
59. Олександр Михайлюта. Міхто не зглянувсяні бог, ні сльпрада... "Україна", № 41, Жовтень, 1988, сс. 16–17.
60. В. Тендряков. Рассказы. "Новый мир", № 3, 1988, сс. 3–30.
61. В. Белов. Цит. соч., с. 163.

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1930—1938 ГГ.

Период 1930—1938 гг. — один из самых страшных этапов советской истории. В эти годы бушевала кровопролитная война хорошо организованного государственного аппарата сначала против многомиллионного крестьянства (1928—1934 гг.), затем против всего остального населения страны (1935—1938 гг.). Число погибших во время этих катастроф огромно.

На Западе существует немало различных оценок этих потерь, но в большинстве случаев они не слишком надежны. Советская историческая демография хранит по этому поводу молчание.

Для исследования этого вопроса рассмотрим движение населения между переписями 17 декабря 1926 и 17 января 1939 гг. Общее число умерших за эти годы можно попытаться разделить на две составляющие: нормальную ("естественную") смертность, соответствующую данной структуре населения, обычному уровню жизни и медицинского обслуживания, и повышенную убыль — погибшие и умершие раньше времени в результате изменения традиционных условий жизни.

С точки зрения политических событий период 1926—1938 гг. не был чем-то однородным. Он включает довольно "мирные" 1927—1931 гг., когда положение в стране ухудшалось, репрессии, в частности, высылка кулаков, росли, но массовая гибель населения еще не распространилась широко по стране; 1932—1934 гг. — страшный

голод, завершивший коллективизацию и унесший миллионы; 1935—1938 гг. — годы расцвета ГУЛаг. Объединение этих разнородных этапов вместе вызвано необходимостью использовать данные переписей 1926 и 1939 гг.

Оценка потерь населения осуществляется передвижкой поколений мужчин и женщин, известных по переписи 1926 г., на период 1927—1939 гг. и сопоставлением результатов этих вычислений с фактическими сведениями о численности населения, в частности, с результатами переписи 1939 г. Подобную методику использовали многие авторы, в том числе известные ленинградские демографы Новосельский и Паевский, знаменитый украинский демограф Птуха, западные ученые Лоример и Виткрофт и т. д. Рассчитанные данные выступают при таком подходе как некоторая норма смертности, ее естественный уровень. Сам метод редко вызывает серьезные возражения, но оценка полученных таким способом результатов зависит от ряда причин:

1. Надежности переписи 1926 г., как в отношении оценки общего количества мужчин и женщин, так и достоверности определения их возраста.

2. Точности текущей статистики в 1927—1938 гг.

3. Надежности переписи 1939 г. как в общих оценках численности и половозрастной группировки, так и по сравнению с результатами переписи 1926 г.

4. Достоверности таблиц смертности 1926 г. и пригодности этих таблиц для оценки нормальной смертности населения всей страны в 1927—1938 гг.

5. Надежности определения коэффициентов рождаемости в 1927—1938 гг.

6. Погрешности вычислений.

Для получения общего представления о надежности результата необходимо рассмотреть возможное влияние каждого из перечисленных факторов и их совместное действие. Кроме того, интегральной проверкой достоверности используемого подхода служат расчеты при тех же самых предпосылках соседних относительно мирных интервалов: 1923—1926 гг, 1926—1931 гг и 1939—1940 гг. Близость результатов или некоторое превышение расчетной убыли над фактической смертностью в эти периоды служит доказательством применимости подобной методики для оценки потерь.

Рассматривая факторы, влияющие на точность расчета, и выби-

рая те или иные из них в качестве основы для вычислений, я стремился к получению возможно более достоверного результата, однако при прочих равных условиях предпочитал пользоваться сведениями скорее занижающими, чем завышающими потери. Такой подход более плодотворен, в частности, потому, что позволяет использовать многие официальные данные (результаты переписей, текущие оценки численности), которые нередко представляются сомнительными с точки зрения возможного преуменьшения потерь.

Существующие оценки потерь

Советская печать никогда прямо не пишет о размерах потерь тех лет. Косвенной оценкой может служить крылатая фраза об "уничтожении как класса". В 1929 г. в стране было 6.8 млн. буржуазии (в том числе 5.6 млн. кулаков). В 1934 г. их осталось всего 174 тысячи.¹ Что произошло при этом с кулаками и буржуазией — не совсем ясно. То ли они изменили свою классовую сущность, то ли убыли в места недоступные для статистики? Скорее всего, и то и другое.

Называют довольно много различных оценок. Их можно разделить на три основные группы: опирающиеся на личные наблюдения ученых и журналистов, живших в СССР в те годы; использующие секретную информацию из официальных советских источников; рассчитанные различными методами. Первые два подхода не поддаются проверке и потому не могут быть серьезно рассмотрены. Отметим только, что существование в Советском Союзе достоверных оценок потерь тех лет вызывает большие сомнения, так как получение цифр без специальной огромной работы было бы невозможно, а на проведение таких исследований советское руководство наверняка не дало бы разрешения, даже сама постановка вопроса о проведении такой работы считалась бы подозрительной.

Из оценок потерь наибольшей, вероятно, является цифра профессора И. Курганова — 110.7 млн. человек за 1918—1958 гг.²

Наименьшей из оценок, полученных серьезными исследователями, является цифра бирмингамского профессора С. Виткрофта. Наиболее известный исследователь Ф. Лоример отмечает, что из расчетов Новосельского и Паевского следует оценка потерь в размере 5.5 млн. человек и несколько раз приводит эту цифру в своих

таблицах и графиках. Однако затем, проведя самостоятельный расчет, он получает несколько меньшее значение — 4.8 млн. Старый русский демограф, профессор А. А. Зайцов, ссылаясь на расчет Лоримера, отмечает, что потери, несомненно, имели место, но все-таки считает его результат несколько завышенным и призывает относиться к нему с осторожностью.³

Напротив, профессор С. Н. Прокопович, собрав и проанализировав советские статистические данные, приходит к выводу, что потери составили около 9 млн. человек.⁴ Правда, в основу его расчетов положена цифра численности населения в 1933 г. — 165.7 млн. человек, впоследствии исчезнувшая из официальных советских материалов как несколько преувеличенная.

Несомненный интерес представляет работа советского геофизика Иосифа Дяткина, который за свое исследование пошатился тюрьмой. Для рассматриваемого периода он оценивает потери в 9—16 млн. человек.

Многие результаты получены с помощью экстраполяции каких-либо частных данных на всю страну. Нередко сведения о сидевших в одной тюрьме или одной камере, потери одной семьи или одного города переносятся в той же пропорции на все население страны, и тем самым из нескольких сотен или тысяч пострадавших возникают десятки миллионов. К сожалению, такой характер носят многие оценки, собранные профессором Р. Конквестом в его интереснейшей книге "Большой террор".

Автор описал огромный фактический материал, но количественные подсчеты не являются сильной стороной его книги. В частности, он считает, что в 1937 и 1938 гг. погибло 3 млн. из 12 млн. политических и 3 млн. уголовных заключенных, находившихся в лагерях. Причем он справедливо указывает, что большинство из этих заключенных были мужчины возраста 30—60 лет. При этом, вероятно, упускается из виду, что в 1939 г. в стране в таком возрасте мужчин (русских, украинцев и других национальностей, в городе и в деревне, в армии, в лагерях и в лагерной охране) было около 24 млн. Трудно предположить, что за два года погибли 10% из них, а находились за решеткой свыше 60%.

Даже по отношению к численности всех мужчин старше 20 лет, 15 млн. заключенных кажется величиной неправдоподобной. Это значит, что каждый третий в течение двух лет попал за решетку.

При этом данные Конквеста отнюдь не самые высокие. Называ-

ются многие десятки миллионов человек, посаженных и уничтоженных. Авторы огромных цифр обычно упускают из виду, что в 1926 г. в стране (с учетом присоединенных впоследствии территорий) было 167 млн. человек, из которых 85 млн. дожили до переписи 1959 г. Таким образом, убыло 48 млн. мужчин и 34 млн. женщин.⁵

Эта убыль включает всех умерших своей смертью за 32 года (среди них немалое количество стариков и детей), всех погибших на фронте и в плену, эмигрировавших и уничтоженных немцами, умерших от голода и болезней. В эту же цифру входят и все потери от репрессий в сталинских тюрьмах и лагерях.

Видимо, огромные цифры являются своеобразным извращением современного мышления, для которого величина меньше миллиона кажется маленькой и едва ли не оправданной.

Особенно непонятны постоянные усилия объединить под общим понятием "потери населения" неродившихся и замученных в тюрьмах и лагерях. Такой подход, позволяющий козырять огромными цифрами, представляется совершенно незачинным. Проблема сокращения рождаемости — общемировая. Ее решение отнюдь не очевидно с общечеловеческих позиций, так как в наши дни планете грозит перенаселенность, а не дефицит новорожденных. И смешивать в одну кучу незачатых детей (а часто еще и детей этих детей) с расстрелянными, умершими от голода и эпидемий, значит, по моему глубокому убеждению, не уважать память погибших.

Таким образом, представляется, что пока нет правдоподобной оценки потерь советского населения в 1930—1938 гг. Наиболее важными исследованиями этого вопроса являются труды уже упоминавшегося американского ученого Ф. Лоримера, прогнозные расчеты и таблицы смертности двух известных советских демографов С. Новосельского и В. Паевского, восстановление численности и структуры советского населения французским исследователем Ж. Бирабеном. Работы этих больших ученых делают возможным изучение вопроса о потерях советского населения в предвоенный период. Подробнее западные оценки потерь рассмотрены в главе "Дискуссии на Западе..."

Рассмотрим кратко основные материалы, использованные при расчете.

Перепись 1926 года

Перепись 17 декабря 1926 г. оказалась по детальности опроса и публикации единственной и неповторимой. Она вышла в 56 томах на русском и французском языках, не считая многотомных "Кратких итогов" и "Предварительных сообщений".⁶

Численность населения переписью 1926 г. была, по-видимому, несколько занижена (147 млн. человек, в том числе 71 млн. мужчин и 76 млн. женщин).⁷ Она оказалась меньше, чем предварительные данные административного учета.

Так, в Европейской части страны было исчислено на 1 января 1926 г. 120.340 тыс. человек. С поправкой на прирост населения за год по норме хлебофуражного баланса оценка составила 122.957 тысяч. Переписью (по предварительным результатам) было учтено 121.300 тысяч. Впоследствии численность населения по переписи была увеличена почти на 800 тысяч, но и в этом случае расхождение составляет почти 900 тыс. человек.⁸

Важным результатом переписи явилась публикация численности по возрастам в одногодичной группировке, осуществленная единственный раз в истории СССР. Однако, при указании своего возраста очень многие округлили его. Отношение средней численности возрастов кратных пяти к общей средней численности составило 159%.⁹ Это вызвало необходимость перераспределения по половозрастным группам, так называемого сглаживания. Оно было проведено рядом авторов. Наиболее сильным исправлениям обычно подвергаются младшие возрастные группы, показанные в таблице № 1.

Исправляя сведения о детских возрастах, большинство ученых не меняют численность населения, учтенного переписью, а лишь несколько перераспределяют ее. Это представляется неверным известному украинскому демографу Ю. А. Корчак-Чепурковскому, который, разрабатывая структуру населения Украины в однолетней группировке, увеличил численность детей моложе пяти.¹⁰ Однако другой, не менее известный украинский демограф М. В. Птуха считал, что недоучет детей переписью маловероятен, и отверг эти поправки.¹¹

Новосельский и Паевский использовали при сглаживании данные о смертности поколений в 1925–1926 гг., а Бирабен опирался на послевоенные переписи населения. Интересно, что при столь противоположных подходах результаты не слишком сильно отличаются

друг от друга. Сглаживание Бирабена является более равномерным и не содержит малопонятных колебаний численности женщин 30—50 лет. Каждый из этих вариантов аппроксимации обладает определенными достоинствами и недостатками, и, так как их авторы исходили из совершенно различных предпосылок, целесообразно использовать и те, и другие данные для проведения расчетов.

На рисунке видно, что доля женщин в старших возрастах несколько превышает соответствующий процент мужчин. Бросается в глаза и глубокий врез — поколения, родившиеся в 1915—1920 гг. Этот врез не скоро исчезнет, а будет лишь подниматься и подниматься вверх по возрастной пирамиде, уступая место внизу новым тяжелым шрамам. Заметно выделяется перегиб около 30 лет, разделяющий поколения, активно и пассивно прошедшие сквозь гражданскую войну. И этот уступ еще не исчез с современной возрастной пирамиды.

По сравнению с переписью 1939 г. перепись 1926 г., очевидно, недоучла население. В стране еще не было паспортного режима, счетчиков участвовало всего 200 тысяч (в 1937 г. — миллион, в 1939 г. — 400 тысяч), они проходили только двухдневное обучение, на селе не фиксировалось постоянное население (только наличное), не было контрольного бланка, не применялся сплошной контрольный обход. А главное, учету населения не придавалось такого всемирно-исторического значения, как в дальнейшем. Менее строгий учет населения в 1926 г. по сравнению с 1939 г. должен был привести к занижению размеров потерь населения в 1926—1938 гг.

Возможная ошибка неполного учета, судя по переписям последующих лет и по данным текущей статистики, составляет примерно 0.5%.¹²

Текущий учет населения в 1926—1938 гг.

После проведения переписи 1926 г. советские статистики убедились, что система учета населения работает достаточно хорошо. Но скоро наступление правительства на крестьян полностью изменило демографическую ситуацию в стране и привело к последствиям, которых никто не ожидал. На некоторое время была парализована и система учета населения. Последние достаточно надежные сведения относятся к лету 1931 г., когда в связи с введением карточной системы был организован административный учет населения. Он

проводился весной и в начале лета, когда население было более подвижно, чем зимой. Это должно было привести к некоторому занижению численности по отношению к переписи 1926 г., проводившейся в декабре. Кроме того, оценка 1931 г. проходила в намного более напряженной политической ситуации, чем перепись 1926 г. Коллективизация, уничтожение кулачества "как класса" всколыхнули и стронули с места массу сельских жителей, которые громадными толпами перемещались по стране и вряд ли поддавались строгому учету административными органами. Это позволяет предполагать, что численность населения в 1931 г. учтена с меньшей (или, по крайней мере, не с большей) полнотой, чем в 1926 г.

Данные о повозрастной численности в 1931 г. опубликованы в довольно странной группировке и не поддаются удовлетворительному сглаживанию. Общая численность учтенного населения 162.7 млн. представляется довольно правдоподобной и хорошо согласуется с материалами о рождаемости, смертности и численности населения в предшествующие годы.¹³

После 1932 г. демографические сведения исчезают из печати.

Справочники ЦУНХУ (ЦСУ) в течение 1933—1938 гг. ежегодно повторяют одну и ту же цифру — 165.7 млн. на 1 января 1933 г., словно в этот момент прекратился учет населения. По-видимому, надежного учета действительно не было. Сама цифра 165.7 млн. вызывает довольно большие сомнения. Вряд ли население СССР в те годы достигало такой численности. Не случайно эта столь популярная цифра, повторявшаяся свыше семи лет в предвоенный период, ни разу не упоминается ни в одном из послевоенных справочников. Объясняется это тем, что, по мнению современных статистиков, данные тех лет были не очень достоверны.

"В ежегодных исчислениях населения СССР после переписи 1926 г. были допущены серьезные просчеты вследствие, главным образом, неточностей в данных текущей статистики о приросте населения из-за неполноты регистрации родившихся и умерших органами ЗАГС в некоторых республиках, и неполноты учета мигрирующего населения, который тогда находился в стадии организации. ЦСУ СССР уточнило эти расчеты за 1926—1939 гг. после переписи 1939 г."¹⁴

Более правильно было бы говорить не о недостатках текущего учета, а о расхождении его с действительностью, стремительно

изменявшей численность населения страны.

Создается впечатление, что руководители страны и даже демографы не имели в 1932–1937 гг. реального представления о последствиях проводимых социальных мероприятий. Они, очевидно, догадывались, что голод и массовая смертность в деревне меняют демографическую картину, но как и насколько — не ведали.

В официальных докладах, планах и научных статьях тех лет постоянно называются цифры численности населения в стране, которые, видимо, никогда не были достигнуты (165.7 млн. в конце 1932 г., 168 млн. в конце 1933 г. и т. д.).

Эта инерция мышления завершилась трагическим исходом переписи 1937 г., результаты которой оказались столь неожиданными, что они были уничтожены вместе с ее организаторами.

В послевоенные годы ЦСУ опубликовало численность населения в конце 1936 г., опираясь, по-видимому, на результаты переписи 1937 г.¹⁵ Появились демографические данные для последующих послевоенных лет (1937–1940 гг.). Сведения для периода 1927–1930 гг. были откорректированы, численность населения была несколько уменьшена в 1929 г. на 900 тыс. человек).¹⁶ Этими исправленными данными, по-видимому, можно пользоваться при рассмотрении движения населения в стране. Не содержит слишком большой ошибки, вероятно, и результат административного учета в середине 1931 г., то есть проведенный через полгода после последней официально уточненной цифры; по крайней мере, он не слишком противоречит этим откорректированным сведениям. Так, в конце 1928 г. численность населения равнялась 153.4 млн., 1929 г. — 157.6 млн., 1930 г. — 160.6 млн. Прирост населения в год составлял, таким образом, три миллиона человек. Административный учет показал численность 162.1 млн. на 1 июля 1931 г., то есть прирост за полгода был таким же, как и в прошлом году. Возможная ошибка учета вряд ли достигает в этом случае нескольких сотен тысяч человек.

Перепись 1939 года

Эта перепись была не просто статистическим учетом населения, она проводилась как мероприятие исключительной важности.

”Задачи предстоящей переписи населения нашли свое исчерпывающее выражение в программе переписи, утвер-

жденной СНК СССР и разработанной при личном участии и под руководством главы советского правительства В. М. Молотова. Переписной лист и инструкция к его заполнению являются документами выдающегося значения... Программа переписи проникнута великими идеями Сталинской Конституции”¹⁷

Одной из ”великих идей”, сформулированных, правда, в несколько угрожающей форме, было указание ЦК ВКП (б) и СНК:

”Провести перепись без единого пропуска, без ошибок”. Что может случиться с теми, чьи результаты будут ошибочными (или покажутся таковыми), организаторы переписи слишком хорошо знали. Было проведено несколько специальных мероприятий по повышению точности учета: использован сплошной контрольный обход и введен специальный контрольный бланк для лиц, во время переписи отсутствовавших в помещении. Административным полицейским новшеством было обязательное присутствие в сельской местности при контрольном обходе уполномоченного сельсовета. Были введены четыре новых вопроса с целью учета не только наличного, но и постоянного населения. Правда, цифры практически совпали (расхождение меньше 0,06%), что свидетельствует не столько о бессмысленности двойного учета, сколько о старательности статистиков выполнить указание ЦК ВКП (б).

Перепись 1939 г. послужила образцом для всех последующих, и советские статистики еще и через 30 лет продолжают гордиться ее методикой:

”Перепись населения 1939 г. была проведена на значительно более высоком научном, методологическом и организационном уровне, чем предыдущая перепись, и явилась важным вкладом в развитие статистической науки и практики. При ее проведении применялись более совершенные методы организации всех работ, направленные на обеспечение точности и полноты учета населения, а также на сокращение сроков обработки полученных материалов. Разработка переписи была механизирована и осуществлена в короткий срок — 15 месяцев”¹⁸

Постоянно возникает вопрос: насколько можно верить результатам переписи 1939 г.?

Определенно можно утверждать, что перепись не занизила численности населения, ведь даже самые закоренелые ”вредители”

поостереглись бы "занижать" после урока, полученного в 1937 г. Таким образом, потери, рассчитанные для периода 1926—1939 гг. как нехватка населения к 1939 г., могут быть несколько больше, но уж никак не меньше найденного уровня. Это позволяет использовать результаты переписи 1939 г. для оценки передвижки населения в 1926—1939 гг.

Но не была ли переписью 1939 г. численность населения заметно преувеличена? Не были ли из страха наказания сочтены "мертвые души"? Полностью исключить такое предположение трудно. Ведь тогда, как и теперь, учет так называемого "спецконтингента" поручался самому ведомству внутренних дел и представленные цифры автоматически прибавлялись к фактическим результатам переписи. И, естественно, если погибшие и умершие в лагерях включены в перепись 1939 г. как живые и здоровые, оценка потерь 1931—1938 гг. будет занижена на эту цифру.

По поводу фальсификации данных переписи "сверху" можно лишь высказать некоторые предположения.

Краткость публикации материалов и пропуск важных сведений говорят скорее об отсутствии подтасовки. Если уж пошли на преувеличение численности населения, почему было не опубликовать данные о половозрастном составе, хотя бы в самом сжатом и укрупненном виде? Почему ЦСУ в течение семи лет не публиковало сведений о численности населения и девять лет молчало об уровне рождаемости и смертности в стране? Видимо, ответ заключается в том, что прямая фальсификация не являлась целью ЦСУ.

Второй довод против предположений о подтасовке переписи заключается в том, что даже опубликованные сведения представляются крайне неблагоприятными. Они позволяют оценить повышенную убыль населения между 1926 и 1939 гг.; они ставят вопрос: почему ухудшилось соотношение между мужчинами и женщинами (явление, наблюдающееся обычно только во время войны); они отмечают убыль по сравнению с 1926 г. трех миллионов украинцев, 870 тысяч казахов, нескольких тысяч бурятов, уйгур, так называемых народов севера и т. д. Эти факты, свидетельствующие о явном демографическом неблагополучии, также должны были быть подтасованы, если бы фальсификация имела место.

Наконец, наиболее важным является, на мой взгляд, то обстоятельство, что перепись 1939 г. подверглась достаточно полной обработке и публикации лишь в начале 60-х гг. вместе с материалами

переписи 1959 г. В этот момент ничто не толкало статистиков ЦСУ к прямой фальсификации. Напротив, культ личности был еще раз разоблачен на XXII съезде, организаторы переписи 1937 г. реабилитированы, и уточнение материалов переписи 1939 г. было бы только естественным. Более того, уменьшив численность населения в 1939 г. (изъяв "мертвые" фиктивные души), исследователи сократили бы тем самым огромную убыль населения в годы Второй мировой войны, очевидную при сопоставлении опубликованных результатов переписей 1939 и 1959 гг. Это было бы, несомненно, на руку советскому руководству, которое в тот момент еще не пришло к мысли, что военными потерями следует гордиться, и скрывало их размеры. Однако, при повторной разработке материалов переписи 1939 г. численность населения не уменьшилась, а, напротив, немного (на 100 тысяч) возросла.

Наконец, следует иметь в виду, что при оценке потерь за весь период советской власти, то есть включая Вторую мировую войну, искажение в ту или иную сторону данных переписи 1939 г. не играет существенной роли, так как преуменьшению убыли в период 1926—1939 гг. будет соответствовать почти такое же преувеличение потерь в последующие годы (1939—1950).

Группировка населения по возрасту была опубликована в довольно сжатом виде без разделения по полу (таблица № 2). Сведения не охватывали проживавших в отдаленных районах и не указавших свой возраст. Естественно, что все исследователи, использовавшие результаты переписи для тех или иных расчетов, пытались откорректировать возрастную структуру населения.

Ж. Бирабен из всех авторов наименее связан конкретными результатами переписи 1939 г. Его материалы — это реконструкция населения по послевоенным данным, то есть с учетом жителей присоединенных в 1939—1940 гг. территорий. Обитатели захваченных земель находились в более благополучной демографической ситуации, среди них был выше процент стариков, более нормальное соотношение мужчин и женщин. Естественно, что в данных Бирабена численность поколений старше 50 лет наиболее высокая.

Распределения населения по полу и возрасту в 1939 г. опубликовано не было, поэтому Лоример проделал его самостоятельно, ориентируясь на материалы переписи 1926 г.

Бирабен в своей работе уже мог учесть публикацию ЦСУ о половозрастном составе.¹⁹ Его сведения довольно близки к официаль-

ным данным. Небольшие различия наблюдаются лишь в возрастах 15—19 лет, 30—34 лет и старше 80 лет.

Мной, при получении соотношения полов в возрастной группировке, были взяты за основу данные ЦСУ. При этом, однако, принимался во внимание тот факт, что эти сведения относятся к населению СССР в современных границах, то есть с учетом примерно 20 млн. человек с иной возрастной структурой.

Кроме того, учитывалось, что сведения ЦСУ были не сглажены, то есть содержали ошибки в связи с неточным указанием возраста.

Другая одногодичная группировка была проделана Ж. Бирабеном, учитывавшим как данные переписи 1939 г., так и половозрастную структуру населения СССР в 1970 и последующих годах. Оба варианта сглаживания оказались довольно близки (рис. 2).

На рисунке хорошо видно дальнейшее изменение судеб населения страны. Под взрезом, фиксирующим падение рождаемости в годы Первой мировой войны, появилась новая вмятина — след коллективизации. Еще более значительно снизилась доля мужчин в старших возрастах и диаграмма приобрела заметно асимметричный характер.

Таблицы смертности населения 1926—1927 годов

Таблицы смертности 1926—1927 гг., составленные Новосельским и Паевским, являются одним из самых основных результатов, связанных с переписью 1926 г.²⁰ Они составлялись на основе данных переписи и сведений о смертности за два года (1926—1927). Они охватывают Европейскую часть СССР с пропуском некоторых районов, для которых надежные сведения о смертности или численности населения отсутствовали. На этой территории проживали примерно 120 млн. человек из 147 млн, учтенных переписью 1926 г. Эта неполнота вызвана тем, что у авторов таблиц не было достаточно надежных данных о смертности в остальных районах страны. Имеющиеся материалы представлялись им заниженными, а введение поправок на неполноту учета могло существенным образом исказить всю картину. Лишь для Башкирии была введена поправка, увеличивающая на 12,7% коэффициенты смертности. Остальные сомнительные районы (например, автономные области Северного Кавказа) из расчетов исключались.

Коэффициенты 1926—1927 гг. заметно отличаются от значений

в дореволюционных таблицах. Они меньше по величине, и характер их изменения несколько иной. Другое соотношение и между мужской и женской смертностью. Среднее число живущих женщин меняется с возрастом более плавно и расходится с уровнем 1907–1908 гг. больше, чем у мужчин (рис. 3).

Наибольший рост продолжительности жизни отмечают у городского населения, особенно женщин; сильнее других изменилась детская смертность.

По сравнению с 1897 г. коэффициент смертности годовалых сократился на 30%, у 5–10-летних — в два раза. У 15-летних мальчиков опять на 30%, девочек — на 40%. В более старших возрастах сокращение смертности колеблется между 20 и 10% у мужчин и 40–30% у женщин.

Изменения смертности за короткий послереволюционный период оказались во всех возрастах более заметными, чем за последующие годы.

Очень важным является вопрос: насколько таблицы Новосельского и Паевского правильно отражают уровень смертности по всей стране в тот период? Ведь возможны ошибки за счет неполного охвата территорий и погрешностей в учете смертности отдельных возрастных групп.

Определенным образом влияет на величину табличных коэффициентов смертности неполнота данных, собираемых при переписи: она несколько завышает их. В противоположном направлении действует неполнота учета смертей. Авторы таблиц 1926 г. приводят один пример — опрос селькоров в сельской местности на территории, где проживало примерно 500 тыс. человек, показал, что в 1928 г. было не зарегистрировано примерно 2,5% похорон. Они отмечают, что особенно велик был недоучет грудных детей, умерших в первые дни жизни, и женского населения старших возрастов 50–70 лет.

С. А. Новосельский и В. В. Паевский даже считали, что заметное снижение женской смертности относительно мужской вызвано отчасти этим дефектом.

Фактическая ошибка коэффициентов таблиц для взрослого населения вероятно меньше 2,5%, так как эта цифра включает значительное количество детских смертей и кроме того, оценка сделана для сельской местности, а значительная часть населения (около 20%) уже проживала в городах, где регистрация была намного точнее.

Таблицы смертности 1926–1927 гг. были откорректированы американским исследователем А. Куолом, который обратил внимание на то, что в данных Новосельского и Паевского иное соотношение между смертностью в среднем и старшем возрасте, чем у европейских народов. А. Куол увеличил смертность в старших возрастных группах как мужчин, так и женщин примерно на 14%, опираясь в своей аппроксимации на аналогичные таблицы польского населения. Он также построил гипотетические таблицы смертности населения в 1939–1940 гг.²¹

Таблицы смертности 1926–1927 гг. были также подвергнуты серьезной критике Ф. Лоримером. Лоример справедливо отмечал неполноту советских статистических сведений в послереволюционные годы и слишком маленькую смертность в старших возрастных группах по сравнению со смертностью в среднем возрасте.

Чтобы возразить на эти важные замечания и показать, что низкая смертность стариков действительно имела место, а не являлась погрешностью учета, необходимо рассмотреть изменения смертности в СССР в ее историческом развитии.

Маленькая смертность в старших возрастах и несоответствие пропорции изменения смертности в средних и старших возрастных группах соотношению, имевшему место в соседних европейских странах, на которое обратил внимание Куол и является не только ошибкой учета, но и специфической особенностью советско-русского населения.

Огромная детская смертность (30–40%), характерная для России, служила отбором более жизнеспособных, и поэтому в самых старших поколениях продолжительность жизни была выше, чем в соседних странах. Кроме того, гражданская война и сопровождавшая ее повышенная убыль миллионов людей от голода и болезней, также привели к временному повышению жизнестойкости населения, так как умершие в те страшные годы представляли собой более слабую, менее здоровую часть каждого поколения. Подробнее эти вопросы рассматриваются в других работах.²²

Со смертностью же населения на слабообразованных территориях не все обстоит достаточно однозначно. Почти всегда в отсталых районах детская смертность выше и учитывается недостаточно полно. Так, даже теперь рост детской смертности в СССР объясняют неполнотой ее учета в азиатских районах страны.²³ Но именно поэтому смертность в средних и старших возрастах, а также общая

смертность всего населения могут в слаборазвитых районах оказаться меньше, чем на всей территории.

Интересно, что в наши дни наблюдается аналогичная картина — смертность узбеков в силу историко-демографических причин оказывается в средних и старших возрастных группах, а также и у всего населения ниже, чем у одного из наиболее развитых народов страны — украинцев.

Так, среди 50–54-летних украинцев в 1973–1974 гг. из тысячи человек умирало в год 8.1, у узбеков — 7.7. В группе 60–64-летних соответствующие цифры: 17.2 и 16.9, а для лиц старше 70 лет — 77.3 и 45.6.²⁴ Не исключено, что мы сталкиваемся в данном случае с некоторым недоучетом смертности населения Узбекистана, но как было показано в уже упоминавшейся нашей статье, подобные закономерности наблюдаются у многих отсталых народов, в частности, у американских негров.

Исследователи демографических процессов в Средней Азии в XIX веке считают, что основные параметры воспроизводства населения были близки к соответствующим данным Европейской части страны,²⁵ а, следовательно, возможно использование составленных таблиц смертности для всей территории страны.

Все же, по-видимому, смертность населения неохваченных таблицами областей была немного выше, чем на включенных территориях. Однако, это не должно заметно отразиться на общей величине коэффициентов ввиду сравнительно малой численности неучтенного населения.

Таким образом, коэффициенты смертности таблиц 1926 г. представляются не заниженными, а отражающими реальную ситуацию в стране, и их отклонение от нормальных соотношений вызвано историческими процессами, происходившими в те годы в России.

Очень важно сходство по возрастной смертности в 1926–1927 гг. и в 1938–1939 гг. (таблица № 3). Таблицы 1938–1939 гг., известные, к сожалению, только в укрупненном виде, считаются более точными, чем таблицы 1926 г.,²⁶ и впервые охватывают всю территорию страны. Из факта, что практически для всех возрастных групп показатели 1938–1939 гг. меньше, чем 1926–1927 гг., можно заключить, что последние таблицы обладают вполне определенным "запасом прочности" и пригодны для всей территории страны для периода 1926–1938 гг.

Наконец, наиболее серьезной проверкой пригодности или оши-

бочности таблиц является их использование для расчетов численности населения и сопоставление результатов расчетов с фактическими сведениями. На этом вопросе мы остановимся в следующих параграфах.

Рождаемость в годы коллективизации

После окончания гражданской войны рождаемость в стране возрастает до 44 на тысячу, а затем постепенно начинает сокращаться. Социальные причины этого снижения очевидны. В стране происходит перестройка государственной и экономической системы. Рушится старый мир. Меняются представления о религии, семье, браке, распространяются (особенно в городах) противозачаточные средства. Деревня выбрасывает огромные массы населения в город. Рвутся семейные связи. Снижается общая смертность и особенно (почти в два раза) детская смертность, что также способствует снижению рождаемости. Этот постепенный процесс изменения характера воспроизводства населения длится меньше 10 лет и обрывается новой катастрофой — голодом 1933—1934 гг. Данные ЦСУ и материалы Р. И. Сифман отмечают снижение рождаемости на 20—30% (таблица № 4). Могло ли оно носить волевой характер? Насколько уже в тот период было распространено внутрисемейное регулирование? Теоретически это не исключено. Как известно, голод с наибольшей силой разразился на Украине и Северном Кавказе, а именно в селах Украины аборт к тому времени уже получили, по мнению М. В. Птухи,²⁷ заметное распространение — 0.7‰. (Е. А. Садоквасова²⁸ пишет, что в 1936 г. аборт достигли в городах 2.8‰, в деревнях — 0.5‰, в 1938 г. — 0.93‰ и 0.13‰ соответственно.) При такой распространенности абортов рождаемость могла регулироваться уже довольно сильно (на 0.5—0.7‰ в год).

Однако, более вероятно, что цифры ЦСУ неполны и занижают рождаемость. Такое уж было время и положение в стране. Эшелоны увозили миллионы так называемых раскулаченных в неведомые ЦСУ земли. Сведения ЦСУ не отмечают даже повышения младенческой смертности в 1933—1934 гг., которое, безусловно, имело место. Официальные цифры довольно хорошо согласуются с численностью поколений, учтенной переписями 1959, 1970 гг. (таблица № 4). Это подтверждает, что приводимая статистика относится к совокупности выживших, без учета повышенной смертности.

Данные Ж. Бирабена содержат, по-видимому, ошибку того же рода (таблица № 4). Используя для реконструкции рождаемости послевоенные переписи, он невольно ориентируется на число выживших, исключая тем самым катастрофическую смертность.

Данные Р. И. Сифман, полученные по выборочным сведениям о плодovitости, вероятно, немного занижают уровень рождаемости. В этих сведениях, собранных путем опроса в 60-е годы, не учтены матери, погибшие вместе со своими детьми. Как известно, от голода нередко погибали целые семьи, целые деревни.

Материалы по Белоруссии (таблица № 4) показывают заметное снижение рождаемости в 1933 г. (на 15%), после чего она в течение 4–5 лет остается практически постоянной. Таким образом, по этим данным, рождаемость 1933–1934 гг. не опускалась ниже уровня 1935–1936 гг. и даже очень мало отличалась от 1937–1940 гг. (на 10%).

О небольшом падении рождаемости свидетельствуют и материалы выборочного обследования частоты рождений.²⁹ Интервалы между рожденьями снизились в 1930–1934 гг. по сравнению с 1925–1929 гг. на 10% и практически равны интервалам 1935–1939 годов, когда рождаемость в среднем составляла 3.7%.

Некоторые факторы, влияющие на рождаемость, были более благоприятны в 1930–1934 гг., чем в другие годы. Так, в этот период увеличивается число женщин в возрасте 20–45 лет в связи с включением в эту группу все более многочисленных поколений. Начиная с 1935 г., их число, напротив, уменьшается, так как в этот возраст вступают поколения малочисленные, рожденные в годы войны 1915–1920 гг. Это, очевидно, и вызвало снижение рождаемости в 1937–1941 гг.

Птуха приводит следующие данные по Украине: в 1930 г. число женщин в возрасте 20–29 лет было 3043 тыс., в 1935 г. – 3463 тыс., а в 1938 – 3245 тыс.²⁷

Второй фактор, влияющий на рождаемость, это повышение числа браков. Третий, – некоторое увеличение рождаемости в молодом возрасте. Птуха указывает, что на Украине в 1925 г. 35.5% рождений приходилось на матерей в возрасте 15–24 лет, а в 1929 г. – уже 38.2%.

Трудно предположить, что заметное снижение рождаемости было сознательной реакцией населения на коллективизацию и голод. Против первого свидетельствует довольно высокая рождаемость

в 1929—1931 гг., когда коллективизация и раскулачивание были в самом разгаре: голод же был слишком стихийным и неожиданным для деревни, чтобы заранее оказать влияние на отношения полов. Напомним, что в годы гражданской войны рождаемость опускалась незначительно, хотя голод и болезни характерны и для того времени.

Общее снижение рождаемости в 20-х годах вызвано было, главным образом, увеличением городского населения с его меньшей плодовитостью; рождаемость же в русской деревне оставалась еще очень высокой.

Можно считать, что сокращение рождаемости до уровня 1935 г. (3.0%) является порогом волевого регулирования (без отвлечения больших масс мужского населения), и ниже этого уровня действует уже не ограничение рождаемости, а повышенная детская смертность.

Поэтому резкое снижение рождаемости в 1932—1933 гг. (с 3.6% до 2.76% — таблица № 4) фиксирует, очевидно, фактическое уменьшение численности детей, их повышенную смертность в младенчестве.

Таким образом, данные о рождаемости за 1927—1931 гг. и 1937—1939 гг., приводимые ЦСУ и различными авторами, расходятся незначительно. Для получения представления об уровне рождаемости в 1932—1935 гг. приходится пользоваться косвенными сведениями, расчетами по уровню плодовитости (таблица № 4).

Движение населения в 1927—1931 гг.

Наличие сведений о численности населения в одногодичной группировке и таблиц смертности 1926 г. подталкивало многих демографов тех лет к перспективным исчислениям населения. И, как правильно заметил Корчак-Чепурковский, не вина демографов в том, что их прогнозы не оправдались. Наиболее серьезные расчеты в этом направлении проделали в уже упоминавшейся работе С.А.Новосельский и В. В. Паевский.³⁰ Надежность их данных заключается, в частности, в том, что они были авторами таблиц смертности и сглаженных рядов по возрастной численности и согласовали эти материалы между собой. Недостатком их расчета являлось несколько преувеличенное представление об уровне рождаемости в стране. Поэтому был проделан повторный расчет по их данным с учетом

сведений о фактическом числе новорожденных.

Другой вариант вычислений был проведен по данным о половозрастной численности Ж. Бирабена и таблицам смертности Новосельского и Паевского. Сопоставление результатов этих расчетов с материалами текущей статистики показано в таблицах №№ 5, 6.

Из таблиц видно, что численность населения, зафиксированная административным учетом, расходится с данными расчета по таблицам смертности Новосельского и Паевского на 900 тысяч. Метод сглаживания исходных данных не играет в данном случае существенной роли. Расхождение численности лиц старше 4 лет (то есть без учета родившихся после переписи) оказалось меньше — 600 тыс. человек. Превышение данных ЦСУ над результатами расчета показывает, что фактическая смертность в стране была несколько ниже, чем предполагается таблицей 1926—1927 гг. (около 19 человек на тысячу жителей).

К таким же выводам можно прийти, рассматривая результаты промежуточных расчетов для 1927—1930 гг. (таблица № 6). Из таблицы видно, что при вычислениях, как по данным Новосельского и Паевского, так и по данным Бирабена, расхождение расчетных значений основных демографических характеристик со сведениями текущей статистики незначительно. Причем, фактическая смертность выше, чем подсчитанная.

Напротив, оба варианта расчета, проделанные Ф. Лоримером, оценивают смертность намного выше, чем официально опубликованные данные (на 17—25%).

Таким образом, можно заключить, что уровень смертности в стране в конце 20-х гг. был немного меньше, чем зафиксированный таблицами смертности 1926—1927 гг., то есть таблицы пригодны для оценки численности населения.

Расчет численности населения в 1923—1926 гг.

Гражданская война закончилась, потому что она не могла больше продолжаться. Полное разрушение хозяйственного организма страны и не менее полная апатия и покорность жителей оказались и следствием и итогом происшедших событий. Все кто мог умерли, все кто мог переболели, и даже тиф и "испанка" постепенно отступили. Голод 1921 г. послужил апофеозом бурного "преобразования" страны и началось постепенное выздоровление.

Одновременно возобновляется и учет населения. Статистика рождений и смертей, потеряв церковную основу, переходит в государственные руки. Естественно, несколько лет, предшествовавшие переписи 1926 г., слишком маленький срок для получения достаточно достоверных данных. И сама оценка численности населения в конце 1922 г., базирующаяся на результатах городской переписи, является ориентировочной. Таким образом, рассматриваемый период был с одной стороны, временем зализывания ран, но эти раны еще кровоточили, с другой, — эпохой возникновения советской статистики, но ее еще практически не было. И все же это был уже мирный период и неизбежные погрешности материала не могут скрыть этого факта.

Расчет численности населения в эти годы проводился обратным движением от данных переписи 1926 г. В качестве уровня "естественной смертности" принимались взвешенные значения между таблицами 1926 г. и 1907—1908 гг. В 1925 и 1924 гг. для каждого поколения расчетный коэффициент дожития составлялся на 0.8 величины соответствующего значения таблиц 1926—1927 гг. и на 0.2 показателя таблиц 1907—1908 гг. Для 1923 г. 0.6 от таблиц 1926—1927 гг., и 0.4 таблиц 1907—1908 гг. Расчет проводился для двух вариантов данных: Новосельского, Паевского и Бирабена.

Результаты расчета по Новосельскому и Паевскому почти точно совпали с фактическими данными учета (таблица № 7), хотя величины прироста населения при этом разошлись почти на 10%. Дело в том, что в официальных сведениях численность и параметры динамики населения не согласуются между собой. Так, по данным Ж. Бирабена, прирост и численность детей оказались ближе к оценкам ЦСУ, а общая численность населения разошлась сильнее, чем по материалам, сглаженным С. А. Новосельским и В. В. Паевским.

Смертность населения отличается за этот период на 3.8%, хотя в отдельные годы были и более существенные отклонения. Такие колебания и их несистематический характер не удивительны, если вспомнить сказанное выше об условиях жизни в стране и характере учета. Превышение оценок смертности над расчетной легко объяснить некоторой повышенной смертностью от болезней и голода, а также недоучетом в расчете рождаемости, а значит, и детской смертности. Важно для нас, что это расхождение в целом невелико и не носит систематического характера. Напротив, рождаемость занижается в расчете постоянно и преуменьшение численности

детей до года достигает 0.7 млн. человек (4—5%, таблица № 7). Эта нехватка даже в 1926 г., то есть на дату проведения переписи, составляет 180 тыс. человек. Последнее свидетельствует, вероятно, главным образом о погрешности фактических данных, как переписи, так и текущего учета, хотя, конечно, возможно и некоторое занижение в расчете уровня детской смертности.

В целом для данного периода следует отметить удовлетворительное согласие существующих оценок параметров движения населения и расчетных показателей.

Различная структура населения в данных, сглаженных С. А. Новосельским и Ж. Бирабеном, заметно отразилась на оценке рождаемости и прироста населения, но практически не сказалась на оценке величины смертности (таблица № 7).

Расчет численности населения в 1939—1940 гг.

Предвоенный период называть мирным и использовать в качестве "нормы" естественной смертности почти кощунственно. В эти годы уже набиты до отказа лагеря, эшелоны вывозят миллионы поляков, прибалтийцев и западных украинцев на Восток, на спецпоселение; продолжаются репрессии против всех категорий населения; проходит война с Финляндией. Единственным оправданием служит лишь интуитивное представление, что все происшедшее — мир и благодать по сравнению с предшествовавшим и последовавшим этапами.

Другой сомнительной стороной является малая достоверность официальных статистических сведений, относящихся к этому времени. Правда, оценка численности населения переписью 1939 г. кажется по крайней мере не заниженной, но величины смертности 1939 и 1940 гг. могут носить и вполне условный характер.

По результатам расчета, смертность и рождаемость в рассматриваемый период представляются более высокими, чем по имеющимся сведениям ЦСУ. Такое преувеличение смертности не слишком удивительно, так как использованные таблицы 1926 г. дают более высокую смертность, чем таблицы 1939 г. В 1940 г. смертность населения в стране по официальным данным несколько увеличилась, и расчетные показатели меньше расходятся с фактическими. Оценка численности населения по расчету не очень заметно расходится с опубликованными сведениями (см. таблицу № 8).

Изменение численности населения в 1927—1938 гг.

Выше было показано, что передвижка населения в 1927—1931 гг. хорошо согласуется с данными текущего учета и свидетельствует, что уровень смертности в стране в эти годы был несколько меньше, чем зафиксированный таблицами Новосельского и Паевского. Продолжим этот расчет на последующие 7 лет вплоть до конца 1938 г. По-прежнему будем предполагать, что смертность равна табличным значениям 1926—1927 гг., хотя, как уже отмечалось, таблицы 1938—1939 гг. дают заметно меньшие величины коэффициентов. Этот завышенный уровень смертности позволяет нам считать, что мы отыскиваем минимальную оценку потерь населения. Рождаемость принимаем по известным официальным данным, а для катастрофических лет (1932—1935) — рассчитанные выше значения. Исходную численность населения берем в двух вариантах сглаживания: Новосельского и Паевского и Бирабена. Первый вариант является простым повторением расчетов, выполненных в свое время этими авторами, но с учетом фактической (а не гипотетической) рождаемости. Кроме того, рассмотрим результаты расчетов Лоримера (таблица № 9). Оба исследователя применили для расчетов тот же подход, который был в свое время использован Новосельским и Паевским. Для удобства сопоставления все четыре расчета представим в единообразной форме, предложенной Ф. Лоримером (таблица 10).

В таблице сопоставляются численность населения в начале 1939 г., фактическая, то есть зафиксированная переписью 1939 г., и ожидаемая, полученная расчетом от переписи 1926 г. Согласно оценке Лоримера, повышенная убыль населения за этот период составила 4.8 млн. человек — 3.8% (5.8% у мужчин и 2% у женщин). Наибольшие потери приходятся на долю поколений 40—60 лет (свыше 8% их численности). Остальные возрастные группы потеряли около 2% каждая (таблица № 10-А).

Сравним результаты расчета по данным Новосельского — Паевского и Бирабена с данными Ф. Лоримера. Прежде всего следует отметить, что Лоример не рассматривает потерь в детских возрастах (до 12 лет), в которых, по нашим расчетам, повышенная убыль достигает 3.5 млн. человек. Конечно, размер потерь в этих возрастных группах полностью зависит от принятого в расчет уровня рождаемости. Но, так как коэффициенты рождаемости Лори-

мера близки к использованным в расчете (таблица № 4), полученная оценка потерь не противоречит подходу Лоримера.

Более существенным представляется расхождение в возрастах старше 12 лет: 4.8 млн. у Лоримера, 5.6 млн. по данным Бирабена, и 5.3 млн. по Новосельскому — Паевскому. Это различие возникает из-за использования разных таблиц смертности.

Результаты Новосельского, Паевского и Бирабена отличаются совсем незначительно (на 2–3% в возрастах 12–19 лет), что свидетельствует о том, что ошибки (различия) в возрастной группировке не играют в расчете большой роли. Так как трудно отдать предпочтение тому или другому варианту, можно принять средний (таблица 10-Е).

Из таблицы мы видим, что наиболее сильно пострадали за рассматриваемый период дети и пожилые люди — на их долю падает 60% общей убыли населения (5.3 млн. человек). Причем, мальчики и старики понесли заметно более высокие потери (на 1.2 млн. человек), чем соответствующие женские возраста. Среди взрослого населения (20–59 лет), потери которого составляют 3560 тыс., также отмечается повышенная убыль мужчин (на 800 тыс. человек).

Возвращаясь к вопросу о причинах потерь — голод и сопутствующие ему болезни и репрессии 1937–1938 гг., — предположим условно, что гибель мужчин и женщин от голода и болезней в возрастах 20–59 лет была приблизительно одинакова (в действительности, судя по потерям старших поколений, мужчины умирали чаще). Предположим также, что подавляющее большинство погибших от репрессий составляли взрослые мужчины. В этом случае 800 тыс. — разница между повышенной убылью женщин и мужчин 20–59 лет и будет являться ориентировочной оценкой потерь от прямого физического уничтожения репрессивным аппаратом. Конечно, эта оценка крайне приблизительная.

Читателям, привыкшим к огромным десяти- или стомиллионным результатам, эта цифра может показаться скромной. Это совсем не так. 800 тысяч погибших — это больше, чем фронтовые потери русской армии за всю кровопролитную Первую мировую войну. Причем, этой цифрой не исчерпывается число репрессированных — это только погибшие. Не приходится сомневаться, что на каждого погибшего в тюрьмах и лагерях приходилось в те годы по несколько человек с немного более благополучной судьбой.³¹ Причем "большой террор" начался сравнительно незадолго до рассмат-

риваемого момента. Тюрмы и лагеря были уже полны, но число просидевших много лет (а именно среди них должна была быть наиболее высокая смертность) было еще сравнительно невелико.

Причем напомним еще раз, что оценка 800 тысяч основывается на предположении, что НКВД предоставил в бюро переписи 1939 г. правильную отчетность. Если же "Ведомство" объявило сотни тысяч или даже миллионы погибших в его застенках людей живыми, то эта цифра полностью должна быть прибавлена к полученным 800 тысячам убитых. К сожалению, пока мы не можем, хотя бы ориентировочно, оценить размеры возможной подтасовки данных.

Оцененные в данной работе потери населения главным образом приходятся на первую половину рассмотренного периода 1930—1934 гг. Свыше 8 млн. мужчин и женщин, стариков и детей погибли во время проведения коллективизации.³² Их могилы заброшены, о них не принято вспоминать, их смерть тщательно скрывается.

Рассмотрим результаты, показанные в таблицах №№ 6—11. Из 147 млн. человек, учтенных переписью 1926 г., к 1 июля 1931 г. убыло 7091 тысяч (3729 тыс. мужчин, 3362 тыс. женщин), с этого момента по 1 января 1939 г. "естественная" смертность составила 12 млн. человек. Общая убыль за 12 лет должна была составить 19.1 млн. человек. Однако фактически переписью 1939 г. зафиксировано 122.6 млн. человек, родившихся до 1 января 1927 г. То есть убыль населения составила 24.4 млн. человек (13.6 млн. мужчин, 10.8 млн. женщин).

Следовательно, в 1926—1938 гг. повышенная смертность родившихся до 1926 г. достигла 5.7 млн. человек. Общая убыль населения оказалась однако заметно более высокой — 9,8 млн. человек (5.9 млн. мужчин, 3.9 млн. женщин).

Точность полученной оценки

Полученные результаты найдены при определенных предположениях и, естественно, достоверны с точностью до этих предпосылок. Каждая из гипотез может быть оценена с некоторой вероятностью и могут быть выдвинуты предположения о возможной ошибке за счет неверных предположений. Некоторые погрешности приводят к преувеличению потерь, другие к их преуменьшению, третьи могут действовать как в ту, так и в другую сторону. Одни ошибки могут быть достаточно хорошо оценены по имеющимся материалам, о

других можно составить лишь самое общее гипотетическое представление. Не исключено, что существуют не учтенные нами обстоятельства, искажающие результаты. Но так как эти обстоятельства нам не известны, мы не можем оценить возможную величину ошибки.

Рассмотрим теперь заново принимавшиеся в расчет допущения и возможную величину погрешности, к которой они могли привести.

1. В работе предполагалось, что численность населения по поколениям в отдельные годы можно восстановить передвижкой известной возрастной группировки, опираясь на имеющиеся сведения о рождаемости и задавая для каждого поколения гипотетическим "естественным" уровнем смертности. Это предположение проверялось для соседних "мирных" периодов и оказалось, что данные, полученные расчетом, и оценки ЦСУ численности населения довольно близки. Систематическое занижение численности расчетом отмечается для всех временных интервалов и составляет в среднем 120 тысяч в год. Такая тенденция вызвана некоторым преувеличением уровня смертности, принятого в расчет (на 3% в среднем) и преуменьшением величины рождаемости на 2–3%.

Естественно предположить, что такое же занижение численности в расчете должно иметь место и в "немирные годы". Это тем более справедливо, что для катастрофического периода расчетная смертность принималась на постоянном уровне таблиц 1926–1927 гг., которые для всех возрастных групп дают значения более высокие, чем таблицы 1939 г. Если предположить, что превышение расчетной смертности над фактической в 1932–1938 гг. оставалось таким же, как и в период 1927–1931 гг., возможное преувеличение "нормы" смертности и соответствующее преуменьшение оценки потерь составит 1.6 млн. человек.

С другой стороны, нельзя не считаться с подходом Лоримера и Куола, считавших, что естественная смертность в стране была выше. Оценка "нормы" смертности по их таблицам указывает на возможное преувеличение потерь на 0.8 млн. человек.

2. Преувеличение рождаемости в 1932–1935 гг. может привести к завышению размеров потерь. Так например, если мы воспользуемся для оценки рождаемости только официальными сведениями ЦСУ (таблица № 4), повышенная убыль детей окажется на 1.5 млн. меньше.

3. Ошибка в оценке численности населения переписью 1926 г., по сравнению с более точным учетом 1939 г., может достигать, судя по данным контрольных мероприятий, 1 млн. человек. (О возможной погрешности переписи 1939 г. сказано выше.)

4. Миграция населения за рассматриваемый период была невелика. Отмечают, правда, что из Средней Азии в Китай бежали во время коллективизации несколько сотен (или десятков?) тысяч кочевников, главным образом казахов и уйгуров. Оценка потерь населения будет преувеличена на число этих неучтенных эмигрантов.

5. Несовпадение дат учета населения переписями 17 декабря 1926 г. и 17 января 1939 г. приводит к некоторому преувеличению потерь старших возрастов (на 200–250 тыс.) и преуменьшению потерь новорожденных примерно на такую же величину.

6. Неверный учет возраста населения переписями приводит к сравнительно небольшой погрешности. Она оценивается для каждого расчетного периода как расхождение между результатами, полученными по материалам различных авторов. Эта ошибка – около 40 тыс. человек – и может приводить как к преувеличению, так и к преуменьшению потерь.

7. Погрешность, вытекающая при вычислениях за счет использования приближенных исходных данных и в результате операций округления, невелика. Она является случайной, нормально распределенной величиной и может оцениваться как корень квадратный из суммы ошибок, полученных на каждом шаге. Естественно, что такая погрешность тем больше, чем больше расчетный период. На рассматриваемом временном интервале она не превышает 100 тыс. человек.

Таким образом, мы получили оценку возможного преувеличения потерь 3 млн. и возможного преуменьшения потерь, тоже 3 млн. (таблица № 12). Хотя это и довольно широкий доверительный интервал, мне представляется, вероятность появления его крайних значений довольно невелика. (Не следует забывать, что в какой-то степени, пусть даже очень маловероятной, возможно и полное отсутствие потерь и любая астрономическая цифра, например. 25 млн.) Представляется однако, что реальная ошибка преувеличения или преуменьшения потерь составляет не 3, а 1–1.5 млн. человек.

Заключение

“Кукушка воробью пробила темя,
За то, что он кормил ее все время”.

Эти слова Шекспира удивительно точно отражают то, что случилось в стране 50 лет назад. Крестьянство, кормившее страну, было поставлено перед жестокой альтернативой абсолютного экономического и социального подчинения или голодной смерти. Это была вторая жесточайшая гражданская война, в которой погибли миллионы.

Цель проделанной работы заключается в ориентировочной оценке этих потерь. Они составили 9.8 млн. человек с возможной, хотя и не слишком вероятной, ошибкой в 3 млн.

Расчет проведен передвижкой данных о численности населения по переписи 1926 г. с помощью таблиц смертности 1926–1927 гг. Результаты вычислений сопоставлялись с данными переписи 1939 года. Аналогичные расчеты для сравнительно мирных периодов (1923–1926 гг., 1927–1931 гг., 1939–1940 гг.) показывают, что сам подход и таблицы смертности 1926–1927 гг. вполне пригодны для такой цели.

Таблица № 1

**ЧИСЛЕННОСТЬ МЛАДШИХ ВОЗРАСТОВ
ПО ПЕРЕПИСИ 1926 года
ПО ДАННЫМ ОТДЕЛЬНЫХ АВТОРОВ**
(тыс. чел.)

Возраст	Год рождения	Численность по переписи	Виткрофт	Бабьин	Новосельский и Плевский	Бирабен	Лоример
		1	2	3	4	5	6
0	1926	5183		5319	5458	5152	5390
1	1925	4528		4387	4569	4809	4898
2	1924	4415	14303	4415	4276	4407	4418
3	1923	4543		4543	4123	4381	4544
4	1922	3654		3654	3748	3472	3654
5	1921	3543		3543	3372	3392	3543
6	1920	3058		3058	3064	3089	3058
7	1919	3013	17202	3013	2895	2951	3014
8	1918	3335		3335	2934	2934	3336
9	1917	2321		2481	2359	2386	2322
10	1916	2899		2539	2603	2668	2900
11	1915	2668		3178	3431	3370	2668
12	1914	4236	15205	3759	3878	3789	4237
13	1913	3664		3830	3862	3839	3665

Таблица № 2

**ПОВОЗРАСТНАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
ПО ПЕРЕПИСИ 1939 года
ПО ДАННЫМ ОТДЕЛЬНЫХ АВТОРОВ**
(тыс. чел.)

Возраст	Отублюк-Лоример	Лоример	Виткрофт	Бирабен	Максудов
	8	6	6	2	5
0-7	31412	31587	31969	46873	31236
8-11	16409	16501	16501	46873	16986
12-14	13336	13411	11813	13411	12358
15-19	15124	15213	16429	16429	15371
20-29	30638	30820	30820	30835	30885
30-39	25333	25482	25483	25485	25542
40-49	15236	15326	15327	15308	15546
50-59	10867	10932	10932	10910	11211
60+	11129	11195	11183	11216	11626
Всего	170467	170467	170467	170467	170560
Мужчины	81665	-	81665	81685	81720
Женщины	88802	-	88802	88802	88840

Примечания к таблицам №№ 1, 2, 5-8

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г., М., 1928, т. IX.

2. S.G. Wheatcroft. Famine and Factors Affecting Mortality in the USSR: The Demographic crises of 1914-1922 and 1930-1933. Birmingham University 1981. Reported in Vevey Switzerland July 1981, Simposium The Famine History.

Данные приведены автором в укрупненном виде для поколений 0-2; 3-7; 8-12 лет в 1926 году.

3. Бабьин Б. Перспективы роста населения СССР в 1927-1928 - 1932-1933 гг. "Плановое хозяйство", 1928, № 10, стр. 326-338.

4. С.А. Новосельский, В.В. Плевский. О сводных характеристиках воспроизводства и перспективных источниках населения. "Тр. демографического юга" т. 1, Л., 1934, стр. 7-37.

5. J.N. Biraben. Naissances et repartition par age dans l'empire russe et en Union Sovietique. Population, No. 2, 1976.

6. Frank Lorimer. The Population of the Soviet Union. History and Prospects, Geneva, 1946, pp. 112-144, 235.

7. Maksudov. Pertes subies par la Population De L'URSS Cahiers du Monde russ et Sovietique XVIII (3), juillet. 1977, pp. 223-265.

8. "Плановое хозяйство", 1939, № 6, стр. 5-15.

9. Социалистическое строительство СССР. 1932 г. М., 1933.

10. Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926-1927 гг. М.-Л., 1930, стр. 139.

11. Естественное движение населения Союза ССР 1923-1925 гг. М., 1928. СССР за 15 лет. М., 1932.; Социалистическое строительство СССР. М., 1935, Население СССР 1973. М., 1975, СССР в цифрах. М., 1961-1969 гг. Народонаселение стран мира. М. 1978.

Таблица № 3

ВЕРОЯТНОСТИ УМЕРЕТЬ (100000_а)
ПО ТАБЛИЦАМ СМЕРТНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ СССР 1926-1927 и 1938-1939 гг.

Воз- раст	1926-1927 гг.*		1938-1939 гг.	
	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины
	1	2	3	4
0	20102	17214	17469	15162
5	1091	1049	857	816
10	322	292	310	268
15	316	320	277	273
20	540	474	448	384
25	638	570	484	427
30	639	600	549	464
35	753	669	700	540
40	934	726	914	614
45	1254	832	1201	686
50	1657	942	1647	861
55	2263	1331	2222	1085
60	2787	1834	2936	1528
65	4039	2937	3871	2402
70	5968	4576	5471	3858
75	8239	6869	7873	6200
80	11311	9046	10535	8778

* Европейская часть.

Р.М. Дмитриев, Е.М. Андреев. Снижение смертности за годы советской власти. Сб. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., "Статистика" 1977, стр. 35.

1 - СССР в цифрах. М., 1958, стр. 432, Народное хозяйство СССР а 1956 году. М., 1957, стр. 269. Естественное движение населения Союза ССР 1923-1925 гг. М., 1928. СССР за 15 лет. М., 1932; Социалистическое строительство СССР. М., 1935, Население СССР 1973. М., 1975, СССР в цифрах. М., 1961-1969 гг. Народонаселение стран мира. М., 1978. Коэффициенты за 1933-1934 гг. не публиковались, но внесены во внутренний справочник ЦСУ для служебного пользования. Данные за 1931-1932 гг. рассчитаны по сведениям о численности населения (естественном приросте) в предположении нормального уровня смертности (21⁰/100).

2 - Б.Д. Урланис. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти. Сб. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, стр. 8-49.

Б.Д. Урланис. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963, стр. 23-33.

3 - J.N. Biraben. Naissances et repartition par age dans empire russe et en Union Sovietique "Population" No. 2, 1976.

J.N. Biraben, Essai sur Revolution demographique de l'URSS, Population, 1958, n°, p. 29 a 62.

Таблица № 4

КОЭФФИЦИЕНТЫ РОЖДАЕМОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1924-1939 гг.
в современных границах (на тыс. чел.)

	1** 2 3 4** 5 6 7 8**							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1924	42.9*	43.1*	42.7	43.1	44.5	-	39.8	42.0
1925	44.2*	45.0	44.4	44.7	43.0	-	41.2	44.0
1926	44.0	44.0	43.1	43.6	43.8	43.8	40.1	44.0
1927	43.4	43.7	42.8	45.0	42.3	42.9	38.1	43.4
1928	44.3	44.3	42.5	43.7	45.3	41.7	36.8	44.3
1929	39.8	41.8	38.7	41.4	39.5	40.2	35.8	39.8
1930	39.2	41.2	37.4	39.2/	43.8	38.9	36.0	39.2
1931	38.0/	32.6/	32.9	36.9/	34.3	32.6	34.6	37.0
1932	36.0/	32.6	28.8	34.6/	36.5	32.7	33.7	35.0
1933	27.6/	32.6/	25.9	32.4/	30.1	26.6	28.7	32.0
1934	26.5/	32.6/	27.0	30.1/	30.1	27.8	28.5	30.0
1935	30.4	31.6	29.0	30.1	31.4	31.4	28.0	31.4
1936	32.9	34.3	30.8	33.6	35.7	35.7	28.4	35.7
1937	38.7	38.7	38.8	39.6	38.7	39.4	29.7	38.7
1938	37.5	37.5	37.7	38.3	38.7	37.2	30.4	37.5
1939	36.5	36.5	36.6	-	37.3	36.4	-	36.5

* - Европейская часть СССР.

** - Границы СССР 1939 года.

? - Сомнительные данные.

/ / - Рассчитанные авторами коэффициенты.

Примечания к таблице № 4

4 - F. Lorimer. The Population of the Soviet Union. History and Prospects, Geneva, 1946.

5 - Р.И. Сифман. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974. "Статистика". стр. 43. Рассчитано по данным Сифман о плодovitости. Для сопоставления рождаемости и плодovitости в качестве нормы принималось среднее значение за 1926-1930 гг.

6 - Рассчитано по численности поколений в переписи 1959 г.. Эти коэффициенты оценивают как бы не число родившихся, а число выживших, то есть повышенная убыль детей в 1932-1935 гг. относится к неродившимся.

7 - Данные для Белорусской ССР. Из работы А.А. Раков, Л.И. Масьяков. Из демографической истории Белоруссии. Сб. Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. вып. IV, Минск, 1973.

8 - Принимаются нами в расчет как наиболее вероятные.

СРАВНЕНИЕ
ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР
на I.VII.1931
ПО ДАННЫМ АДМИНИСТРАТИВНОГО УЧЕТА
И РАЗЛИЧНЫМ ВАРИАНТАМ РАСЧЕТА
(млн. чел.)

Автор расчета (год)	Исходные данные (сглажива- ние)	Таблицы смертности (коэффици- енты)	Результаты млн. чел. численность на I.VII. 1931	
			все насе- ление	ст. 4
Новосель- ский и Павский (1932)	Новосель- ский и Павский ⁴	Новосель- ский и Павский ¹⁰	163.7	141.4
Максудов (1976)	— " — "	— " — "	161.3	141.4
Максудов (1976)	Ж. Бирабен ⁵	— " — "	161.2	141.4
Бабынин (1929)	Перепись 1926 ³	ЦУНХУ ³	162.8	141.0
Ф. Лоример (1946)	Лоример ⁶	Лоример ⁶	158.8	139.2
Админист- ративный учет ЦСУ	—	—	162.143	142.036

Смотри примечания к таблице № 1.

СРАВНЕНИЕ
СУЩЕСТВУЮЩИХ ОЦЕНОК ЦСУ
И РАСЧЕТНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ В 1927-1930 гг.
(тыс. чел.)

Численность населения					
Год	1	2	3	4	5
1926	147028	147028	147028	147135	147135
1927	150400	150367	150396	150004	150004
1928	153400	153872	153914	152774	152958
1929	157600	156866	156914	154919	155471
1930	160600	159884	159934	156701	157806
Рождаемость					
Год	1	2-3	4-5		
1927	6454	6463	6731		
1928	6721	6727	6620		
1929	6168	6224	6384		
1930	6197	6261	6140		
1927-1930	25540	25675	25875		
%-расхож- дения с 1	0	0.5	1.3		
Смертность					
Год	1	2	3	4	5
1927	3123	3121	3094	3862	3862
1928	3535	3222	3211	3850	3666
1929	3146	3230	3224	4239	3871
1930	3225	3243	3239	4358	3806
1927-1930	13029	12816	12768	16309	15205
%- расхож- дения с 1	0	1.6	2.0	25.2	16.7

Примечания к таблице № 6

- 1 - Данные ЦСУ.¹¹
- 2 - расчет данных в сглаживании Новосельского и Павского по таблицам смертности Новосельского и Павского.^{4,10}
- 3 - расчет данных в сглаживании Бирабена по таблицам Новосельского и Павского.^{5,10}
- 4 - расчет Ф. Лоримера без учета потерь от коллективизации. Цит. сочинения, стр. 135.⁶
- 5 - расчет Ф. Лоримера с потерями от коллективизации по Новосельскому и Павскому в размере 5.5 млн. человек. Цит. сочинения, стр. 134.⁶

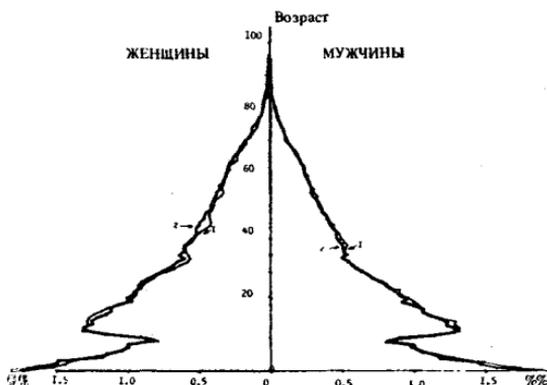

Рис. № 1. ВОЗРАСТНАЯ ДИАГРАММА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
в %% 1926 г.

1 - данные С. Новосельского, В. Павского; 2 - данные Ж. Бирабена

Таблица № 7

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ОЦЕНОК ЦСУ И РЕЗУЛЬТАТОВ РАСЧЕТА
ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР ДЛЯ 1923-1926 гг. (тыс. чел.)**

Год	Численность населения			Смертность			Рождаемость		
	ЦСУ	1	2	ЦСУ	1	2	ЦСУ	1	2
1922	136100	136301	135749	—	—	—	—	—	—
1923	—	138644	138513	3575	3338	3009	6050	5678	5773
1924	—	141105	141152	3080	3291	3285	5880	5651	5924
1925	143800	143780	144105	3277	2905	3163	5412	5685	6116
1926	147028	147028	147028	2956	2865	2933	6406	6113	5856
Всего	—	—	—	12888	12399	12390	23748	23127	23669
Расхождение с ЦСУ в %	—	—	—	0.0	3.8	3.8	0.0	2.6	0.0

Смотри примечания к таблице № 1. ^{4,10}

1-й вариант — расчет по данным Новосельского и Паевского. ^{4,10}

2-й вариант — расчет по данным Бирабена. ^{5,10}

При расчете рождаемости принималась смертность новорожденных в течение первого календарного года жизни в размере 12%.

Таблица № 8

**СРАВНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ в 1939-1940 гг.
ПО ОЦЕНКАМ ЦСУ И ДАННЫМ УСЛОВНОГО РАСЧЕТА
в тыс. чел. в современных границах**

Год	Существующие оценки			Расчет по 1 варианту			Расчет по 2 варианту		
	Численность	Смертность	Рождаемость	Численность	Смертность	Рождаемость	Численность	Смертность	Рождаемость
1938	190700	—	—	190680	—	—	190450	—	—
1939	194376	3314	6990	194066	3729	7117	193850	3716	7116
1940	196950	3510	6084	196549	3670	6240	196342	3658	6148
Всего	—	6824	13074	—	7399	13357	—	7374	13264

Смотри примечания к таблице № 1.

1-й вариант — расчет по данным ЦСУ, сглаженным до одногодичной группировки. ^{8,10}

2-й вариант — расчет по данным Бирабена. ^{5,10}

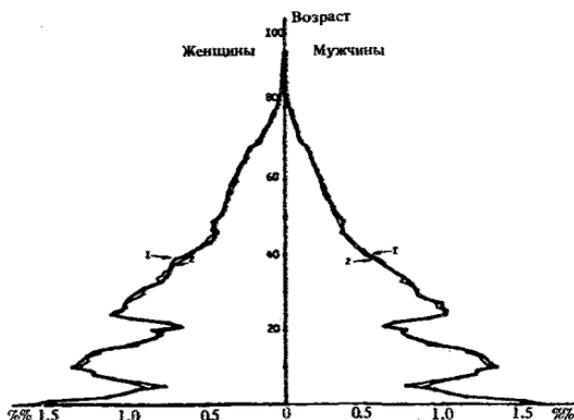

Рис. № 2. ВОЗРАСТНАЯ ДИАГРАММА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
В 1939 г.

1 — данные Максудова; 2 — данные Ж. Бирабена

Таблица № 9

**ОЖИДАЕМАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
17/12/1938 г. ПО РАСЧЕТУ Ф. ЛОРИМЕРА
(в тыс. чел.)**

Возраст 17/12 1926	Население, 1926		Коеффициенты дожития ²	Ожидаемая численность населения в конце 1938 года	Возраст 17/12 1938	Возраст 17/12 1926	Население, 1926		Коеффициенты дожития ²	Ожидаемая численность населения в конце 1938 года	Возраст 17/12 1938
	По переписи	Исправлено ¹					По переписи	Исправлено ¹			
1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Мужчин						Женщин					
Всего	71.043 ³	71.336 ³	—	61.035 ³	—	Всего	75.985 ³	76.272 ³	—	66.188 ³	—
0-2	7.134	7.432	84629	6.290	12-14	0-2	6.990	7.281	85685	6.239	12-14
3-7	8.916	8.922	94535	8.435	15-19	3-7	8.895	8.900	94820	8.439	15-19
8-12	7.824	7.830	95375	7.468	20-24	8-12	7.639	7.643	95717	7.316	20-24
13-17	8.817	8.823	93789	8.275	25-29	13-17	9.152	9.156	94350	8.639	25-29
18-22	7.248	7.253	92499	6.709	30-34	18-22	7.787	7.791	93094	7.253	30-34
23-27	5.967	5.972	91532	5.466	35-39	23-27	7.013	7.017	92223	6.471	35-39
28-32	4.819	4.823	90076	4.344	40-44	28-32	5.487	5.489	91464	5.021	40-44
33-37	3.940	3.942	87783	3.461	45-49	33-37	4.377	4.380	90532	3.965	45-49
38-42	3.814	3.816	84523	3.226	50-54	38-42	4.095	4.097	88917	3.643	50-54
43-47	3.022	3.024	79966	2.418	55-59	43-47	3.061	3.063	85780	2.627	55-59
48-52	2.598	2.600	73452	1.910	60-64	48-52	2.956	2.957	80303	2.375	60-64
53-57	2.065	2.066	64431	1.331	65-69	53-57	2.413	2.415	71775	1.733	65-69
58-62	1.767	1.768	52508	928	70-74	58-62	2.236	2.237	59581	1.333	70-74
63-67	1.354	1.355	37927	514	75-79	63-67	1.597	1.598	44149	706	75-79
68-72	821	822	22935	189	80-84	68-72	1.117	1.117	27839	311	80-84
73+	888	889	08170	73	85+	73+	1.131	1.131	10458	118	85+
Возраст неизвестен	50	—	—	—	—	Возраст неизвестен	38	—	—	—	—

F. Lorimer, Цит. соч. стр. 235.

- 1 — Предполагается недоучет в возрасте 0-2 лет.
- 2 — По таблицам смертности с поправками Куола.
- 3 — Суммируется до округления.

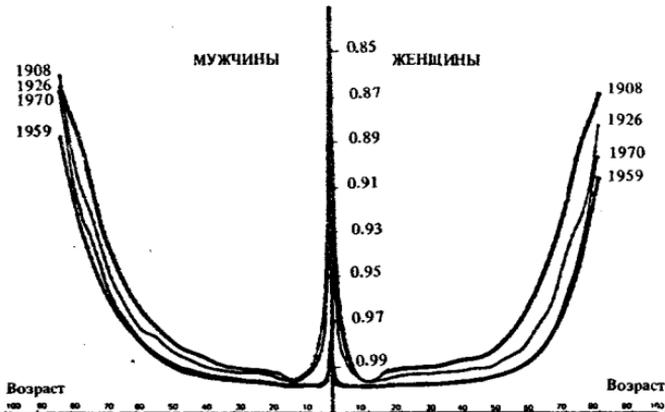

Рис. № 3. КОЭФФИЦИЕНТЫ ДОЖИТИЯ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЛЕТ

**НАСЕЛЕНИЕ СССР, РАССЧИТАННОЕ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1926 года
на 17 декабря 1938 и учтенное переписью 17 января 1939 гг.
ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗЛИЧНЫХ АВТОРОВ (тыс. чел.)**

Возраст	"А" — Вариант Ф. Лоримера				"В" — Вариант С. Виткрофта			
	Рассчи- тано	Учено	Разница		Рассчи- тано	Учено	Разница	
			Абсол.	%			Абсол.	%
Все население		170467	—	—	—	170467	—	—
0-11	—	48088	—	—	—	46873	—	—
12-19	29402	28624	-777	2.64	28460	29840	+1380	4.85
20-29	31697	30820	-878	2.77	31889	30835	-1054	3.31
30-39	25899	25482	-416	1.61	26082	25485	-597	2.29
40-49	16791	15326	-1465	8.72	16504	15308	-1196	7.25
50-59	11914	10932	-983	8.25	11757	10910	-847	7.2
старше 60	11520	11195	-325	2.82	11591	11216	-375	3.24
Всего ст. 12	127223	122378	-4844	3.81	126283	123594	2689	2.13
т.ч. мужчин	61035	57491	-3544	5.81	60609	58064	-2545	4.20
т.ч. женщины	66188	64887	-1300	1.96	65674	65530	-144	0.65

Возраст	"С" — Вариант Бирабена				"Д" — Вариант Новосельского и Павевского				Средний Вариант "Е" разница
	Рассчи- тано	Учено	Разница		Рассчи- тано	Учено	Разница		
			Абсол.	%			Абсол.	%	
Все насе- ление		170600	-9782	5.73	180362	170600	-9762	5.72	-9772
0-11	52436	48322	-4114	8.51	52436	48000	-4436	9.24	-4275
12-19	28596	27808	-788	2.83	28416	28600	+184	+0.64	-302
20-29	31413	30548	-865	2.83	31892	30900	-992	3.21	-928
30-39	25960	25505	-455	1.78	26211	25500	-711	2.79	-583
40-49	16899	15555	-1344	8.64	16633	15300	-1333	8.71	-1339
50-59	12058	11117	-941	8.46	11900	11100	-800	7.21	-871
старше 60	13020	11746	-1274	10.8	12861	11200	-1661	14.8	-1467
Всего ст. 12	127946	122278	-5668	4.64	127926	122600	-5326	4.34	-5497
т.ч. мужчин	61170	57369	-3801	6.63	61203	57400	-3803	6.63	-3802
т.ч. женщины	66776	64909	-1867	2.88	66723	65200	-1523	2.34	-1695

Таблица № 11

**ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
в 1927-1938 гг.
(в границах 1926 г. в млн. чел.)**

	Мужское население	Женское население	Оба пола
Численность 1 января 1927 г.	71.0	76.0	147.0
Численность 31 декабря 1938 г.	81.6	89.0	170.6
Родилось	36.6	35.0	71.6
Убыло	26.0	22.0	48.0
"Естественная убыль"	20.1	18.1	38.1
"Повышенная убыль"	5.9	3.9	9.8
Повышенная убыль поколения рожде- ния до 1927 г.	3.8	1.9	5.7

Таблица № 12

**ВОЗМОЖНЫЕ ОШИБКИ
В ОЦЕНКЕ ПОТЕРЬ НАСЕЛЕНИЯ**

	млн. чел.
Погрешность таблиц смертности 1926-1927 гг.	+1.6 -0.8
Ошибки в оценке рождаемости	-1.5
Погрешность учета населения переписями	+1.0
Ошибки возрастной группировки	+0.05 -0.05
Погрешности в связи со смещением дат учета	+0.25 -0.25
Возможная эмиграция	-0.3
Погрешность вычислений	+0.1 -0.1
Итого возможное преувеличение размера потерь	-3.0
Итого возможное преуменьшение размера потерь	+3.0

ПОЯСНЕНИЯ

- 1 Население СССР 1973 г. М., Статистика, 1975, стр. 40.
- 2 И. Курганов. Три цифры. "Новое русское слово" от 13/IX-1981 г.

И. Курганов является характерным представителем эмигрантской демографической науки. Скорее, следовало бы сказать, псевдонауки. Так как подлинно научное направление не замыкается на собственных результатах, а рассматривает все имеющиеся по данному вопросу сведения; не исходит из априори известных предположений, а стремится к установлению истины, какой бы неожиданной она ни была; пересматривает свою методику под воздействием критических замечаний. Эти признаки почти полностью отсутствуют у рассматриваемой школы. Они печатаются в нескольких популярных изданиях (русскоязычные газеты, "Вестник РХД", "Русское возрождение"), не пытаются проанализировать, почему у западных демографов иные результаты, а обычно просто замалчивают их исследования или выхватывают из них отдельные удобные для концепции сведения, очень враждебно относятся к любым критическим замечаниям, и декларируя на словах заинтересованность в установлении истины, отказываются обсуждать вопросы по существу.

Методические основы, используемые авторами этого направления, обычно следующие:

- а) Потери должны быть большими;
- б) Для вычисления почти всегда используется экспоненциальная с постоянными коэффициентами в течение длительного времени;
- в) Серьезного обоснования, почему выбран именно такой коэффициент, не дается. Кроме самого общего — так было, когда-то в предшествующие годы;
- г) Экстерполируется прирост населения (но не отдельные его компоненты — рождаемость и смертность). Проводится рассуждения такого типа: если бы прирост был такой-то, то мы имели бы то-то, а фактически имеем то-то. Разница — это потери. Такие предположения никогда не делаются относительно других стран;
- д) Не предпринимается попытки разделить погибших и не родившихся, то есть прямые потери и результаты окращения рождаемости;
- е) Потери не делаются по полу и возрасту (последнее позволяет преуменьшить роль голода и болезней и приписать повышенную убыль населения главным образом прямому красному террору);
- ж) Никогда не рассматриваются вопросы точности полученных результатов и правильности сделанных предположений.

Кроме того, к сожалению, логические и арифметические ошибки являются почти всегда неизбежным компонентом.

Страницки этого направления любят ссылаться на авторитет Д.И. Менделеева. Но как раз Менделеев был достаточно осторожен в подобных расчетах. Он предупреждал, что "прирост вообще не постояен" и принимал ежегодный рост населения в 1,5%. (Д.И. Менделеев. К познанию России. СПб. 1906.) Этот коэффициент не слишком существенно разошелся с фактическим (1,23%) для рассматриваемого периода — 1926-1938 гг. То есть потери за эти годы по подходу Менделеева составили меньше 5 млн. человек. Как справедливо указал демограф А. Зайцов, для западных стран Менделеев предсказал будущую демографическую ситуацию с намного большей ошибкой, приняв средней прирост в США 1,76% (фактически — 0,67%), Германии — 1,36% (фактически — 0,62%), Англии — 0,9% (фактически — 0,38%). (Д.И. Менделеев. "Дополнения к Познанию России", СПб. 1907, стр. 40,45,58. Цит. по А.А. Зайцов. "Динамика населения СССР на 1952 год". Мюнхен, 1953, стр. 21).

Профессор И. Курганов приходит к оценке потерь населения с помощью следующих рассуждений:

- а) Численность населения России в 1917 г. — 143,5 млн. человек — цифра официальная. См. "Итоги Весоюзной переписи населения 1959 г." М., 1962 г., стр. 13.
 - б) Естественный прирост населения — 64,4 млн. (1918-1939 гг.) исчислен по коэффициенту 1,7 ...
 - в) Механический прирост населения в 1940 г. — 20,1 млн. человек вследствие присоединения к СССР новых территорий в 1940 г. ...
 - в) Естественный прирост за 1940-1959 гг. — 91,5 — исчислен по коэффициенту 1,7. (Профессор Курганов допускает некоторую неточность: численность населения в конце 1939 г. — 228 млн. человек. Он умножает коэффициент 1,7 на 20 раз, то есть включает весь 1959 г., в то время как следовало сделать только 19 умножений, поскольку перепись 1959 г. проходила в середине января и значит прирост за 1959 г. не должен учитываться. Правильная цифра — 86,1 млн. чел. — М.)
 - д) Следовательно, общая численность населения в современных границах нормально в 1959 г. должна быть 319,5 млн. (314,1 млн. на 1.1. 1959 г. См. примечание к предыдущему пункту. — М.)
 - е) В действительности по переписи 1959 г. оказалось 208,8 млн.
 - ж) Общие потери населения — 110,7 млн.
- Таким образом, население СССР потеряло в связи с событиями 1917-1959 гг. сто десять миллионов человеческих жизней.
- Такова наша первая цифра".

Вторая цифра профессора И. Курганова — это оценка потерь населения в годы войны. Получена она следующим образом:

- а) Численность населения к началу войны 197,1 млн. исчислена так. Население по переписи 1939 г. было 170,6 млн. человек. Прирост населения по коэффициенту 1,7 за время с 17 января по 31 декабря 1939 г. — 2,9 млн. Плюс население присоединенных территорий — 20,1 млн. Плюс прирост населения в 1940 г. по коэффициенту 1,3 за время с 1 января по 1 сентября — 1,5 млн. и за время с 1 сентября по 31 декабря — 0,8 млн. Плюс прирост населения за первую половину 1941 г. — 1,2 млн.
 - б) Естественный прирост населения за 1941-1945 гг. — 15,4 млн.
 - в) Должно быть населения к началу 1946 г. — 212,5 млн.
 - г) К началу 1946 г. было примерно 168,5 млн.
 - д) Значит, людские потери СССР, связанные с войной, — 44,0 млн.
- Население СССР потеряло во Вторую мировую войну сорок четыре миллиона человек. Такова наша вторая цифра".

Третья цифра профессора И. Курганова — разница первых двух.

"... в военное время, во время революции и революционного преобразования России народ потерял 66 миллионов 700 тысяч человек".

Приведенные профессором И. Кургановым данные позволяют разделить его третью цифру — потери военного периода — на две: довоенные и послевоенные потери..

- а) Численность населения России в 1917 г. 143,5 млн.
 - б) Естественный прирост населения за 1918-1939 гг. — 64,4 млн.
 - в) Механический прирост в 1940 году — 20,1 млн. человек.
 - г) Естественный прирост в 1939, 1940 и за первую половину 1941 г. — 6,4 млн.
 - д) Должно было быть к началу войны — 234, 4 млн.
 - е) Было к началу войны примерно 197,1 млн.
 - ж) Довоенные потери населения составили 37,3 млн.
- Отсюда можно оценить и потери в послевоенные годы:

а) Потери в 1918-1941 гг. — 37,3 млн. человек.

б) Потери в 1941-1945 гг. — 44 млн. человек.

в) Потери за весь период 1918-1959 гг. — 110,7 млн. человек.

г) Потери в 1946-1959 гг. — 29,4 млн. человек.

Последняя цифра кажется довольно удивительной. Ведь из нее следует, что сталинско-хрущевский относительно либеральный период был более кровавым (потери в среднем по 2,2 млн. человек в год), чем довоенный, включавший гражданскую войну, голод 1921 г., коллективизацию, репрессии (потери в среднем 1,6 млн. человек в год).

Кроме того, согласно системе рассуждений профессора И. Курганова, потери в послевоенные годы практически не должно было быть:

а) Численность населения 1/1 - 1946 г. — 168,5 млн.

б) Прирост населения за 13 лет 1946-1958 гг. по коэффициенту 1,7 — 41,3 млн. человек.

в) Численность населения на 1/1 - 1959 г. по расчету — 209,8 млн. человек.

г) Численность населения в январе 1959 г. по переписи — 208,8 млн. человек.

д) Разница между расчетом и фактическими данными — около 1 млн.

Почему данные профессора И. Курганова дают с одной стороны огромные (29 млн.) потери в послевоенный период, а с другой — отсутствие потерь?

Очевидно, дело в несовершенстве использованного метода. Профессор И. Курганов строит некоторую идеальную модель движения населения страны: постоянный рост на 1,7% ежегодно в течение 42 лет. Закончив расчет, профессор сравнивает последнюю цифру с фактически зафиксированной переписью и их расхождение рассматривает как потери населения. То есть, при таком подходе все потери приписываются к последнему моменту — концу расчета. Однако известно, что потери были в начале и середине периода. Не принимая во внимание этого факта, профессор И. Курганов удаивает в своем расчете потери гражданской войны, продолжая начислять коэффициент прироста на каждого из погибших. Потери коллективизации и репрессий при таком подходе завышаются на 60-70%, потери Второй мировой войны — примерно наполовину.

Несовершенство метода хорошо видно при повторении вычисления профессора И. Курганова в обратном направлении.

Численность населения в 1959 г. была 208,8 млн. человек. В предшествующем году она была, согласно коэффициенту, предложенному профессором И. Кургановым, на 1,7% меньше. Повторив аналогичное утверждение 41 раз, получим численность гипотетической группы, не пострадавшей за эти годы — 90,7 млн. человек. Это выборка, относительно которой справедливо предположение о ежегодном приросте в 1,7%. Соответственно пострадавшая группа находится сопоставлением с известной численностью населения в 1917 г. — 143,5 млн. Она оставляет 54 млн. человек, то есть в два раза меньше, чем оценка профессора И. Курганова.

Предположение профессора И. Курганова о норме прироста населения в 1,7% ежегодно могло бы быть справедливым в двух случаях:

1) Величины рождаемости и смертности остаются постоянными в течение всего рассматриваемого времени (практически такая картина наблюдалась в предреволюционной России в течение нескольких десятилетий).

2) Рождаемость и смертность изменяются (как правило, — уменьшаются) на одну и ту же величину. (Постоянство такого изменения маловероятно, так как эти параметры определяются разными социальными, политическими, медицинскими и экономическими причинами.)

Понятно также, что уменьшение коэффициента прироста под влиянием увеличения смертности населения или снижения рождаемости в стране носит совершенно различную эмоциональную окраску. Первое — это обычно результат политических или экономических событий (может влиять также и общее постарение населения, но

оно началось в стране только во второй половине XX века);

второе — довольно естественный для нашего времени процесс, связанный с урбанизацией, ростом образования, изменением занятий и т.д. Чтобы разделить собственно потери населения и нехватку рожившихся, в расчете можно использовать фактические сведения о коэффициенте рождаемости, а смертность принять на постоянном "нормальном" уровне. Естественно, вслед за профессором И. Кургановым считать такой нормой доброе предреволюционное время. Двадцатилетие, предшествовавшее революции, характеризуется довольно устойчивым уровнем смертности — примерно около 3% в год. Причем, в 1890-1907 гг. наблюдалась некоторая тенденция к снижению смертности с 3,71 в 1897 до 2,99% и 2,84% в 1906-1907 гг., но в последующее десятилетие 1907-1917 гг. смертность остается практически постоянной — 2,8 — 2,9%. Учетывая намечавшуюся в начале века тенденцию к снижению смертности, а также падение рождаемости, приемем в качестве нормы для лет после революции коэффициент смертности 2,5%.

При фактически изменившейся в стране рождаемости и коэффициенте смертности 2,5% численность населения страны должна была составить в начале 1959 г. 205 млн. человек, при 208,8 млн. по переписи. Таким образом, предполагая коэффициент смертности населения на дореволюционном уровне и используя известные сведения о рождаемости, мы практически не обнаруживаем потерь. И совсем не потому, что их не было. Потери были огромны, но их просто нелегко оценить с помощью примитивных расчетов и рассуждений, принимая в качестве нормы дореволюционный коэффициент прироста или дореволюционный уровень смертности. Особенностью советского периода было постоянное снижение рождаемости (на 45% за сорок лет) и одновременное резкое падение смертности (более чем в 3 раза). Обе эти тенденции необходимо учитывать при оценке потерь населения, что делает бессмысленными любые попытки использовать для этой цели постоянные коэффициенты.

Расчеты с постоянными коэффициентами прироста всегда напоминают мне прекрасное рассуждение Марка Твена. Его герой рассказывает спутнице, что, как пишут в газетах, река Миссисипи сокращается в год на 1,5 метра. И это значит, что через несколько сотен тысяч лет Миссисипи будет длиной не больше моей руки! И это же значит, что много миллионов лет назад, в Юрское время, река десятки раз опоясывала земной шар! На что спутница первой восклицает: "Говорите, говорите, дорогой, мне так нравятся ваша замечательная статистика".

Лучше всего абсурдность подобного подхода видна в тех случаях, когда мы применяем его не к СССР, а к другим странам. Например, американский статистик Фрэнсис Боннг оставил в середине XIX века прогноз численности населения на многие годы вперед. Он считал, что рост населения будет происходить с постоянной скоростью 2,2% в год. В течение второй половины XIX века прогноз удивительно точно подтверждался и в 1900 году численность населения США составила 76 млн. (при 77,3 млн. по прогнозу). Однако к 1980 г. Боннг предсказывал численность 452 млн.! То есть Америка "потеряла" по этому расчету 220 млн. человек и кончат этим "потерям" не предаваться.

(Bonyng Francis The Future wealth of America: Being a Glance at the Resources of the United States and the Commercial and Agricultural Advantages of Cultivating Tea, Coffee and Indigo, the Date Mango, Jack, Lecchee, Guava and Trade, Orange Trees etc. with a Review of the China Trade, New York, 1852.)

Еще более ужасны "потери" за счет неродившихся у Европейских стран. К примеру, население Франции во времена Петра I заметно превращало население России и даже ко времени наполеоновских войн, несмотря на все завоевания Екатерины Великой, это преимущество сохранялось. Однако, к сегодняшнему дню Франция "потеряла", а Россия "приобрела" (отчасти путем расширения территории) 200 млн. Аналогичные потери Китая

оставят уже не сотни миллионов, а несколько миллиардов человек.

Рассмотрим другой, довольно характерный для эмигрантской школы пример — статью А. Иванова "Демографические потери" ("Русское возрождение" № 16, 1981 /4/ стр. 122-142).

Автор рассчитывает потери за все годы советской власти, но за недостатком места рассматривает только его оценки для периода коллективизации. Начинается работа с рассмотрением результатов других авторов, конечно, только тех, у кого цифры достаточно большие. Так, например, указывается, что Лоример оценивал потери Гражданской войны в 28 млн. чел. (При этом, правда, не упоминается, что в эту цифру Лоример включал потери на фронтах Первой мировой войны и огромное сокращение рождаемости в 1914-1917 гг. По А. Иванову это все "убыль населения Советского Союза") Однако, об оценке Лоримером потерь от коллективизации А. Иванов предпочитает читателям не сообщать. Не говорит он и о мнении профессора А. Зайцова, работу которого подробнейшим образом использует в изложении других вопросов.

Вместо рассмотрения различных оценок, как это он делает для других периодов, потери коллективизации автор оценивает самостоятельно:

"Данные о движении численности населения есть только за отдельные годы первой половины 30-х годов. Приведем их: 1929 — 154,0 млн., 1930 — 157,8 млн., 1931 — 160,0 млн., 1933 — 165,7 млн., 1936 — 160,6 млн., 1937 — 163,8 млн., 1938 — 167,0 млн. чел. (данные на начало года).

Ежегодный прирост населения составлял во второй половине 20-х гг. в среднем 3,4 млн., а за 1930-1933 гг. только 2,6 млн., затем последовало сокращение; за 1933-1936 гг. — на 1,9 млн. человек в среднем за год.

Если бы в стране сохранились те же условия нормального развития демографических процессов, которые существовали до "великого перелома", т.е. до 1929 г., и население ежегодно возрастало на 3,4 млн. человек в среднем за год, то с 1930 по 1939 гг. численность населения выросла бы на 34 млн., а не на 12 млн."

(Цит. статья, стр. 134).

Первое, что удивляет в приведенном рассуждении, это откуда автор получил "сокращение за 1933-1936 гг. — 1,9 млн. человек в среднем за год". Если мы воспользуемся его цифрами и вычтем из численности 165,7 млн. на начало 1933 г. численность 163,8 млн. на начало 1937 г., то получим за четыре года 1,9 млн., а в среднем за год 475 тыс.

Второе, говоря о росте в 1930-1939 гг. в 34 млн., по 3,4 млн. в год, Иванов явно предполагает, что прошло 10 лет, то есть засчитывает весь 1939 г. в свою гипотетическую оценку. Однако, говоря о фактическом приросте 12 млн., он берет разницу за 9 лет между численностью по переписи 17 января 1939 г. — 170,6 млн. и административной оценкой на 1/1-1930 г. — 157,8 млн. и "округляет" найденную цифру 12,8 млн. до 12,0 млн. Исключая эти арифметические погрешности, автор должен был говорить о 30,6 млн. гипотетического и 12,8 млн. фактического роста, и потерях не в 22, а в 17,8 млн. Последняя цифра не вызывает возражения, если принять во внимание, что в понятие "потери" автор включает сокращение рождаемости от некоторого нормального уровня, наблюдавшегося до 1929 г. Правда, ему кажется, что доля этого снижения в общей повышенной убыли невелика. Он пишет:

"Недобр" вызван не столько снижением рождаемости, сколько резким ростом смертности из-за террористического насаждения колхозов и ликвидации "кулачества" в прямом, физическом смысле; из-за искусственного голода на Украине и Северном Кавказе, истребления старой служилой интеллигенции. Снижение рождаемости с 40-45 на тысячу до 20-25 вызвало потери 5-6 млн. неродившимися, остальные 16-17 млн. это — жертвы "культы личности".

(Цит. статья, стр. 135).

Трудно понять, как снижение рождаемости на 20 человек на тысячу в год вызвало в течение 9 лет потери 5-6 млн. Даже при численности населения 160 млн. такое падение рождаемости должно было привести к убыли в 28 млн.! Таким образом, по логике исследователя не только не было никаких потерь от "культы личности", но, напротив, неизвестно откуда возникли 10 млн. человек. "Потери" в 5-6 млн. за 9 лет могли возникнуть при снижении рождаемости на 4-4,5 чел. на тысячу, то есть по данным Иванова с 40-45 до 35-40%.

Падение рождаемости было, несомненно, более глубоким. Большея в этих цифр страна уже никогда не смогла достигнуть. Даже в 1937 г., сразу после запрещения абортов, рождаемость составила по данным ЦСУ 38,7%.

Таким образом, мы видим, что просто за счет арифметических погрешностей А. Иванов преувеличил потери на 4 млн. А при разделении их на собственно потери и сокращение рождаемости "ошибка" едва ли не на десятком миллионов.

3 А.А. Зайцов. Динамика населения СССР на 1952 г. Мюнхен, 1953, стр. 70.

4 С.Н. Прокопович. Народное хозяйство СССР. т. 1, изд-во Чехова, Нью-Йорк, 1952, стр. 86.

5 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР, М., 1962, стр. 50.

6 Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. 1-56, 1928-1932 гг.

7 Уклонялись от переписи раскольники и другие принципиальные противники учета, в мусульманских районах прятали вторых, третьих и т.д. жен.

Следует отметить, что никто из исследователей как в СССР, так и за рубежом, не делал определенных указаний относительно мелочности общей оценки численности населения переписью и не пытался внести исправления.

8 Преправительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г., вып. 1, стр. 37.

9 Гозулов А.И., Григорьев М.С. Народонаселение СССР. М., 1969 г., стр. 62.

10 Ю.А. Корчак-Челуржковский. Избранные демографические исследования. М., Статистика. 1970 г., стр. 302.

11 М.В. Птуха. Очерки по статистике населения. М., 1960, стр. 444.

12 В 1959 г. в течение 10 дней после переписи проводился сплошной контрольный обход, при котором проверялась правильность записей и уточнялись сведения о временно отсутствующих или временно проживающих. Во время контрольного обхода было зафиксировано дополнительно 207753 человека и при проверке контрольных бланков — 789 тыс. человек, а всего — 1074 тыс. человек, что составляет 0,51% общей численности наличного населения страны. (Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР, М., 1962, стр. 7).

В 1970 г. контрольный обход был выборочный и охватил 50% помещений. При этом были выявлены 264 тыс. лиц, пропущенных счетчиками. При проверке контрольных бланков было также обнаружено дополнительно 348 тыс. не переписанных лиц. Таким образом, проверка выявила 612 тыс. человек, 0,25% численности населения или 0,5% от числа охваченных проверкой. (Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. т. 1, М., 1972, стр. 45).

13 Народное хозяйство СССР. М.-Л., 1932, стр. 404.

14 Вострикова А.М., Подъячь П.Г. Статистика населения. Сб. "История советской государственной статистики", М., 1969, стр. 379.

15 Цифра, появившаяся в справочниках, — 163,77 млн. на 1/1-1937 г., вероятно, и есть результат переписи. По мнению современных ученых, перепись была довольно точной.

В сообщении о Научно-координационном совете Киевского института Экономики говорится: "Ф.Д. Лифшиц на основе проделанных им расчетов пришел к выводу, что максимально возможный недоучет населения из-за этих ошибок составляет 0,33% численности населения СССР (450 тыс.)". Эта ошибка меньше, чем у самой надежной советской переписи 1959 года — 0,51%. (Демографические тетради, вып. 8, Киев, 1973, стр. 329)

16 Социалистическое строительство СССР 1936 г., М., стр. 539.
(Население СССР 1973. М., 1975, стр. 7).

17 В.К. Воблый, В.И. Пустоход. Переписи населения. М., 1940.

18 Перепись населения (1970), М., 1969, стр. 21.

19 Население СССР. Справочник. М., Политгиздат, 1974, стр. 17.

20 Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926-1927 гг. М.-Л., 1930.

21 Подробные взгляды Лоримера и Виткрофта см. в разделе "Дискуссия на Западе о потерях советского населения в годы коллективизации."

22 Максудов. Некоторые причины роста смертности в СССР. СССР. Внутренние противоречия, № 3, сс. 20-42, Нью-Йорк, 1982.

Максудов. К вопросу о достоверности демографических сведений о населении СССР в 1926-1939 гг. (В печати.)

23 Интервью с А. Смирновым.
The Cristian Science Monitor, on June 1981.

Дмитриева Р.М. Таблицы смертности и средней продолжительности жизни населения Средней Азии. В кн. Проблемы народонаселения Средней Азии. М., 1970, стр. 333-335.

24 См.: Народное хозяйство Украинской ССР в 1975 г. Киев, 1976, стр. 15; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1974 г. Ташкент, 1975, стр. 12.

25 М.К. Караханов. Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX века. В сб. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, стр. 206.

26 Дмитриева Р.М., Андреев Е.М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти. В сб. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, стр. 38.

27 М.В. Птуха. Очерки по статистике населения. М., 1960, стр. 446.

28 Е.А. Садоковасова. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969, стр. 30.

29 Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974, стр. 104-105.

30 С.А. Новосельский, В.В. Павеский. О сводных характеристиках воспроизводства и перспективных численных населения. "Тр. демографического ин-та", т. 1, Л., 1934, стр. 7-37.

31 Наиболее серьезной оценкой численности лагерного населения тех лет представляется анализ Н. Яным секретного раздела "Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1941 год". Согласно его расчетам, принимаемым также профессором С. Прокоповичем (Народное хозяйство СССР, т. 1 Нью-Йорк 1952, стр. 100), общее число заключенных было равно 3,5 млн. человек. Правда, Яный исходит из не слишком оправданного, на мой взгляд, предположения, что труд заключенных при капитальном строительстве в два раза менее производительен, чем труд свободных людей. Без этой гипотезы население Архипелага должно было составлять примерно 3 млн. человек. Похожие результаты получает и Франк Лоример. Тщательно проанализировав результаты переписи 1939 года и сопоставив их с данными текущей статистики, он пришел к выводу, что число лиц с неизвестными занятиями составляет 6,8 млн. Профессор Р. Конквест отнес всю эту цифру к численности заключенных. Это неверно, так как Лоример исследовал все население страны не только имеющих занятия, но и членов их семей, то есть на долю взрослого "лагереспособного" населения приходится примерно 2,5 млн. человек.

32 Можно попытаться оценить период основных потерь, используя результаты выборов 1934 года. На этих выборах было зарегистрировано 91 млн. избирателей. "Лишены избирательных прав из всего взрослого населения страны были 2,5%, немногим более 2 млн. человек".* По переписи 1926 г. группа голосовавших в 1934 г. (старше десяти в 1926 г.) оставила 109,4 млн. человек, по административному учету 1931 г. их было 103 млн. и при такой же убыли в 1% как в 1926-1931 гг. к выборам 1934 г. должно было оставаться в живых 99 млн. Таким образом, убыль, нехватка избирателей, достигла примерно 6 млн. человек, что хорошо согласуется с приведенной выше оценкой величины потерь — 5,3 млн. старше 18 лет (таблица № 11-Е).

Этот расчет имеет лишь самое ориентировочное значение, так как точность учета избирателей на выборах не велика, и может составлять несколько миллионов человек. Так что из анализа числа избирателей можно лишь заключить, что отмечалась их огромная нехватка. Скорее всего, это произошло в результате потерь населения в предшествующий период.

* Молотов В.М. "Основные итоги работы правительства". Отчет ЦК на VII Всесоюзном съезде советов.

Интересно, а для современного советского человека абсолютно непонятно, что на этих выборах 14 млн. человек проголосовало против. Можно ли было в тот момент предположить, что всего через три года будет раз и навсегда достигнут столь хорошо нам знакомый процент избирателей, голосующих "за" — 99%.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В 1930—1938 ГОДАХ

Годы коллективизации по условиям жизни и степени административного давления на население не были чем-то однородным. На первом этапе (1928—29 гг.) сильному экономическому и полицейскому преследованию подвергалась сравнительно небольшая группа населения (3—4% дворов). На эту наиболее зажиточную часть крестьянства была возложена повышенная доля поставок зерна по низким ценам и, в случае невыполнения этого обязательства, их судили по статьям 127 и 135 УК УССР и приговаривали к штрафу в пятикратном размере, полной конфискации имущества или тюремному заключению на 1—3 года. Всего на Украине в 1929 году индивидуальному налоговому обложению (не по нормам) было подвергнуто 155 тысяч хозяйств (3,02% всех сельских дворов).¹ Эта цифра примерно в два раза выше, чем оценка кулацких хозяйств гнездовой переписью 1929 г. (1,4% сельских семей).² Общее число подвергнутых репрессиям по суду не известно, однако и неполные данные довольно значительны. Так, на XI съезде КП(б)У говорилось, что в 1929 г. в 22 округах (из общего числа 41) было распродано имущество 33 тысяч сельских хозяйств (14,7% семей, относимых к кулакам).³ Расхождение в общих оценках численности кулаков, с которыми мы сталкиваемся, рассматривая эти цифры (155 тысяч, 72 тысячи, 224 тысячи только по 22 округам), связаны с тем, что различные советские учреждения вкладывали в

понятие "кулак" разный экономический и политический смысл. При гнездовой переписи использовалось сочетание двух признаков: стоимость средств производства и наем рабочей силы. Кулацкими считались хозяйства, имеющие средства производства стоимостью свыше 800 рублей, при условии сдачи их в аренду или найме рабочей силы на 50—75 дней в году, или хозяйства со средствами производства на сумму 401—800 рублей при найме рабочей силы на 151 день в году.⁴ Расчеты показывают, что при таком подходе доля чужого труда в общей стоимости прибавочного продукта, создаваемого в хозяйстве, составляла 4—6%. При налогообложении к кулацким относили хозяйства, систематически использующие чужой труд или имеющие механические, ветряные, водяные двигатели. В некоторых инструкциях дополнительно оговаривалось, что получаемый доход должен быть выше 300 рублей на человека и 1500 рублей — на семью (несколько меньше годового дохода рабочей семьи в те годы). Наконец, местная администрация относила к кулакам всех неугодных и непослушных лиц.

Однако репрессии против кулаков не играли в тот период определяющей роли в повышении убыли населения страны. Более важным было снижение уровня жизни. Введение карточной системы и специального снабжения на заводах сильно ударило по широким кругам горожан, не прикрепленных к производствам и учреждениям. Рыночные цены на хлеб за два года выросли более чем в три раза, что не могло не сказаться на положении рядового горожанина.⁵

1930—31 гг. были периодом наступления на кулака, которое принято называть "уничтожением как класс". Как известно, комиссия Политбюро, планируя геноцид, наметила: арестовать (для расстрелов и заключения в тюрьмы) 60 тысяч человек (их семьи выслались), сослать в северные районы 150 тысяч семей и экспроприровать имущество и переселить внутри данной области 3—4% всех крестьян (всего примерно 750—1250 тысяч сельских хозяйств).⁶ На долю Украины при такой раскладке приходилось в пропорции к численности населения: около 40 тысяч семей — к уничтожению и высылке, 150—250 тысяч — к раскулачиванию. Советские исследователи отмечают, что плановые цифры были почти повсеместно перевыполнены. На Украине только в 1930 г. было ликвидировано примерно 3% крестьянских дворов (160 тысяч) и "выслано за пределы республики меньше половины" всех раскулаченных.⁷ Это значит, что около 400 тысяч жителей

Украины оказались в тяжелых условиях северных районов (Коми, Карелия, Мурманск, Северный Урал). По данным других авторов, число раскулаченных семей составило 200 тысяч.⁸ Создается впечатление, что эта цифра также относится только к 1930 г. Приведенная авторами сумма конфискаций в 30-м году (90—95 тысяч рублей) свидетельствует о большом числе раскулаченных. По данным Наркомфина, средняя стоимость имущества экспроприированной семьи составляла 550—600 рублей.⁹

Повышенную убыль среди сосланных можно оценить по сведениям Ивницкого (из 300—380 тысяч семей сосланных, к 1940 г. осталось 220 тысяч семей — 930 тысяч человек).¹⁰ К этой цифре надо прибавить оценку естественного прироста за 8 лет, вычесть примерно 6% реабилитированных¹¹ и некоторое количество убежавших. В любом случае повышенная убыль среди раскулаченных будет не меньше нескольких сотен тысяч, в том числе, вероятно, свыше 100 тысяч приходится на долю жителей Украины.

Наряду с раскулачиванием, потери в 1930—31 гг. включают и повышенную убыль из-за ухудшения условий жизни населения. Достаточно указать на то, что рыночные цены в стране, по сравнению с 1928 г., выросли к концу первой пятилетки в 30 раз.¹²

Третий период коллективизации, начавшийся в 1932 г., был наиболее тяжелым. С этого времени государство перестраивает организацию колхозов таким образом, чтобы независимо ни от чего получать определенное количество продуктов сельского хозяйства. Встречные поставки промышленных товаров в село становятся обязательными, цена на заготавливаемые продукты сохраняется постоянной (в десятки раз меньше их рыночной стоимости), но главное, в случае плохих урожаев деревня оказывается вынужденной отдать государству почти всю продукцию, не оставляя себе даже минимального количества для пропитания. Эти страшные порядки оборачиваются трагедией массового голода. В 1932 г. была запрещена продажа зерна в областях, не выполнивших план заготовок. Это поставило под удар широкие слои сельского населения, всегда покупавшие часть зерна на рынке. Голод 1933 г. нанес Украине и всей стране страшный урон. Но и в последующие 1934—36 гг. положение было не намного лучше. По современным сведениям ЦСУ, урожай зерна в СССР в среднем за четыре года (1933—1936) составил 66,8 млн. т. Из них на заготовки ушло 26,4 млн. т., на семена — 13,3 млн. т. Фуражное зерно при существовавшем пого-

ловье должно было составить не меньше 9 млн. т., минимальные потери — 2 млн. т., и таким образом на каждого из 120 млн. сельских жителей страны остается в среднем в течение 4 лет по 440 граммов зерна в день.¹³

Следует понять, что это никак не было средней нормой потребления. Огромная неравномерность распределения по территориям, по социальным слоям, наконец по годам (очень тяжелые 1933 и 1936 и более благополучные 1934 и 1935) показывают, что очень широкие круги сельского населения иногда вообще не имели хлеба. Положение на Украине было в тот период более тяжелым, чем в среднем по СССР, так как на нее приходилась повышенная доля заготовок.

Потери населения в эти годы включают не только непосредственную гибель от голода. Резкое ухудшение питания увеличило смертность от всех болезней.

Особенно высоки были потери детей. На это указывают материалы переписей населения. На схеме возрастной пирамиды 1939 г. можно увидеть огромный врез, не уступающий по величине сокращению рождаемости во время Первой мировой и гражданской войн. Разница между этими двумя периодами заключается в том, что в годы войны решающую роль играл разрыв брачных связей, мобилизация более 15 миллионов мужчин. В 1932—33 гг. ничего похожего не было. В дальнейшем, в 1934—36 гг. наблюдалось повышенное ограничение рождаемости, как из-за психологической реакции населения на ухудшение условий жизни, так и из-за физиологических причин (уменьшение вероятности зачатий в 1933 г. из-за резкого снижения уровня жизни). Лишь в конце периода 1937—38 гг. рождаемость примерно достигла уровня 1928—31 гг.

Кроме гибели от голода и плохих условий жизни, потери населения на третьем этапе коллективизации включали все возрастающий поток полицейских репрессий. Закон от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности, позволял подвергать наказанию, вплоть до расстрела, за оплошность, небрежность в работе, мелкое воровство. Поломка в моторе трактора, павшая лошадь, подобранная морковка — все это могло повлечь за собой суровое наказание. Судебная статистика тех лет неизвестна, но косвенные указания, приводимые время от времени советскими авторами, довольно выразительны. Например, рассказывая, как успешно милиция охраняла священную и неприкосновенную собственность совет-

ского государства, Трифионов сообщает, что число осужденных по статье от 7 августа уменьшилось во второй половине 1934 г., по сравнению с первой половиной 1933 г., в 5 раз (по Украине и РСФСР), а во второй половине 1935 г. — почти в 20 раз.¹⁴

Высокий урожай 1937 г. завершает период массовых потерь населения от коллективизации. Но в это время в стране уже разворачивается новая кампания уничтожения населения — Большой террор. Можно указать лишь общие ограничения возможного числа жертв в 1936—38 гг. Известно, что доля арестованных мужчин была намного выше числа арестованных женщин. Также отмечают обычно, что аресты захватывали слой советской интеллигенции, относительно редко вторгаясь в пролетарские массы. Среди потерь Украины, оцениваемых по результатам переписей 1926 и 1939 гг., на долю Большого террора приходится, вероятно, около 200—300 тысяч.

Вернемся к рассмотрению общей величины потерь для 1927—38 гг. Главным источником сведений для такой оценки служат советские официальные публикации.

Метод используемый для оценки потерь, заключается в расчете нормального изменения численности каждого поколения мужчин и женщин за рассматриваемый период.¹⁵

Огромное значение для оценки потерь имеют труды Ю. Корчак-Чепурковского. Ему удалось опубликовать результаты переписи населения 1939 г. по половозрастным группам для Украины, материал, совершенно необходимый для анализа потерь.

Рассмотрим баланс потерь населения Украины в 1927—38 гг. (Таблица 1). Мы видим, что в начале 1927 г. население составляло 29 млн. человек. По таблицам смертности тех лет (1926—27 гг.) за 12 лет, то есть к 1939 г., должно было умереть 6,5 млн. Такую смертность можно считать "нормальной", "естественной смертностью". Она соответствует некоторому уровню жизни, бывшему в то время, медицинскому обслуживанию тех лет и т. д.

Однако фактически в результатах переписи 1939 г. нехватка населения оказалась намного большей. Фактическая убыль между переписями составила 11,2 млн., в том числе 2,9 млн. составляют повышенную убыль взрослого населения. Треть женщин, умерших в тот период, не должны были бы погибнуть при нормальном уровне смертности. То же можно сказать почти о половине умерших мужчин.

За эти 12 лет родилось около 12 млн. детей. Однако в переписи

1939 г. учтено только 8 млн. детей моложе 12 лет. Значит почти 4 млн. умерли за это время. Таблицы смертности 1926–27 и 1938–39 гг. позволяют оценить, сколько должно было умереть при обычных условиях. Они показывают, что почти треть детей умерли преждевременно.

Огромная детская смертность есть прямой результат голода. Дети младших возрастов наиболее уязвимы. Это показал в свое время и голод 1921 г. Как писал в те годы В. Арнаутов в книге "Голод и дети на Украине": "Есть губернии и уезды, в которых почти не останется детей моложе 6–7 лет". И если в 1921 г. этого не случилось (по крайней мере относительно губерний), то благодаря продовольственной помощи и вниманию всего мира. В 1933 г. голодающее население было брошено на полный произвол.

Потери населения включают (в табл. 1) и баланс миграций. Оценить миграционные потоки тех лет нелегко. Известно, что города Украины (особенно города Донбасса) привлекали много населения из других республик. В то же время раскулачивание и миграция на Восток, за Урал, уносили массы сельского населения. По моим подсчетам, въезд на Украину превысил выезд на 600 тысяч человек.

Часто отмечают, что в села Украины после голода было завезено много поселенцев из русских областей. С этим утверждением согласиться трудно. Перепись 1959 г. показала, что доля русского населения в селах Украины изменилась мало. Если в 1926 г. в сельской местности Украины проживало 20 млн. украинцев и 1,3 млн. русских, то в 1959 г. в тех же границах было 14 млн. украинцев и 1 млн. русских.¹⁶ Из этих цифр следует, что если и было переселение русских в сельскую местность на Украине, то оно составляло не миллионы, а десятки тысяч, в крайнем случае, — сотни тысяч.

Остановимся кратко на потерях в других районах СССР. Общие потери Советского Союза за 1926–39 гг.¹⁷ рассчитанные тем же методом, составляют около 9.8 млн. чел. Таким образом, на Украину приходится немного больше половины потерь. Другими сильно пострадавшими районами были Северный Кавказ и Казахстан. На этих территориях также обнаруживается огромная потеря детей — первый признак потерь от голода, — а также общая убыль населения. Известно, что сокращение численности казахов за 1926–39 гг. составило 870 тысяч человек. Сильно пострадали и другие кочевые народы, не сразу сумевшие приспособиться к нелепым в их условиях требованиям обобществления скота.

Практически не было непострадавших территорий. Дело в том, что хотя голод охватывал только часть страны, а страшный смертельный голод коснулся только сельского населения Украины, Северного Кавказа, Казахстана, некоторых районов Поволжья и Сибири, но ухудшение питания и условий жизни задело всю страну.

В заключение я хочу вернуться к общим цифрам. Убыль 4,5 млн. человек при общем населении Украины около 30 млн., составляет 15%. Это значит, почти в каждой семье (в среднем сельская семья включала около 5 человек) были погибшие. И если в какой-то семье обошлось без жертв, то значит, что у соседей погибли несколько человек. Ослабленное и отчасти уничтоженное сельское население подчинилось и беспрекословно выполняло распоряжения власти. С этого момента поставки зерна государству увеличиваются в 2—3 раза по сравнению с предшествующими коллективизации 1926—28 гг., при том, что урожаи оставались такими же или даже были меньшими.

Но победителям в той страшной войне оказалось не так уж весело. Это была "Пиррова победа". Продукция зернового хозяйства, которая в 1923—28 гг. (за 5 лет) почти удвоилась, в течение 25 лет после коллективизации колебалась вокруг одного и того же низкого уровня, при том, что население в стране росло. Животноводство, потерявшее свыше ста миллионов голов скота (лошадей, коров, быков, овец, свиней), так никогда и не оправилось от этого удара. Не приходится сомневаться, что сегодняшний кризис сельского хозяйства в СССР уходит корнями в те далекие годы, в ту "победу", оказавшуюся поражением.

Земля и сельские жители, как смогли, отомстили победителям. Земля перестала давать урожай, а крестьянин перестал с любовью относиться к земледельческому труду. Это была страшная и справедливая месть.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Історія селянства УРСР, т. 2, Наукова думка, Київ, 1967, с. 124.
2. Н. А. Ивницкий, Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., Наука, 1972, сс.71–72.
3. В. П. Данилов, Советская доколхозная деревня, т. 2, М., Наука, 1979, с. 343.
4. В. П. Данилов, цит. соч., с. 314.
5. С. В. Кульчицкий, Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926–1937). Киев, Наукова думка, 1979, с. 120.
6. В. А. Сидоров, Ликвидация в СССР кулачества как класса. Вопросы истории, М., 1967, с. 28.
7. М. Трифонов, Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., Политическая литература, 1960, с. 249; дается ссылка на ЦГАОР УССР, ф. 27, оп. 2, л. 543, 683, 950, 951, 992.
8. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках, М., Политическая литература, 1963, с. 183 (ссылка на журнал "Парт-работа в колхозах", 1934, III, с. 109).
9. Н. А. Ивницкий, цит. соч. сс. 330, 298–299.
10. Вопросы аграрной истории Вологды, 1968, с. 53; Ивницкий, сс. 346, 298–299.
11. Там же, сс. 238–239.
12. С. В. Кульчицкий, цит. соч., с. 127.
13. Потери и фуражное потребление зерна приводим по N. Jasney. Socialized Agriculture of the USSR, Stanford, 1949, pp. 752–760, 786–797.
14. М. Трифонов, цит. соч., с. 263.
15. См. главу: Потери населения СССР в 1930–38 гг.
16. Итоги Всесоюзной переписи... 1959 г., УССР, сс.136–191.
17. См. главу: Потери населения СССР в 1931–38 гг.

ТАБЛИЦА 1

**ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В 1927—38 гг.
И РАЗМЕРЫ ПОТЕРЬ
(в тыс. чел.)**

	м	ж	оба пола
Численность 17.12.1926	14184	15005	29189*
Рождено в 1927—38 гг.	6159	5869	12028
Убыло	5939	4931	10870
Умерли "естественной смертью"	3329	3169	6498
Потери	2610	1762	4372
В т. ч. потери родившихся до 1927 года	1837	1077	2914
После 1927 года	773	685	1458
Сальдо миграции	350	250	600
Численность 1.1.1939	14754	16193	30947
Погрешность таблиц смертности 1926—1927 гг.			+400; —400
Ошибки в оценке рождаемости			+500; —200
Погрешность учета населения переписями			+200; —400
Ошибки возрастной группировки			+100; —100
Ошибка в оценке миграции			+200; —600
Погрешность вычислений			+100; —100
Возможное преувеличение размера потерь			2083
Возможное преуменьшение размера потерь			1500

* С поправкой Ю. Корчак-Чепурковского на недоучет поколений 0—2 года на 11.9%.

ТАБЛИЦА 2

СООТНОШЕНИЕ РОЖДЕНИЙ И АБОРТОВ НА УКРАИНЕ В 1934 г.

	город	село	всего
Численность жителей (тыс.)	7160	21840	29000
Численность женщин			
15—50 лет (тыс.)	2000	6400	8400
Рождений (тыс.)	100	608	708
Абортov со сдвигом на 7 месяцев назад (тыс.)	300	480	780
Рождений и сдвинутых абортов (тыс.)	400	1088	1488
Рождений на 1000 жителей	14	27.8	24.4
Абортov на 1000 жителей	42	22.0	26.9
Рождений и абортов на 1000 жителей	56	49.8	51.3
Рождений на 1000 женщин			
15—50 лет	50	95	84
Абортov на 1000 женщин			
15—50 лет	150	75	94
Рождений и абортов на 1000* женщин 15—50 лет	200	170	177

* В 1926 г. было на 1000 женщин 15—50 лет 162.1 рождение и 18.9 абортов; в 1929 г. соответственно 132.6 и 42.7.

ТАБЛИЦА 3

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ НА УКРАИНЕ
(в тыс. чел.)

национальность	(тысяч человек)				
	численность 17.12.1926	% от численности в стране в 1926 г.	рост по стране в % за 1926—39	предполагаемый прирост на Украине в %	численность в 1939 г. при естественном приросте
украинцы	23 219	74,4	- 9,9	-	23 300*
русские	2 677	3,4	28	15	3 079
евреи	1 577	60,6	16,4	-	1 533*
поляки	476	60,9	-19,5	-10	430
немцы	395	31,9	15,2	15,2	455
молдаване	260	93,2	- 6,8	- 6,8	242*
греки	108	50	34	34	152
болгары	93	83,8	2,5	2,5	95
белорусы	76	1	11,3	11,3	85
прочие	137			20	163
всего	29 018				29 534

Фактическая численность в 1939 г. — 30 947 тыс. чел. (30.960 т. чел.)

Баланс миграции — 1 413 тысяч (без украинцев, евреев, молдаван)

* — фактическая численность

Численность русских, белоруссов, народов Поволжья и других малых народов, в основном живущих в РСФСР, выросла по стране между 1926 и 1939 гг. на 19,3%. Следовательно, население РСФСР и БССР должно было увеличиться с 98441 тыс. до 117453 тыс., т. е. на 2,6 млн. выше фактической. Эта разница объясняется миграцией.

ТАБЛИЦА 4
ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
УКРАИНЫ ПО ФАКТИЧЕСКОМУ УЧЕТУ И ПО РАСЧЕТУ
(тыс. чел.)

год	численность на конец года						прирост в год	
	наличное население			расчет			учет	расчет
	у	ч	е	р	а	с		
м	ж	оба пола	м	ж	оба пола	оба пола		
1927	14438	15260	29699	14490	15310	29800	644	610
1928	14773	15564	30337	14775	15594	30369	662	569
1929	15068	15837	30905	15032	15849	30881	542	512
1930			31403	15263	16078	31341	498	460
1932			31901*	15642	16452	32094	498	753
смертность за год								
1927	276	247	523	300	272	572		
1928	261	235	496	297	271	568		
1929	284	255	539	296	271	567		
1930			498	293	270	563		

* Постоянное население. Обычно оно ниже наличного.

ГЕОГРАФИЯ ГОЛОДА 1933 ГОДА

В обычных стабильных условиях, при сохранении примерно одинаковой рождаемости (как это и было в дореволюционной России), более молодые поколения имеют большую численность и общая кривая изменения по возрастной численности мужчин и женщин приобретает характер треугольника (пирамиды), в котором у вершины — малочисленные старики, у основания — новорожденные, а между ними плавно меняющиеся поколения. Но в период 1924—38 гг. такая тенденция наблюдалась в стране только на азиатских окраинах: Кавказе, Сибири, Средней Азии. В районах Европейской части страны отмечалась противоположная картина: падение рождаемости в продолжение 30-х годов. В результате поколения 30—34 лет оказались при переписи 1959 г. более многочисленными, чем поколения 25—29 лет, а поколение 25—29-летних многочисленней 20—24-летних. Однако последняя закономерность отмечается не везде. На ряде территорий, родившиеся в 1934—38 гг. оказались при переписи в большем числе, чем предыдущие пять поколений. Рассмотрим, что это за территории. Для получения более четкой картины будем сравнивать поколения женщин, живущих в сельской местности. (Мужчины более подвижны и больше подвержены специфическим потерям.) Конечно, и женщины склонны к миграции в другие места, к переезду в город, и эта миграция носила не совсем одинаковый характер у рассматриваемых групп, например,

более вероятно, что молодежь уехала на учебу, чем 25–29-летние. Но можно утверждать, что эти неоднородности в стране носят примерно одинаковый характер, и что они не меняют противоположным образом соотношение численности у оставшихся в селе поколений. То есть, можно считать, что деревенское население страны сохранило исходные пропорции между численностью возрастов. Это не исключает, конечно, что молодое поколение (20–24 года) в большей доле, чем старшие, выехало в город или другие республики. Преуменьшение числа родившихся в 1934–38 гг. может лишь смазать отмеченную обратную закономерность увеличения численности в более старших возрастных группах, но никак не преувеличит ее. По крайней мере, можно надеяться, что искажение пропорций примерно однонаправленно в соседних регионах.

В таблице 1 показано, что численность женщин, живущих в селе и родившихся в 1929–33 гг., на большей части территории страны оказалась выше, чем у родившихся в 1934–38 гг. Исключение составляют территории Поволжья, Северного Кавказа, Казахстана, Украины и Дальнего Востока. В этих регионах отмечается нехватка в численности поколений 25–29 лет. Поскольку речь идет о переписи 1959 г., территории Казахстана и Дальнего Востока следует рассматривать с учетом интенсивной миграции, происходившей туда в 1939–58 гг. В Казахстан были вывезены многие сотни тысяч немцев Поволжья, крымских татар, народов Северного Кавказа, корейцев, затем туда, во время освоения целины, переселились миллионы русских и украинцев. Так что, кроме собственно казахов, на этой территории проживало значительное количество различных национальностей, принесящих с собой собственную возрастную структуру.

Кроме данных по территории проживания, исследуем сведения и по отдельным национальностям, имеющим собственные союзные республики (таблица 2). Они могут быть разбиты на три группы:

1. Народы, у которых в рассматриваемый период падение рождаемости превышало темп убыли поколений и поэтому старшие возрастные группы являются и более многочисленными — русские, прибалтийцы и, отчасти, белоруссы.

2. Народы с высокой смертностью и без ограниченной рождаемости, а поэтому численность молодых поколений заметно превышает старшие — молдаване, жители Кавказа и Средней Азии.

3. Народы, у которых отмечается провал в численности поколе-

ний, родившихся в 1929–33 гг. Это украинцы и казахи. Но повышенная убыль поколений наложилась у этих двух народов на противоположные тенденции: у украинцев, как и у русских, наблюдалось общее падение рождаемости, и потому поколения 25–29-летних должны были превышать численность 20–24-летних, так что нехватка может быть и больше, чем отмечено в таблице; у казахов, как и у других восточных народов, наблюдалось падение численности от младших поколений к старшим, так что огромная нехватка поколения 25–29 лет отчасти объясняется общей закономерностью, а отчасти – повышенной убылью.

Рассмотрим более подробно, как меняется соотношение численности поколений по отдельным областям Украины. Для этого используем две таблицы – № 3, в которой показаны территории, входившие в СССР до 1939 г., и № 4, в которой выделены области, граничащие с Украиной с севера и востока. Мы видим, что в 15-ти из 18-ти областей Украины отмечается заметная нехватка в численности поколения 1929–1933 гг., и ни в одной из западных областей и прилегающих к Украине территорий нет ничего похожего.

Таблица 3 показывает нам и географию распространения этого явления в пределах Украины и, отчасти, его интенсивность. Наиболее сильное падение численности мы видим в Днепропетровской, Черкасской, Луганской, Харьковской, Киевской, Кировоградской областях. Несколько меньшее снижение отмечается в Запорожской, Полтавской, Николаевской, Херсонской, Крымской областях. К третьей группе относятся: Донецкая, Сумская, Житомирская и Винницкая области, причем в Винницкой положение выглядит наиболее благополучным. Наконец, областями не показавшими заметной убыли, оказались Черниговская и Хмельницкая – север и запад Украины. Отмечу сразу, что все утверждения об интенсивности голода носят лишь самый ориентировочный характер, мы можем лишь говорить об отсутствии повышенной убыли данного возраста или о ее большей или меньшей степени.

Остановимся на областях РСФСР, в которых также отмечен провал численности поколения 1929–33 годов рождения (табл. 5). Такое же сильное падение численности, как и в самых тяжелых районах Украины, мы видим в трех областях Северо-Кавказского края: Ростовской, Краснодарской, Ставропольской.

В Поволжье наиболее интенсивное сокращение (примерно такое же, как у второй группы областей Украины) отмечено в Саратов-

ской и Волгоградской областях, и небольшая убыль наблюдается в Куйбышевской, Пензенской, Горьковской областях и Татарской АССР. Кроме того, в РСФСР отмечается провал в численности поколения 25—29 лет в двух уральских областях: Оренбургской и Челябинской (в первом случае падение довольно заметное, что можно связать с высокой численностью казахов среди сельского населения этой территории). В Омской и Амурской областях небольшая численность населения не позволяет определенно судить, привнесено ли это сокращение численности 25—29-летних послевоенной миграцией или это потери местного населения, пережившего коллективизацию.

Таким образом, заметный провал в численности поколений 1929—33 гг. рождения отмечается на всей территории Украины, кроме присоединенных после 1939 г. областей, на Северном Кавказе, в Казахстане, отдельных областях Поволжья и в нескольких других областях РСФСР, то есть на тех территориях, где, по многочисленным свидетельствам очевидцев, свирепствовал голод 1933 г. Это совпадение отнюдь не случайно. Другое объяснение такого совпадения предложить трудно. Можно было бы предположить, что Украина — область наиболее интенсивного снижения рождаемости с помощью аборт, и их распространение оказалось в 1929—33 гг. выше, чем в последующее пятилетие. Однако население Поволжья, Северного Кавказа и Казахстана никто не упрекал в ограничении рождаемости, по крайней мере, в более высоком числе аборт, чем, скажем, жителей северо-запада или центральных районов страны. Более того, для городского населения мы наблюдаем ту же самую закономерность, что и у жителей села — пик снижения численности поколений 25—29 лет приходится на Украину, Казахстан, Северный Кавказ и Поволжье (табл. 6). А уж горожан этих областей никак нельзя сопоставить по интенсивности ограничения деторождения с жителями Москвы и Ленинграда, на которые приходилось в 1928 и 1936 гг. чуть ли не треть всех аборт, сделанных в стране.

Таким образом, анализ соотношения численности поколений 20—24, 25—29, 30—34 лет позволяет выделить регионы с повышенной убылью родившихся в 1929—33 гг. Оказывается, что это явление отмечается только на территориях, которые в 1933 г. были охвачены сильным голодом. Величина провала в численности поколения 25—29 лет позволяет приблизительно судить и о размерах потерь от голода в отдельных областях.

Таблица № 1

ЧИСЛЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН
ПО РЕГИОНАМ СССР

Возраст РЕГИОН	Возраст			Отношение в %	
	20-24 I	25-29 II	30-34 III	II:I	III:I
Северозап.	164	179	191	109	116
Центр	393	413	470	105	120
Волго-Вятск.	211	216	227	102	108
Цент.Черн.	241	255	295	106	122
Поволжье	257	243	285	95	111
Сев.Кавказ	322	256	308	79	96
Урал	345	348	373	101	108
Зап.Сибирь	200	205	233	103	117
Вост.Сиб.	145	145	145	100	100
Дальневост.	60	57	61	95	102
Казахстан	249	184	214	74	86
Украина	986	883	1057	90	107
Белоруссия	244	249	241	102	99
Прибалтика	116	118	116	102	100
Кавказ и Ср. Азия	641	612	540	95	83
СССР	4690	4462	4820	95	103

Таблица № 2

ЧИСЛЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН
РАЗЛИЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Возраст Национальность	Возраст			Отношение в %	
	20-24 I	25-29 II	30-34 III	II:I	III:I
Русские	1997	1972	2285	99	114
Украинцы	988	879	1061	89	107
Белорусы	240	241	234	100	98
Казахи	147	95	115	65	78
Молдаване	91	80	74	88	80
Грузины	81	75	70	93	86
Узбеки	193	200	155	104	80
Азербайдж.	103	84	56	82	54
Армяне	62	53	49	85	79
Киргизы	34	37	30	109	88
Таджики	53	49	37	92	70
Туркмены	27	27	23	100	85
Эстонцы	14	15	15	107	107
Латыши	23,5	24	24,5	102	104
Литовцы	58	60	57	103	98

Кроме русских, численность народов взята только по территории основного проживания данной национальности.

Данные таблиц № 1-6 - по переписи 1959 г. "Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года". СССР и УССР. М., 1962.

Таблицы № 1-5 - сельские женщины, таблица № 6 - горожанки 1924-28, 1929-33, 1934-39 гг. рождения в тыс. человек. Данные округлены.

Таблица № 3

ЧИСЛЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ
СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН ПО ОБЛАСТЯМ УКРАИНЫ

Область \ Возраст	20-24	25-29	30-34	Отношение в %	
	I	II	III	II:I	III:I
Днепро- петровская	34.5	24.3	36.5	70	106
Донецкая	25.9	22.2	29.2	86	113
Запорожская	27.9	21.5	29.9	77	107
Луганская	21.8	16.0	23.5	73	108
Полтавская	45.0	36.0	55.5	80	123
Сумская	40.0	35.5	50.4	89	126
Харьковская	39.3	28.9	47.0	74	120
Винницкая	73.6	69.0	85.9	94	117
Житомирская	52.0	46.5	53.6	89	103
Киевская	56.9	41.4	58.4	73	103
Кировоградск.	33.4	24.3	40.2	73	120
Черкасская	49.9	34.9	57.5	70	115
Черниговская	46.7	47	62.3	101	133
Крымская	22.0	18.3	22.2	83	101
Николаевская	26.0	21.0	28.3	81	109
Одесская	46.8	41.2	49.3	88	105
Херсонская	22.9	18.3	23.1	80	101
Хмельницкая	51.0	55.1	59.4	108	116

Таблица № 4

ЧИСЛЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН
НА УКРАИНЕ И СОСЕДНИХ ОБЛАСТЯХ

Область \ Возраст	20-24	25-29	30-34	Отношение в %	
	I	II	III	II:I	III:I
Волынская	31.3	34.6	31.2	111	100
Закарпатская	30.3	30.5	28.5	101	94
Ивано- Франковская	42.2	43.3	35.8	103	85
Львовская	57.8	61.1	51.8	106	90
Ровенская	39.6	40.0	33.3	101	84
Тернопольская	41.3	44.3	39.3	107	95
Черновицкая	27.8	27.5	25.5	100	92
Орловская	27.6	29.7	33.4	108	121
Курская	45.6	48.8	54.6	107	120
Воронежская	57.6	63.9	74.9	111	130
Липецкая	30.5	31.7	35.9	104	118
Белгородская	38.7	39.5	48.2	102	125
Брянская	39	44.4	48.5	114	124

Таблица № 5

ЧИСЛЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ СЕЛЬСКИХ
ЖЕНЩИН В НЕКОТОРЫХ ОБЛАСТЯХ

Область	Возраст			Отношение в %	
	20-24 1934-38	25-29 1929-33	30-34 1924-28	II:I	III:I
Краснодарск.	103	74	111	72	108
Ставропольск.	62	50	63	80	100
Ростовская	62	52	68	83	109
Волгоградская	34	30	38	88	111
Саратовская	40	34	45	84	111
Пензенская	37	36	46	97	122
Мордов. АССР	19	17	19	—	100
Татарск. АССР	70	68	72	97	103
Куйбышевская	33	32	38	96	117
Ульяновская	28	28	32	100	113
Астраханская	15	14,8	15,2	99	101
Горьковская	75	73	78	91	104
Рязанская	37	36	42	96	114
Оренбургская	44	39	47	89	106
Челябинская	32	29	34	92	106
Омская	43	41	44	95	102
Амурская	13	11	11,5	85	89

Таблица № 6

ЧИСЛЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ ГОРОДСКИХ
ЖЕНЩИН ПО РЕГИОНАМ

Регион	Возраст			Отношение в %	
	20-24	25-29	30-34	II:I	III:I
Северо-Запад	413	393	433	95	106
Центр. район	793	752	874	95	110
Волго-Вятск.	176	159	177	90	101
Центр.-Черноз.	126	108	129	86	102
Поволжье	343	283	342	83	100
Сев. Кавказ	270	201	270	74	100
Уральский р-н	610	530	583	87	96
Зап. Сибирск.	313	267	300	85	96
Вост. Сибирск.	213	181	189	85	89
Дальневост.	159	146	165	92	104
Казахстан	233	175	208	75	89
Украина	1109	856	1091	77	98
Белоруссия	157	141	149	90	95
Прибалтика	182	185	200	102	110
Молдавия	35	30	35	86	100
Кавказ и Ср. Азия	499	432	455	87	91
СССР	5597	4811	5568	86	99

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1918—1953 ГОДАХ

”Люди — основное богатство нашей страны”.¹
Справочник “Население СССР”, М., 1974.

”Уж сколько их упало в эту бездну?”

Сколько? Вопрос этот все более современен. С болью и гневом звучит он со страниц ”Архипелага”. Мы еще не то поколение, которое не сможет жить, пока не вспомнит поименно каждого невинно замученного. Без этого, однако, не стать нам ни народом, ни нацией, ибо память — первый шаг из небытия, от непомнящего Ивана к уважению человеческой личности, к самоуважению. Но не пришло еще время составления ”синодика опальных”. Даже суммарные оценки: ”Сколько всего, на круг?” — расходятся на десятки миллионов².

Цель нашей работы — расчет минимального размера потерь советского населения³. Под потерями понимаем умерших преждевременно, раньше своего часа. Они включают и убитых на фронтах, и замученных в застенках, и погибших от голода, эпидемий, недостаточной медицинской помощи и т. д. Потери в этом смысле — не сокращение населения, не число репрессированных, а повышенная смертность, рассматриваемая как разница между убылью населения и теоретической нормой — ”естественной смертностью”. Уровень ”естественной смертности” восстанавливается расчетом, мы прослеживаем изменение численности каждого поколения мужчин и женщин, а тем самым и населения всей страны⁴. Возникающая картина отражает естественное движение населения (без учета рождае-

мости) и в тех случаях, когда фактическая численность населения по переписи заметно меньше рассчитанной, можно говорить о потерях.

Методика, использованная в работе, не нова. Такой подход нередко применялся для прогнозов численности населения^{5 6}. На важность этих прогнозов для исторических исследований указал Ю. А. Корчак-Чепурковский:

”Исчисления М. В. Птухи, С. А. Новосельского и В. В. Павевского, принимая во внимание высокую технико-методическую сторону их выполнения, представляют и теперь большой интерес для исследователя историка-демографа, который пытался бы проследить демографические последствия событий, помешавших нормальному развитию населения нашей страны”⁷.

Расчет проведен для трех периодов: 1926–1938 гг., 1928–1918 годы (обратным ходом), 1939–1958 гг.⁸ Их временные границы продиктованы датами переписей. Численность населения в одногодичной группировке принималась по материалам переписи 1926 года с учетом корректировки, проведенной Новосельским и Павевским^{8 9}. Этими же авторами составлены таблицы смертности, использованные в расчете. Коэффициенты таблиц принимались без изменений для периода 1927–1938 гг., а для остальных расчетных интервалов пропорционально увеличивались или уменьшались: 1897–1922 гг. — в 1,5 раза; 1923–1926 гг. — в 1,2 раза; 1939–1949 гг. — на 0,9. Множители к коэффициентам подбирались на основе имеющихся данных об уровнях смертности за эти годы (табл. 1). В соответствии с поставленной задачей (поиск минимума) расчетные значения принимались более высокими, чем коэффициенты смертности населения, опубликованные ЦСУ. Следует указать на постоянное снижение уровня смертности в стране¹⁰ (таб.1), что также неизбежно должно приводить к завышению в расчете убыли населения по сравнению с фактическими данными. Такая картина и наблюдается в относительно мирные периоды нашей истории. В 1897–1913 гг. сокращение населения по расчету было на 1,4 млн. выше известного, а 1923–1926 гг. на 0,45 млн., в 1927–1931 гг. на 0,9 млн. и в 1950–1958 гг. на 2,9 млн. (табл. 4, 9, 11). На фоне этой мирной тенденции огромная нехватка фактической численности населения по сравнению с расчетной в 1914–1917 гг., 1918–1922 гг., 1932–1938 гг., 1939–1949 гг. (в 1.7; 14.3; 5.5;

24.5 миллиона человек соответственно) бесспорно может рассматриваться как потери населения. Важно здесь и чередование во времени мирных и катастрофических периодов, так что для их расчета использовались, как правило, одни и те же коэффициенты смертности. Показательно и то, что молодые поколения, мало затронутые "мероприятиями", и в годы потерь сохраняют "мирную" тенденцию (табл. 10, 11).

Характеристика используемых материалов

"Мы считаем, что ЦСУ должно давать объективные данные, свободные от какого-либо предвзятого мнения, ибо попытка подогнать цифры под то или другое предвзятое мнение есть преступление уголовного характера".

Сталин, XIV съезд.

Традиция требует, чтобы автор с некоторым пренебрежением отозвался о работах своих предшественников. И вряд ли кому-нибудь представлялся более удобный случай. Среди многих тысяч демографических публикаций последних лет лишь работы Б. Ц. Урланиса посвящены рассматриваемому вопросу. А что спрашивать с Бориса Цезаревича, когда он сам признается, что его вычисления predeterminedены очередным постановлением партии¹⁶. Правда, следует отметить, заметную эволюцию представлений Б. Ц. Урланиса. В 1960 г. он писал:

"Если же рассматривать потери в гражданских войнах в отношении к численности населения, то тогда из войн последних столетий на первом месте окажется национальная революционная война в Испании 1936—1939 гг. (1,8%), затем гражданская война в США (1,6%), Вандейская война (1%), на четвертом месте — гражданская война в СССР"¹⁶.

Через девять лет он уже отмечает:

"Таким образом за три года, т. е. за 1918—1920 гг., численность населения в результате перевеса числа умерших над числом родившихся сократилась примерно на 4%, а с учетом миграционных потерь убыль населения в эти годы составила 6%"¹⁷.

Впрочем, с гражданской войны уже, по-видимому, снято табу. Например, авторы справочника "Население СССР", М., 1974 г. (весьма представительный коллектив во главе с А. Я. Боярским) во введении указывают:

"Большой урон населению страны нанесла первая мировая война (1914—1918 гг.). Только число погибших на фронтах войны составило около 2 млн. человек. Крупными людскими потерями сопровождалась гражданская война и борьба с иностранной интервенцией. Люди гибли не только на полях сражений, но и от голода и эпидемий. Резко упала рождаемость. За девять лет (1914—1923 гг.) население страны (в границах до 17 сентября 1939 г.) в целом сократилось более чем на 23,1 млн. человек".

Поразительная цифра! 23 млн.! (Обычно ЦСУ указывало 7 млн. — 143,5 млн. численность в 1917 г. и 136,8 млн. в 1920 г.) Что это? Неожиданное признание, открытие, опечатка? Сложнее. Это вывод из опечатки. В приложении справочника дается численность населения в 1913 г. — 159,2 млн., но не указывается, что это — оценка в современных границах. Автор статьи вычел из этой цифры численность населения 1923 г. — 136,1 млн. (в границах до 17 сентября 1939 г.) и получил свои 23,1 млн. Удивительна здесь не ошибка (с кем не бывает...) и даже не путаница демографа в границах своей родины (мудрено ли при такой подвижности!..). Поразительно, что с политической стороны это никого не взволновало: ни цензуру, ни редактора, ни самого автора. Получилось в результате арифметической операции 23 — и пускай, ведь и правда потери были немаленькие. А вот попробуй он эдак посчитать потери Великой Отечественной войны. Не попробует, да и редактор не пропустит. "Сказано — 20!" И ни 21, ни 20,5, ни даже 20,1 млн. не могут пока появиться в советской печати. Но и тут, кажется, намечается сдвиг. В справочнике 1975 г.¹⁸ появились коэффициенты рождаемости за 1946—1949 гг., пусть с небольшим опозданием, но все же знаменательный шаг во вполне определенном направлении.

Данные о численности населения в те или иные годы принимаются нами по современным публикациям ЦСУ¹⁹. Казалось бы, точнее воспользоваться непосредственными оценками переписей, но это довольно трудно из-за постоянного расширения границ нашей родины. Факт сам по себе необычный для двадцатого века, хотя в историческом плане традиционный²⁰.

Оценка ЦСУ численности населения в 1918 г. близка к цифре Волкова²¹, который исходил из результатов переписей 1916, 1917 гг. Эти переписи, очевидно, менее точны, чем перепись 1926 г. Они проводились летом, иностранные военнопленные в одних губерниях учитывались, в других исключались; мобилизованные в армию учитывались по опросу: определенную путаницу вносили беженцы и выселенцы из западных областей. Поэтому весьма возможен некоторый (1–2 млн.) недоучет населения в 1918 г. по сравнению с 1926 г. На возможный размер недоучета указывает тот факт, что предварительные результаты переписи 1926 г. были почти на миллион меньше окончательных. Следует также иметь в виду, что завышение численности населения в 1918 г. приводит к преувеличенной оценке потерь 1918–1920 гг., в чем вряд ли заинтересованы статистики ЦСУ. В расчете мы, вслед за Е. З. Волковым, предполагаем, что сальдо миграции было отрицательным примерно на 3,5 млн. человек. Однако не исключено, что эти миграционные процессы или их часть уже учтены в оценках численности населения, приводимых ЦСУ. Таким образом, возможное занижение численности населения в 1918 г. по отношению к 1926 г. и неверный учет миграции могут привести к преуменьшению потерь на 1–4 млн. человек в 1918–1926 гг. Административная оценка численности населения в 1931 г. также, по-видимому, менее точна, чем перепись 1926 г. Она проводилась летом в условиях, когда огромные массы сельского населения металась по стране и вряд ли поддавались строгому учету. Можно сказать, что оценка численности населения административным путем была и в более спокойное время (1960–1969 гг.) заниженной. Достаточно сравнить справочники "Народное хозяйство СССР" за 1968 и 1969 гг., чтобы убедиться, что оценки после проведения переписи 1970 г. увеличились на 100–600 тыс. человек.

Переписи оценивают численность населения точнее, чем административный учет, но и они содержат ошибки. Прямых сведений по этому вопросу ЦСУ не приводит, но известно²³, что в 1959 г. контрольные мероприятия (бланк и обход) добавили к первоначальному учету 1074 тыс. человек (0,51% общей численности). Так как при переписи 1926 г., в отличие от переписи 1939 г., не было контрольных мероприятий такого порядка, она, возможно, недоучла население на 0,5% (0,7 млн. человек). (По-видимому, не больше, так как подвижность населения в 1926 г. была меньше, чем в

1959 г.) Возможно, перепись 1939 г. ушла население "сверхточно". Ведь статистикам от имени ЦК ВКП(б) и СНК было предписано: "Провести перепись без единого пропуска, без ошибок". А судьба вредителей, заниживших численность населения при переписи 1937 г.,²² была еще слишком хорошо памятна. В одном "молодые кадры", заменившие "врагов народа", явно перестарались: численности постоянного и наличного населения разошлись всего на 0,06% (меньше 100 тысяч), т. е. заведомо меньше точности проведения переписи. Спрашивается, следовало ли вводить новые методы учета? (Кстати, в 1959 г. эта разница составила 0,4%.) Но "кадры" так и не поняли, что сами себя высекли, и по сегодня гордятся "научным, методологическим и организационным вкладом"²⁵. Перепись 1939 г. не опубликована до сих пор. Появившиеся после 1959 г. отрывочные данные, во-первых, включают жителей западных территорий, во-вторых, не дают сведений о половозрастном составе. Но несмотря на это, можно считать, что численность населения переписью 1939 г. учтена намного более полно, чем переписью 1926 г., а, возможно, и преувеличена на несколько миллионов. Естественно, что в этом случае оценка потерь является также заниженной.

Численность и структура населения в 1939 г., используемая для расчета в период 1939—1958 гг., берется по публикации переписи 1959 г. в 1962 г.²⁶ Сама дата публикации позволяет надеяться, что материалы умышленно не сфальсифицированы. Очевидно, при подготовке публикации работники ЦСУ учитывали необходимость совместного рассмотрения результатов 1939 и 1959 гг. По-видимому, с этим связано уменьшение численности населения присоединенных территорий на 3 млн. Национальный состав населения в 1939 г. (табл. 5) подтверждает это предположение. Известно, что на присоединенных землях проживало свыше 3-х млн. поляков (численность в 1939 г. выше, чем в 1926-м только на 1 млн.), что после войны из СССР выехало свыше 2 млн. поляков (сокращение в 1959 г. только на 350 тыс.). Не отражает таблица и миграции (присоединения, а затем выезда) 400 тыс. немцев. Молчание ЦСУ по поводу послевоенных миграций приводит к мысли, что они уже приняты во внимание. Однако, если это предположение неверно и оценка численности населения в 1939 г. не исключает будущих эмигрантов, то потери населения в период 1939—1959 гг. преувеличены на число покинувших страну в те годы (2—3 млн. человек).

Погрешности возрастной группировки в переписях также приводят к ошибкам. Это особенно существенно для переписи 1939 г., данные которой были разбиты на пятилетние интервалы. Для того, чтобы учесть возможные ошибки, вносятся коррективы. Оценки, полученные различными методами коррекции, показали, что разница между ними невелика (100,000 – 200,000).

Более опасны ошибки в таблицах смертности. Они могут вести как к завышению, так и к занижению потерь. Так, неполный учет населения переписью 1926 г., о котором говорилось выше, приводит к увеличению коэффициентов смертности. Подобный эффект вызывается тем, что таблицы смертности даны только для Европейской части страны. Восточные республики, не включенные в таблицы 1926 г., отличались и более высоким коэффициентом детской смертности, а кроме того, видимо, большей выживаемостью людей средних и пожилых возрастов. В 1940 г. так же, как и в 1950 и в 1959 гг., коэффициенты смертности в большинстве этих республик были ниже, чем в РСФСР. Однако при используемом методе высокая детская смертность мало влияет на результаты.

Погрешности в учете смертей при составлении таблиц ведут к занижению коэффициентов смертности. О плохой и далеко неточной регистрации смертей говорит, в частности, такой факт: в сельской местности с населением в 500 тыс. человек незарегистрированные похороны составляли по сообщениям селькоров около 2,5%²⁸. Правда, особенно значительным был недоучет смертности новорожденных, что для нашего расчета несущественно. Поэтому, а также принимая во внимание более точную регистрацию смертей в городах, будем считать, что возможная ошибка занижения коэффициентов равна 2%.

Некоторая погрешность возникает и в результате округления численности населения (до тысяч) и коэффициентов смертности (в четвертом знаке). Оценивая ее статистически, получаем на самом большом временном интервале (11 лет) ошибку около 80 тыс.

Подведем итоги. Возможные ошибки занижения потерь складываются из неточного определения численности и миграции населения (2–6 млн.) и преувеличенного уровня "естественной смертности" (4,4 млн. только в мирный период). К завышению потерь приводят: неточность возрастной группировки, неполнота таблиц, погрешности расчета, неверный учет миграций в 1939–1949 гг. Эти ошибки составляют для 1918–1922 гг. и для 1931–1938 гг. при-

мерно по 300 тысяч, а для 1939–1949 гг. — 0,7–2 млн. человек. Таким образом, мы, возможно, преувеличиваем потери (на 2–3 млн.) или преуменьшаем их (на 5–11 млн.).

Потери населения в 1918–1926 гг.

Гражданская война

"Потоки крови — говорят нам. Разберемся и в этой стороне вопроса. Никакие потоки крови во внутренней гражданской войне не сравнятся с морями крови, которые русские империалисты пролили (на фронте) после 19 июня".

*Ленин. "Русская революция и гражданская война".
сентябрь 1917 г.*

Россия. Все более далекая, все более мифическая Гиперборея. Как они жили! В тишине, с высокими потолками, чистым воздухом, реками, не загрязненными отходами предприятий... Как ели! Убоину, а не свежемороженное, консервантов не знали, да и вообще, что говорить, — читайте художественную литературу.

Как могли они жить? Без самолетов, автомобилей, электричества, асфальта, радио, холодильников, лекарств, а главное, переходя, наконец, к нашей теме, без различных способов ограничения рождаемости. Ну и детей же было у них! 4, 5, 6, 10 на семью. И мерли же эти дети: каждый четвертый не доживал до года, лишь один из двух добирался до пяти. Не то, что теперь: до пяти лет умирает лишь один из 20 родившихся. Правда, и детей не то, что прежде: по стране меньше двух на семью⁴², по Москве — один. Это явление — снижение рождаемости в три раза, а детской смертности в 10 раз — едва ли не самый важный и не только демографический, но и психологический результат нашего века. Правда, и до 1917 г. он был предсказуем. Он подходил, подступал, как и многое, неизбежно, но не реализовавшееся в России, а осуществившееся после. Неизбежность была воплощена в Европе, поспевавшей, как всегда, на 10, 15, 50 лет впереди.

Но вернемся к движению населения в России. Русско-японская война "обограла" в 46 тыс. человек;⁴³ холера 1910 г. — унесла 300 тыс.⁴⁴; погромы, если верить Зингеру⁴⁵, — 100 тыс. убитых

(возможно, эта цифра включает в себя и погромы гражданской войны); эмиграция за 30 лет (1880—1910) составила около 2-х млн.⁴⁶; война 1914—1917 гг. унесла 1660 тыс. жизней (таблица 2). Важно отметить, что потеря от голода, эпидемий, геноцида, столь характерных для всей последующей эпохи, та война еще не знала. Напротив,

”Среди сельского населения в среднем для всех губерний, из которых имелись сведения, число умерших за годы войны даже понизилось... Из приведенных данных видно, что детские инфекции среди гражданского населения, как и прочие заразные заболевания, в течение первых лет войны несколько снизились. То же понижение среди гражданского населения отмечается и в распространении социальных болезней — туберкулеза, венеризма, алкоголизма”⁴⁷.

Россия подошла к войне с населением 165,7 млн. (139,3 млн. в гр. до 17 сентября 1939 г.) Война втянула свыше 15 млн. мужчин, более 5 млн. из них были ранены⁴⁸, сотни тысяч искалечены. Более 3 млн. человек оказалось в плену и не менее 5 млн. беженцев из западных областей и иностранных военнопленных рассеялись по стране. Все эти миллионы и миллионы (табл. 2) и послужили горючим материалом гражданской войны.

Дальнейшие демографические события в общем виде отражены в таблице 2. Возвращаются в страну пленные, расходятся по домам солдаты, возрастает, хотя и не до довоенного уровня, рождаемость, Уезжают из страны жители западных областей, иностранные военнопленные и миллионы коренных жителей (2 млн. нансеновских паспортов было выдано Лигой Наций)⁴⁹. Резко возрастает смертность. Миллионы людей уносит ”испанка”, тиф (табл. 3), а затем и голод. Численность населения в стране сокращается к 1923 г. почти на 8 млн. человек. Возрастает смертность от всех болезней. Только от туберкулеза в 1920 г. умерло 500 тыс. человек (3,96%)⁵⁰. Причем очевидно, что медицинская статистика тех лет неполна. Вновь возникают армии (в 1920 г. 3,5 млн. красноармейцев и около 1 млн. белых и банд⁴⁹). Потери от боевых действий составляют по расчетам Урланиса 800 тыс. человек⁵¹.

Общая оценка потерь за этот период приводится в таблице 4. Из таблицы видно, что в 1913—1917 гг. они равны 1700 тыс., что очень хорошо согласуется с имеющимися данными (табл. 2); в 1918—1920 гг. составляют 10.180 тыс., а в 1920—1922 гг. — 3630 тысяч.

Всего, следовательно, за период гражданской войны страна потеряла 13,8 млн. В литературе встречаются как более низкие, так и более высокие цифры. Боярский, а за ним и Урланис^{52, 53} пишут о сокращении населения на 10 млн. человек. Академик Струмилин говорит о 26 млн.! (в 1914—1922 гг.), в том числе — 5 млн. от голода в 1921 г.⁵⁴ Эта цифра представляется сильно завышенной, в результате того, что автор не принял во внимание снижение рождаемости в 1914—1922 гг. и использовал в расчете довоенные коэффициенты. [К сожалению, последнее специальное исследование историков из МГУ во главе с Ю. А. Поляковым, подытоженное в монографии "Советская страна после окончания гражданской войны: территория, население", Москва, 1986 г., не дало серьезных результатов. Расчет авторами численности населения в 1917 г. преувеличен и не подтверждается сведениями о естественном приросте населения и миграции начала века, поэтому Ю. А. Поляков просто игнорирует классические исчисления ЦСУ, опубликованные Р. И. Сифман ("Динамика численности населения России за 1897—1914 гг." Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.) Не учитывают авторы и известных оценок коэффициентов смертности, сделанных Боярским, неубедительны и расчеты Полякова убыли населения в 1920—22 гг. Они противоречат данным о национальном составе населения и численности жителей на отдельных территориях в 1920 и 1926 гг. Сомнительно выглядит их рассуждение о потерях в гражданской войне.

Число погибших красноармейцев Поляков принимает в размере 1.212824 чел. по таблице 10 справочника 1925 г., где эта цифра соответствует боевым и санитарным потерям. В отличие от Урланиса, автор считает, что сюда не входят раненые и выздоровевшие больные, а речь идет лишь об убитых и умерших. Доказывает это он довольно примитивным рассуждением: "Логично допустить, что и в том и в другом случае речь идет о летальных исходах, ведь говорится о санитарных потерях, а не о числе заболевших".

Однако в справочнике 1925 г., на который ссылается автор, к словам "санитарные потери" в скобках сделано уточнение "эвакуацион.". Очевидно, что речь идет об эвакуации заболевших красноармейцев в тыл, а не на кладбище. Не случайно в приложении к книге, авторы приводят почти все таблицы военной статистики полюбившегося им справочника 1925 г., кроме таблицы 10, на которую они ссылаются чаще всего.

Следует также указать, что если 1,2 млн. красноармейцев убитых и умерших от болезней, то с учетом раненых, выздоровевших после болезни и оставшихся в строю, число бойцов Красной армии превысит 10 млн. человек, что намного выше известной статистики мобилизаций. Пояснение 1988 г.]

Потери мужчин не намного превышают потери женщин, что косвенно указывает на большую роль голода и болезней. Так, разница по расчету составила 4,1 млн. человек. Если принять во внимание, что и до войны число мужчин было несколько меньше (примерно на 700 тыс. в границах до 17 сентября 1939 г.), и погибло на войне 1,4 млн. (без умерших от болезней), то на долю гражданской войны приходится повышенная убыль мужчин в 2 млн. Нередко разницу между убылью мужчин и женщин оценивают более высоко. Так, в бюллетене ЦСУ № 55 1921 г. говорится о 10 млн., Струмилин⁵⁴ указывает 6,7 млн. Вероятно, такое завышение возникло из-за того, что перепись 1920 г. не охватывала Бухару, Хиву и Дальневосточную республику — районы с заметным преобладанием мужчин.

Из найденной оценки потерь следует вычесть эмиграцию, которую мы вслед за Волковым (см. табл. 1) принимаем в размере 3,5 млн. Таким образом, на долю собственно потерь остается 10,3 млн. человек. Как уже отмечалось, эта оценка может быть завышенной на 0,4 млн. (за счет погрешностей таблиц и расчета) и заниженной на 1—4 млн. (в результате неверного учета численности населения и миграции).

Потери 1926—1938 гг. Коллективизация. Репрессии

После переписи 1926 г., данные о рождаемости, смертности, численности населения публиковались ежегодно до 1932 г. Затем наступило многозначительное молчание, которое по точному наблюдению Орвелла, одно только и отмечает важные исторические

события в некоторых странах. До некоторой степени это молчание нарушалось восторженными западными посетителями:

”...те колхозы, которые намеренно не засеяли и не обрабатывали полей, не получали помощи, когда оказывались без хлеба — чтобы не поощрять неподчинения, а в наиболее серьезных случаях целые деревни были избавлены от голода тем, что срочно увозились из родных мест...”⁵⁹

Ведь:

”...у советского правительства не было работных домов и не было времени их строить. Ему оставалось принудительно отправлять голодающих из деревень, где их присутствие действовало деморализующе, в отдаленные местности... В других случаях крестьяне потихоньку потрошили созревающую пшеницу, то есть выщелущивали зерно или даже срезали колосья и откладывали в индивидуальный запас то, что было бесстыдно похищено из общественной собственности с полей”.⁶⁰

Не правда ли, трудно не согласиться с супругами Вебб, цитаты из книги которых мы привели? Новая цивилизация, не только по сравнению с Россией, но и с иными временами. Голод был впервые в мировой истории искусственно организован в таком масштабе; доносчики, как во времена Римской империи и святой инквизиции, получали часть имущества высылаемых; кулаки и буржуазия были уничтожены “как класс”, а 111 млн. единоличников были коллективизированы.

Раскулачивание и выселения отражались на размещении населения убылью в одних районах, увеличением в других (табл. 5). Рост численности населения Украины в 1927—1932 гг. (на 2 млн.) сменяется заметным сокращением в 1933—1938 гг. (на 1 млн.).

Резко меняется численность населения Казахстана (одного из основных мест высылки). То увеличивается (за полгода почти на 500 тыс.), то стремительно сокращается (табл. 5). Вероятно, не случайно в Казахстане еще в 1940 г. была самая высокая в стране смертность. По-видимому, она равно затрагивала и вновь прибывших и местное кочевое население, с трудом приспособившееся к “новой цивилизации”. Судьбу казахов разделяют и другие народы того района. Упала численность уйгуров (108 тыс. в 1926 г. и 95 тыс. в 1959 г.), алтайцев (50 и 45 тыс.), якутов (241 и 237 тыс.), тунгусов (39 и 25 тыс.), народов Севера в целом (140 и 129 тыс.).

Почти не изменилась численность калмыков (133 тыс. в 1926 г. и 134 тыс. в 1939 г.) и бурят (238 тыс. в 1926 г. и 253 тыс. в 1939 г.).

В 1933—1934 гг. происходит уменьшение населения всей страны. Конквест приводит сведения ОГПУ, посылавшиеся Сталину, в которых гибель от голода оценивается в 3,3—3,5 млн. Иностранцы корреспонденты в Москве считали, что погибло около 5 млн.⁶² Урланис⁶³ предполагает, что численность населения в конце 1933 г. равнялась 158 млн., т. е. сокращение за год превысило 7,5 млн. человек (табл. 1). Даже наиболее обеспеченная в те годы группа населения, рабочие и служащие, уменьшилась в 1933 г. (табл. 1).

Голод 1933—1934 гг. сопровождался массовой гибелью детей, особенно новорожденных. Если лиц 1929—1931 гг. рождения в переписи 1970 г. учтено около 12,4 млн., то 1932—1934 гг. — всего 8,4 млн. Это падение численности не может рассматриваться как сознательное регулирование рождаемости. Голод был слишком неожиданным явлением, да и не знала русская деревня тех лет практически никаких способов ограничения рождаемости^{66 67}. Вероятно, не меньше 3-х млн. детей 1932—1934 гг. рождения погибло голодной смертью.

Характерная черта эпохи — внешнее благополучие. Катастрофическое падение численности населения игнорировалось. Плановики,⁶⁴ иностранные гости, партийные руководители постоянно похвалялись темпами роста населения.

”Рост населения Советского Союза со 160 млн. человек в конце 1930 года до 168 млн. — в конце 1933 года”, — отметил товарищ Сталин в январе 1934 г. на XVII съезде, завывсив при этом численность на 8—10 млн. Его знаменитое: ”Жить стало лучше...”, тоже ведь посвящено высокому приросту.

”Жить стало лучше, веселее (это говорится колхозникам, потерявшим только что близких, лишившимся земли и скота — М.), но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертность стала меньше, рождаемость больше, и чистого прироста получается несравненно больше... сейчас у нас чистого прироста получается около трех миллионов душ”.

(Речь на совещании комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК и правительства в 1935 году.)

Что же это, неведение или умышленная фальсификация?⁶⁵

Потери населения показали и выборы в декабре 1934 г. Было зарегистрировано 91 млн. избирателей.

”Лишены избирательных прав из всего взрослого населения страны были 2,5%, что составляет немногим более 2 млн. человек”.

(Молотов на VII Всесоюзном съезде Советов.
”Основные итоги работы правительства”, отчет ЦК)

По переписи 1926 г. численность лиц старше 10 лет была 109,4 млн., а в 1931 г. эта группа составила 103 млн. При такой же, как в 1927–1931 гг., смертности лиц старше 18 лет в конце 1934 г. должно было быть 99 млн., то есть убыль (нехватка) избирателей достигла 6 млн. чел.⁷⁰ Эта цифра довольно приблизительно, но все же указывает, что основные потери периода 1926–1938 гг. приходится на первую половину.

В 1935–1938 гг. быстро развивается Архипелаг.

”Вы знаете, что хозяйственные вопросы Дальнего Востока выдвинулись у нас далеко вперед, — говорил Молотов на XVIII съезде ВКП(б). — В связи с этим большое значение приобрели задачи организации переселения на Дальний Восток”.

Задачи решались. На Сибирь и Дальний Восток приходится 25% прироста населения между переписями 1926 и 1939 гг. Рекорд принадлежит Магаданской области — рост в 8,4 раза.⁶⁹ Прибывшие в Магадан поселились в основном в сельской местности (120 из 150 тысяч), они отличились удивительно низкой рождаемостью (10,9%) и еще более низкой смертностью (8%). Последнее, впрочем, по-видимому, является некоторой специфической особенностью учета. (Распространено мнение, что перепись 1939 г. учла в Магадане не заключенных, а лишь вохровцев и членов их семей.) Влиянием Архипелага определялся и быстрый рост населения городов-новостроек и резкое уменьшение численности населения этих же городов (табл. 8). Сокращение некоторых старых уральских и сибирских городов, возможно, объясняется тем, что их прирост не поспевал за темпом репрессий (табл. 8). Ориентировочное исчисление жителей Архипелага можно провести по результатам выборов 1937 г. Число избирателей 94 млн., на 3,5 млн. меньше числа достигших 18 лет (вычислено по переписи 1939 г.). Возможно, что и часть непроголосовавших (их было 3 млн.) сделали это не по своей вине⁷¹.

Официальная статистика не отмечает каких-либо потерь в этот период. Почти не указывает. Некоторым малозаметным штрихом является превышение смертности в 1937 г. над 1935 и 1938–1939 годами (табл. 1). Возможно, что очень высокие коэффициенты смертности в ряде отдаленных районов страны отчасти связаны с деятельностью Архипелага. Например, в Коми АССР в 1940, 1950 и 1960 гг. коэффициент составлял соответственно 37,1; 14,4 и 6,0, а в целом по РСФСР – 20,6; 10,1 и 7,4.⁷²

Расчет естественного движения населения сопоставлялся с данными переписей 1931 и 1939 гг. (табл. 9, 10). Если в 1931 г. фактическое население было выше расчетного на 900 тыс., то к 1939 г. нехватка лиц старше 15 лет достигла 6,9 млн. Таким образом, потери этой группы населения (с учетом поправки по переписи 1931 г. в 0,645 млн. – табл. 9) составляют 7,5 млн. (5 млн. мужчин и 2,5 млн. женщин). Эта цифра не включает миллионов умерших от голода детей (см. выше). Как уже отмечалось, возможная ошибка занижения потерь 1–3 млн. (из-за неточного учета населения переписями 1926 и 1939 гг.), а завышение потерь, вероятно, не превышает 300 тыс. Выборы 1934 г. позволяют предположить, что 4/5 этих потерь приходится на 1932–1934 гг. и 1,5 млн. – на более поздний период.

[После публикации статьи с этими расчетами, цифра 7,5 млн. была подвергнута критике как преувеличивающая потери. Я также пришел к выводу, что поправка, учитывающая административный учет 1931 г., неверна, так как сам учет менее точен, чем переписи 1926 и 1939 гг. Неверно и исключение из рассмотрения поколения 12–15 лет, так как такой подход предполагает достоверное распределение по возрастным группам, что не очевидно. Более точный расчет приведен в главе "Потери населения СССР 1930–1938 гг.". – Пояснение 1988 г.]

Потери 1939–1958 гг.

"Цифры не управляют человечеством, они только показывают, как человечество управляется".

Гете

В 1939 г. в современных границах страны проживало примерно 193,5 млн. человек, из них переписью 1959 г. учтены 130,7 млн.

Убыль 63 млн. сопровождали громадные демографические изменения: присоединение населения; фронтовые потери; уничтожение фашистами евреев, коммунистов и партизан; гибель ленинградцев от голода; повышенная смертность в результате ухудшения условий жизни; вывоз жителей в Германию (возвращение и невозвращение оттуда); потери в лагерях; сталинские репрессии против отдельных народов, против жителей оккупированных территорий, против военнопленных; обмен населением с Польшей, Чехословакией, Германией и др. странами; иммиграция армян; падение рождаемости; и, наконец, как следствие множества этих и других причин, — снижение смертности в два (!) раза (табл. 1).

Расчет доказывает, что повышенная убыль населения за этот период составила 24,5 млн. (18,7 млн. мужчин и 5,8 млн. женщин) (табл. 11). Эта цифра занижена по крайней мере на 2,9 млн., так как в расчете "естественная" убыль населения равнялась 14,4 млн., в то время как по данным ЦСУ численность за 1949—1958 гг. уменьшились на 11,5 млн.⁷⁴

Разделение потерь по отдельным видам практически не представляется возможным, но все же в порядке постановки задачи рассмотрим некоторые вопросы.

Потери миграции

"После вхождения в состав СССР в 1939—1940 гг. западных областей Украинской и Белорусской ССР, Бессарабии, Северной Буковины и Прибалтийских государств: Латвии, Эстонии, Литвы — население СССР увеличилось почти на 23 млн. человек".⁷⁶

Эта оценка была общепринятой в советской учебной и пропагандистской литературе, пока после переписи 1959 г. не стали говорить о 20 млн. присоединенного населения, видимо, исключая из числа жителей 1939 г. выехавших из страны. В перечне БСЭ не упомянуты Тува (86 тыс.), Закарпатская Украина (0,7 млн.)⁷⁷ и некоторые другие территории, доставшиеся нам (в порядке восстановления исторической справедливости на исконном и законном основании и для пущей безопасности страны) без населения. Трагическая судьба изгнанников⁷⁵ финнов (424 тыс.), кенигсбергских немцев (1157 тыс.), японцев и айнов (296 тыс.)⁷⁸ — составляет отдельную страницу в истории не только нашего, но и соседних народов. Не

рассматриваем мы и судьбы миллионов немецких военнопленных.

Не все жители присоединенных земель мечтали воссоединиться, и многие воспользовались первой же возможностью, чтобы покинуть новую родину. Еще в 1940 г., по соглашению между Гитлером и советскими руководителями, выехали 392 тыс. немцев, проживавших прежде в Прибалтике, Бессарабии и Западной Украине.⁷⁹ 115 тыс. польских военнослужащих и членов их семей покинули СССР в 1943 г. В 1945–1946 гг. выехали еще 1526 тыс. поляков, а всего в 1950 г. в Польшу насчитывалось 2136 тыс. выходцев из земель, перешедших к СССР.⁷⁹ Нередко Польша использовалась в те годы прибалтийскими евреями для транзита в Израиль (примерно 10–30 тыс.). Кроме поляков после войны выехали из страны румыны, чехи, венгры, немцы (жители СССР) – всего около 400 тыс. человек.⁸⁰

Еще во время войны миллионы советских граждан оказались в Германии: были вывезены, уехали, попали в плен. Число угнанного гражданского населения составило, по-видимому, около 3 млн. человек (2,3 млн. украинцев,⁸¹ 338 тыс. жителей Белоруссии,⁸² сотни тысяч из областей РСФСР и Прибалтики). Извлечение с Запада этих лиц и миллионов советских военнопленных составило особую заботу советского правительства. К 1 сентября 1945 г. властями союзников было передано 2229 тыс. человек, за что генерал-полковник Голиков и выразил им благодарность:

”Необходимо с признательностью отметить большую помощь наших союзников...”⁸³

Всего к 1 января 1953 г. на родину возвратились (с помощью специально созданных бюро репатриации) 5458 тыс. человек.⁸⁴ Некоторым удалось не вернуться. Известно,⁸⁵ что в 1947–1951 гг. международные организации по делам беженцев расселили 141 тыс. прибалтийцев и 128 тыс. русских и украинцев. Близкие цифры называл Вышинский в марте 1947 г.:

”В докладе Контрольного совета указывается, что в настоящее время в западных зонах Германии насчитывается 827 тыс. перемещенных лиц, в том числе граждан СССР – 221.535”.⁸⁶

Эти цифры беженцев и невозвращенцев, вероятно, не полны, так как многим удалось скрыться от бдительного ока агентов репатриации.

После войны наблюдалось и обратное движение – в страну.

Польша передала 250 тыс. украинцев (видимо, чтобы в будущем избежать воссоединений), 30 тыс. человек приехало из Чехословакии, 15 тыс. — из Югославии.⁸⁷ Вернулось несколько десятков тысяч белоэмигрантов (только в Маньчжурии их проживало в 1940 г. 69 тыс.), приехала довольно значительная группа армян (120 тыс.). В общем страна, по-видимому, потеряла 2,5–3 млн. человек. (Раковский⁸⁷ оценивает убыль в 1,7 млн. человек без беженцев и невозвращенцев, а только как результат обмена со странами Восточной Европы.)

Как уже отмечалось выше, эти миграционные процессы весьма вероятно уже учтены ЦСУ в балансе населения 1939–1959 гг., и не входят в нашу оценку потерь.

Потери гражданского населения

Повышенную смертность населения от голода и ухудшения медицинских условий можно оценить по потерям детей и стариков. Из таблицы 11, видно, что потери группы младше 10 лет в 1939 г. составляли 566 тыс.; женщин старше 30 лет в 1939 г. убыло на 1,3 млн. больше, а мужчин старше 50 лет — на 745 тыс. больше, чем должно было бы при естественном движении населения. Все вместе эти поколения, составлявшие в 1939 г. половину населения страны, потеряли 2,6 млн. Если учесть, что некоторая часть потерь приходится и на послевоенные годы, а часть убыли вызвана другими причинами, можно считать, что 5,2 млн. будет максимальной оценкой потерь гражданского населения. Эта цифра, бесспорно, завышена, так как мы приравнивали потери молодой и пожилой групп с высокой естественной смертностью к потерям средних более жизнестойких возрастов. Однако средние возраста активно участвовали в партизанских и антипартизанских действиях, что, конечно, увеличивает их потери.

В общую оценку потерь входят и гибель ленинградцев от голода (650 тыс.)⁸⁹ и уничтожение фашистами евреев (2,5 млн.),⁹⁰ и потери от бомбежек и других военных действий.⁸⁸

По данным советских историков, нацисты истребили на Украине 4,0 млн. (и 1,3 млн. военнопленных),⁹² в Белоруссии — 1,4 млн. (810 тыс. военнопленных),⁹³ жителей Латвии — 100 тыс.⁹⁴ — всего около 6 млн. Следует отметить, что документальными свидетельствами подтверждаются главным образом массовые репрессии про-

тив военнопленных и евреев,⁹⁵ а фактических данных об уничтожении сотен тысяч русских, украинцев или белорусов в порядке геноцида не приводится. Поэтому столь большие цифры общих потерь гражданского населения вызывают определенные сомнения. Но если они и верны, итоговая оценка военных потерь мирного населения, включающая и немецкие репрессии, и гибель ленинградцев, и результаты бомбардировок составит 7–7,5 млн.

Репрессии против народов

“Массовые поселения в трудных условиях Казахстана и Сибири людей, как правило, не приспособленных к местному климату, а порой и к новым для них видам труда, не могли улучшить экономического положения этих районов. Даже там, где группы переселенцев прижились (как, например, корейцы в Казахстане и Узбекистане), это стало возможным лишь после более длительного периода акклиматизации”.

*А. Марианьский.*⁹⁶

В 1938–1946 гг. проводятся массовые переселения народов. Корейцы, греки, поляки, финны, немцы Украины, немцы Поволжья отправляются на жительство в Сибирь и Среднюю Азию. Вскоре туда же следуют крымские татары, калмыки, мусульманские народы Северного Кавказа – всего около 3,5–4 млн. человек (табл. 6). Не поголовно, но в значительном количестве выселяются жители Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, побывавшие в оккупации и в плену.

Смертность как при переезде, так и на новых местах жительства была довольно высока. Марианьский подчеркивает, что из восточных районов СССР в Польшу в 1946–1948 гг. выехало 260 тыс. из 600 тыс. выславшихся туда в 1939 г. Конквест также пишет о 600 тыс. высланных и 440 тыс., попавших в ИТЛ, и указывает, что к 1942 г. убыль этой группы поляков составила 270 тыс. (25% за два с половиной года). О высоких потерях среди вывозимых говорит убыль калмыков в 1939–1959 гг. (табл. 6) и незначительный прирост чеченцев, балкарцев, ингушей, карачаевцев. Народы Север-

ного Кавказа, оставшиеся на месте, увеличили за эти годы свою численность на 30–50%.⁹⁷

На 14% (400 тыс.) сократилась численность латышей и эстонцев (табл. 6). Убыль литовцев, по-видимому, скрыта присоединением областей Вильнюса и Клайпеды. О высоких потерях этих народов свидетельствует плохое соотношение между числом мужчин и женщин (табл. 12). Население этих республик практически не призывалось в Красную армию и мужские потери, вероятно, во многом связаны с послевоенными репрессиями. Это подтверждается, в частности, тем, что у возрастных групп 25–29 и 30–34 лет (в 1959 г.), не затронутых или мало затронутых войной, потери мужчин в Прибалтике, Молдавии и Белоруссии самые высокие – 1,5–2 раза выше, чем в среднем по стране (табл. 12). И если в следующих возрастных группах 35–39, 40–44 лет, активно воевавших с самого начала, потери РСФСР, Украины, Казахстана и других республик Азии и Кавказа возрастают в несколько раз, то для Прибалтики и Молдавии они мало меняются по сравнению с возрастной группой 30–34. Не отмечается в Прибалтийских республиках и снижения потерь в старших возрастах (более 60 в 1959 г.), не столь активно участвовавших в боевых действиях, в то время как в восточных республиках (потери которых в основном фронтовые) это снижение достигает 50–70% (табл. 12). Близка к судьбе народов Прибалтики и участь жителей Западной Украины и Западной Белоруссии и многих других территорий, но, к сожалению, эти группы населения в переписях практически не выделяются.

Фронтовые потери

Боевые потери Красной армии огромны. Об этом свидетельствует и плохое соотношение между мужчинами и женщинами в стране (табл. 12) и то, что нехватка мужчин приходится главным образом на средние (воевавшие) возраста (табл. 11). Попытка рассчитать максимальные размеры фронтовых потерь, исходя из представления о полном использовании ресурсов мужского населения страны, показана в таблице 13.

Необычайная величина потерь определялась не только и не столько превосходством немецкой армии в вооружении, сколько военной политикой советского командования. Фронтальные наступления с максимальной концентрацией всех сил, когда цель оправды-

вает любые потери — такова была с начала войны основная советская стратегическая доктрина. Первый же приказ, который получила разбросанная на широком пространстве вдоль западной границы не развернутая в боевые порядки недоукомплектованная Красная армия, звучал: "Вперед". Перейти границу, захватить Люблин, окружить все германские силы и т. д.⁹⁸

"Признаков оперативного отхода не было и следа", — с удовлетворением записывает в дневник Гальдер.⁹⁹ И через несколько дней продолжает:

"Оценка обстановки на утро (25 июня 1941 г.) в общем подтверждает вывод о том, что русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их вынуждает к этому сильный натиск наших наступающих войск".

Радость Гальдера понятна — немецкие генералы опасались отхода Красной армии на Восток.

"По ту сторону линии Днепр — Двина пространство угрожает проглотить каждую операцию, проводимую на широком фронте".¹⁰⁰

Но советские армии двигались не на Восток, а на Запад. 20 фронтовых ударов было нанесено ими за первые пять месяцев войны.¹⁰¹ Вслед за войсками западных округов в бой были брошены резервы, а затем вновь сформированные части.

"Летом Верховное Главнокомандование направило на фронт 324 дивизии, но лишь 68 из них предназначались для заблаговременной организации обороны на тыловых рубежах".¹⁰²

"Только за первые 40 дней боевых действий по железным дорогам на фронт было отправлено 2,4 млн. человек, а летом и осенью 1941 г. — 291 стрелковая дивизия, 94 стрелковые бригады и более 2 млн. человек маршевых пополнений".¹⁰³

Кроме регулярных войск, в бой было брошено более 2 млн. ополченцев —

"...люди самых разных возрастов, иногда физически мало пригодные к действиям в боевых условиях и слабо подготовленные в военном отношении".¹⁰⁴

Всего в 1941 г. было мобилизовано до 18 млн. и 10—12 млн. участвовало в боевых действиях (табл. 13).

По свидетельству Гопкинса,¹⁰⁵ у Сталина это введение в бой всех имеющихся сил получило даже некоторое теоретическое обоснование:

”Он стремился к тому, чтобы максимальное число его дивизий вошло в соприкосновение с противником, потому что тогда войска узнают, что немцев можно бить и что они не сверхчеловеки... Он хочет иметь как можно больше закаленных войск для большой кампании, которая начнется будущей весной”.

Этот бесконечный встречный поток, стоявший Красной армии почти 7 млн. (3 млн. только пленными), был полной неожиданностью для гитлеровского командования.

”К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не вооружены и не укомплектованы в нашем понимании, их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего. Но однако эти дивизии имеются. И если даже мы разобьем дюжину из этих дивизий, то русские сформируют еще одну дюжину”, —

пессимистически записывает Гальдер 11 июля 1941 г.¹⁰⁶

Но немецкие танки шли и шли вперед. И вот уже территория с 40% населения страны (около 80 млн.) оказалась за ними. Лишь около 7,5 млн. человек удалось эвакуировать,¹⁰⁷ в том числе 2,5—3 млн. из Ленинграда и Москвы¹⁰⁸ и 7—8 млн. мужчин — жителей оставленных земель — успели мобилизовать. А на Востоке воссоздавалась военная промышленность, обучались сотни тысяч (если не миллионы) летчиков, танкистов, артиллеристов; формировались штрафные батальоны. Бронирование рабочих Поволжья и Урала чрезвычайно повысило в действующей армии долю нерусских народов.

”В мае (1942 г.) в составе действующих фронтов и флотов было 5,5 млн. воинов, в том числе 1,2 млн. грузин, азербайджанцев, армян, узбеков, казахов, киргизов, башкир, призванных по общей мобилизации”.¹⁰⁹

”Во многих соединениях воины нерусской национальности составляли значительную часть бойцов, а в войсках Сталинградского фронта — почти треть”.¹¹⁰

Потери народов союзных республик в средних (фронтовых)

возрастах близки к потерям русских, украинцев и белорусов (таблица 12), хотя у славянских народов были заметные небоевые потери. Очень большое число бойцов — мобилизованных и добровольцев дали Ленинград (450 тыс.) и Москва (“50 полных дивизий общим числом свыше миллиона человек”).¹¹¹

В 1943 г. резервы военнообязанных и просто не слишком старых мужчин (до 45 лет) были практически исчерпаны; основные пополнения поступают теперь в армию из двух источников: госпиталя, освобождаемые районы. Теперь лишь наиболее тяжелые раненые направляются на лечение в тыл, больше половины остается во фронтовых районах. Особое внимание уделяется госпиталям для легкораненых. Это позволяет медицинской службе фронта за полгода-год давать пополнение, превышающее численностью бойцов на фронте (табл. 13 и пояснения к ней).

Многочисленные примеры такого рода широко рекламируются в последние годы в юбилейно-военных изданиях медицинской литературы.^{112 113}

Другой источник пополнения был почти таким же интенсивным и также непосредственно вливался во фронтовые соединения.

“Десятки тысяч мужчин и юношей освобожденных областей Украины, не ожидая приказа о мобилизации, добровольно вступали в Красную армию... только в 13-ю армию влилось до 13 тысяч человек”.¹¹⁶

Это происходило при освобождении первых украинских областей в сентябре 1943 г. А чуть позже

“...только с 1 по 23 января и в течение марта-апреля 1944 г. войска 2-го Украинского фронта получили более 330 тысяч новобранцев, длительное время живших в условиях оккупации...”

“...40% призывников из западных областей Украины были неграмотными или малограмотными... Среди молодых бойцов было немало обманутых людей, которые еще не совсем избавились от влияния гитлеровской агитации”.¹¹⁷

Эти “добровольцы”, не совсем, правда, перевоспитанные, по свидетельству очевидцев, нередко не успевали получить обмундирование, шли в атаку, и так лежали на родных полях в своей гражданской одежде.

А развернувшиеся наступательные бои требовали все больше и больше солдат. Если в наступлении под Москвой или Сталинградом

участвовало чуть больше одного миллиона человек,¹¹⁸ то для операции на правом берегу Украины четыре фронта использовали 177 дивизий (2,5 млн. человек). От 2,2 до 2,5 млн. сосредоточивалось для ударов под Курском, в Белорусской, Висло-Одерской, Берлинской операциях.¹¹⁸ Возросли и потери (1,3—1,5 млн. только убитыми),¹¹⁴ (табл. 13). Число убитых было бы еще выше, если бы не заметные улучшения в работе медицинской службы.

Всего за 47 месяцев (1418 дней) войны было убито на поле боя 5,5 млн., умерло от ран 1 млн., и около одного миллиона погибло в плену (от ран, голода и боевых действий на стороне немцев).¹¹⁵ 18 млн. человек было ранено. Из двух знаменитых оценок потерь: сталинской — 7 млн. и хрущевской — 10 млн. солдат и офицеров, первая (если рассматривать ее как потери от боевых действий) ближе к нашим результатам. [Совсем недавно была предпринята попытка построения баланса использования мужского населения в годы войны (Б. В. Соколов. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой отечественной войны. Вопросы истории, № 9, 1988). Автор принимает число мобилизованных в Красную армию за годы войны в 30.6 млн. человек. Из них погибло 8.5 млн., умерло от ран 2.5 млн. (25 млн. было ранено), попало в плен 5.8 млн. (из них умерли в плену 3.3 млн.). (В 7 млн. автор оценивает потери гражданского населения). Если при этом учесть, что число инвалидов и раненых, не вернувшихся в строй, 30% или около 8 млн., число больных, раненых в госпиталях и выздоравливающих (в среднем 3—4 млн.), то по этому балансу в вооруженных силах СССР служило в 1944—45 гг. 2—3 млн. человек. Это, конечно, абсурд, к которому автор приходит заметно преувеличивая число убитых и раненых. В целом, однако, попытку построения подобного баланса можно только приветствовать. — Примечание 1988 года.]

Как известно, победителей не судят, даже если "пиррова победа". Мы потеряли солдат и офицеров в 30 раз больше, чем Англия или США, больше, чем Германия, Австрия, Италия, Финляндия, Венгрия, Румыния, Япония, Великобритания, США, Франция вместе взятые; больше, чем Россия, Франция, Великобритания, Германия и Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Но как ни невиданно огромны полученные цифры, сверх 7,5 млн. бойцов и 6—8 млн. мирных граждан остаются еще потери в 9—11 млн., приходящиеся на те же годы, но не связанные прямо с фашистским нападением.

Это потери от сталинских репрессий. Их изучение является одной из важнейших задач, стоящих перед нашей наукой и публицистикой.

Обсуждение результатов

"По плодам их, узнаете их..."

Так все-таки, сколько? В таблице 14 показаны результаты расчетов. 40 млн. погибших — таковы итоги, или как иногда говорят, издержки 40 лет славной истории. Почти половина мужчин и каждая четвертая женщина умерли за эти годы не своей смертью. А если взять только напряженные годы (1918—1922 и 1932—1949), 29 млн. мужчин погибло и лишь 20 млн. умерло в своей постели; 11 из 33 млн. женщин не прожили отпущенного им срока. Даже если принять минимальную цифру потерь, то и в этом случае они составят более трети умерших за эти годы. Максимальная же оценка близка к половине. Возможно ли такое? И было ли когда в истории? В абсолютных цифрах очевидно — нет. Никому не удавалось уничтожить за такой короткий срок 40 миллионов, не то что своих подданных, но и злейших врагов. Ни Атилла, ни Чингисхан, ни Тамерлан, ни Гитлер не сумели воздвигнуть такие горы из черепов. Все остальные страны мира вместе взятые за две мировые войны потеряли меньше.

Нередко приводятся намного более высокие оценки потерь от репрессий 30—60 млн. Авторам этих цифр следует иметь в виду, что всего в 1932—1949 гг. умерло 42 млн. мужчин (табл. 14) и эта цифра является естественным и довольно серьезным потолком максимальной оценки потерь. Да и то, трудно предположить, что в течение 18 лет ни один мужчина не умер своей смертью. Завышенные цифры представляются естественным сдвигом современного мышления, когда меньше миллиона вроде бы и немного. Они лишь еще раз напоминают, как бесконечно далеко в построении светлого будущего ушли мы от той "единственной слезинки" маленького ребенка.

Таблица 1

Движение населения страны в 1913-1958 годах
(В 1913-1939 гг. границы СССР до 17 сентября 1939 г., с 1940 г. — современные границы)

Год	Коэффициенты ‰		Численность в млн. человек на конец года			
	Рождаемость	Смертность	Прирост (убыль)	Сальдо миграции	Население страны	Рабочие и служащие
1	2	3	4	5	6	7
1913	47,0	30,2	2,4	-0,1	139,3	-
1914	43,7	27,2	2,3	1,2	142,8	-
1915	35,9	28,8	1,0	0,3	144,1	-
1916	27,1	25,4	0,3	-0,6	143,8	-
1917	26,3	29,1	-0,4	0,1	143,5	-
1918	34,7	44,2	-1,4	-0,1	141,1	-
1919	31,7	46,7	-2,2	-0,6	138,3	-
1920	32,2	43,3	-1,5	0,9	136,8	-
1921	37,3	40	-0,4	-1,0	134,5	-
1922	38,2	29,6	1,2	-0,1	135,6	6,3
1923	45,5	25,5	2,7	-	138,3	-
1924	42,2	23,5	2,8	-	141,1	7,4
1925	43,9	24,5	2,9	-	144,0	8,6
1926	42,5	21,5	3,1	-	147,1	10,0
1927	43,4	21,0	3,5	-	150,2	10,7
1928	42,2	18,2	3,8	-	153,4	11,4
1929	39,8	20,3	3,3	-	156,2	12,4
1930	39,2	20,4	2,9	-	158,8	15,4
1931	38*	-	2,9	-	160,6	20,2
1932	(29)*	-	2,3	-	159,8	24,2
1933	(20)*	-	-7,8	-	157,7	23,5
1934	30,1	-	1,3	-	159,2	24,8
1935	29,6	16,3	2,1	-	161,1	25,9
1936	-	-	2,4	-	163,8	27,2
1937	38,7	18,9	3,2	-	167,0	28,6
1938	37,5	17,5	3,6	-	170,6	29,9
1939	36,5	17,3	3,4	-	174,0	31,6
1940	31,2	18,0	2,4	23	199,4	33,9
1941	29*	(41)	-2,4	-	197	29,0
1942	12*	(59)	-9,0	-	188	19,4
1943	11*	(49)	-7,0	-	181	20,4
1944	15*	(49)	-6,0	-	175	25,0
1945	15*	(32)	-3,0	-3	169	28,6
1946	23,8	(13)	2,0	-	171	32,0
1947	25,7	(13)	2,0	-	173	33,5
1948	24,1	(12)	2,0	-	175,5	35,0
1949	28,5	(11)	3,3	-	178,5	37,6
1950	26,7	9,7	3,1	-	181,6	40,4
1951	27,0	9,7	3,3	-	184,9	42,3
1952	26,5	9,4	3,1	-	188,0	43,9
1953	25,1	9,1	3,0	-	191,0	45,4
1954	26,6	8,9	3,4	-	194,4	49,1
1955	25,7	8,2	3,5	-	197,9	50,3
1956	25,2	7,6	3,5	-	201,4	51,9
1957	25,4	7,8	3,9	-	204,9	54,9
1958	25,3	7,2	3,5	-	208,8	56,0

рассчитано *
оценка - ()

Таблица 2
Движение населения в 1914-1917 гг.
в границах 1923 г. по ⁵⁸ ⁵⁹ В тыс. чел.

Инд	1914	1915	1916	1917	1918
Численность населения в стране	139912	142588	142260	142472	140903
Вспышки отифов (мобилизовано с 1914 г.)	4441	5540	9895	12960	15685
Лоя (звучащая армия)	-	4153	5158	5168	-
На внутренней службе	375	774	1406	1742	2005
Партизаны и мобилизованные	-	13	59	117	4357
Инвалиды	-	61	297	546	784
Излученные из страны по болезни	-	-	141	417	724
Навационные в плену	-	241	1328	2900	3409
Убиты на фронте с начала войны по 1/1	-	68	345	642	685
Умерли от ран	-	30	110	200	300
Умерли от болезней	-	-	-	-	230
Умерли от других причин	-	-	-	-	63
Умерли в плену	-	-	-	-	285
Вспышки в стране ⁶⁰	-	885	3065	5929	7429
Иностранцы в иммиграционных	-	200	1150	1830	2260

* Данные Е.З. Волкова представляются завышенными.

Таблица 4
Численность населения
по данным ЦСУ и расчету в 1896-1926 гг.
(в границах до 17 сентября 1939 г.)
 Млн. человек

Инд	1926	1922	1920	1917	1913	1896
Расчет	147,1	136,55	133,18	129,69	123,8	89,8
Данные ЦСУ	147,1	136,10	136,81	143,50	139,31	103,9
Разница	-	+0,45	-3,63	-13,81	-15,51	-14,1
Изменения по периодам	+0,45*	-4,08	-10,18	-1,7	+1,41*	

* Положительные значения указывают на завышение в расчете уровня "естественной смертности".

Таблица 3
Заболевание тифом
в 1917-1924 гг. по Баткису⁵⁷
 В промилях

Год	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924
Сырой тиф	1,0	2,1	34	34	6,0	11	1,8	0,9
Возвратный тиф	0,7	0,3	4,0	113	6,9	12,1	1,8	0,4

Летальность по статистике Наркомата здравоохранения⁵⁸ для 55 губерний составляла 20-30%.

Таблица 5
Изменение численности населения
отдельных районов страны
 В тыс. человек

Название	Территория в 1926 г. в тыс. кв. км (1)	Дата учета (источник)				
		1926 1/1 (1)	1931 1/1 (2)	1931 1/VII (2)	1933 1/1 (3)	1939 1/1 (4)
Украинская ССР *	452	29043	-	31608	31901	30960
Казахская АССР/ССР **	2853	6074	6780	7260	6797	6146
		Северный Кавказ ***	271	9151	-	10280
Сибирь и Дальний Восток	11150	11382	-	13307	14394	16674

- (1) - Всесоюзная перепись населения 1926 г., М., 1928
 (2) - Народное хозяйство СССР, М.-Л., 1932.
 (3) - Социалистическое строительство СССР, М., 1935.
 (4) - Сулькевич С. Население СССР по переписи 1939 г., М., 1939.

* - Границы Украины немного уменьшились и составили в 1935 г. 444 тыс. кв. км.

** - Верхняя строка - численность в границах 1939 г., нижняя - в границах 1930 г. В 1926 г. границы были несколько шире и перечислено непосредственно учтено 6196 тыс. человек (без Кара-Калпакской АССР). Цифры нижней строки взяты из одного и того же справочника (3) и сопоставлены между собой.

*** - К Северному Кавказу в 1926-1933 гг. относились: Краснодарский, Орджоникидзевский, Ростовский края; Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская, Адыгейская, Карачевская и Черкесская АССР. (Калмыцкая АССР для удобства сопоставления нами исключена.) В 1939 г. территория Северного Кавказа заметно увеличилась. Так, в справочнике "Население СССР", М., 1974, указывается для 1939 г. площадь 355 тыс. кв. км и население 10332 тыс. человек. Таким образом ясно, что рост численности населения Северного Кавказа в 1932-1939 гг. произошел отчасти или целиком за счет увеличения территории.

Таблица 6

Численность некоторых народов СССР
по результатам переписей

В тыс. человек

Г о д	1926	1939	1959	1970	Рост в %
					1939-1959 гг.
Национальность					
Русские	77791	100931	114114	129015	13,6
Украинцы	31195	35611*	37253	40753	4,6
Белорусы	3928	8275*	7913	9052	-4,4
Литовцы	41	2032	2326	2665	14,4
Латыши	151	1628	1400	1430	-14,1
Эстонцы	155	1143	988	1007	-13,5
Поляки	782	1730*	1380	1168	-20,3
Евреи	2600	4628	2267	2151	-51,4
Немцы	1239	1427	1619	1846	14,0
Финны	135	-	93	85	-
Карелы	248	-	167	147	-
Якуты	241	-	233	296	-
Народы Севера**					
Казахи	3968	3101	3622	5299	16,8
Уйгуры	108	-	95	173	-
Калмыки	133	134	106	137	-20,0
Чеченцы	318	407	419	613	3,0
Ингуши	74	92	106	158	15,0
Балкарцы	33	43	42	60	-2,0
Карачаевцы	55	76	81	113	6,0
Крымские татары					
	180	-	-	-	-
Корейцы	170	-	313	358	-
Все население	147028	190678	208827	241720	9,5

* В границах до 17 сентября 1939 г. численность украинцев была 28,1 млн, белорусов 5,3 млн., поляков 626 тыс.

** Поучительно сравнить изменение численности некоторых малых народов, проживающих как в СССР, так и за рубежом.

Таблица 7

Народность	Страна	Численность человек		Рост в %
		1926	1959	в год
Саами	СССР	1720	1790	0,12
	Финляндия	2300*	3000	1,6
Эскимосы	СССР	1290	1120	-0,4
	США и Канада	25800**	30000	1,8
Алеуты	СССР	352	420	0,8
	США и Канада	3900**	5000	3,1
Эвенки	СССР	37500	24700	-1,0
	Китай	5000***	6000	3,3
Айны	СССР	1450	30	-
	Япония	16000****	20000	0,6
Буряты	СССР	237000	252000	0,2
	Монголия	25000****	28000	4,0

* - 1940 г.

** - 1950 г.

*** - 1953 г.

Таблица 8

Численность жителей
в некоторых городах Урала и Сибири

В тыс. человек

Г о д	1926 (17.XII)	1931 (I.VII)	1936 (I.I)	1939 (I.I)
Город				
Свердловск	140	223	446	423
Челябинск	59	117	293	273
Нижний Тагил	39	-	170	160
Златоуст	57	-	111	99
Березники	19	-	80	51
Анджиро-Суженск	30	-	82	69
Омск	162	178	286	289
Томск	92	-	158	145
Красноярск	72	170	189	190
Прокопьевск	10	-	121	107
Кемерово	21	-	140	133
Магнитогорск	-	-	224	146
Сталиск	4	-	217	189
Барнаул	-	-	141	156

Данные за 1926 г. и 1939 г. получены из материалов переписей тех лет. Они практически без расхождений публикуются в многочисленных справочниках ЦСУ, например, "Итоги Всесоюзной переписи 1959 года", М., 1962; "Население СССР", М., 1974.

1931 г. дается по статистическому сборнику "Народное хозяйство СССР", М.-Л., 1932.

1936 г. по статистическому ежегоднику ЦУНХУ "Социалистическое строительство РСФСР", М., 1937.

Таблица 9

Численность населения
1/VI-1931 г. по переписи и по расчету

В тыс. человек

Возраст в группировке переписи	Перепись (1)	Расчет	Разница* 1
0-2	15.348	-	-
3	4.779	-	-
4-6	12.667	12.412	255
7	4.238	4.231	7
8-10	10.566	10.633	-67
11	2.964	2.975	-11
12-14	8.501	8.467	34
15	2.833	2.825	8
16-17	7.125	7.173	-48
18-19	7.313	7.252	61
20-39	50.673	50.032	641
40-44	7.761	8.209	-448
45-49	6.668	6.276	392
50-59	10.112	9.994	118
ст. 60	10.605	10.648	-43
ст. 4	142.036	141.127	899
ст. 7	129.360	128.715	644

* - Чередувание отклонений объясняется неточным учетом возраста при переписях 1926 и 1931 гг. При другом варианте сглаживания (по Новосельскому и Плавскому) наблюдается иное чередувание плюсов и минусов, но общая разница еще выше (787 тыс. для группы ст. 7 лет).

(1) - "Социалистическое строительство СССР", М., 1932.

Таблица 10

Численность населения 1/1-1939 г.
по расчету и по переписи

В млн. человек

Возраст	Результаты переписи 1939 г. (1)	Расчет по данным переписи 1926 г.	Разница
Итого	31,7	—	—
Муж	16,5	—	—
Жен	13,4	11,8	1,6
15-19	15,2	16,2	-1,0
20-29	30,9	31,9	-1,0
30-39	25,5	26,2	-0,7
40-49	15,3	16,7	-1,4
50-59	11,0	11,9	-0,9
60-69	11,2	13,1	-1,9
70-79	109,1	116,0	-6,9

(1) Предварительные итоги переписи 1939 г. "Плановое хозяйство", 1939, № 6.

Разбивка по возрасту в официальной публикации дана без жителей отдаленных районов (1,2 млн.) и без 0,7 млн. поливших не совсем ясно откуда в публикации СССР последних лет. Эти 1,4 млн. распределены нами по возрастным группам пропорционально их численности.

Таблица 11

Численность населения по полу и возрасту
в 1959 г. по расчету и переписи

В тыс. человек

Возраст	Мужчины			Женщины		
	Расчет	Перепись	Разница	Расчет	Перепись	Разница
20-24	10,058	10,056	2	10,126	10,287	-161
25-29	9,281	8,917	364	9,475	9,273	202
30-34	11,172	8,611	2,561	11,282	10,388	894
35-39	7,867	4,528	3,339	8,268	7,062	1206
40-44	6,825	3,998	2,821	7,310	6,410	1100
45-49	7,905	4,706	3,109	8,649	7,558	1091
50-54	6,531	4,010	2,521	7,030	6,437	593
55-59	4,748	2,905	1,843	6,052	5,793	259
60-69	5,444	4,099	1,345	7,617	7,637	-20
ст. 70	3,285	2,540	745	6,046	5,432	614
Всего с 20 лет	73,116	54,370	18,746	82,055	76,276	5779

ИТОГО мужчин и женщин по расчету на 24,525 тыс. больше, чем учтено переписью.

Таблица 12
Нехватка мужчин по отношению к числу женщин в 1959 году (1)

Проценты

Возраст Республика	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-69	ст. 70
	2	3	4	5	6	7	8	9	10
РСФСР	2	16	37	38	40	43	55	53	60
Украина	7	22	37	40	39	36	46	44	51
Белоруссия	13	26	35	41	39	32	45	42	50
Узбекистан	7	3	30	34	23	17	37	23	20
Казахстан	-5	12	32	31	30	28	48	34	35
Киргизия	5	10	31	32	26	29	50	32	27
Таджикия	9	0	23	27	10	16	29	21	22
Туркмения	5	8	30	30	22	23	41	24	20
Армения	6	5	31	32	25	19	37	26	29
Азербайджан	1	3	29	33	23	29	47	29	40
Грузия	9	10	34	37	26	25	44	28	28
Литва	12	25	26	30	33	-2	28	30	49
Молдавия	14	19	22	21	17	16	36	40	46
Латвия	8	30	37	32	26	23	36	46	52
Эстония	9	25	35	30	31	32	38	48	59
СССР	4	17	36	38	38	38	50	46	53

Численность мужчин и женщин в республиках отражает: потери, миграции и некоторые национальные особенности, так же как превышение числа мужчин над числом женщин в мусульманских районах в довоенное время.

(1) — Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962.

Баланс мужского населения Германии и СССР в 1941-1945 гг.

Таблица 13

Мли. человек

Мужчины	Германия 1)			С С С Р				
	1941	1943	1944	1941	1942	1943	1944	1945
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Возраст 2)								
Рождения до 1939 г.	-	-	-	88	87	86	85	84
старше 65	-	-	-	3,2	3,2	3,5	3,6	3,7
14-16	-	-	-	7,2	7,5	7,6	7,5	7,3
17-65	-	-	-	54,5	55,9	57,3	58,6	60,3
46-50	-	-	-	3,6	3,8	3,9	4,3	4,5
17-45	-	18,5	19	43,4	44,5	45,1	46,4	48,2
18-36	-	-	-	31,1	31,6	32,2	32,8	33,6
В свободных областях								
17-65	-	-	-	41,5	42	43,3	55	60,3
17-45 3)	-	-	-	34	34,5	34,8	44	48,2
17-45 годные	-	15,8	17	30,5	31	31,5	40	43
Занятия 4)								
Рабочие и служащие	-	15,5	13,5	25	10	10	12	13
В сельском хозяйстве	-	-	-	17	8	6,5	8	8
Учебные заведения	-	-	-	2	1	1	1,5	1,5
Прочие занятия	-	-	-	4	2	1,5	1,5	1,5
Армия 5)								
Мобилизовано *	7,5	-	13-15	18	23	28	32	-
Вооруженные силы	7,5	9,8	10,7	11	12	14	14	13,7
Действующая армия	3,8	3,4	2,7	4,2	6,1	6,5	6,5	7
Потери 6)								
Убито *	0,17	0,34	1,8	1,2	2,4	3,5	5,0	5,5
Ранено *	0,62	1,2	4,4	2,5	6,5	10,5	16,0	18,0
Умерло от ран *	-	-	0,2	0,2	0,4	0,6	0,9	1,0
Демобилизовано *	-	-	2,2	0,8	1,8	2,8	4,2	4,7
Раненых в госпиталях	0,1	0,2	0,4	0,4	0,8	1,0	1,3	0,5
Больных в госпиталях	-	0,2	0,3	0,4	0,6	0,5	0,5	0,5
Выздоровливающих 7)	-	0,4	0,6	0,6	1,2	1,4	1,7	1,0
В плену *	0,04	0,07	1,9	3,4	5,0	5,6	5,7	-
Убыло безвозвратно	0,3	0,5	5,9	5,6	9,6	12,5	15,4	-
Убыло временно	-	-	1,3	1,4	2,6	2,9	3,5	-

* С начала войны в сумме.

Результаты расчета потерь населения в 1918-1958 гг.

Мли. человек

Период	1918	1922	1926	1927	1932	1938	1939	1949	1959	Всего
Численность населения	140,9	—	112,6	147,1	—	122,5	190,6	—	130,7	—
Присоединено	—	2,6	—	—	—	23	—	—	—	—
Убыло	30,9	—	—	—	24,6	—	—	63	—	118,5
В том числе:										
уехало	3,5	—	—	—	—	—	—	3	—	6,5
смертность	9,2	—	7,9	8,9	—	10,2	—	21,1	14,4*	71,7
Мужчины	4,7	—	4,1	4,6	—	5,2	—	10,5	7,7	36,8
Женщины	4,5	—	3,8	4,3	—	5,0	—	10,6	6,7	39,9
и т.ч. потери	10,3	—	—	—	—	5,5	—	24,5*	42,3	—
Мужчины	6,2	—	—	—	—	4,0	—	18,7	—	29,9
Женщины	4,1	—	—	—	—	1,5	—	5,8	—	12,4
Интервал потерь	10-15	—	—	—	—	4-10	—	21-29	—	38-54
Прирост от рождаемости	—	34,5	—	—	48,1	—	—	78,2	—	—
Численность по переписи	—	—	147,1	—	—	170,6	—	—	208,8	—

В период 1918-1926 гг. рассматриваются жившие в 1920 и 1933 гг., а в период 1939-1959 гг. жившие в 1939 г. Смертность детей, родившихся между датами начала и конца периода, то есть после 1926 и 1938 гг. не учитывается. Как отмечалось в тексте, потери этих детей в отдельные годы были довольно велики (около 1 млн. в 1932-1934 гг.).

Фактическая смертность в 1950-1958 гг. была на 2,9 млн. меньше расчетной, а, следовательно, потери были на столько же выше. Мы не вводим эту поправку, так как предполагаем, что численность населения в 1950 г. оценена менее точно, чем в 1959 г. (перепись) и есть некоторая опасность отклониться от минимальной оценки. В действительности весьма вероятно, что потери были выше указанной цифры.

Пояснения к таблице 1

Цифры в скобках соответствуют не рождаемости, а количеству выживших во время голода грудных детей. Рождаемость в 1932-1933 гг. вряд ли могла быть ниже 1934 г.

Данные, не отмеченные *, заимствованы из литературы (1-13). Рождаемость и смертность в 1914-1926 гг. принимаются по расчетам А.Я. Боярского.²⁹ Смертность в 1921 г. должна быть заметно больше, так как Боярский не сделал поправок на голод, обошедшийся, по мнению некоторых исследователей, в 5 млн. жизней.^{30 31}

Число миграции принимается по Е.З. Волкову.³² Для 1914-1917 гг. оно заключается в 4,7 млн. беженцев из западных областей и иностранных военнопленных и 1,7 млн. русских, оказавшихся в немецком плену. В 1918-1923 гг. миграция складывается из 4,7 млн. жителей западных областей и иностранных военнопленных, выехавших из страны по данным Центроплембежа,

3,17 млн. русских, вернувшихся из плена, и 2 млн. белоземigrants.^{32 33}

Данные о рождаемости и смертности в 1926-1930 гг., 1937-1940 гг., 1946-1949 гг., 1950-1958 гг. постоянно повторяются ЦСУ.^{34 36} Цифры 1933-1936 гг. взяты из работ Урланиса и других авторов.^{36 37}

Численность населения страны дана по современной трактовке ЦСУ результатов переписей 1920, 1923, 1926, 1939 гг., то есть несколько выше, чем было учтено непосредственно.^{38 39} 1932 год известен по публикации ЦУНХУ.⁴⁰

Численность рабочих и служащих сведена в работе Е.Д. Гражданникова,³⁷ а для военных лет в⁴¹.

Все данные несут на себе довольно значительную ошибку, и поэтому таблица 2 рисует лишь в самых общих чертах верную картину.

1) Сведения по Германии известны по документам немецкого военного командования.^{120 121 122}

2) Численность возрастных групп в 1941-1945 гг. получена расчетом от переписи 1939 г., то есть уже учитывает "естественную смертность". Фактическая численность была, очевидно, ниже, так как в 1939-1941 гг. была и повышенная смертность населения: в лагерях, на фискальной войне.

На территории, занятой немцами в 1941 г., проживало около 22 млн. мужчин 17-65 лет. 22 июля "Указом Президиума Верховного Совета СССР" по 14 военным округам была объявлена мобилизация военнообязанных, родившихся с 1905 по 1918 гг.¹²³ Мобилизация мешало стремительное наступление немцев: часть призванных не успела явиться (особенно в сельской местности), других не успели эвакуировать, третьи, уже служившие, разбежались по домам (главным образом, солдаты из украинцев, воевавшие на Украине). Опасаясь дезертирства, расформировали корпус латышей и литовцев.¹²⁴ Всего, вероятно, из занятых областей ушло не больше 9 млн. мужчин 17-65 лет, в том числе 7,5 млн. (из 10 млн.) военнообязанных. Как много оставалось на оккупированной территории мужчин, видно по интенсивности призыва в 1944 г. (стр. 194).

3) Среди раненых 85,9% были моложе 46 лет,¹²⁴ что, очевидно, указывает на долю этих возрастов в действующей армии. Процент годных был довольно высок (около 90%) из-за значительного количества добровольцев (4 млн.).¹²⁵ В немецкой армии в 1942 г. годными были признаны 85% 18-45-летних, а к 1945 г. почти 90%.¹²⁶

4) Экономика требует специалистов. В начале 1943 г. в немецком хозяйстве было занято 15,5 млн. мужчин (в том числе 5,5 млн. годных к службе в действующей армии и забронированных как необходимых специалистов). Кроме того, использовались 6,3 млн. иностранцев. В 1944 г. число забронированных уменьшилось до 4,1 млн.^{120 123} Структура занятых населения СССР до войны, составленная по данным переписи 1939 г.,¹²⁷ показана в таблице в графе 1941 г. В 1942-1945 гг. число рабочих и служащих в стране сократилось до 19-29 млн.,^{128 122} в том числе 10-12 млн. мужчин.^{129 131} В сельском хозяйстве мужчины составляли 29% трудоспособного населения.¹³⁴ Мужчины 18-54 лет составляли в 1945 г. 8,3% сельского населения.¹²⁶

5) К мобилизации относились все мужчины 17-65 лет, не занятых в хозяйстве. Лагерь, годность, броня сильно сокращали призывной контингент и без того урезанный потерями 1939-1941 гг.

Под действующей армией, численность которой приводится в ИВОВСС, во-первых, понимаются сухопутные войска (377 дивизий в 1945 г.) и флот. Кроме того, вооруженные силы включали: войска ПВО - 4,7% общей численности;¹²⁸ авиацию - в конце войны более сильную и, вероятно, более многочисленную, чем у немцев (ВВС Германии а 1943 г. насчитывали 1,9 млн.);¹³⁰ медицинский персонал (200 тыс. врачей и 500 тыс. мед. работников);¹³⁵ кадры военных училищ (у немцев 11(XI-44) г. 323 тыс.)¹²⁰ и курсанты (Красная Армия ежегодно получала около 500 тыс. офицеров, 2,5 млн. человек проходили допризывную военную подготовку);¹²⁸ интендантскую и транспортную службу (грудно и предвстать удовлетворительную цифру); гарнизонные и пограничные войска (армия на Дальнем Востоке, Кавказе, в Иране); войска резерва (Ставка передавала фронтам из резерва десятки и даже сотни дивизий).¹²² При наступлении 1943-1945 гг. армия обновлялась за несколько месяцев, что требовало огромных резервов. С конца 1942 г. часть этих сил создавалась отводом с фронта соединений для пополнения, перепрофилирования, отхода). Представляется, что общая численность Красной Армии (как и немецкой) была в несколько раз больше численности действующих сухопутных сил.

6) Потери ранеными нашего превышают число уби-

тых.¹⁶⁴ В немецкой армии на Восточном фронте в 3,4-3,7 раз в 1941-1942 гг.¹²¹ в 3,6 раза в 1944 г.,¹²⁸ т.е. почти одинаковы в наступлении и в обороне. Материалы Совинформбюро даже в начале войны 5/Х-41 г. дают для Красной Армии почти такое же соотношение потерь - 3,1 (230 тыс. убитых и 720 тыс. раненых).¹²² Известно, однако, что в начале войны много раненых оставалось на поле боя. На это указывает относительно небольшая смертность в первые сутки после ранения: в 1941 г. - 24,4% общего числа умерших от ран, во второй и третий годы войны - 44-45%, в четвертый год - 56,4%.¹³⁷ Исследование показало, что даже в 1943 г. лишь 52,2% бойцов погибло на поле боя от смертельной травмы, остальные умирали от потери крови и других причин.¹³⁷ Стабилизация фронта и улучшение работы медицинской службы позволяют предположить, что во второй половине войны соотношение между ранеными и убитыми было в советских войсках таким же, как и у немцев. Для 1941 и 1942 гг. в таблице приняты более низкие коэффициенты.

Все тяжелое раненых в процессе войны становилось все больше (в частности, благодаря улучшению выноса раненых с поля боя), качество лечения также росло. Хирургическому вмешательству за первые шесть месяцев 1942 г. подверглись 13% раненых, за тот же период 1943 г. - 32%, 1944 г. - 53% и 1945 г. - 57%.¹³⁸ Летальность в эвакуационных госпиталях (ЭГ), где оказывалось в 1942-1944 гг. 63-35% раненых, составляла 1,1-0,7% соответственно.¹⁴³ Учитывая, что от ран 75-90% умирали в первые три суток (то есть до ЭГ),¹³⁷ можно считать летальность в Красной Армии примерно 5% от числа раненых. У немцев она была на таком же уровне.

Больные составляли 34,7% всех санитарных потерь (от 28,1% до 39,2% в разные периоды).¹³⁹ Летальность среди больных по официальным утверждениям была очень мала. Возвращение в строй составило 90,6% больных и 71,3% раненых. Эти цифры составляют славу и гордость советской медицины, их постоянно и еще дальше, тем больше упоминают,¹³⁷⁻¹⁴² но, в силу, видимо, их сакральной заданности и не пытаются обосновать или подтвердить. Уже в многолетнем медицинском обобщении результатов войны¹⁴¹ говорится:

"Число раненых, возвращенных в строй во время Великой Отечественной войны, по официальным данным, превысило 70% всего количества раненых".

Ну, а как известно, "официальные данные" не рассматривают и не доказывают. Настораживает и время появления этой цифры и то, что она не менялась во время войны,¹⁴¹ и ее отличие от мирового уровня (у немцев, по советским данным, возрастало в строй 40% раненых,¹³² а Первой Мировой войне в русской армии при меньшей тяжести ранений - 50%). Несмотря на это мы используем эти цифры в расчете, как приводящие к более высокой оценке военных потерь.

За годы войны было развернуто 2990 ЭГ на 1340 тыс. коек.¹⁴⁵ Вместе с армейскими госпиталями (9-335% коек)¹⁴¹ и мелисбатами, как правило, переполненными (в периоды наступлений в 2-5 раз), они позволяли разместить свыше 2 млн. человек одновременно. Сроки лечения в госпиталях постепенно увеличивались (106 дней в 1942г., 149 - 1946 г.).¹⁴² Легкораненые, составляющие до 40% всех раненых, выздоравливали быстрее (за 40-50 дней).¹²⁸ Всего за год через медицинские учреждения проходило от 5 до 8 млн. человек. На цифры такого же порядка указывают данные о количестве раненых и больных на отдельных фронтах и в отдельных операциях. Так в октябре-апреле 1941-1942 гг. на Ленинградском фронте потери ранеными и больными составили 353 тыс., больше чем численность войск фронта (32 дивизии, укрупненные в 35-45%, получившие за это время подкрепления 180 тыс., в результате мобилизации - 125 тыс., из флота - 30 тыс., из-за колча - 25 тыс.).¹²⁴

"На 1-м Украинском фронте за первую половину 1944 г. вернулось из госпиталей фронта 286 тыс. раненых. Этого количества было достаточно для укомплектования нескольких десятков дивизий того времени. Медицинская служба 2-го Украинского фронта за последние два года войны дала на пополнение войска 1055 тыс. выздоровевших воинов".¹³⁴

Учитывая эвакуированных в тыловые госпитали (35-40%),¹⁴¹ и умерших от ран, можно считать, что на этих фронтах было ранено около 400 тыс. и 1,5 млн. соответственно. По отношению ко всей действующей армии из 11 фронтон это составят 6-8 млн. в год. Принимая во внимание различия в интенсивности боевых действий на фронтах, можно говорить о 5-7 млн. Известно также, что и в тыловых госпиталях в 1944 г. выписывалось примерно 2,5 тыс. бойцов. В это время туда попадала примерно треть раненых, а возвращалась в строй половина из них, следовательно, общее число раненых призывников равнялось 4,5-5 млн. человек.

1) Неметские генералы^{121 143 144} говорят о 3,5-4 млн. пленных в начале войны.

"Так в начале 1942 г. Розенберг писал Кейтелю о скаandalном положении: из 3,6 млн. советских военнопленных лишь несколько сот тысяч в состоянии работать..."¹⁴⁵

Учитывают, что пленных украинцев (несколько сот тысяч, но миллиона) немцы распустили по домам. Социальные историки называют немецкие данные завышенными и абсурдными, но переходя к разделу о фашистских зверствах, говорят, что в плену погибло: в Белоруссии 810 тыс.,¹²⁸ на Украине — 1,3 млн.,¹³⁴ в Литве 165 тыс.,¹²² в Польше — 434 тыс. погибло и 63 тыс. пленных,¹⁴⁶ в Латвии и Эстонии — сотни тысяч.¹²⁴ Кроме того, из 5,7 млн. репатриантов и невозвращенцев¹²³ угнанные на работы составляли, как отмечалось выше, почти 1 млн. человек, а значит почти 3 млн. было военнопленных.

Как бы суммируя западную и советскую точки зрения, историк Кальвакореси пишет:

"Всего немцы взяли в плен около 5,5 млн. советских солдат и офицеров. К середине 1944 г. — 1,5 млн. умерли или были убиты, 800 тыс. были освобождены — нерусские или давшие согласие служить у немцев, 1 млн. использовался на принуждение".¹⁴⁷

В немецких вспомогательных войсках служили много сотен тысяч советских людей (0,7-1 млн.)¹⁴². Известна армия Власова (около 50 тыс.),¹⁴⁸ казачья часть, эстонской и латвийской легионы (6,5 тыс. и 15 тыс. в 1942 году),¹⁴⁹ легионы казачьев (110 тыс.), украинцев (180 тыс.), туркестанцев (110-130 тыс.) волжских татар (35-40 тыс.), крымских татар (20 тыс.), калмыков (5 тыс.).¹⁵⁰ Отрицательное отношение фашистов к проблемам советских народов не позволило этим соединениям сыграть сколько-нибудь существенную роль. Потери этих войск, а также смертность военнопленных в лагерях (многие из пленных были ранены), по-видимому, близки к миллиону. На эту цифру мы и увеличиваем общие потери армии.

Примечание 1982 года

На Западе мне удалось познакомиться с книгой Александра Далина "Россия под властью немцев"¹⁵³ — одним из самых серьезных исследователей о Второй мировой войне. В этой работе говорится, что из 5,2 млн. советских военнопленных по немецким документам 2 млн. умерли от голода и болезней в лагерях, 1,3 млн. были уничтожены немецким командованием, 500 тыс. отпущено (вероятно, в основном украинцев) или служили у немцев на территории СССР, и 283 тыс. служивших у немцев находились на территории Германии и Польши. Около миллиона пленных оставалось в лагерях. По данным этого же автора число восточных рабочих составляло около 2 млн. Мне непонятно, как согласовать эти сведения с численностью советских граждан, оказавшихся в Западной зоне оккупации Германии в 1945 г. — 6 млн. человек (см. выше). Откуда возникли 3 млн. или больше советских граждан в Германии? Этот вопрос требует специального изучения.

Увеличение числа погибших в плену на 2,5 млн. не меняет существенно оценки баланса фронтовых потерь и общую цифру повышенной убыли, хотя заметно уменьшают оценку потерь мужского населения в тылу. Сведения в таблице 13 исправлены с учетом данных из книги Далина. Первоначальная оценка численности военнопленных была 4,3 млн., а их убыли — 1 млн.

- ¹ Или тысяча, или миллион, прибавим мы, обогащенные опытом XX века.
- ² Типичная оговорка по Фрейдю. Радио, газеты, брошюры трубят: "Все для человека! Хозяин Вселенной!" — и вдруг нате-ка — "богатство", выходит что-то вроде движимой ("говорящей") собственности.
- ³ Минимум (не меньше чем...) представляется и наиболее важной и наиболее достоверной оценкой, а главное, для его поиска могут быть использованы советские официальные данные. Мы не прибегаем к другим источникам, во-первых, потому, что в нашем распоряжении нет более надежных и более достоверных материалов, во-вторых, для советского человека достаточно привычно и не лишено своеобразного интереса аналитическое исследование казуистики и фальсификации казенной науки и пропаганды с выделением в осязок (если это, конечно, возможно) крушущ истопы.
- ⁴ Коэффициент смертности — это отношение числа смертных случаев в течение года у некоторой группы населения (обычно это лица одного пола и возраста) к средней за год численности этой группы. Теоретически более верно было бы использовать в расчете не коэффициент смертности, а вероятность умереть (доля умерших в течение года из лиц, живших в начале года). Практически, однако, более удобно пользоваться первым показателем, а возникающая погрешность невелика и идет в запас расчета.
- ⁵ С.А. Новосельский, В.В. Паевский. Таблицы смертности. М.-Л., 1930.
- ⁶ С.А. Новосельский, В.В. Паевский. О сводных характеристиках воспроизводства населения и перспективных исчислениях. Тр. Демографического института, Л. 1934.
- ⁷ Б. Бабанин. Перспективы роста населения СССР в 1927-1928 — 1932-1933 гг. "Плановое хозяйство", 1928, № 11.
- ⁸ К сожалению, объем публикации не позволяет привести эти расчетные таблицы и несколько подробнее остановиться на методике.
- ⁹ В 1918-1938 гг. рассматривалось население на территории до 17 сентября 1939 г., в 1939-1958 гг. — современная территория.
- ¹⁰ Численность населения в начале 1939 г. получена разукрупнением пятилетних интервалов, публикуемых ЦСУ,^{14 15} в одностороннюю группировку. Это расчленение проведено с учетом результатов расчета за предыдущий период (1926-1938 гг.).
- ¹¹ Тенденция снижения смертности объясняется, вероятно, многими причинами: изменением социальных и медицинских условий, снижением рождаемости, а главное, периодами повышенной убыли населения, уносящими многих из тех, кто еще пожил бы в более спокойное время.
- ¹² Ю.А. Корчак-Чепурковский. Избранные демографические исследования. М., 1970.
- ¹³ С.А. Новосельский, В.В. Паевский. Таблицы смертности. М.-Л., 1930.
- ¹⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., М., 1962.
- ¹⁵ Население СССР. М., 1974.
- ¹⁶ Б.Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. "В Манифесте мира", принятом на совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в ноябре 1957 г., отмечается: "Свыше 30 млн. человеческих жизней, не считая миллионов раненых и искалеченных, поглотила Вторая мировая война". (Правда, 23 сентября 1957 г.) Эту цифру, включающую в себя и жертвы среди гражданского населения, мы и положим в основу итоговых расчетов".
А уже через год Никита Сергеевич вспомнил о наших

- потерях в 20 млн. и основополагающая цифра выросла с 30 до 50 млн.
- ¹⁷ Б.Ц. Урланис. Динамика населения СССР за 50 лет. Сборник "Население и народное благосостояние". М., 1968 г.
- ¹⁸ Женщины в СССР. М., 1975.
- ¹⁹ К сожалению, ЦСУ изрекает данные, но не указывает ни их точности, ни методики получения. Возможно, там до сих пор опасаются предупреждения Иосифа Виссарионовича.
- ²⁰ Вот как описывается страна в "Итогах Всесоюзной переписи населения 1959 года":
"Территория СССР в современных границах, помимо территории бывшей Российской империи, за исключениями, указанными выше (Польша, Финляндия, Карс), включает территорию бывшей Бухары и Хивы, а также территорию Галиции и Северной Буковины, вошедших в состав СССР в 1939 г., территорию Тувы, принятой в состав СССР в 1944 г., территорию Закарпатской Украины, г. Кенигсберга (ныне г. Калининград) и прилегающего к нему района, Южного Сахалина и Курильских островов, Клайпедской области, вошедших в состав СССР в 1945 г.."
Это все "помимо", но ведь и старые границы дали не сразу.
- ²¹ Волков Е.Э. Динамика населения за 80 лет. М., 1930.
- ²² "Перепись населения должна была отразить численность и состав великого советского народа, должна была отразить гигантские завоевания социализма в нашей стране, приведшие к принятию в ноябре 1936 г. Чрезвычайным VII Всесоюзным съездом Советов Сталинской Конституции. Но к руководству ЦУНХУ и к непосредственному руководству Бюро переписей населения ЦУНХУ пробрался гнусные троцкистско-бухаринские агенты фашизма".²⁴
"Враги народа сделали все для того, чтобы извратить действительную цифру населения. Они давали счетчиком вредительские указания, в результате которых многочисленные группы граждан оказались не внесены в переписные листы... Славная советская разведка во главе со сталинским наркомом Н.И. Ежовым разгромила зменое гнездо прелателей в аппарате советской статистики".
Постановление СНК о переписи 1939 г. Интересно, что текст постановления заимствован нами из книги "вредителей" П.И. Пустохода и В.К. Воблого.²⁷ В 1936 г. они подробно объясняли, как хороша методика и организация переписи, как прекрасны сталинские инструкции, а в 1940 г., уцелев и отдышавшись, поменяли местами фамилии авторов и переиздали книгу, сменив, правда, эпитеты к переписи 1937 г. (сталинская — вредительская, точная — дефективная и т.д.).
- ²³ Перепись населения 1970 г. М., 1969.
- ²⁴ "Плановое хозяйство", 1938, № 11.
- ²⁵ См. примечание на стр. 165
- ²⁶ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962.
- ²⁷ В.К. Воблого, П.И. Пустоход. Переписи населения. М., 1940.
- ²⁸ И.Г. Венецкий. Математические методы в демографии. М., 1971.
- ²⁹ А.Я. Боярский. Население и методы его изучения. М., 1975.
- ³⁰ БСЭ I, Голос. М.
- ³¹ С.Г. Струмилин. Наши трудовые ресурсы и перспективы. М., 1922.

- 14 Е.Э. Волков. Динамика населения за 80 лет. М., 1930.
- 15 Б.И. Урлианс. Динамика населения СССР за 50 лет. Сб. "Население и народное благосостояние". М., 1968.
- 16 Народное хозяйство СССР. Ежегодник 1956-1975 гг. Женщины в СССР. М., 1975.
- 17 Б.И. Урлианс. Проблемы динамики населения. М., 1974.
- 18 Л.Д. Гражданников. Прогностические модели социально-демографических процессов. Новосибирск, 1974.
- 19 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1962.
- 20 Справочник "Население СССР". М., 1974.
- 21 Социалистическое строительство СССР. М., 1934.
- 22 История Великой Отечественной войны Советского Союза за 1941-1945 гг., т. 6.
- 23 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. 7. М., 1974.
- 24 Л.С. Камюнский, С.А. Новосельский. Потери в прошлых войнах. М., 1947.
- 25 А.Г. Рашинов. Население России за 100 лет. М., 1965.
- 26 Энцикл. Еврейское население России. М., 1932.
- 27 Ю.П. Плетнев. Международная миграция населения и развитие современной капиталистической системы. М., 1962.
- 28 Л.С. Камюнский. Медицинская демографическая статистика. М., 1962.
- 29 Я.Г. Авраамов. Жертвы империалистической войны в России на 1 октября 1917 г. Изв. Нар. ком. ширин., №№ 1-2, 1920.
- 30 Е.Э. Волков. Динамика населения за 80 лет. М., 1930.
- 31 Г.А. Баткис. Социальная гигиена. М., 1936.
- 32 Б.И. Урлианс. Войны и народонаселение Европы. М., 1960.
- 33 Б.И. Урлианс. Динамика населения СССР за 50 лет. Сб. "Население и народное благосостояние". М., 1968.
- 34 А.Я. Боярский. Население и методы его изучения. М., 1975.
- 35 С.Г. Струмлиан. Наши трудовые ресурсы и перспективы. М., 1922.
- 36 Е.Э. Волков. Цит. соч.
- 37 Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1923 гг. II гр., 1923.
- 38 Г.А. Баткис. Социальная гигиена. Москва, 1936.
- 39 Е.Э. Волков. Цит. соч.
- 40 "Жидовей, Беатриса Вебб. Советский коммунизм — новая цивилизация? М., 1937.
- 41 Разставаясь с Сиднеем Веббом, лейбористом, соратником Шоу, министром, а в увещании трудовым, приведу еще одно его высказывание, удивительно хорошо характеризующее уровень понимания многочисленных сочувствующих посетителей нашей страны: "Даже при выборах в палату общин всегда имеется известное число округов, где кандидат проходит на выборах без наличия конкурирующих с ним кандидатов других партий. Такое отсутствие конкурирующих между собой кандидатов считалось бы в СССР крайне недемократичным и социально вредным явлением."
- 42 А.И. Гозулов, М.Г. Григорьянц. Народонаселение СССР. М., 1969.

зало человечество со времен мировой войны, послужившая причиной увеличения числа смертных случаев от болезней и истощения на 4-5 млн. человек выше нормального уровня". — В.Г. Чемберлен. "Железный век в России". 1935 г. По юнге Вебб, цит. соч.

43 Б.И. Урлианс. Проблемы динамики населения. М., 1974.

44 Даже такие солидные авторы как Новосельский и Паевский, публикуя свой прогноз в 1934 г., разошлись на момент публикации с реальной действительностью на многие миллионы человек.

45 По-видимому, Иосифу Виссарионовичу с его изощренным умом, пронизанным юмором (иногда кажется, что это не его, вынесенной, внечеловеческий юмор), ближе последнее. Вылез же он коллективизацию следующим образом:

"Понятно, что крестьяне ухватились за предложения Советского правительства, стали объединять свои земельные клочки в большие поля, приняли тракторы и другие машины и вышли таким образом на широкую дорогу укрупненного сельского хозяйства".

(Соч., т. 13, стр. 267).

46 А чего стоит надзвученный призыв к партийным работникам в 1937 г.:

"Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям от секретарей уездов до секретарей областных и республиканских партийных организаций подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способными быть их действительными заместителями".

47 Аборты. Сб. ЦСУ, М., 1927.

48 Кошелева. Опыт социальной группировки данных по абортам. "Вестник статистики", 1928, № 5.

49 С.А. Новосельский, В.В. Паевский. Цит. соч.

50 Население СССР. М., 1974.

51 Голосовали против 14 млн. человек. Казалось, как еще далеко до нынешних 99,9%, а как уже было близко. Этот процент впервые и навсегда был достигнут в середине 1938 г.

52 Обычно называются намного большие цифры. Так известный демограф Ф. Лормер исчислил по переписи 1939 г. разницу между трудооблагоденными и получающими зарплату в 6,8 млн. Конквест говорит о 12 млн. репрессированных на конец 1938 г. (вместе с уголовниками — о 15 млн.), из них 3 млн. погибло в тюрьмах и лагерях в 1937-1938 гг.

53 Народное хозяйство РСФСР в 1967 году. М., 1968.

54 Численность и расселение народов мира. М., 1965.

55 На 1/1-50 г. численность населения была 178,5 млн а по переписи 1959 г. — 167 млн., родившихся до 1950 г. (Численность детей 1949 г. рождения принимая равной 4,5 млн в соответствии с данными о рождаемости в 1949-1953 гг. — Таблица 2.).

56 Впрочем, не ясно, какая та трагическая. Кто счастливее — 7 млн. немцев, выброшенных в 1945-1946 гг. с родины, или миллион оставшихся на Западных землях Польши и выкупаемых сегодня понемногу правительством ФРГ.

57 БСЭ, т. СССР. 1947.

58 И. Лялик. География населения СССР. М., 1947.

59 А. Марианский. Современные миграции населения. М., 1969.

60 А. Марианский. Цит. соч.

61 Ю.Л. Пивоваров. Население социалистических стран зарубежной Европы. М., 1970.

62 Вторая Мировая война. М., 1966.

63 Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941-1944 гг. Минск, 1965.

- 83 Внешняя политика Советского Союза 1945 г., М., 1949.
- 84 История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 6.
- 86 А. Марианский. Цит. соч.
- 88 Внешняя политика Советского Союза 1947 г., М., 1949.
- 87 С.И. Раковский. Внутренняя миграция населения и сдвиги в этнографической географии зарубежных социалистических стран Европы. "Советская этнография", 1969, № 4.
- 88 Немцы потеряли от бомбардировок 410 тыс. местных жителей, а в прифронтовой полосе погибло около 20 тыс.⁸¹
- 89 Д.В. Павлов. Ленинград в блокаде.
- 90 А. Марианский. Цит. выше.
- 91 Б.Ш. Урландс. Войны и народонаселение Европы, М., 1960.
- 92 Вторая мировая война, М., 1966.
- 93 Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941-1944 гг. Минск, 1965.
- 94 История Латвийской ССР. Рига, 1971.
- 95 Внешняя политика СССР во время Великой Отечественной войны, т. 1-3, М., 1949.
- 96 А. Марианский. Цит. соч.
- 97 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962.
- 98 Документы внешней политики Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1, М., 1949.
- 98 Дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера за период август 1939 – сентябрь 1942. Т. 7, М., 1959.
- 100 Д.М. Прохтор. Агрессия и катастрофа, М., 1972.
- 101 Военная стратегия, М., 1962.
- 102 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг., т. 2.
- 103 Во главе защиты советской родины, М., 1975.
- 104 А. Верт. Россия в войне 1941-1945 гг., М., 1967.
- 105 Дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера за период август 1939 – сентябрь 1942 гг., т. 8, М., 1959.
- 108 ИВОВСС, т. 6.
- 107 Вторая мировая война, Т., 1966.
- 108 ИВОВСС, т. 3.
- 109 "Во главе защиты советской родины". М., 1975.
- 110 ИВОВСС, т. 3.
- 111 Вторая мировая война, М., 1966.
- 112 Военно-медицинский журнал, 1975, № 5.
- 113 Материалы конференции Военно-медицинской академии. 22.IV-75. Л., 1975.
- 114 Как это ни удивительно, довольно волевою цифру приводило Совинформбюро – 1,1 млн. за третий год войны.¹¹⁹
- 115 Эти цифры весьма приблизительны, так как получены на основе случайных сведений и ориентировочных предположений (см. пояснения к таблице 13). Все же нам кажется, что они дают правильное общее представление и скорее завышают, чем занижают фронтовые потери.
- 118 ИВОВСС, т. 3.
- 117 "Во главе защиты советской родины", М., 1975.
- 118 Вторая мировая война. Военное искусство, М., 1966.
- 119 Внешняя политика Советского Союза в годы Отечественной войны. Т. 3, М., 1949.
- 120 Организация здравоохранения в СССР. М., 1962.
- 120 А.А. Вшивинский. Прошлое и настоящее советской военно-полевой хирургии. Советская медицина, 1975, № 5.
- 140 В.Л. Кувшинский. Военно-полевая терапия и современные проблемы советской медицины. "Терапевтический архив". 1975, № 5.
- 141 Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., т. 1.
- 142 Труды 4-го Пленума Госпитального совета. М., 1946.
- 143 Рокоче решения, М., 1958.
- 144 Тинтпельскирх, К. История Второй мировой войны, М., 1956.
- 146 А. Верт. Россия в войне 1941-1945 гг. М., 1967.
- 148 Вопросы истории, 1961, № 2.
- 147 Р. Кальвакореси. Тотальная война. Причины и следствия Второй мировой войны. Р., 1972 (англ.)
- 148 Р. Гелен. Служба. Воспоминания 1942-1971 гг. Майн – Висбаден (нем.) 1971.
- 149 Литглок, Д. Патриоты – предатели. История коллаборационизма в оккупированной Германии Европе. 1940-1945 гг. Нью-Йорк. 1972 (англ.).
- 160 П. Милл. Между свастикой и советской звездой. Национализм советских народов во время Второй мировой войны. Дюссельдорф. 1971 (нем.).
- 161 Во главе защиты советской родины, М., 1975.
- 152 Вестник АМН СССР. 1975, № 5.
- 153 Alexander Dalin. German Rule in Russia. 1941-1945. London, 1957.
- 154 В Первой мировой войне в русской и немецкой армиях в 6 раз¹⁷⁴ ¹²⁶ В 1944 г. на западном фронте у немцев в 5-6 раз.¹²⁰
- 120 Военно-исторический журнал, № 4 – 1959; № 5 – 1960, № 12 – 1965 гг., и № 9 – 1968 г.
- 121 Дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера за период август 1939 – сентябрь 1942 гг., тт. 1-11, М., 1959.
- 122 Вторая мировая война, М., 1966. (Военное искусство.)
- 123 Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1, М., 1949.
- 124 История Латвийской ССР. Рига, 1971.
- 126 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. (ИВОВСС, т. 2).
- 126 ИВОВСС, т. 3.
- 127 ИВОВСС, т. 4.
- 128 ИВОВСС, т. 6.
- 129 Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., М., 1962.
- 130 Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны, М., 1948.
- 131 А.В. Митрофанов. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны 1941-1942 гг., М., 1960.
- 132 Е.Д. Гражданский. Прогностические модели социально-демографических процессов. Новосибирск, 1974.
- 133 В.И. Даничев. Банкротство стратегии германского фашизма, М., 1973.
- 134 Вторая мировая война. Общие проблемы, М., 1966.
- 138 Советская медицина, 1975, № 5.
- 138 В. Абрамов. Жертвы империалистической войны в России. "Изв. Нар. ком. здрав.", № 1-2, 1920.
- 137 Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., т. 35.

ДИСКУССИИ НА ЗАПАДЕ О ПОТЕРЯХ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Хотя проблема потерь советского населения обсуждается уже много десятков лет, в научной литературе по этому вопросу нет единого мнения, и существующие оценки расходятся столь же существенно, как и в самом начале. Диапазон оценок задается советской официальной позицией (потерь не было) и утверждениями эмигрантов: сидели и погибли многие десятки, едва ли не сотня миллионов. Правда, не публикуя демографических сведений для 1931-35 гг., советская сторона молча подчеркивает грандиозность демографической катастрофы (второй период, о котором отсутствуют сведения, — 1941-45 гг.).

Эмигрантская литература включает множество свидетельств и оценок очевидцев, в том числе и секретные советские сведения, сообщенные перебежчиками, бывшими советскими руководителями. Кроме того, в эмиграции очень часто используется прямая экстраполяция прироста населения и сравнение ее результатов с реальной ситуацией. Этот метод для прогноза был использован в свое время Д.И. Менделеевым, затем повторен с арифметическими и логическими ошибками профессором И.Кургановым и вот уже 20 лет вновь и вновь изобретается или используется в различных эмигрантских изданиях. Ошибочность такого подхода была показана, и здесь на работах такого типа останавливаться мы не будем¹. Что касается свидетельств очевидцев, они очень полезны, когда речь идет о конкретном факте или событии, но распространение этих сведений на всю страну так

или иначе почти всегда приводит к абсурду. Апелляция к секретным советским источникам также выглядит мало убедительной. Эти цифры могут быть и верны, но их невозможно проверить. Наука опирается не на слухи, а на документы и на те или иные методы расчета.

Западные исследователи, как это ни удивительно, находятся в том же самом советско-эмигрантском диапазоне оценок. Наиболее ярко точку зрения, что потерь практически не было, представляет бирмингемский ученый С. Виткрофт, а об огромных размерах потерь говорит С. Розфилд. Poleмика между этими двумя учеными в начале 80-х годов не привела ни к выработке единого взгляда на проблему, ни тем более к установлению истины². Авторы опровергли друг друга главным образом в своих собственных глазах и продолжают использовать свои прежние аргументы и методы в новых работах. С. Виткрофт завершил большое исследование, в котором, привлекая разнообразные сведения из области демографии, экономики, медицинской статистики, показывает, что потерь от голода в 30-х годах практически не было, по крайней мере, они не превышали 2,7 млн. человек³. Розфилд опубликовал несколько статей, в которых доказывает, что потери в 1928-39 гг. составили или 9, или 18,5, или 20,5 млн. человек в зависимости от исходных предпосылок. Из них коллективизация унесла, по мнению автора, 5,1 млн. человек⁴. Проблему потерь сельского населения рассматривает в своей книге Р. Конквест и приходит к заключению, что к 1937 году повышенная убыль составила 11 млн. человек и еще 3,5 млн. крестьян умерли вскоре в лагерях⁵.

Горячая дискуссия и разнообразные оценки показали убедительно лишь одно: проблема очень далека от окончательного разрешения. Поэтому не удивительно, что в последнее время дискуссия вспыхнула с новой силой⁶. Важной особенностью этого этапа является вовлечение в обсуждение некоторых новых материалов, а главное — участие Б. Андерсон и Б. Сильвера, которые привнесли строгий демографический подход⁷. Работа их очень полезна для оценки возможного интервала потерь населения, но, к сожалению, этот интервал оказался очень большим. Повышенная убыль для поколений старше 12 лет в 1939 году составляет, по их данным, от 0,5 млн. (при модели, принимающей за основу высокий уровень смертности) до 5,5 млн. (при низком уровне смертности).

Привнесение в оценку потерь гипотез о рождаемости еще больше увеличивает интервал возможной ошибки от нуля при низкой рождаемости и высокой смертности — до 24 млн. при

низкой смертности и высокой рождаемости. К сожалению, авторы не объяснили в своей статье, почему ими использована именно восточная модель, насколько хорошо она описывает советское население (отметим, что согласование с действительными таблицами смертности довольно плохое), почему минимальным и максимальным уровнями продолжительности жизни в тот период взяты 38,6 и 48,3 лет, а не какие-то иные цифры? Несмотря на некоторую условность использованных допущений Андерсон и Сильвер довольно точно указывают на пределы возможной ошибки. Однако сами пределы так велики, что это не приближает нас к ответу на вопрос: какую именно оценку потерь населения можно считать наиболее достоверной. Правда, авторами высказаны многие важные критические замечания в адрес других исследователей, которые могут помочь прийти к правильному ответу.

Цель нашей работы — критически рассмотреть высказанные в ходе дискуссии утверждения и оценить наиболее вероятные размеры потерь советского населения в 1926-38 гг.

Классическая книга Ф.Лоримера в течение всей дискуссии о потерях населения в 30-е годы остается абсолютным авторитетом⁸. К ней апеллируют все авторы, по-разному трактуя расчеты Лоримера, но не ставя под сомнение его утверждения. Такой пиетет перед исследованием, выполненным сорок лет назад, необычайно трогателен и отчасти справедлив, следует только иметь в виду, что Лоример располагал для своей работы ограниченным статистическим материалом советских публикаций 20-30-х годов и только на этой основе мог проводить свои исследования. Послевоенная советская статистика позволяет уточнить многие факты и гипотезы.

Рассмотрим последовательно наиболее важные утверждения Лоримера. Он принимает как достаточно достоверные данные о численности населения по переписям 1926 и 1939 гг., проводя некоторое перераспределение по возрастным группам.

Распределение населения по одногодичным возрастным группам известно с заметными ошибками. Эти погрешности были откорректированы еще Новосельским и Паевским⁹, а в послевоенные годы серьезное исследование в этом направлении проделал Ж.Бирабен¹⁰. Нами предпринимались параллельные расчеты по данным сглаживания Ж.Бирабена и Новосельского и Паевского и выяснено, что на общей оценке потерь эти исходные различия практически не сказываются, если остается неизменной оценка численности населения¹¹. Однако Ф.Лоример несколько изменяет эту оценку. Он увеличивает численность поколений в возрасте

0-2 года в данных переписи 1926 г. на 580 тыс. человек, около 5% их численности¹². Такое изменение в расчетах редко решаются предпринять другие исследователи, хотя многие отмечают неполноту сведений о младших возрастах в переписях. Андерсон и Сильвер указывают, что такого рода ошибка встречается и в послевоенных переписях¹³. Известный украинский демограф Ю.А. Корчак-Чепурковский также увеличивал численность двух младших возрастных групп в 1926 г., причем в своих послевоенных работах он отмечал, что результаты переписи 1939 г. по Украине показывают, что такая поправка на недоучет численности детей до двух лет была необходима¹⁴.

Очевидно, что некоторый недоучет населения переписями, особенно переписью 1926 г. имел место. Контрольные мероприятия при переписях 1959-79 гг. (контрольный бланк и выборочный обход) позволили выявить дополнительно около 0,5% населения¹⁵. Эти меры не предпринимались в 1926 году, и при той переписи в деревнях не фиксировалось постоянное население, только наличное. Перепись 1939 г. была очевидно точнее, чем в 1926 г. Она включала контрольные вопросы, предусматривала контрольный бланк и сплошной контрольный обход с привлечением работников администрации, а главное, преследовала специальную задачу возможно полнее учесть население. Огромная работа по уточнению списков населенных мест по всей стране проводилась и в 1935-36 гг., и в 1937-38 гг. Кроме того, паспортизация населения несомненно снизила его подвижность и увеличила возможности правильного административного учета. Следовательно, перепись 1926 года недоучла население более значительно, чем перепись 1939 г. Ориентировочная оценка недоучета 1926 г. — 0,5%, т.е. 800 тыс. человек. Часть этой погрешности перекрывается поправкой, сделанной Лоримером. Вводить другие коррективы вряд ли следует, так как нет определенных данных о половозрастной структуре, пропущенных при переписи населения, и нет доказательств, что в 1939 году аналогичных пропусков совсем не было.

Таким образом, использование данных переписей 1926 и 1939 годов для расчетов оценки потерь населения не вызывает возражения ни у Лоримера, ни у его последователей. Различия в возрастной группировке не оказывают заметного влияния на результаты расчета. Поправки Лоримера к младшим возрастным группам вполне справедливы и подтверждаются данными послевоенных переписей.

Из текущей статистики Лоример принимает безоговорочно все сведения о рождаемости, как опубликованные в статистиче-

ских справочниках, так и появившиеся в виде косвенных указаний в советских газетах 30-х годов. Для периода 1931-34 гг., когда какие-либо сведения вообще отсутствуют, Лоример прибегает к интерполяции с постоянным шагом снижения рождаемости. В послевоенный период в научный оборот были включены сведения о численности поколений 1926-38 гг. рождения в переписи 1959 года, данные о плодовитости когорт женщин по обследованию 1960 г., уточненные коэффициенты рождаемости ЦСУ для современных границ СССР, коэффициенты рождаемости, рассчитанные Б.Урланисом¹⁶. Все эти сведения несколько уточняют отдельные коэффициенты, но не меняют общую тенденцию изменения рождаемости. В пределах обычных погрешностей учета данные, использованные Лоримером, представляются и сегодня наиболее вероятными. Например, для 1930 г. коэффициент Лоримера 39,2‰, Урланиса — 41,2‰, расчет плодовитости когорт женщин 40,5‰, расчет по данным переписи 1959 г. — 38,9‰¹⁷. Для 1932 г.: Лоример — 34,6‰, Урланис — 32,6‰, по плодовитости — 36,5‰, по переписи — 32,7‰. Для 1934 г.: Лоример — 30,1‰, Урланис — 32,6‰, по плодовитости — 29,2‰, по переписи — 27,8‰¹⁸. Всего по Лоримеру за 12 лет должно было родиться 70,6 млн. человек. Эта цифра близка, по оценке Андерсон и Сильвера, к верхней границе низкого уровня рождаемости (69,3 — 70,4 млн. чел.)¹⁹. Высокий уровень 84,5 млн. соответствует данным о рождаемости 1926-27 гг., то есть сведениям, использованным в свое время в расчете Новосельского и Паевского.

В своих расчетах мы использовали оценку Лоримера для наиболее сложного периода 1931-34 гг. В предшествующие годы, 1927-30, сведения Лоримера несколько преувеличены, хотя в среднем близки к данным ЦСУ и оценкам Урланиса. Для 1935-36 гг. цифры Лоримера, взятые из довоенных газетных публикаций, несколько меньше приводимых Урланисом и получаемых на основе послевоенной статистики, а для 1937-38 гг. — сведения Лоримера немного завышены.

Принимая как достоверные сведения о рождаемости, Лоример в то же время считал преуменьшенными советские данные о смертности и, соответственно, преувеличенными оценки численности населения. Он говорил, что жители были больше заинтересованы в регистрации рождений, чем смертей²⁰. В общем виде с таким утверждением трудно согласиться. И тот и другой акт рассматривались населением как государственная повинность и ничего не давали самим жителям. Мусульмане в азиатских районах пытались избежать всяких контактов с администрацией, скрывая и рождения, и смерти, и наличное население при пере-

писях. Сельские жители русско-украинских территорий по традиции стремились прежде всего к соблюдению религиозных обрядов (крещение, отпевание), не придавая большого значения официальной регистрации. Однако смертность при этом могла быть учтена довольно точно, так как существовало небольшое число кладбищ, контроль за которыми государство быстро взяло в свои руки. Местные статистические бюро всегда могли воспользоваться сведениями о захоронениях на кладбищах, сопоставив их с врачебной статистикой регистрации смертей и с официальными записями в сельсоветах. Относительно рождений подобный контроль был невозможен.

Следует сказать несколько слов о высокой точности работы советской статистики. Как известно, перепись 1920 года проводилась в условиях гражданской войны и охватила всего 70% населения. После этого статистическими бюро была проделана большая работа по учету пропущенного населения, что вместе со сведениями о рождаемости и смертности позволило почти точно предсказать численность населения по переписи 1926 г. Для Европейской части страны их оценка на дату переписи составила 122957 тыс. на 860 тыс. (0,7%) больше, чем было учтено переписью²¹. Это очень небольшое расхождение, а если вспомнить о том, что некоторое количество людей могло выехать в 1926 году в азиатские районы страны, и о том, что перепись вероятно недоучла население на 0,5-1,0%, то совпадение будет абсолютно точным. Таких успехов добивались статистики потому, что в их распоряжении была не только статистика административная и медицинская, но и данные о торговле хлебом и другими продуктами, а также сведения о перевозке зерна, позволявшие оценить численность населения отдельных территорий.

Следует отметить, что и в 1956 г. при катастрофических изменениях численности населения в стране статистический аппарат сумел оценить население с ошибкой всего 0,5%²². Современные расхождения данных текущего учета, проверяемых каждые десять лет переписями, составляют всего несколько сот тысяч (0,1%) от общей численности²³.

В последние десятилетия ЦСУ подвергло некоторой ревизии статистику 20-30-х гг. Уточнены данные о численности населения в 1913, 1917, 1920, 1922, 1924, 1926, 1928, 1937-39 гг.²³ Сведения о рождаемости и смертности приводятся лишь для 1913, 1926, 1928, 1937-39 гг.²⁴ Мнение Виткрофта, что ЦСУ лишь повторяет сведения предыдущих лет, неточно. Небольшие изменения внесены почти во все цифры, в некоторых случаях даны абсолютные

нижения числа родившихся и умерших. Появление данных для этих лет показывает, что ЦСУ считает эти сведения надежными, в отличие от всех остальных, пропущенных при публикации.

Наиболее важным отклонением от предыдущих лет является пересчет 1928 г., для которого оценка численности снизилась на 177 тыс., рождаемость возросла с 42,1‰ до 44,3‰, а смертность — с 18,1‰ до 23,3‰²⁵. Этот пересчет показывает, что критические замечания Лоримера о том, что сведения о смертности населения занижены, были справедливы. Правда, заниженными оказались и данные о рождаемости. Однако размер преуменьшения смертности Лоримером явно переоценен. По одному варианту его расчета численность в начале 1929 г. расходится с современной оценкой ЦСУ на 453 тыс., по второму — на 637 тыс.²⁶ О преувеличении Лоримером уровня смертности свидетельствуют и данные предшествующего периода 1924-26 гг. Рост за три года на 9,5 млн. был возможен только при среднегодовом приросте не менее 2,2%, в то время как при уровне смертности 26‰, принятом Лоримером для 1927 г.²⁷ (в предыдущие более тяжелые годы он очевидно должен быть еще выше) и рассчитанной им рождаемости (около 43‰), прирост не мог превышать 1,7%. Нехватка за три года должна была составить почти 2 млн. человек.

Следует признать, что текущие оценки численности населения, публиковавшиеся ЦСУ в конце 20-х — начале 30-х годов, были несколько преувеличенными. Возможно, Б.Урланис также несколько ошибается, говоря, что в «конце 1930 г. население страны составило свыше 160 млн. человек»²⁸. Также возможно, что специальный учет населения административными методами летом 1931 г. дал завышенную оценку. Советские статистики, вероятно, еще не понимали, насколько сильно мероприятия властей влияют на обычную жизнь населения, недоучитывали потери от раскулачивания и выселений, от голода среди кочевников Казахстана. Это непонимание отразилось и в перспективных расчетах и в цифрах, даваемых правительству. Оно видимо закончилось в 1933 году, так как в этот момент полностью прекращается публикация сведений о рождаемости, смертности и численности населения, которая возобновится лишь после переписи 1939 г. (Не считая нескольких коэффициентов, характеризующих рождаемость, появившихся в газетах в конце 30-х годов, — эти коэффициенты, использованные Лоримером, мало расходятся с данными, публикуемыми в современных справочниках.)

Лоример считал, что таблицы смертности 1926-27 гг. дают преуменьшенный уровень смертности. Он отмечал три фактора:

неполный учет умерших в некоторых районах, охваченных таблицами, более высокую смертность в областях, не охваченных таблицами, и низкую смертность в старших возрастах по сравнению с соседними странами²⁹.

Неполнота учета действительно имела место, и авторы таблиц попытались ее оценить. Они отмечали, что заметную часть недоучета составляли младенцы. Довоенная регистрация была связана с крещением, позволить ребенку умереть некрещенным — это взять на себя большой грех, обречь его на мучения. Напротив, государственная регистрация больного ребенка не представляется обязательной. Однако соответствующим образом был занижен коэффициент рождаемости, то есть на естественном приросте населения и его численности погрешность учета не сказывалась. Второй причиной снижения смертности в 20-е годы была повышенная убыль в предшествующий период, когда голод и заразные болезни унесли склонную к заболеваниям и большую часть населения³⁰. Кроме того, некоторую роль в снижении коэффициента смертности могло играть улучшение учета нехристианского, еврейского и мусульманского населения. На плохое качество статистики движения населения этих народов до революции указывала в свое время Р.Сифман³¹.

Смертность населения перед Первой мировой войной снижалась довольно быстро. Эта тенденция очевидно продолжалась и в годы войны, но, конечно, перекрывалась военными потерями и начинавшимися эпидемиями, уносившими в первую очередь стариков. Только за счет изменения возрастного состава населения смертность к 1926 г. должна была упасть на 2-3%³².

Кроме того, Лоример считает свидетельством неполноты статистики более низкую смертность в селе по сравнению с городом, отмеченную на Нижней Волге, в Армении, в Крыму, в Башкирии и Бурят-Монголии³². Этот аргумент не кажется справедливым. Характер жизни в русских городах был такой, что в предреволюционные годы смертность в селе была повсюду ниже, чем в городе. В 20-е годы положение постепенно изменялось, но успехи совсем не везде были велики. Это в частности относится к Армении, города которой представляли собой разросшиеся деревни, скопление глиняных мазанок. В городах не было ни водопровода, ни канализации, и в 20-е годы они еще в придачу были переполнены недавними беженцами из Турции. На Нижней Волге более низкая смертность в селе объясняется тем, что жителями деревни в этой области были немецкие колонисты, действительно отличавшиеся более высоким уровнем гигиены и ухода за детьми, чем их русские соседи. Жителями же

городов (Царицына, Саратова и Астрахани) были преимущественно русские и мусульмане. В Башкирии, Крыму и Бурятии различие также следует из разного национального состава горожан и жителей села. Горожане, преимущественно русские, имели меньше детей и больше стариков, чем жители сельской местности, и поэтому их смертность могла оказаться несколько выше. Правда, не исключен и некоторый недоучет смертности у кочевых народов. Это, однако, не сказалось заметно на таблицах смертности, так как они были исключены из расчетов.

Более высокая смертность в районах, не охваченных таблицами, для отдельных возрастов несомненна. Особенно это касается младенческой смертности. Однако при этом дети, умершие на первом году жизни, не учитывались, как правило, и среди новорожденных, так что заниженными оказывались оба показателя — и рождаемость, и смертность. Что касается смертности пожилых, то совсем не очевидно, что она была у мусульманских народов выше, чем у славянских. Например, в наши дни смертность узбеков старше 50 меньше, чем смертность украинцев, а продолжительность жизни американских негров старше 70 лет больше, чем продолжительность жизни белых³³. Причина этого явления кроется не в лучших условиях жизни узбеков или негров, а напротив, в малочисленности группы, доживающей у этих народов до старших возрастов и потому, в силу естественного отбора, более жизнеспособной.

Диспропорция между смертностью старших и средних возрастных групп, которую Лоример вслед за Кузлом истолковал как заниженную смертность старших возрастов, имеет не только такое объяснение. Дело в том, что эта диспропорция сохранилась во всех последующих советских таблицах, в том числе и в довольно точных, как таблицы 1958-59 и 1968-72 гг., которые позволяют практически без ошибок предсказывать численность населения. Следовательно, относительно невысокая смертность старших возрастов является специфической особенностью советского — русского населения. Из-за громадной протяженности территории и пестрого национального состава население СССР не описывается ни одной из теоретических моделей, предложенных Кузлом. Восточные модели, которые использовали для расчета Андерсон и Сильвер, совпадают с таблицами смертности СССР лишь отчасти, хотя и лучше описывают изменение коэффициентов, чем модели западного типа.

Погрешностью таблиц 1926-27 гг. считали обычно большее сокращение смертности женщин, чем мужчин, по сравнению с дореволюционными таблицами. Однако эта «погрешность» еще с

большей силой выявилась в последующий период и отмечается во всех советских таблицах населения.

О том, что дело не столько в ошибках, сколько в тенденциях изменения смертности, говорит более высокое сокращение коэффициентов смертности в городе (где учет точнее) по сравнению с селом³⁴. Это же относится, в частности, к падению детской смертности, затронувшей города значительно сильнее, чем деревню. Одной из причин снижения смертности младенцев в городах явилось разрешение аборт, позволившее избавляться заранее от появления нежелательных детей.

Важной погрешностью таблиц 1926-27 гг. был плохой учет возраста умиравших. Как правило, возраст округлялся до пяти или десяти и чаще всего в сторону завышения. Это преувеличение возраста в старших поколениях делает население в таблицах более живучим, чем это было на самом деле. Однако следует иметь в виду, что такие же ошибки содержатся и в сведениях о численности поколений в переписях. Поэтому увеличение коэффициентов, вроде проделанного Кузлом, не оправдано³⁵. Более надежными являются с этой точки зрения таблицы Новосельского и Паевского, где сведения о смертности увязаны с данными о численности поколений³⁶.

Решающим подтверждением пригодности для расчетов таблиц 1926-27 гг. было появление в 60-е годы таблиц смертности 1938-39 гг. для всей территории СССР. Эти полные таблицы и для мужчин, и для женщин, и для города, и для села во всех возрастных группах дали меньшие значения коэффициентов, чем неполные таблицы Новосельского и Паевского. Таблицы 1938-39 годов сохранили все «погрешности», отмечавшиеся у предшествующих таблиц (более низкую смертность женщин, падение смертности младенцев, низкую смертность в старших возрастных группах). Это позволяет утверждать, что речь идет не столько о неточностях, сколько о специфических особенностях. Об этом же свидетельствуют и таблицы населения Украины 1925-26 гг., имеющие меньшие значения коэффициентов, но сохраняющие те же особенности, что и таблицы для всей страны. Таблицы 1938-39 гг. показывают, что даже если в качестве нормального уровня таблицы 1926-27 гг. несколько преуменьшают цифры смертности на первом этапе, они его заметно преувеличивают в конце периода, в 1936-38 гг.³⁷

Важным фактором недоучета смертности Лоример считал отсутствие сведений по азиатским территориям страны. Коэффициент смертности Европейской части страны в пределах, охва-

ченных таблицами смертности, он оценивал в 23,5‰, а на остальной территории — в 35‰³⁸.

Рождаемость у мусульманских народов Средней Азии была в тот период несколько ниже, чем у европейских (сказывалось многоженство, бесплодие из-за раннего вступления в брак и другие факторы) и, по оценкам демографов, не превышала 40-44‰³⁹. По предположению Лоримера, численность народов Кавказа и Средней Азии должна была вырасти всего на 6-10%. В действительности она возросла между переписями 1926 и 1939 гг. сильнее, чем у других народов страны. Узбеки — на 24%, азербайджанцы — на 33%, лезгины — на 64% и т.д., при среднем росте по стране 15,7%⁴⁰. (Трагическое сокращение численности казахов имело, как известно, политические, а не демографические причины). Такой прирост азиатских народов мог иметь место лишь при сравнительно невысоком уровне смертности, не более 18-20‰, то есть даже меньше среднего коэффициента по стране. Причина этого на первый взгляд парадоксального явления заключалась не в уровне культуры, а в сравнительно более молодой возрастной структуре населения. Аналогичную картину наблюдаем мы сегодня в азиатских и африканских странах, где коэффициент смертности ниже, чем в европейских.

Общая оценка потерь Лоримером составляет для населения старше 12 лет в 1939 г. — 4,8 млн. человек. Для расчета были использованы таблицы смертности Кузла. По таблицам Новосельского и Паевского получается — 5,5 млн. Расхождение этих цифр невелико, и можно считать данные Лоримера хорошей нижней оценкой потерь взрослого населения.

В работе Лоримера проведен и другой расчет, опирающийся на динамику коэффициентов рождаемости и смертности. Как было отмечено выше, он использовал преувеличенные данные о норме смертности в стране и поэтому получил меньшую цифру — 5,5 млн. для всего населения, включая и детей⁴¹. Как известно, данные о рождаемости и смертности известны с большой ошибкой, и потому цифра, полученная на их основе, также содержит большую погрешность.

Мы уделили так много внимания расчетам Лоримера потому, что до сих пор его подход и анализ данных представляются наиболее серьезным шагом в оценке потерь. Все другие авторы идут по его стопам, совершая порою довольно серьезные ошибки.

Работа С.Виткрофта не встретила пока серьезной критики, в частности и потому, что не была опубликована, а распространялась в ксерокопии. Однако он сам столь часто цитировал в печати ее результаты, что это дает право считать его исследования уже введенными в научный оборот.

В своих исследованиях Виткрофт повторил вычисления Лоримера, при этом, однако, допустив несколько серьезных ошибок. Общую численность поколений старше 12 лет в переписи 1939 г. он указывает в 123594 тыс.: 58064 тыс. мужчин и 65530 тыс. женщин⁴². Лоример принимал эту цифру равной 122378 тыс., в том числе 57491 тыс. мужчин и 64887 тыс. женщин⁴³. В первоначальной советской публикации было 122646 тыс.⁴⁴ Так как Виткрофт не проводит оценки потерь до 12 лет, преувеличив без всяких оснований число выживших к 1939 г. из родившихся до 1927 г., он тем самым преуменьшает потери этих поколений более чем на миллион.

Виткрофт заимствовал у Лоримера укрупненные табличные коэффициенты Кузла доживаемости поколений. Однако Лоример их рассчитал для вполне определенного распределения населения внутри возрастных групп, для данных Виткрофта эти коэффициенты дают заметную ошибку. В результате для поколения 12-19-летних в 1939 г. Лоример получает нехватку 777 тыс. человек. Виткрофт имеет избыток в 1665 тысяч⁴⁵. Общая оценка потерь у Виткрофта в итоге вычислений получается 2607 тыс. мужчин и 197 тыс. женщин, то есть на 2 млн. меньше, чем у Лоримера⁴⁶. Удивительный результат, если учесть, что Виткрофт пользовался коэффициентами смертности Лоримера.

Еще более фантастическую ошибку допускает Виткрофт, когда оценивает потери детей, родившихся между переписями 1926 и 1939 гг.

Он пишет:

«Гипотеза Бирабена заключается в том, что за семь лет перед переписью было рождено 36152 тыс. детей, из них, согласно нашим расчетам, к 1 января 1939 г. как минимум умерло 7896 тыс. и осталось в живых 28256 тыс., максимальное число выживших между переписями.

Однако в опубликованных данных переписи группа в возрасте 0-7 лет составляет 31595 тыс. детей, то есть на 12% или 3,3 млн. больше.

Гипотеза Лоримера несколько лучше. 38893 тыс. детей родилось. 8660 тыс. как минимум должно было умереть между переписями. Остается 30230 тыс., как максимум. Это точнее, но избыток составляет все-таки 1,4 млн. детей, или 4,5%»⁴⁷.

В этом рассуждении численность семи поколений, родившихся в 1932-38 гг., сравнивается с 8 поколениями в переписи 1939 г., родившимися в 1931-38 гг. Правильное сравнение должно включать еще 5862 тыс. человек, родившихся в 1931 г.⁴⁸ Из них около 4196 тыс. должны были жить и в 1939 г. Таким образом, после исправления ошибки гипотеза Лоримера приводит не к избытку в 1,4 млн. человек, а к нехватке трех с небольшим миллионов детей.

Намного более серьезны замечания Виткрофта в отношении других авторов.

Нельзя не согласиться, что пятилетние планы в СССР по всем показателям, в том числе и по населению, составлялись на максимум возможного. Виткрофт правильно отмечает, что оценка 165,7 млн. на 1.01.1933 появилась в печати еще в справочниках начала 30-х годов и исчезла лишь между переписями 1937 и 1939 гг.; справедливо его замечание об ошибке в работе Урланиса в дате начала первого пятилетнего плана. Некоторые его замечания основаны, однако, на ошибочных предположениях. Как уже отметил Розфилд, оценка прогнозного расчета Новосельского и Паевского 167,713 млн. относится не к началу 1933 г., а к его концу, точнее к 17 декабря 1933 г., так как эти авторы использовали в качестве исходных сведений данные переписи 17.12.1926 и продолжали вычисления для целого числа лет. Нельзя согласиться и с трактовкой Виткрофтом работы «География голода»⁴⁹. Соотношение между поколениями родившихся в 1929-33 гг. и в 1934-39 гг. рисует общую качественную картину нехватки поколения, но не может быть использовано для количественной оценки потерь. На это, кстати, справедливо указывают Андерсон и Сильвер⁵⁰. Дело в том, что население во всех областях страны понесло потери, а возрастные группы детей, используемые для сопоставления, также пострадали.

Розфилд в ходе прошедшей дискуссии подвергся уже суровой и совершенно справедливой критике. Он слишком часто основывает свои расчеты на малодостоверных цифрах, а то и просто на слухах. В частности, в качестве новых доказательств он привлекает расчеты Ван дер Берга⁵¹. Голландский автор интересно исследования по статистике преступности в СССР обратил внимание на то, что, используя сведения о числе хулиганских преступлений в абсолютных цифрах и в пропорции к тысяче жителей, можно рассчитать численность населения, которую использовали советские юристы при составлении этих пропорций. Он рассчитал эту численность для территории РСФСР без автономных республик, а затем распространил свои данные на всю

страну, получив оценку численности на начало 1931 г. 160,5 млн., 1932 — 159,5 млн., 1933 — 155,1 млн. и 1934 — 157,5 млн.⁵² К расчетам такого рода следует относиться крайне осторожно, понимая, что погрешность в оценке числа уголовных преступлений в размере нескольких тысяч превращается при пересчете на население в несколько миллионов жителей. Кроме того, Берг ошибся в своем предположении, что соотношение в численности населения различных частей страны в период 1930-35 гг. не менялось. Напротив, территория РСФСР была источником миграции, отсюда добровольно и принудительно ехали люди в Казахстан, в Донбасс, на строительство Беломорско-Балтийского канала (которое проходило как раз в автономных республиках Карелии и Коми). Эта миграция могла действительно сдвинуть несколько миллионов с места, что при пересчете на всю страну приводит к абсолютно необоснованному предположению, что советские юристы использовали в расчетах численность населения на 10 млн. меньше официально объявленной.

Еще один заочный участник дискуссии проф. Б.Урланис был истолкован не совсем точно. На страницах, где появилась его оценка численности населения в 1933 г., он действительно делает несколько неточных утверждений⁵³. Например, пишет, что в 1939 г. расхождение расчетов Новосельского и Паевского «превысило 20 млн. чел.»⁵⁴. В то время как их цифра на конец 1939 г. составила 191,1 млн., а фактическая численность населения — 173 млн., то есть расхождение было 18 млн.⁵⁵

В то же время не следует забывать, что Б.Ц. Урланис постоянно рассматривал динамику советского населения в своих работах, его численность, рождаемость и смертность. И не следует вырывать у него одну неожиданную цифру, пренебрегая другими. Он неоднократно писал, что численность населения страны в конце 1930 года составила свыше 160 млн. чел., но затем в процессе коллективизации рост застопорился⁵⁶.

Для 1930 г. он оценивал рождаемость в 39‰, а смертность в 20‰⁵⁷. В 1931, 1932 и 1933 гг. рождаемость по его данным составляла 31‰⁵⁸, то есть при той же смертности, что и в 1930 г., население должно было возрасти к началу 1933 г. на 3,8-4 млн. Сокращение на 2 млн. означает, что Урланис оценивал потери первых лет коллективизации примерно в 6 млн. человек. Трагический период, данные которого не подлежат разглашению, охватывал, по мнению Урланиса, 1931-33 гг. В своей книге «История одного поколения», вычисляя смертность поколения 1906 г. рождения, он обрывает расчеты в 1930 г. и вновь возвращается к ним в 1934 г. Причем интересно отметить, что

он оценивает убыль поколения в 1934 г. на 15% выше, чем в 1935 и несколько последующих лет⁵⁹. Очевидно, это отражает тяжелое положение после пережитого только что голода. Можно крайне ориентировочно оценить потери 1933 года, следующие из данных Урланиса. Рождаемость, по его сведениям, составляла в 1934-36 гг. 31‰, 30,1‰ и 34,3‰. Сравнительно полную цифру смертности он приводит только для 1934 г. (2449 тыс. для территории, на которой проживало 78,8% населения)⁶⁰. То есть примерно 19‰. В 1937 г. смертность, по его данным, также составляет 18,9‰. В 1935-36 гг. можно принять ее на том же уровне. Обратный расчет от известной численности 1936 г. 163,77 млн. чел. дает по этим сведениям на конец 1933 г. 157,8 млн., то есть в 1933 г. численность практически не менялась. Так как рождаемость в 1933 г. оставалась равной 31‰, а нормальная смертности можно по-прежнему считать уровень 1930-34 гг. — 20‰, получаем, что прирост мог составить 1,6 млн. Таким образом, по Урланису, оценка потерь населения в годы коллективизации равна 7,5 млн. чел. (6 млн. в 1930-32 гг. и 1,6 млн. в 1933-36 гг.). Как нам представляется, эта оценка близка к действительности, хотя и не исчерпывает всех потерь населения между переписями 1926 и 1939 гг.

••

Наконец, обратимся к самому последнему серьезному исследователю проблемы, Роберту Конквесту⁶². Он оценивает убыль польского населения в 1930-37 гг. в 11 млн., и, кроме того, по его мнению, 3,5 млн. крестьян было арестовано в те же годы и умерло в лагерях несколько позже, в основном в 1937-38 гг.⁶³ Эти оценки приходится признать сильно преувеличенными.

Автор предполагает, что перепись 1926 г. дала несколько заниженную цифру населения на 1,2 - 1,5 млн. для СССР и 800 тыс. для Украины⁶⁴. Преуменьшение численности переписью 1926 г. возможно, хотя размер его не известен. Однако никак нельзя согласиться с тем, что большая часть этого преуменьшения приходится на Украину — густо населенную территорию с высоким числом грамотных, с хорошо налаженным статистическим учетом. Несомненно, что наибольший недоучет при переписи был в отсталых районах севера, востока и юга, населенных в основном мусульманами.

Конквест утверждает, что советские и западные демографы оценивали возможный прирост населения в 1927-1937 гг. в 30 млн., в то время как фактически он оказался 16,8 млн. Рост в 30 млн.

был возможен при неизменном уровне рождаемости и смертности 1926-27 гг. Однако все статистические данные свидетельствуют о заметном снижении рождаемости уже в конце 20-х годов. Известные демографы Новосельский и Паевский, расчеты которых Конквест имеет в виду, специально предупреждали, что не придают своим оценкам прогнозного характера. Еще менее достоверны прогнозные расчеты населения по второму пятилетнему плану и высокие оценки рождаемости и прироста, упоминавшиеся Сталиным и Молотовым⁶⁵. Пятилетний план по всем показателям рассчитывался на максимальные значения и не учитывал снижения рождаемости. Первый пятилетний план также «ошибся» в оценке прироста по статистике 30-х годов на 3 млн. человек, по оценке Урланиса — на 11 млн.⁶⁶

Прогнозы и ожидания не всегда сбываются, но это не значит еще потерь населения. Например, население США в конце XIX и начале XX века росло в год на 2,2%. Такой же прирост ожидался и в 30-е годы. Однако в результате Великого кризиса Америка не досчиталась по отношению к прогнозу 10 млн. человек. Никто, однако, не предполагает этих людей погибшими. Поправка Конквеста на снижение рождаемости в 2,5 млн. за 1927-37 гг. кажется недостаточной и, главное, ничем не обоснована.

Другой вариант расчета Р.Конквеста заключается в том, что он сравнивает число сельских семей в 1929 г. (25,9 млн.) с числом семей в 1938 г. (19,9 млн.). Задается численностью одной семьи в 4,2 чел. и получает снижение в 25,1 млн. человек, живущих в селе, вместо увеличения на 10,3 млн. Итого убыль села составила 36 млн. человек, из которых 24,3 млн. переехали в город и 11,7 млн. составляют потери⁶⁷. Известно, однако, что сельское население составило в 1937 г. не 83,6 млн., как почему-то думает автор, а 117,1 млн., что полностью исключает предложенную оценку потерь⁶⁸.

Еще один важный аргумент, использованный Конквестом, — сокращение численности украинцев с 31,2 млн. в 1926 г. до 28,1 млн. в 1939 г. (Автор предполагает, что фактически снижение было больше и составило 3,4 млн.) С учетом естественного прироста в 25% потери достигают 10,5 млн. (9 млн. за вычетом неродившихся)⁶⁹.

Как указали Виткрофт, Андерсон и Сильвер, этот аргумент не работает. Прирост украинцев не мог быть выше, чем средний по стране (15,5% в 1926-38 гг.). Главное же, что снижение численности украинцев произошло вне границ Украины. На Украине в 1926 г. проживало 22,9 млн. украинцев, а в 1939 г. — 23,4 млн. С учетом небольшого изменения границ республики (выход Мол-

давской АССР и присоединение Крыма) численность украинцев осталась почти такой же⁷⁰. При этом известно, что с Украины выехало не менее 500 тыс. украинцев (сельскохозяйственная колонизация, депортация кулаков и т.д.). Следовательно, можно говорить, что вне границ УССР исчезло в 1926-1938 гг. около 4-4,5 млн. украинцев. Не обсуждая причин этого исчезновения, можно определенно сказать, что они не являются жертвами голода 1932-33 гг. на Украине.

Таким образом, и общие цифры потерь Конквеста (11-14,5 млн.), и его оценки потерь собственно украинцев представляются заметно преувеличенными. Ссылки на такие же или большие цифры, приводимые свидетелями тех лет, достоверности не увеличивают, так как мы не знаем, как получены эти данные, и не можем их проверить.

Подведем некоторые итоги. Оценка потерь населения с помощью переписей 1926 и 1939 гг. представляется более точной, чем по сведениям текущей статистики. Таблицы смертности 1926-27 гг. хорошо согласуются с таблицами 1938-39 гг. Они позволяют удовлетворительно рассчитать численность населения для 1923-26 гг., 1926-31 гг., 1937-40 гг. Важно также, что они согласованы с по возрастной численностью населения. Возможно, что эти таблицы несколько преуменьшают смертность в старших возрастных группах, но эта погрешность перекрывается общей тенденцией снижения нормальной смертности, зафиксированной в таблицах 1938-39 гг. Еще более точными являются таблицы смертности, построенные для жителей Украины Ю.Корчак-Чепурковским.

Говоря о потерях, следует иметь в виду, что они включают не только репрессированных, замученных в лагерях, умерших от голода и болезней, вызванных разорением деревни и депортациями при раскулачивании. Важную часть этих потерь составляет повышенная смертность людей в связи с общим ухудшением условий жизни в стране. Эти потери охватывают все население города и деревни, все возрастные группы, но в первую очередь, конечно, больных, стариков и детей.

¹ См.: С.Максудов. *ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1931-1938 гг.* — «СССР: Внутренние противоречия», №5, 1982, с.104-190.

К этой группе работ примыкает исследование Иосифа Дядькина: I.G. Dyadkin. *UNNATURAL DEATH IN THE USSR. 1928-54*. New Brunswick, 1983. Автор использует два метода. Во-первых, он предполагает, что прирост 3,2 млн. в год, отмеченный в 1924-28 гг. и 1937-39 гг., был и внутри этого временного интервала. В этом случае потери составляют 15 млн. человек. Он не учитывает при этом снижения рождаемости в 30-е годы и ее скачкообразный рост после запрещения абортов в 1936 г. Во-вторых, Дядькин считает, что смертность снижалась в 1913-1950 гг. по экспоненциальному закону с 30‰ в 1913, до 20‰ в 1926 и 9,2‰ в 1950 г. Это предположение нуждается в содержательном обосновании причин уменьшения смертности именно таким образом. Главными причинами снижения смертности было изменение структуры населения в результате демографических катастроф (войны, коллективизация), падение рождаемости и смертности младенцев, изобретение антибиотиков, распространение профилактических прививок от инфекционных заболеваний и т.п. Большинство этих факторов сказалось главным образом в конце периода 1946-50 гг., а не в начале, как следует из гипотезы об экспоненциальном законе.

Высказанные критические замечания несколько не умаляют моего уважения к автору работы, который за свое исследование попал в лагерь. От эмигрантской литературы такого рода книга Дядькина выгодно отличается тем, что его действительно интересует научный результат, а не пропагандистский эффект.

² Steven Rosefielde. *THE FIRST «GREAT LEAP FORWARD» RECONSIDERED: LESSONS OF SOLZHENITSYN'S «GULAG ARCHIPELAGO»*. — «Slavic Review», 39, no.4 (December 1980), p.559-87; *REPLY*, *ibid.*, p.612-15; *AN ASSESSMENT OF THE SOURCES AND USES OF GULAG FORCED LABOUR 1929-56*, — «Soviet Studies», 23 (January 1981), p.51-87; *REPLY TO NOVE*, — «Slavic Review», 41, no.4 (Winter 1982), p.766-71.

R.W. Davies and S.G. Wheatcroft. *STEVEN ROSEFIELDE'S KLIUKVA*. — «Slavic Review», 39, no.4 (December 1980), p.593-602; Stephen Wheatcroft. *ON ASSESSING THE SIZE OF FORCED CONCENTRATION LABOUR IN THE SOVIET UNION, 1929-56*. — «Soviet Studies», 33 (April 1981), p.265-95; *TOWARDS A THOROUGH ANALYSIS OF SOVIET FORCED LABOUR STATISTICS*, *ibid.*, 35 (April 1983), p.223-37; Igor Birman. *LIMITS OF ECONOMIC MEASUREMENTS*. — «Slavic Review», 39, no.4 (October 1980), p.603-607; Paul Gregory. *VALUELESS GOODS AND SOCIAL BADS IN MESUREMENT OF SOVIET OUTPUT SERIES, 1928-1932*, *ibid.*, p.608-11; Holland Hanter. *THE ECONOMIC COSTS OF THE GULAG ARCHIPELAGO*, *ibid.*, p.589-92; Alec Nove. *LETTER TO THE EDITOR*. — «Slavic Review», 40, no.4 (Winter 1981), p.691-93 and *ibid.*, 41, no.4 (Winter 1982), p.771-73.

¹ S.G. Wheatcroft. *POPULATION DYNAMIC AND FACTORS AFFECTING IT IN THE SOVIET UNION IN THE 1920s AND 1930s*. Part 2, *CHIEF'S Discussion Papers*. SIPS no.2, Birmingham University, 1976; no.20, 1981; no.21, 1981.

FAMINE AND FACTORS AFFECTING MORTALITY IN THE USSR: THE DEMOGRAPHIC CRISES OF 1914-1922 AND 1930-1933. Boston University, 1981, Reported in «Vevey Switzerland», July 1981.

S.G. Wheatcroft. *NEW DEMOGRAPHIC EVIDENCE ON EXCESS COLLECTIVIZATION. DEATHS: YET ANOTHER KLIUKVA FROM STEVEN ROSEFIELDE*. — «Slavic Review», v.44, no.3, 1985, p.505-507.

⁴ Steven Rosefielde. *MORTALITY IN THE SOVIET UNION: A RECONSIDERATION OF THE DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF FORCED INDUSTRIALIZATION, 1929-1949*. — «Soviet Studies», 35 (July 1983), p.385-409.

Steven Rosefielde. *EXCESS COLLECTIVIZATION DEATHS, 1929-1933: NEW DEMOGRAPHIC EVIDENCE*. — «Slavic Review», 43, no.1 (Spring 1984), p.83-88.

⁵ Robert Conquest. *THE HARVEST OF SORROW*. Oxford University Press, 1986. До некоторой степени автор оказался в плену больших цифр, уже опубликованных им в книге *БОЛЬШОЙ ТЕРРОР*, количественные оценки, к сожалению, слабая сторона этой превосходной работы. Минимальная оценка численности репрессированных в этой работе следующая: 5 млн. сидящих к началу 1937 г. (без уголовников) и 7 млн. арестованных в 1937 г. (Роберт Конквест. *БОЛЬШОЙ ТЕРРОР*, 1974, с.962). Чтобы оценить эти цифры, надо принять во внимание, что подавляющее большинство заключенных были мужчины старше 18 лет. В 1937 году их в стране было около 43 млн. (по переписи 1939 г. 43,7 млн. старше 19 лет). Следовательно, к концу 1937 года по данным Конквеста каждый четвертый взрослый мужчина в стране был за решеткой (опять же, не считая уголовников). Если вспомнить, что в 1937 году арестовывали в основном горожан, то, следовательно, к концу года из 14 млн. мужчин старше 18 лет, проживавших в городах, половина исчезла с улиц и переселилась в специальные помещения. Та же картина будет, если мы обратимся к занятиям населения. Исключив сельские занятия, мало интересовавшие Ежова в 1937 г. (кроме сельских руководителей и агрономов), предположив, что мужчины горняки, металлисты, строители, рабочие транспорта, коммунального хозяйства, разнорабочие, продавцы и бухгалтеры, арестовывались в сравнительно скромной пропорции (один из десяти), мы приходим к парадоксальному выводу, что все остальные имеющие занятие мужчины попали в мясорубку большого террора в 1937 г. (ведь перепись 1939 г. учла в стране 1140 тыс. руководителей организаций и предприятий, 1300 тыс. инженеров, 1150 тыс. научных, педагогических, медицинских работников, считая занятых в литературе, искусстве и клубной работе, полтора миллиона железнодорожников, водников и шоферов и 2,1 млн.

рабочих всех прочих занятий, кроме исключенных выше. (ИТОГИ ВСЕ-СОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1959 ГОДА. СССР. М., 1962, табл. 47, 48).

Если же вспомнить, что в 1937 году занятых было меньше, чем в 1939, что большой террор не прекратился в 1937-м, а продолжался еще по крайней мере пару лет, что сам автор считает свои цифры заниженными наполовину, то мы увидим, что все взрослые мужчины к началу войны погибли или сидели за решеткой. Все и немного больше.

⁶ S.G. Wheatcroft. *A NOTE ON STEVEN ROSEFIELDE'S CALCULATION OF EXCESS MORTALITY*. — «Soviet Studies», 1984, p.277-81; *NEW DEMOGRAPHIC*, 1985; *UKRAINIAN FAMINE*. — «Problems of Communism», March-April 1985, p.132-134.

Maksudov. *CORRESPONDENCE*, — «Soviet Studies», no.4, 1984, p.622-23.

S.Rosefielde. *NEW DEMOGRAPHIC EVIDENCE ON COLLECTIVIZATION DEATHS: A REJOINDER TO STEPHEN WHEATCROFT*. — «Slavic Review», 44, no.3, 1985, p.508-516.

J.Mace. *CORRESPONDENCE*. «Problems of Communism», March-April 1985, p.134-138.

⁷ B.A. Anderson, B.D. Silver. *DEMOGRAPHIC ANALYSIS AND POPULATION CATASTROPHES IN THE USSR*. — «Slavic Review», 44, no.3, 1985, p.517-53.

⁸ F.Lorimer. *THE POPULATION OF THE SOVIET UNION*. Geneva, 1946.

⁹ С.А. Новосельский, В.В. Паевский. *О СВОДНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИСЧИСЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ*. «Труды Демографического института», 1934, т.1, л., с.7-37.

¹⁰ Jean-Noel Biraben. *NAISSANCES ET REPARTITION PAR AGE A L'EMPIRE RUSSE ET EN UNION SOVIETIQUES*. — «Population», 31 (Mars-Avril 1976), p.441-78.

¹¹ Maksudov. *HOW MANY MILLIONS HAVE PERISHED FROM 1930 TO 1938?*. — «Russia», 1983, no.7-8, p.3-26.

¹² F.Lorimer, op. cit., p.235.

¹³ Barbara A. Anderson and Brian D. Silver. *ESTIMATING CENSUS UNDERCOUNT FROM SCHOOL-ENROLLMENT DATA: AN APPLICATION TO THE SOVIET CENSUSES OF 1959 AND 1970*. — «Demography», 22 (May 1985), p.298-308.

¹⁴ Ю.А. Корчак-Чепурковский. *ИЗБРАННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ*. М., 1970, с.301-302.

¹¹ СССР ЦСУ. *ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1959 ГОДА*. М., 1962, с.7; СССР ЦСУ. *ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1970 ГОДА*, т.1, М., 1972, с.4-5.

¹² Б.Ц. Урланис. *ДИНАМИКА УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ В СССР ЗА 100 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*. — Сб. статей *БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ И СССР*. М., 1977, с.8-27; Р.И. Сифман. *ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В СССР*. М., 1974, с.41-43. (Данные Сифман о плодовитости позволяют оценить коэффициенты рождаемости.) *ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1959*, с.49; *ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1970*, т.2, с.12-13.

¹³ F.Lorimer, *op. cit.*, p.134; Б.Урланис. *ДИНАМИКА УРОВНЯ...*, с.11-12; Р.И. Сифман. *ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ...*, с.41-43.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Anderson, Silver. *DEMOGRAPHIC...*, p.531.

¹⁶ F.Lorimer, *op. cit.*, p.114.

¹⁷ *ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА*, т.1, с.37.

¹⁸ *СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА*. М., 1957, с.3; *НАСЕЛЕНИЕ СССР В 1971*. М., 1975, с.7.

¹⁹ *НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР ЗА 1968*. М., 1969; *НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР ЗА 1969*. М., 1970.

²⁰ *НАСЕЛЕНИЕ СССР ЗА 1973*. М., 1975, с.7, 69; *НАСЕЛЕНИЕ СССР*. М., 1974, с.9; *НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ СТРАН МИРА*. М., 1978, с.71.

²¹ *НАСЕЛЕНИЕ СССР, 1974*, с.9.

²² F.Lorimer, *op. cit.*, p.134-135.

²³ Там же.

²⁴ Б.Ц. Урланис. *ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ СССР ЗА 50 ЛЕТ. НАСЕЛЕНИЕ И НАРОДНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ*. М., 1968, с.23.

²⁵ F.Lorimer, *op. cit.*, p.115-120.

²⁶ С.Максудов. *НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ РОСТА СМЕРТНОСТИ В СССР*. — «СССР: Внутренние противоречия», №3, 1982, с.3-18.

- ³¹ Р.И. Сифман. *ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА 1897-1914 гг.* — Сб. *БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И СССР*. М., 1977, с.70.
- ³² F.Lorimer, op. cit., p.115-116.
- ³³ С.Максудов. *НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ...*, с.55-56.
- ³⁴ Р.М. Дмитриева, Е.М. Андреев. *СНИЖЕНИЕ СМЕРТНОСТИ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.* — В сб.: *БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И СССР*, с.35-38.
- ³⁵ F.Lorimer, op. cit., p.118-119.
- ³⁶ *СМЕРТНОСТЬ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СССР. 1926-27 гг.* Таблицы смертности. М.-Л., 1930, с.108-120.
- ³⁷ С.Максудов. *ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ...*, с.159.
- ³⁸ F.Lorimer, op. cit., p.119. (Рассчитано по пропорции в численности населения. Коэффициент смертности всего населения у Лоримера 26%^о, для Европейской части страны 23,5%^о. Остальное население составляло около 20% жителей страны).
- ³⁹ М.К. Караханов. *ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ. БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И СССР*. М., 1977, с.211-212; Р.И. Сифман. *ДИНАМИКА...*, с.75.
- ⁴⁰ В.И. Козлов. *НАЦИОНАЛЬНОСТИ В СССР*. М., 1975, с.249-250.
- ⁴¹ F.Lorimer, op. cit., p.235-237, 134.
- ⁴² S.Wheatcroft, «CREES Discussion Papers», no.20, p.19.
- ⁴³ F.Lorimer, op. cit., p.141-143.
- ⁴⁴ «Плановое хозяйство», 1939, №6, с.5-15.
- ⁴⁵ F.Lorimer, op. cit., p.236; S.Wheatcroft, «CREES Discussion Papers», no.20, p.19.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ S.Wheatcroft, «CREES Discussions Papers», no.2, p.75.
- ⁴⁸ F.Lorimer, op. cit., p.134.
- ⁴⁹ S.Wheatcroft. *UKRAINIAN FAMINE...*, p.133; С.Максудов. *ГЕОГРАФИЯ ГОЛОДА.* — «СССР: Внутренние противоречия», №7, 1983,

№ 17. Замечание Виткрофта о том, что в другой работе Максудова потери 7,5 млн. в то время как аналогичная оценка у Лоримера — 5,5 млн., несправедливо. Речь идет о разных возрастных группах. В той же группе, что у Лоримера, для поколений старше 12 лет потери в работе Максудова — 5,7 млн. человек.

¹⁰ В.А. Anderson, B.D. Silver, *DEMOGRAPHIC...*, p.521.

¹¹ G.P. Van der Berg. *THE SOVIET SYSTEM OF JUSTICE: FIGURES AND POLICY*. Boston, 1985, p.177, 180.

¹² Ibid.

¹³ Б.Ц. Урланис. *ПРОБЛЕМЫ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ СССР*. М., 1972, с.318-319.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Б.Ц. Урланис. *ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ...*, с.23.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Б.Ц. Урланис. *ДИНАМИКА УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ...*, с.12.

¹⁹ Б.Ц. Урланис. *ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ*. М., 1968, с.200

²⁰ Там же.

²¹ Б.Ц. Урланис. *ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ...*, с.23-24.

²² Robert Conquest. *THE HARVEST OF SORROW*.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid., p.299.

²⁵ Авторы второго пятилетнего плана не занимались прогнозом населения. В тексте проекта лишь две фразы посвящены населению: «В связи с улучшением условий жизни рождаемость будет увеличиваться, а смертность снижаться. Увеличение численности населения составит 17 млн.» (*ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР. 1932-37*. Т.1. М., 1934, с.353). Как известно, все происходило более сложным образом и с улучшением условий жизни, и с рождаемостью, и со смертностью, неудивительно, что и прирост не оказался таким, как предполагали. Более того, сама оценка не была слишком серьезной. Из 270 специалистов, привлеченных для

проверки и уточнения проекта плана (фамилии их названы в тексте, с.547-552), не было ни одного демографа. См. также: В.Старовский. *МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ РОСТА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ*. — «Вестник статистики», М., 1964, №11, с.3-15.

⁶⁶ Б.Ц. Урланис. *ПРОБЛЕМЫ ДИНАМИКИ...*, с.319.

⁶⁷ Robert Conquest. *THE HARVEST OF SORROW*, p.301.

⁶⁸ *НАСЕЛЕНИЕ СССР В 1973*, с.7.

⁶⁹ Robert Conquest. *THE HARVEST OF SORROW*, p.302-303.

⁷⁰ В.И. Козлов. *НАЦИОНАЛЬНОСТИ В СССР*, с.109.

ЧЕЛОВЕК И БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

Страх или вера

Одним из важнейших вопросов эпохи "Гласности" стало обсуждение сталинских репрессий. В печати появляются книги, статьи, мемуары, письма читателей. Наконец-то советские люди смогут прочитать замечательные произведения Варлама Шаламова "Колымские рассказы", Василия Гроссмана "Жизнь и судьба", Лидии Чуковской "Софья Петровна", Евгении Гинзбург "Крутой маршрут", бессмертные стихи Ахматовой.

Это стремление к восстановлению исторической правды — очень важный, очень обнадеживающий процесс. Лишь рассказав о всех преступлениях прошлого, можно предотвратить их повторение в будущем. Отрадным явлением является создание специальной партийной и государственной комиссии по расследованию сталинских преступлений, восстановлению памяти его жертв. Работа комиссии предстоит огромная, ибо самое важное в таком расследовании — полнота: никто не должен быть забыт. В русской истории дважды уже предпринималась попытка подобного рода.

Как известно, Иван Грозный, перед смертью раскаявшийся в своих злодеяниях, приказал составить "синодик опальных" и читать в монастыри, чтобы там молились за спасение души невиновных убиенных.

К сожалению, в наше время не приходится слишком полагаться на небесные силы. Восстановление имен невинных жертв долг не

только комиссии при ЦК КПСС, но обязанность поколения, пережившего сталинские годы. Такое расследование становится постепенно широким общественным движением. Создаются группы историков непрофессионалов, проводятся семинары, собираются деньги на памятники жертвам сталинизма. Лишь советские официальные историки, десятилетиями воспитывавшиеся на фальсификации или замалчивании этой проблемы, молчат, не зная, что сказать.

В ином положении находятся историки на Западе. Для них Большой террор всегда был притягательным предметом исследования. Разбираясь в его механизмах, ученые старались понять, что из себя представляет советское общество. И так как по этому вопросу взгляды исследователей существенно расходятся, между ними вот уже много лет ведется напряженная дискуссия о характере и размерах сталинских репрессий. Дискуссия эта приняла в настоящее время очень острый характер, спорящие стороны обмениваются порой не только научными аргументами, но и оскорблениями, ученые обвиняют друг друга в политизации проблемы, отходе от истины ради групповых или идеологических соображений. Такая вовлеченность историков в сиюминутную политическую жизнь не часто встречается, она, с одной стороны, поразительна, а с другой, — знаменательна. Она показывает, как мал и тесен наш мир, как связаны сегодня история и политика. Советским же людям аргументы американских профессоров особенно должны быть интересны, поскольку это наше совсем недавнее прошлое, наша жизнь.

В этой статье я хочу рассказать об одном из аспектов этой дискуссии, полемике на страницах американского журнала "Славик ревью" между историками Робертом Конквестом и Робертом Тюрстоном по вопросу, что преобладало в душах советских людей в годы ежовщины: **страх или вера.**

"Страх и ложь" царили в стране, утверждает Роберт Конквест. В своей знаменитой книге "Большой террор" он пишет:

"Говоря о жизни советских людей в 1936—38 гг., очень трудно передать этот бесконечный, еженощный, бросающий в пот страх; страх в ожидании того, что арест наступит еще до рассвета. Сравнение с войной вполне правомерно, даже с точки зрения числа жертв. При других диктаторах аресты шли выборочно; брали людей, подозреваемых в антиправительственной деятельности, и для этого имелись какие-то основания. В эру Ежова очередной жертвой мог стать любой человек.

Ночью — страх, а днем — бесконечное притворство, лихорадочные усилия доказать свою преданность Системе Лжи. Таково было “нормальное” состояние советского гражданина”.

В своих взглядах Конквест не одинок. Он принадлежит к большой группе американских историков “так называемого” консервативного направления. Наиболее известные из них Мерль Фейнсон, Умберто Эко, Роберт Фулбрайт, Роберт Оуэн, Роберт Ротман, Роберт Шейнсон, Роберт Уолленбайн, Роберт Уолленбайн, Роберт Уолленбайн считают, что в сталинские годы советское общество было абсолютно тоталитарным. Страх, запугивание населения являются одним из важных методов тоталитарного правления. Конквест вспоминает разговор Бабеля с Эренбургом о том, что в те дни откровенно беседовать могли только муж с женой в кровати, укрывшись с головой одеялом. Он также отмечает, что на параллель между фашистской и советской тоталитарными системами указывал еще Василий Гроссман в романе “Жизнь и судьба”. Герой романа майор Ершов возглавляет организацию военнопленных в немецком лагере.

“Ему было ясно, что борясь с немцами, он борется за свободную русскую жизнь, победа над Гитлером станет победой над теми лагерями смерти, где погибли его мать, сестры и отец”.

Речь идет о советских лагерях.

Здесь будет уместно вспомнить анекдот 30-х годов, хорошо отражающий настроение людей в тот период:

“Ночью раздается стук в дверь. Муж и жена в ужасе вскакивают.

— Кто там?

— Не пугайтесь, это я, ваш сосед Иванов, я только хочу вам сказать: “Наш дом горит”.”

Кстати, для того, чтобы показать, насколько нелегко западным исследователям проникнуть в реалии советской жизни, отмечу смешной факт. При переводе этого анекдота на английский, было заменено всего лишь одно слово. Сосед говорит: “Ваш дом горит”.

Точку зрения Конквеста разделяют многие ученые и большинство авторов воспоминаний.

“Страх был главным мотивом поступков советских людей”, — пишет прошедший через тюрьмы и ссылки Антон Антонов-Овсеенко в книге “Портрет тирана”, вышедшей на Западе.

“Боялись все: от члена Политбюро до чистильщика сапог”, — замечает известный американский профессор Адам Улам.

Известнейший на Западе исследователь тоталитарных режимов Ханна Арендт писала, что лагеря играют в этих системах роль

лабораторий и подтверждает одну из главных основ подобного строя: нет ничего невозможного.

”Террор и запугивание — единственное оружие власти в борьбе с народом”, — утверждает Иван Солоневич, блестящий эмигрантский писатель, убежавший с Беломоро-Балтийского канала в Финляндию. В середине 30-х годов он писал:

”Две чудовищные силы сцепились друг с другом в обхватку, в беспримерную по своей напряженности и трагичности борьбу. Власть задыхается от непосильных задач; страна задыхается от непосильного гнета.

Власть ставит своей целью мировую революцию. Ввиду того, что надежды на близкое достижение этой цели рухнули, страна должна быть превращена в моральный, политический и военный плацдарм, который сохранил бы до удобного момента революционные кадры, революционный опыт и революционную армию.

Люди же, составляющие эту ”страну”, становиться на службу мировой революции не хотят и не хотят отдавать своего достоинства и своих жизней. Власть сильнее людей, но людей больше. Водораздел между властью и людьми проведен с такой резкостью, с какою это бывает обычно только в эпохи иноземного завоевания. Борьба принимает формы средневековой жестокости.

...Отсюда чудовищные цифры лагерного населения и непрекращающееся голодное вымирание страны.

Но на завоеванных территориях столиц, крупнейших промышленных центров, железнодорожных магистралей достигнут относительный внешний порядок: враг или вытеснен или уничтожен. Террор в городах, резонирующий по всему миру, стал ненужен и даже вреден. Он перешел в низы, в массы, от буржуазии и интеллигенции — к рабочим и крестьянам, от кабинетов — к сохе и станку. И для постороннего наблюдателя он стал почти незаметен”.

”Нет, — решительно возражает представитель другого крыла американских историков, так называемых ”ревизионистов”, Роберт Тюрстон. — Боялись, но совсем не все. Террор царил лишь в узком кругу партийно-государственной элиты, именно эти люди тряслись по ночам. Для большинства же советских людей 1937 год памятен полетами летчиков, пушкинским юбилеем, улучшением продовольственного снабжения. Они верили, что ”зря не сажают”, что от врагов народа и вредителей необходимо избавиться, что Ежов делает очень полезное дело”.

Роберт Тюрстон доказывает эту точку зрения, опираясь на многочисленные свидетельства очевидцев, мемуары, статьи, архивные документы. Он цитирует, в частности, известный анекдот:

В Ленинграде в 1937 г. стучат в дверь. "Кто там?" — "Откройте! НКВД". — "Что вы, что вы, вы ошиблись дверью, коммунисты живут этажом выше".

Тюрстон приводит много десятков фактов, буквально совпадающих с этим анекдотом. Например, вот что рассказывает в своих мемуарах, опубликованных в 1982 г., Лидия Шатуновская:

"Вот что случилось в нашей квартире летом 1937 года. Как я уже упоминала, две комнаты в этой квартире занимали мы с мужем, а в двух других жила Александра Васильевна Савельева... Савельева была старым членом партии, с большим дореволюционным стажем и безупречной биографией, в которой было все: аресты, суды, ссылки, побег. Она всегда строго придерживалась ортодоксальной "генеральной" линии партии. Ни в каких оппозиционных группировках она не состояла... Казалось, чего ей бояться? И все же... Часа в два ночи в нашей квартире раздался сильный звонок... Я накинула на себя халат и пошла открывать дверь. За себя и за мужа я не волновалась. Мы были беспартийными интеллигентами, специалистами, а таких в те годы еще не очень громили. Наша очередь пришла позже. Но Савельева?"

Я вышла в коридор и увидела ее. Она стояла смертельно бледная, в полуобморочном состоянии, держась за стену, чтобы не упасть. "Идите к себе. Я сама открою дверь", — сказала я. "Кто там?" — "Откройте, здесь дежурный комендант". Ну, тут уж все стало ясно. Арестовывать всегда приходили в сопровождении дежурного коменданта дома. Выхода не было, и дрожащими руками я открыла дверь. За ней, действительно, стоял дежурный комендант и какой-то рабочий, но гебистов не было. "Извините, — сказал нежливо комендант, — не залило ли водой вашу ванную комнату?"

Мы открыли дверь и увидели, что и вправду наша ванная и кухни залиты водой. Какое счастье! Да будь это даже и пожар, мы и то были бы счастливы".

"Нас не тронут", — в этом, по мнению Тюрстона, были убеждены почти все советские люди. Ссылаясь на десятки авторов воспоминаний о ГУЛаге, он отмечает, что почти все они не ожидали ареста. В том числе и Александр Солженицын, который писал:

"...что могли мы знать об этих арестах и почему мы должны

были о них думать? Все местные руководители исчезли, но нас это мало волновало. Два или три профессора были арестованы, но что из того, они не были нашими партнерами по танцам”.

Арест казался чудовищной несправедливой ошибкой. Тюрстон ссылается на воспоминания известного дореволюционного писателя эсера, многолетнего заключенного Иванова-Разумника. В своей книге “Тюрьмы и ссылки”, вышедшей в Нью-Йорке в 1953 г., автор вспоминает, как в 37 году, в камере на Лубянке, они по виду и по первым словам узнавали, в чем обвиняется или будет обвиняться новичок: вредитель, шпион, саботажник и т.д. Сами вновь прибывшие не могли в это поверить, но вскоре им объясняли следователи на допросе. Иванов-Разумник продолжает:

”Надо сказать, что репертуар восклицаний всех новичков был до крайности однообразен, так что мы знали порядок восклицаний наизусть и называли их ”граммофонными пластинками”. Явившийся с воли в камеру чаще всего начинал с потрясенного восклицания:

— За что! За что?

Это называлось ”пластинкой № 1”. Ему кричали:

— Перемените пластинку!

Он удивлялся, а потом бросал свои ”за что?” и растерянно повторял:

— Какой ужас! Какой ужас!

Это именовалось ”пластинкой № 2”. Ему опять предлагали ”переменить пластинку”. Восклицание: ”Никогда бы этому не поверил!” — шло обыкновенно за двумя первыми и носило название ”пластинки № 3”. Таких пластинок” мы насчитывали до семи. Когда новичок всех их пропускал через себя — он немного успокаивался от реплик камеры (”перемените пластинку!”), так как видел, что переживания его не единичны и что надо, подобно всем товарищам по судьбе, подчиниться неизбежному”.

Тюрстон считает, что если бы аресты невинных людей проводились с целью посеять страх среди населения, не следовало бы держать заключенных в полной изоляции и давать им такие большие сроки. Он отмечает, что в результате этих арестов, экономика и отношение населения к властям сильно страдали, государству это было невыгодно с любой точки зрения, а значит, в основе преследования невинных людей лежало не желание запугать, а скорее ошибка.

Целью, по мнению автора, была расправа с элитой, уничтожение подозрительных и непослушных в правящем аппарате. Автор

отмечает, что исследованиями его коллеги Шилы Фицпатрик показано, в частности, что репрессии обрушивались на молодое поколение советских руководителей с той же частотой, что и на старые кадры и, следовательно, теория смены поколений вождей столь жестоким образом не состоятельна.

В ответе Тюрстону Роберт Конквест соглашается с тем, что жизнь в 1937 г. продолжалась без особых внешних перемен:

„...играли в игры, праздновали праздники, ходили в театр и на танцы, влюблялись...”

Но из этого не следует, что не было массового террора и что люди не боялись ареста. Боялись так же, как люди, живущие во время войны, боятся погибнуть от бомбы или пули, но при этом продолжают жить. В свидетели своей правоты Конквест призывает всех граждан СССР и всех жителей тоталитарных стран.

Несмотря на множество аргументов у Роберта Тюрстона и их нехватку у Роберта Конквеста, не складывается впечатления, что одному из авторов удалось убедительно опровергнуть другого. С точки зрения рядового жителя СССР — они правы оба. Действительно, шла жизнь. Трудная жизнь, включающая работу, семью, заботы о куске хлеба. В этой жизни была и настойчивая пропаганда о вражеской угрозе и аресты вредителей, иногда они обрушивались на соседей, знакомых или родных. Многие верили пропаганде, утверждавшей, что невинных не трогают. Верили и все равно дрожали, когда это страшное оказывалось рядом. Вероятно, аресты не проводились с целью запугивания рядовых граждан, но они при этом пугались. Конечно, члены партии и особенно высшие руководители боялись сильнее, они не спали порой по ночам, ожидая стука в дверь или прислушиваясь к проезжающим автомобилям. Но и средний обыкновенный человек не был уверен в своем будущем. Он знал, что сажают за анекдоты, рассказанные при тебе, за оговорку или опечатку, за поломку станка, за опоздание на работу. От тюрьмы в то страшное время никто не был застрахован.

„Мне один человек в 38-м сказал, — вспоминала Анна Андреевна Ахматова, — Вы бесстрашная. Вы ничего не боитесь. Я ему: „Что вы! Я только и делаю, что боюсь”. Правда, разве можно было не бояться? Тебя возьмут, и прежде, чем убить, заставят предавать других”. Ахматова добавляет: „Да. Страх. В крови остается страх. Чиндзаев испугался повторения. Осип после первой ссылки воспел Сталина. Потом он сам мне говорил: „это была болезнь”. Сохрани-

лись допросы Жанны д'Арк. На третьем допросе ей показали в окно приготовленный заранее костер. И она отреклась. На четвертом снова стала утверждать свое. Ее спросили: "Почему же вы вчера были согласны?" — "Я испугалась огня"."

Страх развращает человека, делает его соучастником преступлений, частицей общей машины насилия и подавления. Об этом пишет, например, Евгения Гинзбург в своей книге "Крутой маршрут":

"Шла домой и думала — а ведь и я причастна к преступлению. К молчанию. К трусости. Даже к приукрашиванию".

Человек и ГУЛаг

ГУЛаг — это советское сокращение возникло в 1934 г., когда Народный комиссариат юстиции передал управление лагерями Наркомату внутренних дел (НКВД). Тогда и было создано Главное управление лагерей — акроним ГУЛаг.

Этот термин получил всемирное употребление в 1973 г. после выхода в свет книги Александра Солженицына "Архипелаг ГУЛаг", художественного исследования недр тюремной системы, развившейся в СССР. Название книги указывает на рождение новой цивилизации, несущей в себе зерна лагерей — ведь греческий архипелаг был колыбелью европейской цивилизации — и в то же время оно говорит о повсеместном распространении новой системы рабства.

Многие исследователи отмечают, что лагеря, как советские, так и немецкие явились характерным порождением 20-го века, отражением некоторого всемирного процесса, который удачно называют "кафканизацией". Франц Кафка — страхового агент из Праги, в своих произведениях действительно сумел уловить, диагностировать, а, возможно, и предвосхитить обезличивание человека в современном мире. Писатель Джордж Стайнер писал о нем:

"Самое важное в Кафке — это то, что он обладал странным, боязливым предчувствием, он до деталей видел надвигающиеся ужасы. Роман "Процесс" изображает точную модель государства террора. Он предвещает тайный садизм и истерию, которую тоталитаризм вселяет в личную жизнь и безликую скуку убийц".

— Но не наделяем ли мы Кафку своими собственными мыслями? — задается вопросом известный французский литературовед

Жорж Нива. Нива отмечает, что лагерная тема повсюду сталкивается с усилиями внутренней и внешней цензуры:

”Зачем, мол, беречь ”неизлечимые раны”, когда эти несчастья прошлого так или иначе преодолены или, по крайней мере, скрыты от глаз? Возвращение к этому вопросу неизбежно вызывает гнев тех, кто хочет вести нормальную жизнь”.

Советские лагеря не всегда были чем-то постыдным, тщательно скрываемым. Напротив, они были первоначально задуманы как витрина режима, демонстрирующая его цель: пересоздание человечества. Это была одна из попыток воплощения утопии. И хотя в 20-е годы на Соловках были заключенные, временно исполняющие обязанности лошади (ВРИДЛО), в то же самое время там, за Популярным кругом сажались экзотические деревья именно для того, чтобы показать, что Соловки также меняют мир и строят новую жизнь.

Одним из певцов будущей жизни, воплощенной в лагерях, был в тридцатые годы Максим Горький. Он прославлял перековку людей на Беломорском канале, в то время, как тысячи людей там погибали от непосильного труда. Горькому принадлежат пророческие и по счастью окончательно не реализованные слова:

”Недалек тот год, месяц и день, когда лагеря окажутся не нужны, когда они все объединятся в одно гигантское строительство социализма”.

Мечту Горького подхватил социолог-философ Александр Зиновьев. В его фантастическом романе ”Зияющие высоты” изображено общество, в котором ГУЛаг излишен. В его обществе успехи научного ГУЛага достигаются без всякого принуждения, в старом значении этого слова. В этом мире, лишенном какой-либо альтернативы, где каждый унижен и выставлен на всеобщее обозрение, любой неконформист оказывается пойман в большом общественном котле, гигантском социалистическом бараке, где вся группа ответственна за надзор. Архипелаг вырос настолько, что превратился в Континент; общество теперь состоит из одного элемента — утопической мечты. Мы в реализованной утопии. Парадоксальное мышление Зиновьева универсализирует принцип барачков в обществе потребления.

Архипелаг действительно бесконечно расширился, но не захватил всей страны. Вместо этого, о нем просто перестали упоминать, поскольку лагеря не только приблизили осуществление утопии, но оказались, по меткому выражению доктора Кремера из Освенцима,

”Анус Мунди”, то есть ”Задницей вселенной”, где в суровом молчании разгружаются бесконечные транспорты жертв. Нацистский лагерь тоже имел педагогические и морализирующие аспекты, хотя и в меньшей степени, чем советский. Западные исследователи постоянно обращаются к сопоставлению тех и других, можно или нельзя ставить их на одну доску? Один из этих авторов, бывший узник немецких лагерей коммунист Семпрун пишет в книге ”Что за прекрасное воскресенье”:

”Русские не чувствовали себя в Бухенвальде, как на другой планете, это все было прямо как дома”.

Автор вспоминает в связи с этим героя ”Одного дня Ивана Денисовича” Сеньку Клевшина. Солженицын описывал его так:

”Сенька Клевшин — он тихий бедолага. Ухо у него лопнуло одно еще в сорок первом. Потом в плен попал, бежал, изловили, сунули в Бухенвальд. В Бухенвальде чудом смерть обминул, теперь отбывает срок тихо. Будешь залупаться, говорит, пропадешь”.

Вынужденный прийти к выводу об общности природы советской и фашистской лагерных систем, Семпрун заключает:

”Я думаю, что целью Сталина было разрушить потенциальную невинность нашей памяти... Я думаю, что подлинный Мавзолей революции находится там, на далеком Севере, на Колыме, где братские могилы составляют огромные склепы-тоннели, а точнее, строительные площадки социализма. Мы могли бы маршировать мимо тысяч обнаженных, негниющих трупов заключенных, схваченных вечной мерзлотой, вечной смертью”.

Многие исследователи были обескуражены, познакомившись с историями заключенных, побывавших в советских и немецких лагерях. Швейцарский гуманист Альберт Бенин в предисловии к книге немецкой коммунистки Маргарет Бубер-Нойман, переданной НКВД в руки гестапо и попавшей тем самым из Карагандинского лагеря в Ревенсбрюк, писал:

”В то время как жизнь в лагерях, казалось бы, указывает на то, что в русском народе сохранился большой элемент гуманности, чем у немцев, сравнение этих двух полицейских государств может доказать, что советский режим более, чем гитлеровский, преуспел в избавлении от последних остатков христианства”.

”Возможно, что эти слова были вызваны абсолютной произвольностью репрессий 1937 года”, — замечает по этому поводу Жорж Нива.

Об общности любых систем, заключающих человека в лагерь, говорит в своем романе "Жизнь и судьба" Василий Гроссман. Гроссман написал живую энциклопедию лагерной жизни с ее всевозможными социальными прослойками — уголовниками, "суками", "политическими", "доходягами".

Проблема лагерей в романе Гроссмана связана с самыми коренными основами человеческого бытия. Это проблема жизни на земле.

"Мне кажется, есть грань, ограничивающая бесконечность Вселенной, — жизнь... Эта грань в противоположности жизни и неживой материи. Мне представляется, жизнь можно определить, как свободу. Жизнь — есть свобода. Основной принцип жизни — свобода. Вот тут и пролегла граница — свобода и рабство, неживая материя и жизнь".

"Это чудовищно, но по-другому, — свидетельствует побывавшая и в нацистских и в советских лагерях Ольга Вюрмзер. — С одной стороны, уничтожается целый народ, включая стариков и детей, с другой, — депортируются социальные классы и группы, разрушаются семьи, дети воспитываются в ненависти к родителям".

В лагерном аду необычайно трудно, практически невозможно остаться человеком. Это трагическое ощущение остается при чтении Колымских рассказов лагерного патриарха Варлама Шаламова. Об этом же пишет узник и исследователь Освенцима Эли Визель:

"Мы были неспособны думать о чем бы то ни было. Наши ощущения были притуплены, все было смазано, как в тумане. Уже невозможно было что-либо понять. Инстинкт самосохранения, самозащиты, гордость покинули нас. В момент последнего просветления мне казалось, что мы — проклятые души, скитающиеся за гранью мира, осужденные на скитания по вселенной до скончания веков, ищущие искупления и забвения и не находящие их".

По-иному относятся к этой проблеме Александр Солженицын и Евгения Гинзбург. Четвертая часть "Архипелага" не случайно называется "Душа и ключая проволока". Автор пишет:

"Как в природе нигде никогда не идет процесс окисления без восстановления (одно окисляется, а другое в это самое время восстанавливается), так и в лагере (да и повсюду в жизни) не идет растление без восхождения. Они — рядом".

Солженицыну кажется, что в лагерях тоталитарного государства находят прибежище достоинство, чистота и внутренняя свобода.

На этом парадоксе построен весь "Круг первый": закабаление "свободных" в "большой зоне" и освобождение заключенных в "малой". Туда не доходят ни подавляющий ритуал, ни отупляющая идеология.

"Конечно, по сравнению с тюрьмой, наш лагерь ядовит и вреден. Конечно, не о душах наших думали, когда вспучивали Архипелаг. Но все-таки: неужели в лагере безнадежно устоять?

И больше того: неужели в лагере нельзя возвыситься душой?"

Совесть ээка чиста: он редко кончает жизнь самоубийством, в крайнем случае может надругаться над своим телом (простая арифметика — пожертвовать частью для спасения целого). С того момента, как он ступил на землю ГУЛага, он учится жить по его правилам: выживание (прислуживание заключенным "побогаче"), труд (знаменитая стена Ивана Денисовича) и сохранение своей личности (не доносить, не попрошайничать, не "вылизывать котел"), "...чистая совесть, как горное озеро светит из твоих глаз. И глаза твои, очищенные страданием, безошибочно видят всякую мусть в других".

По-иному смотрит на мир тоже прошедший через лагеря советский писатель Юрий Домбровский. Он писал:

"Вы думаете, что человек недостаточно силен? Что он не может не затапывать себя в грязь? Не делаться предметом издевательства? Эдакой грязной жестянкой на собачьем хвосте? Чепуха, дорогой! Может, сто раз может! И что самое, пожалуй, гнусное, ведь культурная оболочка — такие словечки, притязания, эрудиция, гордый вид — это все у нас сохраняется. Как же — венец творчества..."

По существу, здесь расхождение в определении сущности человека. Способны ли люди в предельно трудной ситуации, оторванные от семьи, лишенные имущества, брошенные как бы в абстрактное лагерное пространство, на истинное общение? Люди ли они, братья ли они своим ближним? Заморожена ли в них эта жизнедающая способность?

Проблема человека в ГУЛаге не имеет и не должна иметь однозначного решения. Намного более принципиальным является вопрос об ответственности человека перед лицом существования ГУЛага. О жизни в обществе после Освенцима и Колымы. Эта ответственность осознается практически всеми авторами, затрагивающими трагическую тему лагерей. При этом большинство авторов видят выход в отказе от глобальных объединяющих идей, таких как "народ", "отечество", "утопия светлого будущего".

Слишком легко безоглядное следование этим идеям приводило к злу. Выход заключается в осознании личной ответственности. Это может быть индивидуальная ответственность человека, проявляющаяся в непосредственных добрых делах или мученичество, подвижничество, решительное сопротивление тирании. И если лагеря — это попытка устранить из человека его человеческую сущность, то жизнь после лагерей, после "Освенцима и Колымы" — это отстаивание везде и всегда достоинства и права человека, утверждение знаменитого "Я емь", вопреки всем возможным видам насилия и подавления.

Малая зона

Французский философ Рене Жирар создал оригинальную теорию, объясняющую чудовищные злодеяния режимов нашего времени мифом о жертвоприношении. Он писал:

"Все яростные идеологии, развивавшиеся и свивавшиеся в схватке друг с другом в XX веке, всегда были проникнуты чудовищным и, в конечном счете, малоэффективным механизмом рационализации жертвоприношения".

Тоталитаризм — это не форма личной власти. Он действует во имя науки, истории, природы. Он должен скрывать абсолютную произвольность научно выбранной жертвы. Отобранная жертва погружается в вагон и отбывает. В каком-то отношении тоталитаризм упраздняет трагизм ситуации, он разделяет, низводит, истребляет, но без всякого хвастовства, буднично, без выставления напоказ. Палач не поднимает отрубленную голову на обозрение толпы.

Первым шагом в сложном ритуале превращения человека в заключенного был арест. Ордер, следователь, понятые, черный ворон у подъезда — все эти элементы бюрократического ритуала превращали трагедию человека в обыденное повседневное, вполне заурядное явление. Составлялись планы по арестам, рассылались директивные указания. Вот рассказ Надежды Улановской о ее беседе со шакомым энкаведешником:

"Он рассказывал, что ему дали цифру по району — посадить четыре тысячи человек. Он отказался, заявив на совещании: "Я не могу выполнить этот план". И объясняет мне с горячностью: "Понимаешь, всех бывших политкаторжан пересажали, латышей всех посадили, — где я им столько наберу?" Тогда другой энкаведешник, которого я тоже знала — заходил вместе с Н. в Лубянский про-

езд, — говорит: "Ну, если товарищу трудно, я возьму его цифры в дополнение к своим". Я слушала, подбирала каждое слово: вот как оно делается! Как в любом учреждении! Мы ведь не понимали до конца, по какому признаку берут и за что. Оказывается, дают контрольные цифры".

Следующим элементом приобщения человека к потусторонней жизни был обыск по прибытии в тюрьму. Вот как описывает эту процедуру опытный заключенный, сидевший и в 1901, и в 1919, и в 1933, и в 1937 гг., известный писатель Иванов-Разумник:

"Скучающий нижний чин тщательно осмотрел сперва все содержимое чемоданчика — и конфисковал такие опасные предметы, как кашнэ, роговой фруктовый ножичек, запасную вторую трубку и, наконец, самый чемоданчик; к этим вещам он присоединил и золотое обручальное кольцо, предложив мне снять его с пальца. Золотое пенснэ почему-то не подверглось конфискации. Затем он отрывисто сказал: "Разденьтесь догола!", и по мере того, как я раздевался, внимательно осматривал и ощупывал платье и белье. Контрабанды не оказалось; но с брюк моих он срезал стягивающий их сзади клапан с застежками: у заключенного не должно быть "ничего острого". Это, конечно, верх идиотизма, нисколько не мешающий постоянным случаям самоубийства в тюрьме. И мало ли "острого" может найтись у заключенного, начиная с осколков оконного стекла, которое так не трудно бесшумно выдавить в камере!

Пока происходил медлительный осмотр платья и белья, я сидел в этой весьма прохладной комнате в виде арестованного Адама. Когда же осмотр кончился, то нижний чин все тем же скучающим тоном (бедняга) сказал мне:

— Встаньте! — Откройте рот! — Высуньте язык! (Черт побери, что же я мог туда спрятать? Но дальше пошло еще неожиданней.)

— Повернитесь спиной! — Нагнитесь! — Покажите задницу!

— Раздвиньте руками задний проход! — Повернитесь лицом!

Поднимите...!

Древние греки в своих комедиях не только не ставили здесь трех точек, но даже снабжали персонажей хора огромными "двумя точками с запятой" (говоря словами Пушкина). Под ними действительно, можно было бы пронести любую контрабанду. Но в нашей советской действительности?! Решительно недоумеваю. Но факт остается фактом".

Первый такой обыск испытал Иванов-Разумник в феврале 1933 года, когда он был арестован по обвинению в принадлежности к

организации левых эсеров. Впоследствии он подвергался этой процедуре множество раз при переводе в другую камеру, при специальных обысках, устраиваемых охраной, при переездах из тюрьмы в тюрьму, из города в город. Он сидел и в Доме предварительного заключения в Ленинграде, и в Бутырской тюрьме, и на Лубянке. Он оставил подробные воспоминания о режиме в этих тюрьмах, о принятых ритуалах: еда, оправка, прогулка, баня, допрос, — о том, как постепенно эти ритуалы менялись, как правило, в сторону все большего ужесточения. Иванову-Разумнику пришлось побывать и в одиночке, и в камере, где вместо 24 человек, находилось 80, и в такой же камере со 160-ю заключенными, когда спали на трех ярусах, на полу и на двухэтажных нарах и при этом только на боку, так как плашмя люди не могли разместиться. Этот надежный профессиональный летописец рассказывает, как впервые столкнулся в тюрьме с пытками:

— Был конец октября 1937 года. Я еще новичок, спал в "метро", под нарами (вернее, не спал, а задыхался, так как воздух под нарами был с непривычки невыносим). На дворе было довольно тепло и фрамуга была открыта. Вдруг в камере наступила мертвая тишина и все стали прислушиваться. Откуда-то из-за окна доносились заглушенные крики:

— Товарищи, товарищи, помогите! Изверги, что вы делаете?! Товарищи, помогите, убивают!

И после короткого молчания — нечленораздельный вопль — А-а-а-а!

Потом опять короткое мертвое молчание и снова иступленные крики:

— На помощь! Спасите! Товарищи!

Что в тюрьме бьют — об этом до нас и на воле доходили слухи. Что в тюрьме пытаются — тоже слыхали мы за достоверное. Но здесь впервые услышали мы собственными ушами вопль истязуемого. Следовательские комнаты были на третьем этаже над нами. Из открытой форточки одной из таких комнат и доносились до нас эти вопли.

Пытки применялись несомненно и раньше в ГПУ, но как исключительное явление, если не считать пресловутых массовых парилок, в которых "выпаривали" у буржуев золото и доллары в середине двадцатых годов. Но вот в те же годы поэт Николай Клюев попал на три дня в пробковую комнату Петербургского ГПУ и потом с ужасом рассказывал о своем там пребывании. Для чего-то и для

кого-то была устроена ведь эта комната, не миф, а доподлинная правда. Рассказывали о разных формах пыток, например, о системе допросов конвейером, но все это были только рассказы. Теперь же нам суждено было стать свидетелями, а многим и страдательными участниками ряда ничем не прикрытых пыток: ими, по приказу свыше, озаменовал себя "ежовский набор" следователей.

Впрочем, должен сразу оговориться: пыток в буквальном смысле — в средневековом смысле — не было. Были главным образом "простые избиения". Где, однако, провести грань между простым избиением и пыткой? Если человека бьют в течение ряда часов с перерывами резиновыми палками и потом замертво приносят в камеру — пытка это или нет? Если после этого у него потом целую неделю вместо мочи идет кровь — подвергался он пытке, или нет? Если человека с переломанными ребрами уносят от следователя прямо в лазарет — был ли он подвергнут пытке? Если в результате избиений поврежден позвоночник, так что человек не может больше ходить, — можно ли назвать это пыткой?

Я рассказываю здесь только о случаях, которые прошли перед моими глазами и спорить о словах не буду, — заключает Иванов-Разумник. — Буду говорить поэтому не о пытках, а об истязаниях, под это слово одинаково подходят случаи простого избиения, и лишения сна, и перелома ребер, и плеванья в рот, и перелома ног, и обливания головы мочей. Свидетельствую: никаких орудий пыток ни на Лубянке, ни в Бутырке я не видел и о них не слышал (они были, судя по рассказам, в Лефортовской тюрьме). Но одновременно с этим, заявляю: все случаи физических и моральных истязаний, которые десятками прошли перед моими глазами, сводились к той же цели, что и пытки — вынудить сознание в несовершенном преступлении.

Средневековой ведьме надевали на ноги испанские башмаки, утыканые внутри гвоздями, и раскаляли их, ведьма сознавалась и ее сжигали на костре. Современного шпиона или вредителя бьют резиновыми палками, плюют ему в рот, неделю не дают спать — он во всем сознается и идет на расстрел или в лагерь. Велика ли разница? Все дороги ведут в Рим".

Выбивание обязательного признания завершало первый этап обесчеловечивания человека и затем он передавался в распоряжение новой всемогущей силы ГУЛага. Бесконечные эшелоны товарных вагонов из конца в конец пересекали страну.

"Теплушками назывались эти вагоны в прежнее время", — пишет

Николай Краснов, внук знаменитого казацкого атамана, попавший и советскую тюрьму за службу в немецких войсках в годы войны.

”Теплушками были товарные вагоны, уютно попахивавшие потом и навозцем. Теплушками были те вагоны, в которых ехало 30 солдат, спавших на душистой соломе или сене, посапывавших под потрескивание и гул огня в печи. Мы же ехали в леднике на четырех колесах.

К утру нам удалось своим дыханием довести температуру до сравнительно сносной, т. е. не на очень много выше нуля. Постепенно начал таять лед со стен и потолка, и мутно-грязная, зеленоватая вода полилась по полу и стала капать на блатных, кое-как устроившихся на верхних нарах”.

Лагерь, ”малая зона”, часть страны изолированная от другой, большей части. Здесь живут те же обычные люди, но живут тяжело, хуже питаются, более тяжело работают. Две страшные силы давят на заключенного в лагере, стремясь уничтожить в нем все человеческое, превратить в лагерного раба. Одна сила — лагерное начальство, другая — урки, уголовный мир, устанавливающий во всех местах заключения свои собственные чудовищные порядки. Вот как рассказывает экономист Михаил Розанов о своем прибытии в лагерь в 1930 году:

”Перед строем показался средних лет белобрысый мужчина, в бродовых сапогах и без формы, — в лагерном бушлате и галифе.

— Смирно! Запомните, что я скажу. Повторять не стану. Кто думает бежать, пусть бежит сейчас же и прыгает в это озеро (наша командировка стояла на самом берегу большого озера Лоухи). Там ему будет лучше. Поймаем, — с живого семь шкур сдерем. А уйти ему все равно некуда. Вокруг — топи, озера, наши секретные посты с собаками. С сегодняшнего дня я ваш начальник, царь и бог. Не вздумайте жаловаться. Забудьте эту привычку. Тут кончилась власть советская и наступила власть соловецкая... Все приказы лагерной администрации — от меня до десятника — должны выполняться без возражений и полностью. Вы еще вижу не привыкли к строю, так ротный командир научит втягивать брюхо и держать равнение в рядах. А ну-ка, ротный, наведи порядок, научи их щорваться с начальством”.

От лагерного начальника зависела вся жизнь заключенного: рабута, питание, одежда и даже срок пребывания в лагере. Он действительно был царь и бог, от него зависела жизнь и смерть тысяч людей. Но не меньшей властью обладал и уголовный пахан, способ-

ный унижить любого заключенного, лишить его пайки хлеба, заставить выполнять за себя грязную работу. Лагерь учил людей звериной морали, навязывал им свои жестокие законы. К такому выводу пришел после первого столкновения с уголовниками бывший казачий офицер Николай Краснов:

”Я научился многому. Я узнал, что человек человеку волк, и что бороться нужно только сплоченной стаей, хватать мертвой хваткой, никогда не отступать и ни в коем случае не поворачивать неприятелю спину.

Я увидел, что дальнейшее мое пребывание в СССР ничего общего с Николаем Красновым не имеет. Он стал заключенным номер такой-то, и если хочет жить — должен сам выть по-волчьи”.

Лагерь, это стандартные деревянные бараки, обнесенные колючей проволокой, с вышками по углам; лагерь, это тяжелый, часто бессмысленный труд, и скудная пища. Лагерь, это постоянное балансирование на грани жизни и смерти. Вот что рассказывает Евгения Гинзбург, оказавшаяся в августе 1939 года в лагере на Колыме:

”Наш восьмой тюрзаковский барак кажется настоящим логовом зверя. Он весь искривленный, покосившийся, с двойными сплошными нарами, промерзшими углами, с огромной железной печкой посередине. Вокруг печки, поднимая вонючие испарения, сушатся бушлаты, чуни, портянки...

Общие работы, на которые я попадаю со следующего утра, называются благозвучным словом ”мелиорация”. Мы выходим из зоны с первым разводом в полной ночной тьме. Идем километров пять строим по пяти в ряд, под крики конвоиров и ругань блатнячек, попавших в наказание за какие-нибудь проделки в нашу бригаду тюрзаков. Пройдя это расстояние попадаем на открытое всем ветрам поле, где бригадир, блатарь Сенька, хищный и мерзкий тип, открыто предлагающий ватные брюки первого сорта за ”час без горя” — выдает нам кайла и железные лопаты. Потом мы до часу дня тюкаем этими кайлами вечную мерзлоту колымской земли.

Совершенно не помню, а может быть, никогда и не знала, какая разумная цель стояла за этой ”мелиорацией”. Помню только огненный ветер на сорокаградусном морозе, чудовищный вес кайла и бешеные удары сбивающегося с ритма сердца. В час опять крики и угрозы конвоиров за то, что сбиваемся с такта. В зоне нас ждет вожделенный кусок хлеба и баланда, а потом получасовой отдых, во время которого мы толпимся у железной печки, пытаюсь на-

брать столько тепла, чтобы хватило хоть на полдороги. И снова кайло, лопата, теперь уже до позднего вечера... И наконец, ночь, полная кошмаров и мучительного ожидания удара о рельс на подъеме.

Через десять дней "мелиорации" трофическая язва у меня на ноге снова раскрылась. Я с удивительной быстротой снова превратилась в "доходягу". Теперь я уже ничем не отличалась от тюрзаковской толпы".

ГУЛаг был не только системой "перевоспитания" человека. Он, в первую очередь, предназначался для проведения самых разнообразных работ: стройки, лесозаготовки, разработки природных ресурсов, в первую очередь золота, починка и прокладка шоссейных и железных дорог, знаменитые каналы от Беломоро-Балтийского до Волго-Донского — все это и многое другое сооружалось подневольным трудом заключенных. В пятидесятых годах самые крупные строительства, такие как Куйбышевская гидроэлектростанция или главный Туркменский канал были объявлены великими стройками коммунизма. Коммунизм в глазах их организаторов легко и естественно сочетался с системой рабского принудительного труда.

Возникал любопытный парадокс. Официальная доктрина марксизма, известная каждому студенту, если не школьнику, гласила: подневольный труд непроизводителен. Правительство же страны с маниакальным упорством стремилось доказать обратное — сделать систему лагерей экономически выгодной. Одно время казалось, что это ему удалось. Но это только казалось. Одни гигантские проекты так и не удалось завершить, брошенные шагающие экскаваторы в Туркмении или железнодорожное полотно по берегу Северного ледовитого океана свидетельствуют о том, что даже ГУЛагу не все было по силам. Другие, построенные, оказались в конечном итоге бесполезными, а с экологической точки зрения, даже вредными. Так, цепь водохранилищ на Волге, затопившая около двух миллионов гектар пойменных лугов, вносит свой немалый вклад в современную нехватку кормов для животноводства. Цветет вода в Цимлянском море и во много раз сократился улов рыбы на Волге — все это тоже элементы сталинского плана преобразования природы руками подневольных рабов.

За попытку реализации этого плана страна заплатила огромную цену: природными богатствами, человеческими жизнями и судьбами.

Но экономические и людские потери это даже не главный ущерб, принесенный стране существованием Архипелага. Главное — это изменение психологии людей, оставшихся на свободе, превращение СССР в большую зону, придаток малой лагерной зоны.

Большая зона

”Большая зона” — эти слова, ставшие в свое время поговоркой, показывают: для широких масс советских людей жизнь в лагере и жизнь за его чертой не слишком сильно различалась. К этой мысли постоянно возвращаются авторы многих воспоминаний о лагерной жизни. Иван Солоневич, бежавший с Бамлага в Финляндию в 1934 году, во введении к своей книге пишет:

”Я хочу предупредить читателя: ничем существенным лагерь от воли не отличается. В лагере, если и хуже, чем на воле, то очень уж не намного, конечно, для основных масс лагерников — рабочих и крестьян. Все то, что происходит в лагере, происходит и на воле. И наоборот. Но только в лагере все нагляднее, проще, четче. Нет той рекламы, нет тех ”идеологических надстроек”, подставной показной общественности, белых перчаток и оглядки на иностранного наблюдателя, какие существуют на воле”.

Другой многолетний заключенный, экономист Михаил Розанов, добавляет:

”Лагерь — не тюрьма, где содержат преступников, а копия советского государства. В лагере действует та же политика переработки человека в безропотный продуктивный скот. В лагере, как и на воле, свои тюрьмы, суды, прокуроры, следователи и шпики; своя денежная натурально-прогрессивная система оплаты, свои газеты, собрания, стахановцы, соревнования.

.....у концлагерей та же главная задача, что и у любого предприятия страны: выпускать продукцию больше по количеству, лучше по качеству и дешевле по цене...

В концлагере почти все так же, как и на воле, только рельефней, и потому — страшнее”.

Мы уже отмечали, что одним из важных следствий системы репрессий был страх. Боялись ареста своего и близких людей, боялись политических разговоров, боялись заполнения анкет, контактов с незнакомыми людьми. Как заметила Надежда Яковлевна Мандельштам, жизнь в стране настолько пропиталась тюрьмой, что

такие общие слова, как "взяли", "посадили", "сидит", "выпустили" — все понимали в одном определенном значении без всяких дополнительных пояснений.

Лагерь внедрял в страну скрытность и подозрительность, стукачество, рабскую психологию, жестокость, предательство и ложь. 26 января 1937 г. "Литературная газета" вышла под шапкой: "Смести с лица земли троцкистских предателей и убийц, — таков единодушный приговор рабочих, колхозников, ученых, писателей, всего советского народа". С кровожадными призывами "смести, расстрелять, уничтожить" (причем, газета вышла в день открытия суда, то есть до рассмотрения обвинений) выступили не только Алексей Толстой, Тихонов, Вишневский, Федин, Леонов, но и такие люди, как Юрий Олеша, Виктор Шкловский, Бабель, Фраерман, Маршак и Ильин, Юрий Тынянов, Паоло Яшвили.

Верили ли эти прекрасные писатели в то, что говорили? Что их оставило, вопреки естественным традициям гуманизма, требовать смерти обвиняемых, даже не выслушав, что те могут сказать в свою защиту?

Некоторые из этих статей и стихотворений читаешь сегодня с улыбочкой горечи и презрения:

"Кровавые собаки реставрации ползли на брюхе вслед за своим шовдырем Троцким — торговцем человеческой кровью и честью, не имеющим родины, злобным выродком, проституткой фашизма".

Написал поэт Владимир Луговской.

А другой поэт акын Казахстана, Джамбул, сочинил ко времени Поэму о наркоме Ежове:

Они совершали озверев,
Чудовищные преступленья!
И в нас кипит священный гнев,
И нет предела омерзенью.

Но, к сожалению, немногим лучше звучат слова замечательного русского писателя Андрея Платонова:

"Уничтожение этих особых злодеев является естественным, жизненным делом".

Если на такое нравственное унижение должен был пойти настоящий большой писатель, то что же тогда говорить о рядовых советских служащих и чиновниках.

Отказ в помощи родным и близким, оказавшимся под ударом, предательство друзей, донос ради карьеры, ради квартиры, из ме-

сти — все это расцвело пышным цветом под покровительством вездесущих органов безопасности.

Распадались семейные связи, родственники отказывались от арестованных близких. Очень характерна в этом отношении судьба Юлии Пятницкой. Ее муж, работник ЦК Иосиф Пятницкий в тюрьме, ее старший сын Игорь тоже арестован. Юлия верит в их невиновность. Но в то же время она хочет как-то разумно объяснить происходящее. Ей это необходимо, чтобы продолжать жить. Юлия записывает в своем дневнике, для себя, чудовищные слова:

”Я верю Пятницкому, но еще больше я верю в светлую работу Н. И. (Ежова). ”Бывают и на солнце затмения”, но Солнце ничто не может заменить. Партия — это солнце нашей жизни, и ничто не может быть дороже ее здоровья, и если жертвы неизбежны (и если твою жизнь скосило случайно), найди силы, чтобы остаться человеком, несмотря ни на что. Игоренюшка, мальчик мой светлый, я знаю, что ты все утешь, если не погибнешь”.

Еще большую потребность в разумном объяснении испытывают дети. Однажды младший сын Юлии Вовка сказал:

”Жаль, что папу не расстреляли, раз он враг народа”.

Юлия его не поддержала, а ответила:

”Сначала выучись, будь хорошим общественником, а там посмотрим, а папу не забывай так. Мы еще не знаем, может быть, он не виноват, а ошибся, может быть, его враги обманули”. А Вовка сказал: ”Нет, нет, не верю” (то есть он думает, что отец — враг)”.

Предавали и выдавали порой самые близкие друзья. Недавно на Западе в журнале ”22” появились воспоминания некоего Сергея Хмельницкого, который рассказывает, как по приказу КГБ доносил на своих близких друзей:

”Однажды на встрече со мной мой гебист явился с неким коллегой. Его очень интересовали два моих близких знакомых Брегель и Кабо, тогда студенты исторического факультета университета... Чем объяснить их принципиальное неучастие в общественной работе? Товарищей по курсу уже давно возмущают их антисоветские взгляды. Их циничное отношение к нашим свершениям. Вражеские высказывания. Анекдоты. Заметьте, цитируют литературу, которой не найти ни в одной библиотеке. ...Ваша задача: дружить с ними по-прежнему, почаще встречаться, слушать и запоминать. И не вздумайте морочить нам голову: сами понимаете, вы у нас не один. Угайте — пеняйте на себя”.

Хмельницкий не утаивал. Он следил, аккуратно сообщал, а порой и провоцировал своих приятелей. Кабо, в также опубликованном письме рассказывает, как Сергей уговаривал его перед надвигающимся арестом не уничтожать дневники, как он присутствовал при этой операции, а затем, как следователь припоминал ему каждый сожженный листочек.

”Так я купил свободу и, может быть, жизнь, ценой свободы двух моих товарищей, ни в чем, конечно, не повинных. Очень, слишком, недопустимо сильно мне хотелось тогда жить”.

Сознается предатель. История Хмельницкого — один из самых характерных эпизодов тех страшных лет. Общество все сильнее и сильнее скатывалось к лагерной морали урок: ”Умри ты сегодня, а я — завтра”. Люди все чаще покупали свою свободу за счет жизни других.

Казалось бы, большую зону от малой отличала полная свобода передвижения. Но и это оказалось довольно относительно. Вслед за расцветом системы лагерей, была введена прописка, прикрепляющая человека к месту жительства, а затем был введен запрет покидать место работы без разрешения начальства, и человек оказался закреплен хоть на длинном, но довольно жестком поводке.

И уровень жизни в свободной стране порой не слишком сильно отличался от лагерного. Та же драная одежда, та же пайка хлеба.

Оказавшийся впервые в Москве эмигрант Николай Краснов отмечает:

”Уже по дороге меня удивила бедность прохожих. И мужчины и женщины не в пальто, а в телогрейках. Гимнастерки, сапоги и бушлаты стали основной одеждой послевоенного люда в СССР. Женщины в платках. На ногах войлочные сапожищи. Часто в ватных брюках. Спешат на работу...”

Почти невозможно поверить, но было время, когда для жителя села далекая северная каторга была порой спасением от голодной смерти. Большая зона завидовала малой, малая зона, лагерь становилась идеалом существования. Лагеря были той раковой опухолью, которая отравляла страну, искажала ее развитие, преобразовывало общество по своему образу и подобию. Надвигалось будущее, описанное в фантастических произведениях Замятина и Орвелла; будущее лагерного коммунизма.

Размеры потерь

Проблема потерь советского населения в результате репрессий в сталинские годы, масштаб этих репрессий вот уже десятки лет обсуждаются на Западе как специалистами, так и эмигрантами, выходцами из СССР, нередко людьми, вырвавшимися из ГУЛага. В последний год эта тема перестала быть запретной и для советской печати и хочется надеяться, что в связи с этим скоро появятся новые, достаточно полные сведения. Пока однако это не так, и все оценки носят гипотетический характер.

Надо заметить, что сами по себе цифры не определяют отношения к факту уничтожения ни в чем не повинных людей. Об этом хорошо сказал недавно в журнале "Вопросы истории" В. П. Данилов:

"Конечно, проблема заключена не в самих цифрах, не в том, чтобы доказать истинность больших или меньших чисел. Бесценна жизнь каждого человека, и нет такого предела, ниже которого жертвы людские "нормальны" и "допустимы", а выше — "чрезмерны" и "предосудительны". И не о том речь, что при трех миллионах умерших голодной смертью в 1932—33 гг. наше осуждение сталинских хлебозаготовок и сталинщины будет в целом менее определенным и решительным, нежели в том случае, если это число превысит пять или семь миллионов".

Известный историк Роберт Конквест оценил потери как на основании свидетельств бывших заключенных и работников органов, так и с помощью демографических и экономических данных. Он пишет:

"Со всей осторожностью принимая за среднюю на период 1936—50 годов цифру в 8 миллионов заключенных и цифру в 10 процентов годовой смертности, мы получаем в итоге 12 миллионов погибших. К ним следует прибавить еще миллион расстрелянных; цифра отнюдь не преувеличена. Были потери и до начала ежовщины, в период 1930—36 гг., охватывающие три с половиной миллиона жертв коллективизации, плюс еще столько же заключенных и спецпереселенцев, практически вымерших в последующие годы; это опять же по минимальной оценке. В итоге все это составляет 20 миллионов, причем цифра эта, вероятно, занижена, и к ней следовало бы прибавить еще процентов пятьдесят, чтобы охватить весь урон в народонаселении за двадцать три года сталинщины".

О средней численности лагерей в 8—10, а то и 15 миллионов

и гибели в них десятков миллионов людей пишут очень многие: от иностранных дипломатов тех лет, посылавших секретные рапорты своим правительствам, до Солженицына и Сахарова. Совсем недавно о 12 миллионах написал Юлиан Семенов в газете "Московская правда", упоминая секретный документ, который он видел в Министерстве внутренних дел.

Со ссылкой на Конквеста и других авторов, цифру 8 миллионов заключенных в довоенные годы повторили авторы популярной истории СССР Александр Некрич и Михаил Геллер.

Однако надо признать, что за всеми этими утверждениями практически нет сколько-нибудь серьезных источников. Как ни велик лагерный опыт тех или иных заключенных или узников тюрем, он исчерпывается тысячами или десятками тысяч лиц и не может охватывать всю страну. Чтобы понять, насколько субъективны человеческие оценки, приведу один пример.

В. И. Юкшинский, бывший политзаключенный, в работе "Советские концлагеря", выпущенной Институтом изучения СССР в 1958 году, пишет:

"Мне пришлось с начала 1949 года познакомиться с Тайшетской или Озерной системой лагерей... Для постройки участка железной дороги по всей длине 270 км., создали цепь из 64 лагерей. Один был пересыльный (в Тайшете), три лазаретных, один туберкулезный и четыре женских. Женские лагеря были совершенно изолированы от мужских... Я лично посетил восемь лагерей Озер-системы и все они были почти одинакового состава. Всего в этих лагерях — от Тайшета до Братска — находилось 70 тысяч человек".

Дальше автор подробно рассматривает национальный состав среднего лагеря численностью около тысячи человек. 40% русских, 30% украинцев, по 20—30 человек поляков, немцев, японцев, по 52—70 человек прибалтийцев, китайцев, русских эмигрантов, корейцев.

В ту же систему лагерей в то же время попал бывший казачий офицер Николай Краснов. Этот наблюдательный и аккуратный человек приложил к своей книге даже чертеж расположения барачков в лагере, в котором было около 900 человек, что вполне согласуется со сведениями Юкшинского. Но вот общая оценка всего Озерлага у Краснова заметно отличается. Он пишет:

"По тогдашним вычислениям, только в районе Тайшета на трассе, проводимой заключенными Озерлага, находилось около милли-

она рабов, я не могу ручаться за точность сведений, но лагерники считали, что в спецлагеря попало около 10 миллионов человек по 58 статье”.

Два человека расходятся в оценке численности лагерников на окружающей их территории почти в 15 раз, причем Юкшинский, дающий меньшую цифру, бывал в восьми лагерях Озерлага, а Краснов только в одном. Примеров таких расхождений и преувеличений множество. Дело в том, что практически невозможно представить себе, что такое миллион человек, это статистическая, а не реально осязаемая величина. Говоря о цифрах подобного порядка, я всегда вспоминаю рассказ Геродота о численности армии персидского царя Кира, переправившейся через Гелеспонт в Грецию.

”Сколь велика была численность полчищ каждого народа, я точно сказать не могу, потому что об этом никто не сообщает. Общее же количество сухопутного войска составляло 1.700.000 человек. А подсчет производился следующим образом: согнали в одно место 10.000 человек и, поставив как можно плотнее друг к другу, обвели вокруг чертой. Обведя чертой, отпустили эти 10.000 воинов и по кругу построили ограду высотой человеку до пупа. После этого стали загонять в огороженное место другие десятки тысяч людей, пока таким образом не подсчитали всех. Затем воинов распределяли по племенам”.

К этому интересному расчету современные историки обычно дают примечание, что подобной армии в то время не могло существовать, что она должна была растянуться на тысячи километров — авангард в Греции, а арьергард еще не вышел из Персии, что цифра преувеличена в десять раз по крайней мере. Геродот же увеличивает эту цифру еще в три раза. Он подсчитывает численность военноморского флота в много сотен тысяч человек, а затем вспоминает об интендантских командах:

”Столь велика была боевая мощь Ксеркса! Обоз же, следовавший за войском, команды легких судов с продовольствием и прочих вспомогательных кораблей были, мне думается, не менее многочисленны, но даже еще многочисленнее самих боевых сил. Однако я принимаю численность обоза равной численности боевой силы и вовсе не больше и не меньше. Если это так, то численность обоза составляет столько же мириад, как и боевой силы. Таким образом, Ксеркс, сын Дария, привел к Сепиаде и Фермопилам 5.283.220 че-

ловек. Такова была общая численность полчищ Ксеркса.

Число же поварих-женщин, наложниц и евнухов точно определить невозможно. Также и количество упряжных и других выючных животных и индийских псов, в войсках нельзя установить из-за огромного их числа. Поэтому вовсе неудивительно, что воды некоторых рек иссякли; зато гораздо более поразительно, что нашлось достаточно пищи для стольких мириад людей”.

Такого числа людей не было, вероятно, во всей Греции и накормить и напоить их было, конечно, физически невозможно.

Определенные демографические ограничения существуют и для оценок советских лагерей. Все соглашается с тем, что там были в основном мужчины от 18 до 60–65 лет. Также очевидно, что не все они были в лагере, особенно во время войны. По переписи 1939 г. можно оценить число мужчин старше 18 лет в разгар войны 1942–43 гг. примерно в 55 миллионов человек. Из них около 15 млн. находились на оккупированной немцами территории, около 25 млн. были мобилизованы (сюда входят и убитые, и раненые, и попавшие в плен, и служившие во всех родах войск).

3 млн. погибло, 1,5 млн. демобилизовано и 6–7 млн. больные и раненые в госпиталях. Таким образом, вне фронта в СССР оставалось около 17 млн. мужчин. Если оставить на свободе хотя бы половину из них, имевших броню и непригодных к службе в армии по возрасту и инвалидности, то окажется, что 8 млн. — максимальная цифра сидящих в лагерях, включая сюда всех погибших от репрессий в предвоенные и военные годы. В действительности, половинная доля от мужчин в стране, пожалуй, слишком высока.

Западные историки располагают, пожалуй, только одним серьезным документом, проливающим некоторый свет на эту непростую проблему. Речь идет о Государственном плане развития народного хозяйства на 1941 год. Этот план был захвачен немцами в годы войны, и хорошо согласуется с другими материалами экономической жизни СССР. Но, в отличие от справочников ЦСУ, в этом документе показана экономическая деятельность Наркомата внутренних дел и его составной части — ГУЛага. Эти цифры демонстрируют, что экономическая деятельность органов безопасности была в 1941 г. не слишком велика. Так, от стоимости всей промышленной продукции в ценах 1926 г. 162 миллиарда рублей, из них на Наркомат внутренних дел приходилось 2 миллиарда или немного

больше одного процента. Это министерство добывало 5 млн. тонн угля (3% общей добычи), полпроцента нефти, производило полтора процента цемента, оно практически не участвовало в таких трудоемких областях, как металлургия, машиностроение, текстильная, пищевая и легкая промышленность, зато в заготовке и вывозке деловой древесины и дров на его долю приходилось 12%. Некоторое участие принимало НКВД в ловле рыбы (3%) и в деревообрабатывающей промышленности, поставляя стулья, шкафы и комоды, диваны в количестве 15–20% и практически большую часть фотопринадлежностей.

Наиболее заметную роль принимали органы в капитальном строительстве, вводя в строй около 18% всех сооружений.

Рассматривая эти данные, исследователи обычно добавляют, что в них отсутствует добыча золота и других редких металлов. Это так, но на добыче золота не могло быть занято слишком много народа. Так, в Наркомате цветных металлов, отвечавшем за большую часть добычи свинца, цинка, меди и других стратегических материалов, было занято 450 тыс. человек, при стоимости производства немного превышающей стоимость продукции НКВД (2.2 млрд. рублей).

Другой аргумент, несомненно справедливый, это — непродуцируемость труда заключенных. Они часто болели, много сил уходило на обслуживание самих лагерей и т. д. Это так, но со всей очевидностью можно сказать, что перед войной и, видимо, в годы войны, лагеря не играли в экономической жизни страны почти никакой роли.

С этим выводом, правда, не согласятся очень многие авторы воспоминаний и даже историки. Например, Некрич и Геллер в своей книге "Утопия у власти" пишут:

"НКВД занимало важное место в экономике Советского Союза. Располагая самой дешевой в мире рабочей силой — заключенными — НКВД был одним из краеугольных камней советской экономической системы".

Еще более убеждены в этом бывшие лагерники. Экономист Михаил Розанов приводит множество доказательств эффективности использования принудительного труда, объединяя их общим заголовком: "Рабство рентабельно вдвойне".

По-видимому, время от времени к такой мысли склонялись и сами руководители советского государства. Первая попытка

связана со стройками довоенных пятилеток: Беломоро-Балтийский канал и канал Москва-Волга, железные дороги на севере Европейской части страны и БАМ, освоение Дальнего Востока, особенно Колымы.

Второй этап связан с восстановительными работами после войны. Число заключенных в это время неизмеримо выросло, в него временно включилось несколько миллионов немецких военнопленных и около миллиона японцев. Кроме того, вывозились в ссылку и лагеря массы советских граждан, обвиненных в сотрудничестве с немцами, в том числе советских военнопленных. Не исключено, что в этот период лагерное и окологлагерное население в действительности приближалось к десяти миллионам. В это время силами заключенных строится каскад гидроэлектростанций на Волге, канал Волго-Дон и затеваются гигантские строительства под общим названием "великие стройки коммунизма". Как сказал в свое время Карл Маркс:

"Всякому историческому способу производства в действительности свойственны свои особые, имеющие историческое значение, законы населения".

В основу статьи положен цикл передач на радио Би-Би-Си в 1988 году.

НАЧАЛО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО: ПЕРЕПИСЬ

Год окончательной победы социализма в СССР начался с Всесоюзной сталинской переписи населения.

Первого января почти миллион мобилизованных и проверенных добровольцев начал предварительный поголовный обход населения, готовясь к «критической дате» — ночи с 5 на 6 января, когда должен был быть учтен каждый человек великой страны. Печать славил простых советских людей — рядовых счетчиков. Одна провалилась в яму с ледяной водой, но переписала к утру все 150 промокших листов. Других не остановил ни буран, ни гололедица — они добрались до всех кибиток на зимних пастбищах целого района. Многие отыскивали дома, которые почему-то нигде не числились, — барак строителей или лесорубов, затерявшийся хуторок, лесную будку со сторожем. За первые два дня нового года на вопросы переписи ответили уже почти 45% москвичей; однако ленинградцы вырвались вперед в соревновании с ними, уже за 1 января опросив две трети населения Ленинграда.

...Дети щебечут вокруг счетчика. Четырнадцатилетняя девочка чуть не в слезах требует записать, что она неверующая (вопрос о религии задается тем, кому шестнадцать и больше). Во Владивостоке появляются в листках названия новых профессий, «гордые и выразительные»: торпедист,

У статьи в самиздате появился соавтор В. Солодов, которого я, к сожалению, никогда не видел. Наше сотрудничество, несмотря на некоторое расхождение во взглядах, оказалось плодотворным.

подводник¹⁾). Рабочий московского завода им. Горбунова спрашивает:

- Я родился мордвином. Могу я записать себя русским?
- Конечно.

В ночь на шестое, в 23.00, переписчики пошли по вагонам всех поездов. Ровно в полночь их товарищи начали опрос и залах ожидания на всех станциях. Утром 6 января началось главное массовое действие — повсеместный однодневный сплошной обход населения с вопросом: «кто ночевал?», с проверкой и исправлением уже заполненных листков. Далее следовал — впервые в практике советских переписей — контрольный (и опять-таки сплошной) пятидневный обход населения, осуществлявшийся специально подготовленными инструкторами-контролерами вместе со счетчиками, которые, таким образом, троекратно пересчитали людей, прежде чем сдать окончательно оформленный материал на переписанных.

С апреля 1936 твердили во все уши: пройти перепись — это долг советского человека, а 1 января появилось еще специальное обращение ЦК и Совнаркома к жителям СССР. Насколько можно было судить по поступающим сообщениям, граждане вели себя сознательно и дисциплинированно. 6 января, как было предписано, представители семей сидели по домам и ждали счетчиков. О выехавших на базар или в извоз, о заступивших в ночную смену и заночевавших в гостях — докладывали с готовностью. Команировочные просили, чтоб их не забыли учесть. Прилетевшие на самолетах сами являлись в переписные участки. 7 января газеты и радио сообщили, что перепись по всему Союзу прошла успешно.

Появились первые цифры: число пассажиров, сидевших на своих чемоданах в ночь на 6 января на разных вокзалах страны: Ярославль — 700, Омск — 900, Ясиноватая — 1 100, Казань — 1 300, Свердловск — 2 000, Ростов — 2 100, Киев — 3 200²⁾. За этими развороченными муравейниками угадывалась страна.

Областям и республикам был установлен срок: не позднее 10 января отправить телеграфное донесение в центр с суммарной цифрой переписанного населения. Местные бюро переписи населения стремились опередить график. Так, Москва обязалась выдать «срочные итоги» с опережением на один день, а Ленинград — на два.

К 16 января в республиках, краях и областях должны были скопиться исправленные, окончательные данные, теперь уже и с разделением населения по полу. Их надлежало срочно отправить в ЦУНХУ — Центральное управление народнохозяйственного учета при Госплане СССР.

Первые итоги переписи по всему Союзу ЦУНХУ было обязано представить правительству к 10 января. Эти предварительные итоги должны были включать самые простые для обработки и одновременно самые важные для общегосударственного планирования данные: численность населения СССР с разбивкой по республикам, краям и областям; численность городского и сельского населения; распределение населения по полу.

Дальнейшие уточнения надлежало осуществить одновременно со всесторонней скоростной разработкой материалов переписи, для каковой цели были созданы в Москве, Ленинграде и Харькове специальные машиносчетные станции, с более чем тысячью работников на каждой из них.

Прошло 10 января, потом 10 февраля, но ни местные, ни центральные газеты не сообщили итоговых цифр. Очередные дела славного 1937 года вытеснили с печатных страниц всякие упоминания о переписи, пока не громыхнуло постановление СНК СССР от 25 сентября³⁾, в котором организация переписи была признана неудовлетворительной, а материалы ее — дефектными. Этим же постановлением новая перепись была назначена на январь 1939.

Чем же не угодила перепись?

Первый ответ был дан во всеуслышание: враги народа, орудовавшие в ЦУНХУ и руководившие переписью, сделали все для того, чтобы извратить действительную цифру населения; напечатанная ими без разрешения правительства «Памятка для счетчика» была составлена так, что многочисленные группы граждан оказались не внесены в переписные листы⁴⁾.

Первым поплатился главный вредитель — начальник ЦУНХУ Иван Адамович Краваль. Его сопровождал и возглавлявший проведение переписи Олимпий Аристархович Квиткин⁵⁾.

В ЦСУ вспоминают, что после исчезновения руководителей переписи демографу М.В. Курману было поручено составление объяснительной записки «наверх»: как приключилась нехватка? Содержание записки — никакой нехватки, мол, нет, необходимо только прибавить к результатам пе-

реписи сведения о численности лагерей — не удовлетворило «инстанции», и ее автор вслед за другими убыл из числа опрашиваемых при переписи. Судьба его сложилась более счастливо — он выжил, был реабилитирован и снова успешно занялся демографией.

...Долгие годы материалами переписи 1937 не пользовались вовсе. В эпоху реабилитаций имя Кравая снова обнаружилось в ряду «крупнейших советских экономистов», но перепись-37 по-прежнему считалась дефектной⁶⁾.

В начале 70-х годов наметился поворот. В XX томе «Ученых записок по статистике» АН СССР, в специальной статье обо всех советских переписях, хотя и упоминается постановление СНК о «дефектности», но сам автор от этой оценки как бы отстранен: достаточно бесстрастно излагает факты, отмечает индивидуальные отличия переписи тридцать седьмого года, ее удачные и неудачные новшества, раскрывает внутреннюю противоречивость «Памятки для счетчика», что должно было повести «к некоторому недоучету наличного (в строго статистическом понимании) населения»⁷⁾.

Затем появилось удивительное утверждение, что перепись 1937 была едва ли не самой точной. В сообщении о Научно-координационном совете Киевского института экономики говорится: «Ф.Д. Лифшиц на основе проделанных им расчетов пришел к выводу, что максимально возможный недоучет населения из-за этих ошибок составляет 0,33% численности населения СССР (450 тыс.)»⁸⁾.

И наконец — основной результат переписи был предан гласности. Вот она, современная цифра, появившаяся в справочниках: 163,77 млн. чел. на 1 января 1937⁹⁾. Обратим, однако, внимание: обнародованной (и, естественно, не обговариваемой) остается лишь эта общая цифра, не больше.

Перепись привлекла внимание и независимых (от официальной науки) исследователей. А.В. Антонов-Овсеенко посвятил ей отдельную главу в своей книге о Сталине¹⁰⁾. Он называет итоговую цифру, расходящуюся с вышеназванной, а именно 156 млн. человек. Хотя эта работа Антонова-Овсеенко и уязвима с источниковедческой стороны¹¹⁾, однако мы не склонны отмахиваться от приводимой им цифры. Было имея возможность использовать устные свидетельства бывших работников ЦУНХУ (он называет уцелевших А.С. Цопова, бывшего одним из замов Кравая, и Д.Я. Бозина), автор, видимо, записал цифру, которую они не могли не вспомнить.

По нашему мнению, расхождение цифр может быть интерпретировано следующим образом.

В инструкции к переписи 1937 нигде не говорится о заключенных. В специальном разъяснении Дальневосточного крайкома — тоже ни слова (в 1926, при предыдущей переписи, они упоминались, да и в инструкции к переписи 1939 отбывающие наказание встретятся трижды). И дело не только в том, что в год Сталинской Конституции неприлично было вспоминать о тех, кто «там». Не менее важно и другое: армия и в особенности Органы ни на минуту не могли стать подотчетными по отношению к какому-то там ЦУНХУ (более высокое рангом ЦСУ в тот период не существовало).

В материалах ЦУНХУ находим (выделено нами): «Красная армия, органы и учреждения Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР, пассажиры поездов, пароходов будут переписаны отдельно»¹²). Пункт 8 «Правил работы счетчика» гласил: «Не записываются в переписные листы только лица, предъявляющие специальные удостоверения военного командования или органов НКВД о том, что они подлежат переписи в особом порядке. Члены семей этих лиц переписываются в общем порядке»¹³). Таким образом, в территориальные сводки, собиравшиеся ЦУНХУ, не входили население ГУЛага, весь аппарат НКВД, армия и пассажиры железных дорог и водного транспорта (транспортных работников при исполнении служебных обязанностей инструкция предписывала записывать по месту их жительства). За исключением пассажиров, этих граждан ЦУНХУ и не собиралось считать: они заранее были изъяты из переписи и подлежали ведомственному учету («в особом порядке»).

Видя в этих обстоятельствах возможный источник расхождения цифр, мы вынуждены пока предложить себе на выбор несколько вариантов. Первый: 8 миллионов человек (164 млн. минус 156 млн.) — это общая сумма лиц, учтенных вне территориального производства переписи, затем приплюсованная к территориальной сумме. Второй: восемь миллионов — это РККА + НКВД + ГУЛаг. Третий: не исключено, что в 1937 год страна вступила, уже имея 8-миллионный ГУЛаг, и именно эту цифру деятели сегодняшнего ЦСУ решили прибавить к итоговой цифре переписи 1937 года.¹⁴) Существуют и много более высокие оценки, например, 16 миллионов заключенных в 1938 году.¹⁵)

Впрочем, мы готовы допустить еще одну возможность: 163,8 млн. чел. для 1937 года — это совсем не данные переписи, а исчислена эта величина в 70-е годы ретроспективно, исходя из принятой для 1939 года численности населения СССР в 170,6 миллионов человек¹⁶) и из 'приличного' естественного прироста чуть больше двух процентов в год. Это не покажется невероятным тому, кто знаком с причинами советской статистики, как раз в 1937 пережившей завершающий этап своего коренного перелома.¹⁷⁾

* * *

В 1920-26 были проведены три переписи населения, в том числе две всеобщих — в 1920 (не вполне удавшаяся из-за войны) и в 1926. Особенно подробными были вопросы первой, и среди них такие, которые более не повторялись: о побочном (второстепенном) занятии опрашиваемого, о профессии, которую он считает своей специальностью, об инвалидности. Вопрос о национальности ставился в 1920 в такой форме, которая подчеркивала, что речь идет о свободном выборе, а не о «крови»: «К какой национальности себя относит». В 1926 личный листок в основном повторял вопросы 1920 года.

Декабрьская перепись 1926-го оказалась во многих отношениях единственной и неповторимой. Результаты переписи вышли в 56 томах на русском и английском языках, не считая специальных томов о северных окраинах, а также ряда «Предварительных итогов» и «Кратких сводок». Разработка велась по очень подробной программе. Тогда еще никого не удивляло, что можно разделить советских служащих на категории и подробно исследовать их материальное положение и жилищные условия¹⁸⁾, что можно интересоваться безработными и бездомными.

Численность населения этой переписью была, по-видимому, несколько занижена и оказалась меньше, чем предварительные данные административного учета. Но это не было поставлено в вину организаторам переписи: паспортный режим еще не был введен, беспризорники не выловлены, мусульмане скрывали от переписи вторых, третьих и т.д. жен, от переписи уклонялись «сектанты» — принципиальные враги государственных мероприятий по учету, да и счетчиков было всего 200 тысяч.

После переписи 1926 г. в статистике, казалось, наступило новое оживление. Но длилось оно недолго.

В 1930 закрываются журналы «Вестник статистики» и «Статистическое обозрение». ЦСУ ликвидируется, а взамен его в конце 1931 создается ЦУНХУ в составе Госплана. Для моральной статистики, например, там места нет. Статистика должна служить пятилетке.

Летом 1931, в связи с введением карточной системы, был произведен административный учет городского населения, после чего наступило многозначительное молчание. Справочники ЦУНХУ в 1933-39 регулярно публикуют в графе «численность населения» — 165,7 млн. на 1 января 1933, будто с этого времени прекратился учет населения в стране.

Не уйти от впечатления, что руководители страны и даже демографы не имели в 1930-37 реального представления о последствиях проводимых социальных мероприятий. Они не могли не догадываться, что голод и массовая смертность в деревне меняют демографическую картину, но как и насколько — не ведали. Так, в основу второго пятилетнего плана была положена цифра численности населения на 1932 — 165,7 млн. чел., и предполагалось, что к концу пятилетки (1937) она увеличится до 180,7 млн. В отчетном докладе на XVII съезде в январе 1934 отмечался рост населения Советского Союза со 160,7 млн. человек в конце 1930 до 168 млн. в конце 1933. Это утверждалось в тот момент, когда истинная цифра стремительно уменьшалась от тех же 165,7 млн. (если эта величина была и вправду достигнута) к 158 млн. чел. (оценка Урланиса)¹⁹). Перед самой переписью 1937 И.А. Краваль уверенно заявил, что она «прежде всего покажет громадный рост населения СССР». Профессор Московского института народнохозяйственного учета А.И. Гозулов, один из ведущих демографов, предсказал, что «разработка предстоящей переписи будет относиться, очевидно, к населению в 170-172 млн. чел.»²⁰): ошибка по крайней мере на 6-8 млн.

Главный итог переписи шокировал «верхи» не потому, что напоминал им о массе заключенных: там-то эту цифру хорошо знали, спокойно могли приплюсовать — и нашли бы способ, как ее «разбросать» по административным единицам для сходимости территориальных и суммарных сводок, вы-

даваемых в печать и пропаганду. Шок был — в неожиданности правды (от правды этой — «нехватки» миллионов — не могла далеко уйти и перепись 1939, но к тому времени и шок прошел, и территориальными присоединениями были «перекрыты» потери, да и нежелательных суждений можно было почти не опасаться).

Добавим еще, что и ученые в годы, предшествовавшие переписи, не имея свежего материала для демографических исчислений, поневоле отрывались от реальности. Блестящая разработка математических методов демографической статистики не спасала положения. И со странным чувством читается сегодня серьезная статья серьезных исследователей С.А. Новосельского и В.В. Паевского, вышедшая в 1934 и рассматривавшая перспективы изменения численности населения СССР так, как будто ничего особенного с населением страны не происходило и оно должно было меняться только под влиянием рождаемости и смертности²¹). Отталкиваясь от данных 1926, Новосельский и Паевский рассчитали идеализированный прогноз на конец 1938: 191,1 млн. чел. Расхождение с результатом январской переписи 1939 (170,6 млн. чел.) составило, таким образом, почти 20 миллионов²²).

* * *

Дата переписи определялась не статистическими сообщениями. Сначала ее наметили на 1932 (отразить итоги первой пятилетки), потом передвинули на рубеж 1933 и 1934, перенесли на 1935 и затем окончательно на 1937²³). С самого начала было объявлено, что «несомненно блестящие показатели» переписи «выявят всему миру языком точных цифр величайшие победы социализма».

Начиная с пробной переписи в ноябре 1932, программа переписи менялась, и в конце концов, став неоправданно упрощенной, значительно отошла от программы 1926 года. Перво-наперво был исключен вопрос о безработице: ведь в «советских условиях нет лишних людей!» Семейная карта была отставлена, запись велась поквартирно, без разделения на семьи, что не способствовало изучению жилищных условий. Убрав вопросы о месте рождения и времени постоянного проживания в месте прописки, лишались возможности глубоко исследовать миграционные процессы. В отличие от всех предыдущих переписей, исходивших из четырех категорий семейного состояния (лица, ранее не состояв-

шие в браке; состоящие в браке; вдовы; разведенные), новая перепись давала возможность учесть только две из них; ее формулировка («Состоит ли в браке в настоящее время?») сохранилась и в следующих переписях.

Печать подчеркивала, что перепись проводится «по инициативе т. Сталина», «по сталинской программе». Больше того: «великий вождь народов товарищ Сталин лично редактировал переписной лист, сделав его простым, кратким и глубоко содержательным»²⁴).

Вопрос 8: «Грамотен ли?» В инструкции: «Помни, что грамотным нужно считать человека и в том случае, если он умеет только читать на каком-нибудь языке, хотя бы и очень медленно»²⁵). Целевая установка: перепись мы будем производить «в стране, почти полностью ликвидировавшей неграмотность».

Вопрос 14: «К какой общественной группе принадлежит: к группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий или служащих культуры и нетрудящихся элементов?» Четкое противопоставление «трудящихся» и «нетрудящихся» должно побудить тех, кто принадлежит к «нечистым» (последние в списке) отнести себя, на худой конец, к людям свободных профессий. Достигаемый статистический результат: эксплуататорские классы ликвидированы, бесклассовое общество «превращается уже из мечты и провидения вождей коммунизма в непреложный исторический факт»²⁶).

К числу вопросов с заранее известными ответами относился и вопрос о религии, единственный раз в практике советских переписей внесенный в переписной лист: «Перепись должна показать действительные размеры наших успехов в преодолении религиозных предрассудков, являющихся одним из наиболее распространенных пережитков капитализма в сознании людей»²⁷). Статистики из ЦУНХУ предполагали по данным переписи «измерить силу антирелигиозных сдвигов» в различных группах населения.

Итог был выдан уже в день переписи: «Число религиозных людей, учтенных счетчиками, в общей массе, как и следовало ожидать, весьма незначительно. Это свидетельствует, что один из сильнейших пережитков в сознании людей выкорчевывается»²⁸).

Для достижения этого итога было сделано многое.

Печать, начиная с первых дней опроса, рисовала общий фон почти сплошь неверующего населения, в который над-

лежало вписаться. Приводились диалоги со старушками и стариками:

— Веруете?

— Не в кого веровать.

— Верующий?

— Верю в советскую власть.

Или вот такой монолог работницы:

— Первого января я просила вас записать меня верующей. В эти дни я продумала свое отношение к религии и убедилась, что меня с ней ничего не связывает. Зачеркните мой ответ и запишите, что я неверующая! ²⁹⁾

Описывались такие случаи, когда допускалось и даже требовалось исправление полученного ответа:

— Я неверующая, но прошу записать, что верующая, потому что муж ругается ³⁰⁾.

Такого рода нормативная информация не сразу прекратилась даже после 6 января. 900 тысяч счетчиков и более 200 тысяч стоящих над ними участников переписи явно побуждались к корректировке уже полученных опросных исходных данных.

Без труда находились объяснения слишком большого числа верующих, обнаруживавшихся то в одном, то в другом месте. На Архангельском лесозаводе им. Молотова вопрос: «верите?», оказывается, поняли в смысле «верите ли советской власти?». В Порховском районе Ленинградской области виновны оказались и вовсе контрреволюционные элементы: пустили слух, что вопрос задается с целью закрыть все церкви, чтобы не верующие, но отправляющие церковные обряды ответили: «верую»...

Счетчикам, кстати, предписывалось настойчиво разъяснять, что речь идет не о вероисповедании отцов, а о собственных сегодняшних убеждениях опрашиваемого, что «неверующий» могут отвечать и крещеные, и посещающие церковь.

«Чрезвычайно много хлопот доставил счетчикам вопрос: верующий или неверующий.

Неожиданно этот пункт оказался наиболее трудным и «капризным» как для счетчика, так и для населения.

Некоторые счетчики спутали этот вопрос с вероисповеданием.

Многие из опрашиваемых отказались отвечать на этот вопрос. Одна из женщин спросила счетчика:

— Правда ли, что в паспортах будут ставиться штампы, если человек верующий?

Счетчику понадобилось много труда, чтобы уверить ее в том, что никаких отметок в паспортах не делается.

В одной квартире мать троих детей потребовала от счетчика, чтобы в бланке все дети были записаны верующими. Один (служащий) на вопрос о религии ответил, что он «сочувствующий» и что, если есть сочувствующие в партии, то, тем более, могут быть сочувствующие и в религии. «Сочувствующего» занесли в разряд верующих.

Один инженер на этот же злополучный вопрос ответил, что он «агностик».

Реалистически настроенный счетчик переспросил инженера: куда же все-таки его отнести, к верующим или нет. Инженер сказал, что теоретически его философия допускает существование божества, но доказать он этого не может, а так как его философия основана лишь на опыте и на доказательствах, то он и не может сказать что-либо определенное о своем отношении к вере. Причем счетчику он ни под каким видом не позволял писать о нем ни «верующий», ни «неверующий». Он сказал, что в бланке следовало бы завести новую специальную графу о философских воззрениях.

Счетчик отправился на свой пункт, и там, обсудив дело, зачислили нашего агностика в верующие. И пусть он, милый человек, сам теперь разбирается, что с ним»³¹⁾.

Зоценко, описав в своем фельетоне переписку в Ленинграде, донес до нас много характерных деталей, однако, как видим, не слишком уклонился от генеральной цели.

Но достигнута ли была эта цель?

В состав счетчиков не допускались всяческие «чуждые элементы» и «политически малограмотные», однако одновременно требовали подбирать людей грамотных и добро-совестных. Армия счетчиков могла подправить картину, но не полностью изменить ее.

Приведем поразительные по содержанию выписки из неопубликованных воспоминаний одного покойного картографа. Сначала о самой переписки:

«Счетчица, симпатичная учительница, спрашивала меня, больного, лежавшего в постели под образом Бо-

жией Матери /.../. В такой обстановке мне, лежавшему рядом с постелью жены, и ей, присутствовавшей здесь в комнате, задавались вновь введенные в перепись вопросы о веровании и вероисповедании, очевидно с целью статистической проверки успехов антирелигиозной пропаганды. Сама учительница сразу же быстро внесла наш ответ: «верующие, православные». А многие другие в то же время отвечали из малодушия и страха «неверующие», будучи на самом деле верующими; некоторые же неверующие, возмущенные подобного рода вопросами чисто личного порядка, «залезанием сапогом в душу», как они говорили, отвечали наоборот: «верующие, православные», совершенно резонно объясняя это тем, что они принадлежат, невзирая ни на что, к великому христианскому культурному обществу по своему рождению и деятельности».

Второй отрывок — о результатах, оказавшихся, вопреки неблагоприятным для выяснения истины обстоятельствам, неожиданными для верхов:

«В Москве был просмотр выходившего в свет первого тома Большого советского атласа мира под председательством И.А. Акулова, заменившего Енукидзе /.../. В этом заседании была устроена выставка всех вообще карт этого тома. Среди карт населения была выставлена карта религиозного состава, на которой в пределах Союза была изображена крессая штриховка, символически обозначающая чередование верующего населения с неверующим, причем верующие занимали только треть. Присутствовавший в заседании начальник главного статистического управления Краваль спросил В.И. Мотылева, откуда у него данные для этой карты. Мотылев ответил что-то невнятное. Краваль заметил, что, согласно только что произведенному в главном статистическом управлении подсчету по самым свежим данным переписи, цифры следует переставить как раз наоборот, т.е. две трети верующих и одна треть неверующих. Это заявление произвело большой эффект. Раздались голоса, что карту совсем не следует публиковать, так как она никому не интересна. На это председатель Акулов возразил, что, наоборот, карту с соответствующими исправлениями, непременно надо публиковать: она представляет выда-

ющийся интерес, как иллюстрация небывалых еще во всей человеческой истории достижений антирелигиозной пропаганды, добившейся в населении целой его неверующей трети, что прямо-таки феноменально. Вопрос об опубликовании этой карты так и остался открытым. О степени искренности ответов со стороны населения на вопрос о веровании никто не заикнулся. Но факт тот, что в дальнейших переписях этот вопрос был совершенно выброшен из опросных листков».

В наших руках нет других данных, которые подтвердили бы столь большую религиозную несломленность населения СССР к началу 1937; однако автор цитируемых записок (мы же называем его имени, так как не хотим повредить его родным) так пунктуален во всех других местах своих мемуаров, что его уникальное свидетельство представляется достойным доверия.

Ясно, что таких итогов партия и правительство публиковать не могли. Цифры религиозности, как и общая «нехватка» населения, заставили отменить результаты переписи. Похоже даже, что высокий процент верующих вызвал большее неудовольствие правителей, чем недостача нескольких миллионов сограждан. Обоюдоострый криминал в постановлении о «дефектности» предпочли не упоминать, вопрос о религии тихо убрали из программы новых переписей, а за просчет вождя — нашли, кому платить...

* * *

В какой мере сохранились в архивах материалы переписи тридцать седьмого года??³²⁾.

И в конце-то концов: когда нас сколько было??³³⁾.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ За этим эпизодом вспоминается другой, когда после окончания Гражданской войны какой-то комсомолец написал в анкетной графе о профессии: «пулеметчик». Военные специальности после 1937 были изъяты из официального инструментария переписи. *АЛФАВИТНЫЙ СЛОВАРЬ ЗАНЯТИЙ* (пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 года, М., 1939; 245 с.) дает 209 названий на то- («торпедиста» нет) и три с половиной страницы названий на под- (разумеется, без «подводника»). Изъяты, по сравнению с аналогичным словарем 1937, также «предсказатель», «проститутка», «лакей», «бродяга» и прочие заведомо клеветнические по отношению к новой действительности слова.

2) «Правда», 7 янв. 1937, с. 3.

3) «Правда», 26 сент. 1937.

4) Разоблачающее объяснение, как именно это могло произойти, можно найти, напр., в книге: Воблый В.К., Пустоход П.И. *ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ*, М.-Л., 1940 (с. 128-130). Полезно взять для сравнения: Пустоход П.И., Воблый В.К. *ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ*, М.-Л., 1936 (в издании 1936 авторы подробно объяснили, как хороши программа и организация переписи 1937, а затем — опомнившись, отдышавшись и осознав — переиздали книгу, переставив свои фамилии и сменив эпитеты в оценке переписи 1937: точная — дефектная, надежная — вредительская и т.п.; положительные эмоции, впрочем, не пропали зря: они перекочевали в раздел, посвященный переписи 1939: сс. 130-160).

При подготовке переписи и после нее многие материалы публиковались в журналах «План», «Плановое хозяйство» и др.

5) Квиткин О.А. (1874-1937 или, по другим данным, 1939) — бывший земский статистик. Удачная разработка итогов переписи 1926, многотомная публикация их, составление вводных статей и подробных аналитических комментариев остались главным памятником его жизни. О нем см.: «Демографич. тетради», Киев, 1974, вып. 9.

Судьбу организаторов переписи разделили многие демографы. В июне 1938 был закрыт Институт демографии и санитарной статистики в Киеве — последнее специализированное демографическое научное учреждение в стране. Ведущий демограф Ю.А. Корчак-Чушурковский был арестован.

6) *ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ*. М., 1969, сс. 9 и 372.

7) Павлов Г.А. *СОВЕТСКИЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ (1920-1959)*. — В кн.: *СОВЕТСКАЯ СТАТИСТИКА ЗА ПОЛВЕКА (1917-1967 гг.)*, М., 1972, с. 28.

8) «Демографические тетради». Вып. 8. Киев, 1973, с. 329.

9) *НАСЕЛЕНИЕ СССР (Численность, состав и движение населения) 1973*. Статистич. сборник. М., 1975, с. 7 (книгу подготовили работники ЦСУ Р.М. Дмитриева, А.П. Медведева, Н.С. Шубина).

10) Антонов-Овсеенко А.В. *ПОРТРЕТ ТИРАНА*. Н.-Й., 1980, сс. 253-257.

11) См. об этом: Довнер М. *ЛУБОК ВМЕСТО ИСТОРИИ*. — «Память», вып. 4, Париж, 1981, сс. 442-455.

12) *ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1937 ГОДА*. Материалы для докладчиков. М., 1936, с. 17. (Издано за подписью: ЦУНХУ Госплана СССР. Неоднократно перепечатывалось, напр., в местных «Информационных бюллетенях» по переписи 1937.)

13) *БЛАНКИ И ПОСОБИЯ ДЛЯ КОНТРОЛЕРА-ИНСТРУКТОРА В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ*. М., 1936, с. 36.

14) Это предположение хорошо сходится с данными Роберта Конквеста (*БОЛЬШОЙ ТЕРРОР*, 1974, с. 962), который, со ссылкой на Лоримера, принимает за число заключенных в советских тюрьмах и лагерях на январь 1937, не считая уголовников, округленную цифру в 5 млн. человек (см. также относящиеся к нашей теме сс. 952-953 *БОЛЬШОГО ТЕРРОРА*).

15) Эту цифру повторил и А.В. Антонов-Овсеенко: ук. соч., с. 258.

16) Перепись 1939 тоже не вызывает достаточного доверия. Те, кто ее проводил, явно не могли — после урока 1937 — снизить

численность населения. А вот завьисить, для страховки... Если они на это пошли, то не просчитались, ибо скоро жертвы сталинских пятилеток статистически обратились в жертвы войны. У нас нет оснований настаивать на этой версии, но всесторонний и беспристрастный научный анализ должен взвесить и такую возможность.

17) Перелом в отечественной статистике наметился тотчас после Октября.

Приведем один характерный пример. Буквально через несколько дней после Октябрьского переворота в бывшем Министерстве торговли и промышленности новым начальником статистических работ был назначен какой-то ветеринарный врач, а он, в свою очередь, набрал себе случайных сотрудников, вплоть до дворников и уличных девиц. Значительная часть материалов Статистического отделения Министерства была к тому времени закончена разработкой, и статистик В.А. Егунова сделала попытку их спасти, попросив В.И. Тимирязева (бывшего министра) походатайствовать об этом в Петросовете. Ответ одного из помощников Зиновьева был: «Нам буржуазная статистика не нужна!» Миллион обработанных подробных карточек, охватывающих все торговые и промышленные предприятия России, пропал в хаосе преобразований еще до перевода органов статистики в Москву, когда бывшие сотрудники отделения безуспешно пытались отыскать свои материалы в горе бумаг, достигавшей потолка на министерской лестнице (года через два ВСНХ спохватился и затеял розыски уничтоженных материалов, обещая уплатить за них любую цену, — разумеется, безрезультатно). Заодно с архивными материалами в том же министерстве погиб и весь находившийся на складе тираж прекрасно подготовленного справочного издания **СВОД ТОВАРНЫХ ЦЕН НА РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ РЫНКАХ ЗА 25 ЛЕТ**.

Нечто подобное наблюдалось повсеместно. Произошло крушение старой статистики — как государственной, так и общественной. Попытка Всерос. статистич. съезда (июнь 1918) создать в лице Совета по делам статистики орган, который мыслился «независимым от высшей правительственной власти» («Вестник статистики», 1919, № 1, с. 163), уже в конце июля того же года окончилась подчинением Совета Центральному статистическому управлению. Перед ЦСУ была поставлена задача — стать «органом социалистического строительства, проверки, учета того, что надо социалистическому государству знать теперь, сейчас, в первую голову» (В.И. Ленин, ПСС, т. 45, с. 156).

В дореволюционной России существовали две независимые друг от друга системы статистического учета населения. Сведения о численности населения по данным текущего учета параллельно публиковали Центральный статистический комитет и Управление главного врачебного инспектора. Сведения ЦСК и УГВИ значительно расходились, но в условиях гласности такое расхождение — лишний повод для сопоставления и совершенствования методик (что и делалось, кстати). Особенной свободой отличалась земская статистика.

С 1918 статистика вся была организована при государстве и для государства. И все же — далеко не все в ней сразу изменилось.

Цифры существовали еще не для того, чтобы водружать их на щитах по селам и городам. И «великие победы», и «еще более грандиозные планы» маячили в туманном далеке. «Языком цифр» вопила со всех сторон нищая страна. Бюджетные обследования

(питание рабочего до войны и теперь, после революции), коммунально-жилищные обследования (квартирные условия после «жилищного передела»), конъюнктурная статистика (движение цен на свободном рынке, спрос и предложение), санитарная статистика (венерически болезни, аборт), моральная статистика (самоубийства, проституция), безработица, исследование статистических соответствий между средним уровнем русских урожаев и пятнами на Солнце — обо всем этом появляются статьи в центральной, местной, отраслевой прессе. В статистике первых советских лет, несмотря на начавшийся зажим, нам теперь бросаются в глаза ее честность, оперативность, широта и гласность.

¹⁸⁾ Для сравнения: перед переписью 1979 вопрос о жилищных условиях, как нам рассказывали, вычеркнул из программы переписи лично А.Н. Косыгин, сказав: «Мы еще не так хорошо живаем, чтоб спрашивать об этом».

¹⁹⁾ Урланис В.Ц. **ПРОБЛЕМЫ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ**. М., 1974, с. 319.

²⁰⁾ Гозулов А.И. **ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН**. М., 1936, с. 332 (книга объемом в 600 с лишним страниц выпущена в порядке подготовки к переписи 1937, которой специально посвящены сс. 303-336).

²¹⁾ Новосельский С.А., Паевский В.В. **О СВОДНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИСЧИСЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ**. — «Труды Демографического ин-та», т. 1, Л., сс. 7-37.

²²⁾ Паевский и Новосельский совместно возглавляли одно из двух научных демографических учреждений, существовавших на всю страну в первой половине 30-х годов, — Демографический институт АН СССР (ДИН). Необходимость ДИНа была блестяще обоснована Паевским в докладной записке, поданной в АН. На протяжении чуть ли не двух лет предложение обсуждалось в разных инстанциях, пока в конце 1930 не пришло положительное решение, а в 1931 развернулись практические работы. Имея шесть человек в штате, ДИН успел выполнить в обстановке реорганизационного давления на него большую работу. В марте 1934 Президиум АН постановил: «Ввиду невозможности развернуть ДИН как комплексное учреждение в АН и в связи с тем, что попытки ввести в работу ДИН моменты социально-экономические не удались, считать самостоятельное существование ДИН нецелесообразным» (цит. по: Типольт А.Н. **ИЗ ИСТОРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АКАДЕМИИ НАУК СССР (1930-1934)**. — В кн.: **СОВЕТСКАЯ СТАТИСТИКА ЗА ПОЛВЕКА (1917-1967 гг.)**, М., 1972, с. 98). Утром 28 апр. 1934 Общее собрание АН утвердило упразднение ДИНа. Паевский присутствовал там. В тот же день, не добравшись до дома, он умер от приступа стенокардии.

²³⁾ Позже Сталин и вовсе отменил (говорят, своим личным распоряжением) перепись, намечавшуюся на 1949.

²⁴⁾ **ОБРАЩЕНИЕ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1937 Г. К РАБОТНИКАМ НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО УЧЕТА [...] И К УЧАСТНИКАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ [...]**. 7 окт. 1936. — Цит. по: «Информационный бюллетень по Всесоюзной переписи населения 1937 г.», Л., № 7, 15 окт. 1936, с. 2.

²⁵⁾ **БЛАНКИ И ПОСОБИЯ [...]**, с. 39.

²⁶⁾ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА. — Передовая «Правды» от 29 апр. 1936.

²⁷⁾ ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ /.../ Материалы для докладчиков, сс. 11-12.

²⁸⁾ ДОЛГ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНИНА. Передовая «Правды» от 6 янв. 1937.

²⁹⁾ «Правда», 7 янв. 1937, с. 3.

³⁰⁾ «Правда», 8 янв. 1937, с. 3.

³¹⁾ М. Зоценко. СОВСЕМ ИНАЯ КАРТИНА... — «Правда», 6 янв. 1937.

³²⁾ Вопрос не праздный. Перепись 1970, например, уничтожена («сактирована») как на бланках (освождались ящики для переписи 1979), так и на магнитных лентах (говорят, из-за невысокого качества последних). Такое отношение к первичной документации переписей стало традиционным именно в отечественной статистике: в США, например, эта документация хранится на микрофильмах.

³³⁾ В демографической статистике применение различных методов дает различающиеся результаты. Не в обычаях ЦСУ объяснять свои выкладки.

Статистические сборники 60-х годов определяют фактическую численность населения России в границах 1921-39 на 1 янв. 1917 — 143,5 млн. чел., а на авг. 1920 — 136,8 млн.: уменьшение на 6,7 миллиона человек. С течением времени появились — не в системе ЦСУ — работы, в которых получены другие цифры: для осени 1917 — 147,7 млн. чел. (Поляков Ю.А. НАСЕЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917-1920 ГГ. /Историография и источники/. — В кн.: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ, М., 1981, с. 175) и для 1920 — 134,2 млн. чел. (Спирин Л.М. КЛАССЫ И ПАРТИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ. М., 1968, с. 38); при сопоставлении этих последних цифр получается, что уменьшение населения России за время с осени 1917 по 1920 г. (лишь на указанной территории) составило величину, вдвое большую, чем по данным ЦСУ, а именно 13,5 миллиона человек.

Сославшись на ЖИВУЮ ИСТОРИЮ М. Корякова (Echo press, 1977, сс. 256-257), напомним, что уехавший на Запад И.А. Курганов, заведовавший до Второй мировой войны кафедрой учетной статистики в Ленинградском финансово-экономическом ин-те, оценивает потери населения СССР за 1917-59 цифрой 110 миллионов человек. Эта цифра, однако, не выдерживает критики (см. Максудов. ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1931-1938 ГГ. — В сб.: «СССР: внутренние противоречия», № 5, Нью-Йорк, 1982, сс. 176-183). По исчислениям Максудова, прямые потери населения СССР за 1931-38 составили величину порядка 9 млн. чел., в основном — в связи с коллективизацией и «ликвидацией кулачества как класса».

В указанной работе Максудова (сс. 104-191 ук. сб.) читатель найдет ряд др. цифр, критически проанализированных автором.

Некоторые (немногие) положения публикуемой статьи о переписи 1937, не вполне согласованные с концепцией и исчислениями Максудова, принадлежат В. Солодову.

В свою очередь и я (Максудов) в данном издании позволил себе изъять несколько замечаний моего соавтора.

всем партийно-советским работникам
и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры

Отчаянное сопротивление кулачества колхозному движению трудящихся крестьян, развернувшееся еще в конце 1929 года и принявшее форму поджогов и террористических актов против колхозных деятелей, создало необходимость применения советской властью массовых арестов и острых форм репрессий, в виде массового выселения кулаков и подкулачников в северные и дальние края.

Дальнейшее сопротивление кулацких элементов, вредительство в колхозах и совхозах, вскрытое в 1932 году, широко распространившиеся массовые хищения колхозного и совхозного имущества — потребовали дальнейшего усиления репрессивных мер против кулацких элементов, воров и всякого рода саботажников.

Таким образом, три последних года нашей работы в деревне были годами борьбы за ликвидацию кулачества и победу колхозов.

И эти три года борьбы привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне, к окончательному укреплению наших советских социалистических позиций в деревне.

Подводя итоги, мы можем теперь сказать, что позиции единоличного хозяйства уже преодолены во всех основных районах СССР, колхозы стали повсеместной и господствующей формой хозяйства в деревне, колхозное движение укрепились прочно, полная победа колхозного строя в деревне обеспечена.

Теперь задача состоит уже не в том, чтобы отстоять колхозную форму хозяйствования в ее борьбе против частной формы хозяйства, ибо эта задача уже разрешена с успехом. Теперь задача состоит в том, чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и помочь им войти в колхоз, где только и могут они уберечь себя от опасности обнищания и голода.

ЦК и СНК СССР считают, что все эти обстоятельства создают в деревне новую благоприятную обстановку, дающую возможность прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий в деревне.

ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников.

Правда, из ряда областей все еще продолжают поступать требования о массовом выселении из деревни и применении острых форм репрессий. В ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из областей и краев около ста тысяч семей. В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому только не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Не удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: "сначала арестовать, а потом разобраться".

Но о чем все это говорит?

Все это говорит о том, что в областях и краях имеется еще не мало товарищей, которые не поняли новой обстановки и все еще продолжают жить в прошлом.

Все это говорит о том, что несмотря на наличие новой обстановки, требующей перенесения центра тяжести на массовую политическую и организаторскую работу, эти това-

рици цепляются за отживающие формы работы, уже не соответствующие новой обстановке и создающие угрозу ослабления авторитета советской власти в деревне.

Похоже на то, что эти товарищи готовы подменить и уже подменяют политическую работу в массах в целях изоляции кулацких и антиколхозных элементов — административно-чекистскими "операциями" органов ГПУ и милиции, не понимая, что подобная подмена, если она примет сколько-нибудь массовый характер, может свести к нулю влияние нашей партии в деревне.

Эти товарищи, видимо, не понимают, что метод массового выселения крестьян за пределы края в условиях новой обстановки уже изжил себя, что выселение может применяться лишь в частичном и единоличном порядке и лишь к главарям и организаторам борьбы против колхозов.

Эти товарищи не понимают, что метод массовых и беспорядочных арестов, если только можно считать его методом, в условиях новой обстановки дает лишь минусы, роняющие авторитет советской власти, что производство арестов должно быть ограничено и строго контролируемо соответствующими органами, что аресты должны применяться лишь к активным врагам советской власти.

ЦК и СНК не сомневаются, что все эти и подобные им ошибки и отклонения от линии партии будут ликвидированы в кратчайший срок.

Было бы не правильно думать, что наличие новой обстановки и необходимость перехода к новым методам работы означают ликвидацию или хотя бы ослабление классовой борьбы в деревне. Наоборот, классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться. Она будет обостряться, так как классовый враг видит, что колхозы победили, он видит, что наступили последние дни его существования, — и он не может не хвататься с отчаяния за самые острые формы борьбы с советской властью. Поэтому не может быть и речи об ослаблении нашей борьбы с классовым врагом. Наоборот, наша борьба должна быть всемерно усилена, наша бдительность — всемерно заострена. Речь идет, стало быть, об усилении нашей борьбы с классовым врагом. Но дело в том, что усилить борьбу с классовым врагом и ликвидировать его при помощи старых методов работы — невозможно в нынешней новой обстановке, ибо они, эти методы, изжили себя. Речь идет, стало быть, о том, чтобы улучшить старые способы борьбы, рационализировать их и сделать наши удары более меткими и организованными. Речь, идет, наконец, о том, чтобы каждый наш удар был заранее подготовлен политически, чтобы каждый наш удар подкреплялся действиями широких масс крестьянства. Ибо только при подобных способах улучшения методов нашей работы можем добиться того, чтобы окончательно ликвидировать классового врага в деревне.

ЦК и СНК не сомневаются, что все наши партийно-советские и чекистско-судебные организации учтут новую обстановку, созданную в результате наших побед, и соответственно перестроят свою работу применительно к новым условиям борьбы.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют:

I.

О ПРЕКРАЩЕНИИ МАССОВЫХ ВЫСЕЛЕНИЙ КРЕСТЬЯН

Немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян. Выселение допускать только в индивидуальном и частном порядке и в отношении только тех козляков, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок.

Выселение допустить только из следующих областей и в следующих предельных количествах:

Украина	2.000 хозяйств	Вост. Сибирь	1.000 хозяйств
Сев. Кавказ	1.000 "	Белоруссия	500 "
Н.-Волга	1.000 "	Зап. область	500 "
Ср. Волга	1.000 "	Башкирия	500 "
Ц.Ч.О.	1.000 "	Закавказье	500 "
Урал	1.000 "	Средняя Азия	500 "
Горьков. край	500 "		
Зап. Сибирь	1.000 "		
			Всего 12.000 хозяйств

II.

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА АРЕСТОВ

1) Воспретить производство арестов лицами, на то не уполномоченными по закону — председателями РИК, районными и краевыми уполномоченными, председателями сельсоветов, председателями колхозов и колхозных объединений, секретарями ячеек и пр.

Аресты могут быть производимы только органами прокуратуры, ОГПУ или начальниками милиции.

Следователи могут производить аресты только с предварительной санкции прокурора.

Аресты, производимые нач. милиции, должны быть подтверждены или отменены районными уполномоченными ОГПУ или прокуратурой по принадлежности не позднее 48 часов после ареста.

2) Запретить органам прокуратуры, ОГПУ и милиции применять в качестве меры пресечения заключение под стражу до суда за маловажные преступления.

В качестве меры пресечения могут быть заключаемы под стражу до суда только лица, обвиняемые по делам: о контрреволюции, терактах, о вредительстве, о бандитизме и грабеже, о шпионаже, переходе границы и контрабанде, об убийстве и тяжелых ранениях, о крупных хищениях и растратах, о профессиональной спекуляции, о валютчиках, о фальшивомонетчиках, злостном хулиганстве и профессиональных рецидивистах.

3) Установить при производстве арестов органами ОГПУ предварительное согласие прокурорского надзора по всем делам, кроме дел о террористических актах, взрывах, поджогах, шпионаже и перебежках, политическом бандитизме и к.-р. антипартийных группировках.

Установленный в настоящем пункте порядок вводится в жизнь для ДВК, Средней Азии и Казахстана лишь через 6 месяцев.

4) Обязать прокурора СССР и ОГПУ обеспечить неуклонное исполнение инструкции 1922 г. о порядке прокурорского контроля за производством арестов и содержанием под стражей лиц, арестованных ОГПУ.

III.

О РАЗГРУЗКЕ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1. Установить, что максимальное количество лиц, могущих содержаться под стражей в местах заключения НКЮ, ОГПУ и Главного управления милиции, кроме лагерей и колоний, не должно превышать 400 тысяч человек на весь Союз ССР.

Обязать прокурора СССР и ОГПУ в двухдекадный срок определить предельное количество заключенных по отдельным республикам и областям (краям), исходя из указанной выше общей цифры.

Обязать ОГПУ, НКЮ союзных республик и прокуратуру СССР немедленно приступить к разгрузке мест заключения и довести в двухмесячный срок общее число лишенных свободы с 800 тысяч фактически заключенных ныне до 400 тысяч.

Ответственность за точное выполнение этого постановления возложить на прокуратуру СССР.

2. Установить для каждого места заключения максимальную цифру лиц, могущих содержаться в данном месте заключения, исходя из установленной выше цифры 400 тысяч.

Запретить начальникам мест заключения принимать арестованных сверх установленного предела.

3. Определить предельный срок для содержания арестованных в арестных помещениях при милициях не свыше трех суток. Обязательно обеспечить арестованных хлебом пайком.

4. Предложить ОГПУ, НКЮ союзных республик и прокуратуре СССР немедленно организовать пересмотр личного состава следственных заключенных с тем, чтобы всем, кроме особо опасных элементов, заменить содержание под стражей другой мерой пресечения (поручительство, залог, подписка о невыезде).

5. В отношении осужденных провести следующие мероприятия:

а) Всем осужденным по суду до 3 лет заменить лишение свободы принудительными работами до 1 года, а остальной срок считать условным.

б) Осужденных на срок от 3 до 5 лет включительно направить в трудовые поселки ОГПУ.

в) Осужденных на срок свыше 5 лет — направить в лагеря ОГПУ.

6. Кулаки, осужденные на срок от 3 до 5 лет включительно, подлежат направлению в трудовые поселки вместе с находящимися на их иждивении лицами.

7. Для разгрузки мест заключения и проведения указанных в пп. 5 и 6 мероприятий организовать в каждой республике, области (крае) специальные областные комиссии в составе: краевого (областного) прокурора, председателя краевого (областного) суда, ПП ОГПУ и начальника краевого (областного) управления милиции под председательством краевого (областного) прокурора.

8. В республиках, краях, областях, где общее количество заключенных превышает в данный момент 30 тысяч человек, разрешить областным комиссиям образовывать межрайонные выездные подкомиссии, как вспомогательные их органы, с тем, чтобы решения межрайонных комиссий утверждались областными комиссиями.

9. Предоставить право областным комиссиям освобождать от направления в лагеря и поселки, независимо от срока осуждения нетрудоспособных, инвалидов, стариков, матерей с маленькими детьми, беременных женщин, заменяя им лишение свободы принудительными работами.

В отдельных случаях областные комиссии вправе направлять в лагеря особо опасные элементы, хотя бы и осужденные на срок до 5 лет.

10. Для проведения разгрузки в Средне-Азиатских республиках, Казахстане и Кара-Калпакии предложить прокуратуре СССР, ОГПУ и Верховному Суду СССР направить специальные комиссии из Москвы для общего руководства работой республиканских комиссий этих республик.

*

Обязать НКЮ союзных республик и Наркомздравы союзных республик в месячный срок ликвидировать полностью сыпно-тифозные заболевания в местах заключения.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. МОЛОТОВ (Скрябин)

Секретарь ЦК ВКП(б) И. СТАЛИН

8 мая 1933 г. П6028

ГОЛОД 1933 ГОДА В ПАРТИЙНЫХ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЯХ

В 1928-1934 гг. в Советском Союзе бушевала кровопролитная война между государством и сельским населением. Сражение шло за право распоряжаться продукцией земледельческого труда. В советской литературе эта война получила название "социалистическое преобразование деревни", а вопрос: какую часть произведенного хлеба может использовать само сельское население, именуется "товарность продукции".

Голод 1933 года завершил эту неравную битву, крестьянин осознал, что у него нет выбора: подчинение или смерть, — и встал на колени. Победитель продиктовал свои крайне жестокие, никогда не виданные прежде в России условия распределения продуктов (смотри последний документ приводимой выборки). Но победа оказалась поистине "пирровой". Погибли миллионы деревенских жителей. Было уничтожено свыше ста миллионов домашних животных (17 млн. лошадей, 27 млн. голов крупного рогатого скота,

65 млн. овец и коз, свыше 10 млн. свиней). Уровень животноводства 1928 года был достигнут страной снова лишь через 30 лет. Причем, по численности животных на душу населения страна и сегодня не вышла на этот исходный рубеж: 1,7 в 1928 г., 1,3 в 1979 г.¹ Производство зерна застопорилось и на каждого жителя в течение следующих 20 лет приходилось все меньше и меньше хлеба. И главное, любовь сельских тружеников к земле, их желание работать были утрачены навсегда.

В этой публикации я хочу напомнить о постановлениях партии и правительства СССР, которые, с одной стороны, привели к катастрофе 1933 года, с другой — обеспечили государству окончательную победу.

Чтобы лучше понять происходившее в стране, рассмотрим предварительно, как распределялся урожай перед началом коллективизации в мирном 1926-1927 гг. (см. таблицу № 1).

Таблица № 1

ХЛЕБОБОРОТ В СССР ЗА 1926-1927 гг.

Форма хлебооборота	В млн. ц	В %	Форма хлебооборота	В млн. ц	В %
1	2	3	1	2	3
1. Валовой сбор хлебов сельским населением	773	100,0	9. Самоснабжение неземледельческих слоев деревни (закупки непосредственно у производителя)	19	2,5
2. Валовой сбор хлебов городским населением	5	0,6	10. Семенная ссуда	3	0,4
3. Весь валовой сбор хлебов	778	100,6	11. Внутрикредьтский оборот в денежной форме	52	6,7
4. Экспорт	26	3,4	12. Внутрикредьтский оборот в натуральной форме	36	4,7
5. Снабжение города и образование видимых запасов через торговый аппарат	62	8,0	13. Хозяйственное и личное потребление производителя (без какого-либо оборота хлеба)	536	66,1
6. Закупка городского потребителя непосредственно у производителя	9	1,2	14. Весь хлебооборот (4-12)	262	33,9
7. Снабжение потребляющих сельских районов по межрайонному торгово-посредническому обороту	22	2,8	15. Рыночный хлеб (4-9)	171	22,1
8. Снабжение сельских районов по внутрирайонному посредническому обороту	33	4,2	16. Внедеревенский товарный хлеб (4-7)	119	15,4

1	2	3
17. Потребление сельского населения	666	86,1
а) Посевной материал	119	15,4
б) Фураж	223	28,8
в) Питание	266	34,4
г) Страховые фонды	28	3,7
д) Лузга, потери, самогон	30	3,9
18. Заготовки государства	114	14,7

Из таблицы № 1 видно, что две трети зерна оттаивались в руках у непосредственного производителя и использовались на потребление (220 кг на человека), семена и фураж. Треть зерна, попадавшая на рынок, распределялась примерно поровну между городом и деревней. На потребление городского жителя падало 280 кг в год и 2,6 млн. тонн зерна было экспортировано. Только эти 15% хлеба, поступающие из деревни в город, рассматривались как товарные. Цель государства заключалась в максимальном увеличении доли этого отчуждаемого продукта.

Однако выполнялось это с большими трудностями. За четыре года 1928-1931 гг. заготовки зерна возросли на 30%, причем для изъятия этого хлеба требовались громадные усилия всего правительственного аппарата, в том числе и такие мероприятия, как обыски (юридически ни на чем не основанные), конфискации, высылка миллионов людей в отдаленные районы страны.

Одновременно происходили падеж скота и сокращение посевных площадей. Несмотря на это и не считаясь с плохими видами на урожай, правительство предполагало в 1932 году получить такое же количество зерна, как и в предыдущем.

Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР и Центрального комитета ВКП(б)

О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывания колхозной торговли хлебом

1. На основе победы колхозной и совхозной системы хозяйства над системой единоличного хозяйства и разгрома кулацких элементов в деревне, — Союз ССР в два года достиг такого развертывания зернового хозяйства, расширения посевных площадей и роста валовой продукции зерна, что вместо 660 миллионов пудов зерна (вместе с гарнием), заготовленных от урожая 1928 г. на основе единоличного хозяйства, — в 1930 г. государственные заготовки достигли 1.350 миллионов пудов зерна (вместе с гарнием), а в 1931 г., несмотря на засуху, — 1.400 миллионов пудов (вместе с гарнием).

ЦУНХУ Госплана СССР. Социалистическое переустройство сельского хозяйства СССР между XV и XVI съездами ВКП(б). 2-е изд., М.-Л., 1932, с. 31.

В.П. Данилов. Советская доколхозная деревня. М. "Наука", 1979, с. 170-178.

Эти успехи объясняются прежде всего тем, что колхозы, как крупное объединенное хозяйство, получили возможность через машинотракторные станции применять и наилучше использовать тракторы и машины, расширить посевные площади и улучшить агротехническую постановку дела, а совхозы превратились в крупнейшие фабрики зерна, обеспечивающие государству из года в год растущий хлебный фонд.

Благодаря осуществлению политики ленинской партии, страна вышла из кризиса зернового хозяйства и преодолевает трудности, вызванные засухой прошлого года в восточных районах Союза ССР, гораздо успешнее, чем это имело место в предыдущие засушливые годы, когда мелкое крестьянское хозяйство еще преобладало в нашей стране.

2. Вместе с тем, в результате успехов в деле осуществления пятилетки в области промышленности, все более растут возможности Советского Союза в области производства промышленных товаров как для удовлетворения производственных нужд колхозов, так и личных потребностей трудящихся деревни.

В связи с этим непрерывным ростом количества промышленных товаров и ростом производства зерна в деревне увеличиваются возможности развертывания колхозной торговли. Колхозная торговля становится все более важным добавочным источником снабжения города продуктами сельскохозяйственного производства.

В связи с этим обстоятельством советская власть получила возможность, наряду с методом государственных хлебозаготовок, практиковать, как средство снабжения городского населения, другой метод, метод торговли хлебом самими колхозами и колхозниками. Задача состоит в том, чтобы в интересах дальнейшего расширения товарооборота между городом и деревней и еще большего улучшения снабжения городского населения сочетать эти два метода и развернуть колхозную торговлю хлебом за счет некоторого сокращения государственных хлебозаготовок по крестьянскому сектору, увеличив одновременно заготовки по колхозному сектору.

На основании всего этого Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) постановляют:

а) Уменьшить государственный план хлебозаготовок по Союзу ССР из урожая 1932 г. по колхозам и единоличным хозяйствам в сравнении с планом 1931 г. на 264 миллиона пудов, установленный для 1932 г. план в 1.103 миллиона пудов при среднем урожае (без гарнира) вместо прошлого года плана в 1.367 миллионов пудов.

В соответствии с этим определить порайонно следующий план хлебозаготовок (без гарнира):

по Украине	356 млн. пуд. вместо плана прошлого года	434 млн. пуд.
по Северному Кавказу	136 млн. пуд. вместо плана прошл. года	154 млн. пуд.
" Крыму	10,0 "	11 "
" Центрально-Черноземной области	116 "	128 "
" Татарии	24 "	31 "
" Казахстану	38 "	54 "
" Восточной Сибири	29 "	32 "
" Средней Азии	22 "	25 "
" Московской области	27 "	31 "
" Нижегородскому краю	29 "	33 "
" Западной области	6 "	9 "
" Ленинградской области	4 "	5 "
" Ивановской области	4 "	5 "
" Северному краю	2 "	3 "
" Закавказью	4 "	5 "
" БССР	4 "	6 "
" Дальне-Восточному краю	7 "	8 "
" Средней Волге	72 "	106 "
" Нижней Волге	77 "	100 "
по Башкирии	26 млн. пуд. вместо плана прошл. года	39 млн. пуд.
" Уралу	48 "	71 "
" Западной Сибири	62 "	74 "

б) В соответствии с ростом совхозного хозяйства у в е д и ч и т ь в 1932 г. план хлебозаготовок по совхозам всех систем до 151 миллиона пудов против сланных в прошлом году 108 миллионов пудов со следующей разбивкой по системам: по Зернотресту 110 миллионов пудов, по Союзахару 20 миллионов пудов, по семеноводческим трестам 10 миллионов пудов, по Промсовхозтресту 5 миллионов пудов, по животноводческим совхозам (союзным и республиканским) 3 миллиона пудов, по прочим республиканским совхозам 3 миллиона пудов.

Хлебозаготовительный план по совхозам разбить по районам следующим образом:

	в млн. пудов
Украина	29,0
Северный Кавказ	37,0

Крым	4,0
ЗСФСР	0,4
Средняя Азия	2,3
Нижняя Волга	12,0
Центрально-Черноземная область	10,0
Средняя Волга	16,0
Татария	0,3
Казахстан	4,0
Урал	8,5
Башкирия	5,0
Западная Сибирь	13,5
Восточная Сибирь	3,5
Ленинградская область	0,05
Западная область	0,35
Московская область	0,8
Ивановская область	0,2
Нижегородский край	0,1
Дальне-Восточный край	4,0

в) Выполнение плана хлебозаготовок из урожая 1932 г. закончить не позднее 1 января 1933 г.

г) Образование семенных фондов в колхозах закончить не позднее 15 января 1933 г.

д) Признать целесообразным по окончании выполнения настоящего хлебозаготовительного плана и образования семенных фондов, т.е. с 15 января 1933 г., предоставить колхозам и колхозникам полную возможность беспрепятственной продажи излишков своего хлеба по своему усмотрению как на базарах и рынках, так и в своих колхозных лавках, обязав местные органы власти оказывать в этом колхозам и колхозникам полное содействие и принять меры к искоренению частников и перекупщиков-спекулянтов, пытающихся нажиться на колхозной торговле.

Председатель СНК СССР —

В. Мологов
(Скрябин)

Секретарь ЦК ВКП(б) —

И. Сталин

Москва — Кремль
6 мая 1932 г.

Опубликовано в № 135
Известий ЦИК Союза ССР
и ВЦИК от 7 мая 1932 г.

Заготовкам придавалось первостепенное значение и, в частности, были отменены все фонды по обеспечению кормами скота, семенные резервы и т.п. В первую очередь требовалось выполнить план поставок государству; что будет дальше — представлялось не столь существенным.

Постановление Совета Народных Комиссаров

Об отмене бронировки
зерновых кормовых фондов
за счет плана хлебозаготовок

В целях обеспечения полного и своевременного выполнения установленного плана хлебозаготовок, Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Подтвердить постановления Колхозцентра Союза ССР и РСФСР и Трактороцентра от 18 октября т.г. об обязательности для колхозов первоочередного выполнения хлебозаготовительных планов и об отмене бронировки зерновых кормовых фондов для скота и животноводческих ферм-колхозов за счет плана хлебозаготовок.

2. Предложить Народному комиссариату земледелия и Народному комиссариату снабжения Союза ССР принять немедленные меры к отмене всех распоряжений по линии Народного комиссариата земледелия и Народного комиссариата снабжения, поскольку эти распоряжения предусматривают образование в колхозах или совхозах зерновых фондов за счет установленного государством плана хлебозаготовок.

Москва — Кремль.
19 октября 1931 г.
№ 870

Председатель СНК СССР — В. Молотов (Скрябин)
Управляющий делами СНК Союза ССР — П. Керженев.

“Чтобы не сорвать заданий Советской власти, коммунисты должны были при этих новых условиях с первых же дней уборки, еще в июле месяце 1932 года, — они должны были всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки. Этого требовала обстановка. А как они поступили на деле? Вместо того, чтобы подгонять хлебозаготовки, они стали подгонять образование всякого рода фондов в колхозах, усиливая тем самым сдержанность сдаччиков хлеба в деле выполнения их обязанностей перед государством”.

(И.В. Сталин. О работе в деревне.
Собр.соч., т. 13, стр. 218.)

“Они 'за' хлебозаготовки. Они 'только' пускаются в демагогию и требуют, чтобы колхоз образовал резерв для животноводства, второе больший по размерам, чем это требуется для дела; чтобы колхоз выдавал на общественное питание от 6 до 10 фунтов хлеба в день на работника (то есть по 0,7 — 1,2 кг на каждого члена семьи!) и т.д. Понятно, что после таких 'фондов' и выдач на общественное питание, после такой кульнической демагогии хозяйственная мощь колхоза должна быть подорвана, и для хлебозаготовок не остается места”.

(И.В. Сталин, там же, стр. 230.)

За этими обвинениями в адрес советских руководителей — активных деятелей, которые чего-то не поняли и что-то сделали не так, незримо присутствует фигура сельского жителя — объекта воздействия. Его желания и намерения совершенно не существенны и мало кого интересуют, это бессловесное существо не виновато, как не могут быть виноваты земля или орудия производства: повинны руководители, не сумевшие ими воспользоваться в интересах государства.

Снижение плана заготовок, о котором говорится в постановлении о налоге на 1932 г., было фиктивным. Если в 1931 г. заготовки составили 1400 млн. пудов вместе с гарнием, то в 1932 г. со всех категорий хозяйств намеревались получить 1254 млн. пудов без гарнира? Гарницевый помол (плата за пользование мельницей) был обязательным, так как все частные мельницы были ослеплены в Сибирь, и правительство являлось абсолютным монополистом. Даже при минимальном урожае гарнир не мог составить меньше 150 млн. пудов.

Таким образом, несмотря на неурожай, государство желало получить не меньше, чем в предыдущие годы — 1400 млн. пудов зерна. Сельское население не справилось с этим заданием. Не помогли и специальные бригады, обсыкавшие дома и дворы жителей. Не помогли и суровые кары против недостаточно рьяных низовых руководителей.

Страна не справилась и была наказана. В декабре 1932 года появилось

Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР и Центрального комитета ВКП(б)

Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) постановляет:

1. В связи с тем, что Татарская АССР и Московская область выполнили досрочно установленный для них Советом народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) годовой план хлебозаготовок как в целом, так и по отдельным культурам и обеспечили себя семенами для ярового сева — с настоящего времени разрешить колхозам и колхозникам и трудящимся-единоличникам Татарской АССР и Московской области производить беспрепятственно продажу своего хлеба (мукой, зерном, печеным хлебом) как государственным и кооперативным организациям, так и на базарах и станциях Татарской республики и Московской области.

2. Предупредить колхозы, колхозников и единоличников остальных областей, краев и республик, что им также будет предоставлено, согласно постановления Совета народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г., право беспрепятственной торговли своим хлебом ранее установленного Советом народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) срока, то есть ранее 15 января 1933 г., если в этих областях, краях и республиках годовой план хлебозаготовок будет выполнен досрочно с обеспечением семян для ярового сева.

3. Предупредить колхозы, колхозников и единоличников, что в областях, краях и республиках, не выполнивших годового плана хлебозаготовок и не обеспечивших себя семенами для ярового сева, колхозная торговля хлебом допущена не будет; а также предупредить их о том, что торговля хлебом в этих областях и республиках будет преследоваться как спекуляция, согласно постановления Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР от 22 августа 1932 г.

Председатель СНК СССР — В. Молотов (Скрябин)
Секретарь ЦК ВКП(б) — И. Сталин

Москва — Кремль
2 декабря 1932 г.

Опубликовано в № 333
“Известия” ЦИК Союза ССР
и ВЦИК от 3 декабря 1932 г.

Впоследствии, 23 января, разрешение торговать в награду за выполнение плана было даровано Белоруссии, Узбекистану, Туркменистану, Северному краю и Западно-Сибирскому краю. 18 февраля льготы распространились на Таджикскую и Грузинскую ССР, Западную, Центрально-черноземную, Киевскую и Винницкую области (Узбекская и Туркменская ССР упоминаются в новом постановлении еще раз).

Таким образом на огромных территориях (большая часть Украины, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан) торговля хлебом была запрещена и приравнивалась к спекуляции. Против спекуляции же незадолго до того было принято специальное грозное постановление.

Постановление
Центрального исполнительного комитета
и Совета народных комиссаров

О борьбе со спекуляцией.

В постановлении Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР от 20 мая 1932 г. о порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян в развитие ранее изданных постановлений против спекуляции было установлено "Не допускать открытия магазинов и лавок частными торговцами и всячески искоренять перекупщиков, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян".

В виду того, что за последнее время, несмотря на запрещение, участились случаи спекуляции, особенно спекуляции товарами массового потребления, Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР обязывает Объединенное государственное политическое управление, органы прокуратуры и местные органы власти принять меры к искоренению спекуляции, применяя к спекулянтам и перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от 3 до 10 лет без права применения амнистии.

Председатель ЦИК Союза ССР — М. Калинин

Зам. Председателя СНК Союза ССР — В. Куйбышев

Секретарь ЦИК Союза ССР — А. Енукидзе

Москва — Кремль
22 августа 1932 г.
№ 46/1256

Опубликовано в № 333
"Известий" ЦИК Союза
ССР и ВЦИК от 21 августа
1932 г.

В связи с запретом торговли на дорогах, на границах областей и городов были установлены контрольно-пропускные пункты, на которых отбирали хлеб (купленный или предназначавшийся для продажи). В деревне была прекращена торговля в кооперативных и государственных магазинах продовольственными товарами.

Одного этого решения о запрете продажи зерна было достаточно для того, чтобы вызвать голод в стране при самом хорошем урожае.

Дело в том, что кроме продажи зерна в городе и поставок его государству, в деревне существовал еще широко распространенный внутридеревенский оборот, который по данным Госплана (СССР составлял в 1926-1927 гг. почти такую же сумму, как и внешние внедеревенские продажи (Табл. № 1).

Кто же и зачем покупал хлеб внутри деревни?

Как показывают исследования советского историка Виктора Петровича Данилова,³ почти треть часть сельских жителей не обеспечивали себя хлебом собственного урожая.

Рассматривая бюджетные данные сельских жителей, Данилов приходит к заключению, что в хозяйствах с посевом до 4 десятин покупки преобладали над продажами. Деньги на покупку зерна приобретались побочными заработками: в промышленности, сельском хозяйстве, продажей продуктов животноводства и т.д. Но и в более зажиточных хозяйствах, существовавших, главным образом, продажей зерна, покупки не были редкостью. Для группы с посевами 8-10 десятин, то

есть зажиточных середняков, покупки составили примерно 25% от продаж. Это явление связано с естественной неравномерностью производства: неурожая, долги в результате закупки товаров или налогов, неверный хозяйственный расчет, нужда в фураже и семенах — все это гнало на рынок крестьянина, который в следующие годы мог начать продавать больше, чем покупает сегодня.

Перераспределение хлеба внутри деревни осуществлялось по множеству различных каналов. Исследования академика Немчинова, также уделившего много труда в свое время изучению рынка сельскохозяйственных продуктов, показали, что в 1926-1927 гг. из общей массы проданного хлеба 43% пошло на нужды города, армии и так далее, 25% было реализовано внутри деревни по каналам государственной и кооперативной торговли и 32% составили непосредственные продажи на деревенском рынке.⁴

И вот весь этот непростой механизм, обеспечивавший перераспределение труда и потребления среди сельского населения, был единым махом упразднен и его использование было приравнено к уголовному преступлению.

Но где должны были достать хлеб миллионы сельских жителей, покупавших его прежде? На этот вопрос партия и правительство не ответили. Не было ни одной организации, предоставлявшей в долг крестьянам в тот год продовольственную или семенную помощь. Не было ни одного решения или приказа об обеспечении нуждающихся хотя бы самым минимальным уровнем питания.

Напротив, принимались грозные постановления, пресекавшие любые попытки воспользоваться существующими запасами продовольствия.⁵

О семенной ссуде

Ряд местных организаций обращается в СНК и ЦК за семенной ссудой для совхозов и колхозов.

В виду того, что урожай настоящего года является удовлетворительным, а правительством установлен для колхозов уменьшенный план государственных хлебозаготовок, который должен быть выполнен полностью, Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП (б) постановляет:

1. Отклонять все предложения о выдаче семенной ссуды.

2. Препятствовать, что в текущем году ни совхозам, ни колхозам семенная ссуда не будет выдаваться ни для озимого, ни для ярового сева.

3. Возложить на председателей колхозов, директоров МТС и директоров совхозов ответственность за выделение полностью семенных фондов к яровому севу в установленные Советом народных комиссаров Союза ССР и Центральным комитетом ВКП (б) сроки (не позднее 15 января 1933 г.) и за их полную сохранность.

Председатель СНК СССР —

Секретарь ЦК ВКП (б) —

В. Молотов

И. Сталин

Москва — Кремль
23 сентября 1932 г.

Опубликовано в № 268
"Известий" ЦИК Союза
ССР и ВЦИК от 24 сентября
1932 г.

**О порядке использования хлебных фондов,
отпускаемых на целевые назначения**

В связи с наблюдающимися фактами расходования хлебных фондов, имеющих определенное целевое назначение (лесозаготовки, заготовки хлопка, льна и т.п.), на нужды общего снабжения (снабжение больницы, милиции, местного строительства, городского обхода и т.д.), Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Категорически воспретить, под угрозой привлечения к строжайшей уголовной ответственности, понуждать лесозаготовительные и другие организации, получающие в непосредственное распоряжение хлебные фонды, производить отпуск хлеба, зерна и объемистого фуража не по прямому назначению.

2. Предложить прокурорам республик дать указание крайним и областным прокурорам о привлечении к ответственности организаций и лиц, понуждающих производить отпуск хлеба, зерна и объемистого фуража не на прямые нужды, для которых выделены указанные фонды.

3. Предупредить организации и лица, производящие отпуск хлеба, зерна и объемистого фуража, что за отпуск хлеба не по прямому назначению, независимо от наличия распоряжений местных организаций, они будут привлекаться к уголовной ответственности.

Зам. Председателя СНК Союза ССР —

В. Куйбышев.

Зам. Управляющего делами СНК Союза ССР —

И. Мирошников

Москва — Кремль

5 декабря 1932 г.

№ 1790

Особенное беспокойство вызывает у руководителя возможность использования населением части кормов, предназначенных для скота. В связи с этим, выделяя минимальный уровень корма лошадям, правительство сопровождает это специальными строгими указаниями о его хранении.

Москва Кремль

Сов. секретно

ЦК ВКП (б)

20.1.1933 г.

№ —/А-10

Секретарю ЦК КП (б) У тов. Косиору

Копия: Секретарям обкомов, горкомов и райкомов

Наркому ОГПУ и прокурору республики

По линии системы Заготзерно дано распоряжение об отпуске за наличный расчет фуражного зерна для конского поголовья кохозов Украины. Принять срочные меры к получению, транспортировке и сохранности этого зернофуража в колхозах. Упомянутый зернофураж может быть использован исключительно в период осенней посевной кампании текущего года.

Обратите особое внимание на хранение этого зернофуража в колхозах, не допуская использования его на другие нужды. виновных в хищении, разбазаривании и использовании: его не по назначению беспощадно привлекайте к ответственности по закону от 7 августа 1932 г. Вышлите доложить ЦК февралю с.г.

(Факсимиле)

И. Сталин

Ukrains'kyi Zbirnyk No. 2, 1955, p. 97.

Закон от 7 августа 1932 г., упоминаемый в письме и постановлениях, был основным оружием, с помощью которого правительство надеялось удержать население от воровства, несмотря на голод. Этот закон за любое хищение обещал смерть.

**Постановление
Центрального исполнительного комитета
и Совета народных комиссаров**

**Об охране имущества государственных
предприятий, колхозов и кооперации
и укреплении общественной (социалистической)
собственности**

За последнее время участились жалобы рабочих и колхозников на хищение (воровство) грузов на железнодорожном и водном транспорте и хищение (воровство) кооперативного и колхозного имущества со стороны хулиганствующих и вообще противообщественных элементов. Равным образом участились жалобы на насилие и угрозы кулацких элементов в отношении колхозников, не желающих выйти из колхозов и честно и самоотверженно работающих за укрепление последних.

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она является и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, в виду чего решительная борьба с расхищением общественного имущества является первейшей обязанностью органов советской власти.

Исходя из этих соображений и идя навстречу требованиям рабочих и колхозников, Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют:

I

1. Приравнять по своему значению грузы на железнодорожном и водном транспорте к имуществу государственных и всемерно усилить охрану этих грузов.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении грузов на транспорте.

II

1. Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т.д.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества.

III

1. Повести решительную борьбу с теми противообщественными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилие и угрозы к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхоза, с целью насильственного разрушения колхоза. Приравнять эти преступления к государственным преступлениям.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по этим делам.

Председатель ЦИК Союза ССР —

М. Калинин

Председатель СНК Союза ССР —

В. Молотов (Скрябин)

Секретарь ЦИК Союза ССР —

А. Енукудзе

Москва — Кремль
7 августа 1932 г.

Опубликовано в № 218
"Известий" ЦИК Союза
ССР и ВЦИК
от 8 августа 1932 г.

Постепенно закон от 7 августа получает все более и более расширенное толкование. Его применяют и против лиц, собиравших колоски или свеклу на полях, и против сломавших по небрежности тот или иной инвентарь, и против занижающих норму высева. Он становится стандартной мерой наказания для сельских жителей. Нарушения, которые еще два-три года назад могли повлечь за собой штраф, теперь караются расстрелом или 10 годами тюремного заключения.

О свекле

Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Утвердить план заготовок свеклы урожая 1932 г. в размере 120,7 млн. центнеров, в том числе: по свеклосовхозам 17,7 млн. центнеров, по МТС — 64 млн. центнеров, по остальным колхозам — 16 млн. центнеров, по единоличным хозяйствам — 23 млн. центнеров со следующим распределением по республикам, краям и областям.

5. В целях борьбы с хищением свеклы во время копки и сбора, обязать директоров свеклосовхозов и МТС, правления колхозов, районные и городские комитеты и сельские советы организовать охрану накопленной свеклы и также при вывозке; в отношении лиц, расхищающих свеклу, применять постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР от 7 августа 1932 г. об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепления общественной (социалистической) собственности. (СНК СССР 1932 г., № 62, ст. 360.)

Из постановления СНК СССР
от 17 сентября 1932 г.

Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановляет:

Применять к лицам, уличенным в саботаже сельскохозяйственных работ, краже семян, во вредительском преумножении норм высева, вредительской работе по пахоте и севу, ведущей к порче полей и снижению урожая, в умышленной поломке тракторов и машин, в уничтожении лошадей — как к расхищателям колхозной собственности, постановление от 7 августа 1932 года об охране общественной собственности.

Из постановления от 30 января 1933 г.

Расправившись с мужиком, изолировав его в деревне, обреченной на голод и людоедство,⁸ власть задумывается над дальнейшей организацией сельского хозяйства. В первую очередь принимаются решения о ближайшей посевной кампании, о выделении семян для ее проведения, о мерах по окончательному подавлению любого возможного сопротивления. Но звучат эти решения уже по-другому и, главное, способы распре-

деления будущего урожая приобретают уже совершенно иной характер.

Из постановления ЦИК Союза ССР

По докладу народного комиссара земледелия Союза ССР г. Яковлева Я.А. об укреплении колхозов.

а) предупредить все советские организации о недопустимости игнорирования единоличников при выполнении посевного плана и обязательств по сдаче продукции государству. Каждый единоличник, сохраняющий право пользования государственной землей, обязан выполнить установленный для него местным советом план высева и обязательства по сдаче продукции государству;

б) в отношении единоличников, ударившихся в спекуляцию и упорно отказывающихся обрабатывать и засеивать занимаемые ими земли, как это имело место в некоторых районах Северного Кавказа — местные органы власти должны принимать суровые меры, вплоть до лишения приусадебной земли, а в отдельных случаях, как крайнюю меру — к высылке из пределов края в места менее плодородные;

в) одобрить практику лучших колхозов, со всей строгостью относящихся к приему в колхозы новых членов. Прием новых членов в колхозы может производиться лишь при условии, если единоличник, вступающий в колхоз, добросовестно выполнил производственные задания и обязательства по сдаче продукции государству и сдает в колхоз свою лошадей и принадлежащий на его долю посевной материал.

8. Центральный исполнительный комитет Союза ССР предупреждает руководящие кадры МТС, колхозов и всех преданных советской власти колхозников, что во время сбора семян и весенней посевной кампании в ряде районов еще могут повториться факты кулацкого саботажа и вредительства. Задачей всего руководящего состава МТС и колхозов является сплотить саботажников и вредителей, срывающих сбор семян, организовавших воровство семян, портивших пахоту и сев, умышленно затгнивавших сев в целях размножения сорняков, ломающих тракторы и машины, губящих лошадей.

* * *

Центральный исполнительный комитет Союза ССР обязывает все исполнительные комитеты, советы и земельные органы, МТС и колхозы немедленно переключиться на работу по подготовке к севу, имея в виду, что только вооружившись революционной бдительностью по отношению к классовому врагу, вовлекая в соревнование и удальничество новые миллионы колхозников, МТС, колхозы и трудящиеся единоличники сумеют под руководством советской власти успешно осуществить стоящую перед ним задачу полного выполнения плана весенней посевной кампании и обеспечения повышения урожайности.

Председатель ЦИК Союза ССР —

Секретарь ЦИК Союза ССР —

А. Черяков

А. Енукудзе

Москва — Кремль
30 января 1933 г.

Опубликовано в № 30
"Известий" ЦИК
Союза ССР и ВЦИК
от 31 января 1933 г.

О мероприятиях по организации весеннего сева на Северном Кавказе

Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) ставят главной задачей весенней посевной кампании на Северном Кавказе уничтожение

сорняков, полную засыпку семян, недопущение малейшего опоздания к севу и полное выполнение посевного плана, сокращение сроков сева и действительное улучшение качества обработки земли.

Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП (б) обязывают Северо-Кавказский крайком и краевой исполнительный комитет, Народный комиссариат земледелия Союза ССР и Народный комиссариат зерновых и животноводческих совхозов провести следующие мероприятия:

1. Провести сплошную очистку полей от сорняков путем их сжигания и другими методами; предоставить районным исполнительным комитетам право мобилизации крестьянского населения в порядке трудовой повинности; отвести под ранние колосовые культуры земли, вспаханные под ячмя, и более чистые земли, производя работу на землях, засоренных корневищными сорняками, обязательно корпусными плугами.

2. Установить план ярового сева по Северному Кавказу по совхозам, колхозам и единоличному сектору в размере 8.250 тысяч гектар, в том числе: пшеницы — 2.050, ячменя — 900, овса — 350, кукурузы и сорго — 1.450 и подсолнуха — 1.050 тысяч гектар.

3. Обеспечить подъем паров в размере 1,2 млн. гектар, в том числе 600 тысяч гектар по колхозам с тем, чтобы под пары были выделены наиболее засоренные земли; обработку паров начать немедленно после окончания сева ранних яровых и закончить не позднее 5 июля.

4. Собрать семена полностью по пшенице — 2.255 тысяч центнеров, по овсу — 455 тысяч центнеров, по ячменю — 1.080 тысяч центнеров, по кукурузе — 435 тысяч центнеров.

5. Закончить сбор семян к 15 февраля, осуществляя его, в случае необходимости, в порядке проведения хлебозаготовок; обеспечить протравливание всех семян и их сохранность; установить следующие обязательные нормы высева на гектар по Северному Кавказу: по яровой пшенице — 1,1, по яровому ячменю — 1,2 и по овсу — 1,3 центнера.

6. Закончить всю подготовку к весеннему севу — разбивку бригад, прикрепление их к участкам, установление полей севооборота, ремонт машин и проч. — к 1 марта.

Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП (б) указывают, что без установления твердой трудовой дисциплины в колхозах невозможно успешное проведение весеннего сева; в связи с этим выход на работу и злобно-небрежное отношение к работе в поле со стороны отдельных колхозников должны караться без всякого снисхождения вплоть до исключения из колхоза.

Совет народных комиссаров и Центральный комитет ВКП (б) предупреждают партийные и советские организации Северного Кавказа и работников земельных органов, машинно-тракторных станций и совхозов, а также членов правлений и бригадиров в колхозах, что их первой обязанностью является сломить всякое проявление кулацкого саботажа и вредительства, которые еще могут повториться в ряде районов во время сбора семян или во время сева, причем всякое снисхождение к врагам народа, саботирующим сев, будет рассматриваться, как помощь с их стороны кулаку и контрреволюционному вредителю.

Совет народных комиссаров и Центральный комитет ВКП (б) обязывают местные органы власти рассматривать уличенных в краже семян из амбаров и селюков или во вредительском уменьшении норм высева и вредительской работе при пахоте и севе, рассчитанной на порчу полей и срыв урожая, — как расхищителей колхозной и государственной собственности и применять к ним декрет от 7 августа 1932 года об охране общественной собственности, не допуская снисхождения.

Совет народных комиссаров и Центральный комитет ВКП (б) предупреждают партийные и советские организации о недопустимости игнорирования единоличников при выполнении посевного плана. Совет народных комиссаров и Центральный комитет ВКП (б) напоминают, что не позднее 15 февраля каждому единоличнику должен быть вручен обязательный твердый план посева, причем хозяева, саботирующие сев, должны подвергаться общественной каре вплоть до высылки из пределов края.

Для успешного и своевременного проведения сева по Северному Кавказу по всем секторам создать Комитет по весеннему севу под председательством т. Шелодаева в составе т.т. Ларина, Зимина, Евдокимова, Юркина и Ищенко, дать Комитету все распорядительные права, необходимые для успешного проведения сева, а распоряжения Комитета считать безусловно обязательными для всех органов, предприятий и учреждений края, не подлежащими обжалованию.

Председатель СНК СССР —

В. Молотов (Скрябин)

Секретарь ЦК ВКП (б) —

И. Сталин

Москва — Кремль
23 января 1933 г.

Опубликовано в
№ 33 "Известий" ЦИК
Союза ССР и ВЦИК от
24 января 1933 г.

Постановления Совета народных комиссаров Союза ССР и Центрального комитета ВКП (б)

О семени помощи колхозам и совхозам Украины и Северного Кавказа

В виду того, что неблагоприятные климатические условия летом 1932 г. в ряде районов Украины и Северного Кавказа привели к потере части урожая, вследствие чего колхозы и совхозы степной полосы Украины и некоторых районов Северного Кавказа (Кубань) не смогли обеспечить себя полностью семенами для весеннего сева. Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП (б) постановляют:

1. Отпустить из государственных запасов зерно колхозам и совхозам Украины и Северного Кавказа для семени ссуды в следующих размерах:

По Украине 20.300 тыс. пудов, в том числе колхозам 18.600 тыс. пудов.

По Северному Кавказу 15.300 тыс. пудов, в том числе колхозам 12.400 тыс. пудов.

2. Отпуск семени ссуды произвести следующими культурами:

	По Украине (тыс. пудов)	По Северному Кавказу (тыс. пудов)
Пшеница	5.250	9.300
Овес	6.000	2.000
Ячмень	7.625	3.300
Кукуруза	500	700
Бобовые	700	—
Крупианные	35	—
Вика	190	—

3. Семени ссуду отпустить беспроцентно с обязательным возвратом натурой осенью 1933 г., причем административные и транспортные расходы государства начислять при возврате семенного долга в размере десяти пудов на каждые сто пудов отпущенной сем-ссуды.

4. Обязать советские и партийные организации Украины и Северного Кавказа обеспечить правильное распределение отпускаемой государством ссуды по районам, колхозам и совхозам.

5. Обязать советские и партийные организации Украины и Северного Кавказа мобилизовать все семейные ресурсы в колхозах и совхозах для обеспечения полностью семьями предстоящей весной посевной кампании.

Председатель СНК СССР — В. Молотов (Скрябин)

Секретарь ЦК ВКП (б) —

И. Сталин

Москва — Кремль
26 февраля 1933 г.

Опубликовано в № 56
"Известий" ЦИК
Союза ССР и ВЦИК
от 26 февраля 1933 г.

Постановления Совета народных комиссаров Союза ССР и Центрального комитета ВКП (б)

Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами

В целях дальнейшего подъема урожайности и расширения посевных площадей зерновых культур, а также в целях своевременного определения твердых обязательств колхозов и единоличных хозяйств по сдаче (продаже) зерна государству Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП (б) постановляют:

1. Отменить существующую договорную (контрактационную) систему заготовок зерновых культур и установить для колхозов и единоличных хозяйств имеющие силу налога твердые обязательства по сдаче зерна государству по установленным государственным ценам.

2. Утвердить для колхозов и республик следующие средние по областям и республикам нормы сдачи государству зерна из урожая 1933 года из расчета на каждый гектар установленного плана посева яровых и на каждый гектар фактического посева озимых зерновых культур (в центнерах):

	Для колхозов, не обслуживаемых МТС	Для колхозов, обслуживаемых МТС
Крымская АССР	3,3	2,7
УССР	3,1	2,5
Восточно-Сибирский край	3,1	2,7
ЦЧО	3,0	2,6
Северо-Кавказский край	2,5	2,1
Западно-Сибирский край	2,5	2,1
Киргизская АССР	2,2	1,9
Казахская АССР	2,0	1,5
Татреспублика	2,3	1,8
Средне-Волжский край	2,3	1,8
Башреспублика	2,3	1,8
Нижне-Волжский край	2,2	1,8
ДВК	1,8	1,3
Уральская область	1,9	1,5
Московская область	1,7	1,3
Горьковский край	1,6	1,2
Республики Средней Азии: Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кара-Калпакия	1,8	1,4
Западная область	1,0	0,7
Ленинградская область	0,8	0,6
Ивановская область	0,8	0,6
Северный край	0,8	0,6
БССР	0,8	0,6
ЗСФСР	0,8	0,5

3. Поручить Совету труда и обороны к 25 января 1933 года установить и опубликовать нормы сдачи зерна с гектара отдельно для пшеницы, отдельно для ржи, отдельно для овса, отдельно для бобовых по каждой республике, краю и области с тем, чтобы установленная настоящим постановлением средняя норма сдачи зерна с гектара была сохранена полностью.

4. Предложить советам народных комиссаров союзных республик, крайним и областным исполнительным комитетам, крайкомам, обкомам и ЦК нацкомпартий, в соответствии со ст. 2 настоящего постановления, установить и с утверждения Совета народных комиссаров Союза ССР опубликовать к 10 февраля 1933 года в южных областях (Крым, УССР, Северный Кавказ, Нижне-Волжский край, Средне-Азиатские республики, ЗСФСР) и к 15 февраля во всех остальных областях Союза ССР порайонные нормы сдачи хлеба государству колхозами, допускающие колебания выше или ниже нормы, установленной для данной республики, края, области с тем, однако, чтобы было обеспечено полное выполнение установленных для республики, края, области размеров хлебо-сдачи по колхозам и чтобы средняя норма сдачи хлеба с гектара по республике, краю и области в целом была не ниже установленной ст. 2 настоящего постановления. Порайонные нормы, установленные Советами народных комиссаров союзных республик, крайними и областными исполнительными комитетами, являются обязательными для всех колхозов данного района и не могут подвергаться изменениям.

5. Количество зерна, подлежащее сдаче государству каждым колхозом, определяется районными исполнительными комитетами на точном основании ст.ст. 2 и 4 настоящего постановления.

6. Установить следующие календарные сроки выполнения колхозами годовых обязательств по сдаче зерна государству в процентах от погектарных норм, установленных ст. 4 настоящего постановления:

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Крым	30	40	25	5	—	—
УССР	5	25	25	25	15	5
Восточно-Сибирский край	—	5	15	35	30	15
ЦЧО	—	25	35	15	15	10
Северо-Кавказский край	5	30	25	15	15	10
Западно-Сибирский край	—	5	20	35	30	10
Киргизия	5	20	25	35	15	—
Казахстан	5	20	25	35	15	—
Татреспублика	—	25	35	25	15	—
Средне-Волжский край	2	25	33	25	15	—
Башреспублика	—	10	25	35	30	—
Нижне-Волжский край	3	27	25	25	20	—
ДВК	—	—	25	35	25	15
Уральская область	—	10	20	40	25	5
Московская область	—	20	30	30	20	—
Горьковский край	—	20	30	30	20	—
Республики Средней Азии: Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кара-Калпакия	20	30	25	25	—	—
Западная область	—	10	35	30	25	—
Ленинградская область	—	5	30	35	30	—
Ивановская область	—	20	30	30	20	—
Северный край	—	5	35	35	25	—
БССР	—	10	30	35	25	—
Закавказье	20	35	35	10	—	—

7. Порядок определения размеров сдачи зерна государству колхозами, установленный настоящим постановлением, не распространяется на единоличные хозяйства. Для единоличных хозяйств сохраняется существующий ныне порядок определения размеров хлебосдачи государству, а именно: сельские советы устанавливают для каждого единоличного хозяйства твердые обязательства по сдаче зерна государству, исходя из фактически засеянной площади озимых и твердого плана сева яровых культур, установленного сельским советом для каждого единоличного хозяйства, а также исходя из того, чтобы сдача с гектара единоличными хозяйствами была на 5-10% выше нормы, установленной для колхозов данного района.

8. Утвердить следующие предельные сроки выполнения единоличными хозяйствами установленных для них годовых планов хлебосдачи:

Крым, Украина, Северный Кавказ (за исключением национальных областей), Нижне-Волжский край, республика Средней Азии, Киргизия, ЗСФСР — 1 октября 1933 года;

ЦЧО, Средне-Волжский край, Татарстан, Башкирская республика, Уральская область, Казахстан, Московская область, Ивановская область, Горьковский край, Западная область — 15 октября 1933 года;

Западно-Сибирский край, Восточно-Сибирский край, ДВК, Ленинградская область, Северный край, БССР и национальные области Северного Кавказа — 1 ноября 1933 года.

9. Сохранить существующие цены на зерно, сдаваемое государству.

10. Обязать районные исполнительные комитеты под ответственность Советов народных комиссаров республик, краевых и областных исполнительных комитетов не позднее 15 марта 1933 года, вручить каждому колхозу обязательство по сдаче зерна по культурам, с указанием сроков его выполнения.

К этому же сроку вручить каждому единоличному хозяйству обязательства по сдаче зерна государству с указанием размеров сдачи по каждой культуре в отдельности, а также срока выполнения всего задания.

11. При сдаче зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами допускается замена одной культуры другой (ячмень вместо кукурузы, просо вместо гречки и наоборот).

Не допускается лишь замена продовольственных культур — пшеницы и ржи фуражными и крупяными, а равно не разрешается замена пшеницы никакой другой культурой.

12. Колхозы и единоличные хозяйства обязаны привести и сдать причитающееся с них количество зерна на элеваторы или пристанционные и пристанские склады Заготзерна, а заготовительные органы обязаны сохранить существующую практику расчетов со сдатчика зерна с учетом дальности подвозок.

13. В зачет выполнения колхозами и единоличными хозяйствами своих обязательств, установленных настоящим постановлением по сдаче зерна государству, принимается только зерно доброкачественное.

Зерно заглое и проросшее не засчитывается в выполнение обязательств колхозов и единоличных хозяйств.

Зерно, засоренное и сырое, засчитывается в выполнение обязательств со скидкой на засоренность и влажность.

Комитету заготовок при СТО установить размеры скидок в соответствии со степенью влажности и засоренности зерна.

Обязать заведующих элеваторами и сыновыми пунктами привлечь к судебной ответственности лиц, виновных в попытках сдать государству явно недоброкачественное или порченное зерно.

14. Для снабжения хлебом по твердым государственным ценам сельских учителей, агрономов и медработников разрешить советам народных комиссаров союзных республик, краевым и областным исполнительным комитетам устанавливать обязательные начисления в размере не свыше 2% в среднем по области к сумме обязательств по сдаче зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами, установленных на основе настоящего постановления.

Зерно в счет этих исчислений сдается колхозами и единоличными хозяйствами одновременно с выполнением ими своих обязательств по сдаче зерна, поступает на склады Заготзерно и расходует по распоряжениям районных исполнительных комитетов на основе указаний советов народных комиссаров союзных республик, краевых и областных исполнительных комитетов взыскательно для снабжения учителей, агрономов и медработников.

15. Выполнение установленных настоящим постановлением обязательств по сдаче зерна государству является первоочередной обязанностью каждого колхоза и единоличного хозяйства и должно быть произведено из первых обмолотов. Установить, что колхозная торговля хлебом будет разрешаться только после выполнения установленного на основе настоящего постановления плана хлебозаготовок в целом по республике, краю, области и полной засылки, после выполнения плана хлебозаготовок, семенных фондов.

16. Колхозы, не выполнившие своих обязательств по сдаче хлеба государству в установленные настоящим постановлением календарные сроки, подвергаются через сельские советы денежному штрафу в размере рыночной стоимости невыполненной части обязательств и сверх этого к этим колхозам предъявляется требование о досрочном выполнении всего годового обязательства, подлежащего взысканию в беспорядном порядке.

Единоличные хозяйства, не выполнившие своих обязательств по сдаче зерна государству к установленному настоящим постановлением сроку, привлекаются к судебной ответственности по ст. 61 Уголовного кодекса РСФСР и в других республиках — по соответствующим статьям уголовных кодексов этих республик.

17. Безусловно воспрещается местным органам власти и заготовительным органам допускать встречные планы или налагать на колхозы и единоличные хозяйства обязательства по сдаче зерна, превышающие погектарные нормы, установленные настоящим законом. Все излишки хлеба после выполнения обязательств сдачи государству зерна остаются в полном распоряжении самих колхозов, колхозников и единоличников.

Председатель СНК СССР —

В. Молотов (Скрябин)

Секретарь ЦК ВКП (б) —

И. Сталин

Москва — Кремль

19 января 1933 г.

Опубликовано в № 30

"Известия" ЦИК

Союза ССР и ВЦИК от

20 января 1933 г.

Последнее постановление содержит почти все основные принципы, которые использовались в советском сельском хозяйстве в последующие 25 лет. Обязательные поставки государству, не зависящие от размера урожая и засеянной площади (налогом облагается площадь, которую приказано засеять). Размер поставок близок к половине валового сбора для колхозов, не обслуживаемых МТС (средняя урожайность в 1933-1936 гг. составила около 7 центнеров с гектара

фактического посева. К налоговой ставке 2,5-3 центнера с гектара надо прибавить гарнцевый сбор, скидку за качество зерна, налог с неспаханых угодий). Колхозы, обслуживаемые МТС, и единоличники сдают еще более высокую долю урожая.

Цены на зерно остаются фиксированными. Практически это означает бесплатную сдачу зерна государству, так как уже в 1933-1935 гг. заготовительные цены были в десятки раз ниже фактических (рыночных).

За качество и доставку зерна отвечают колхозы.

Невыполнение плана строго карается.

Таким образом государство претендует на бесплатное получение половины урожая, без всяких встречных обязательств (кроме наказания невыполнивших план).

Сельский житель уменьшил потребление зерна в два раза. 300 грамм в день на человека — это близко к голодному пайку осажженного Ленинграда в самые худшие месяцы. На такой паек было посажено сельское население на долгие и долгие годы. Благодаря этому ресурсы государства удвоились.

В 1937 г., когда система уже достаточно устоялась, общая площадь приусадебных участков составляла 11 млн. га или 2,6% от сельскохозяйственных земель колхозов и совхозов. С этого крошечного клочка также платились налоги: денежный и поставки мяса (независимо от того, имел ли крестьянин в своем распоряжении скот и птицу).

Таким образом обязанности сельского жителя по отношению к победителю государству были весьма многочисленны:

1. Обрабатывать поля и ухаживать за скотом, получая в награду в лучшем случае пятую часть урожая. Нерадивные и неисполнительные наказываются расстрелом или тюрьмой — 10 лет.

2. Содержать собственный скот и обрабатывать во внеурочное время собственный приусадебный участок, поставляя государству мясо по фиксированной низкой цене и платя налоги.

3. Выполнять различные другие повинности (поддержание в порядке дорог, строительство хозяйственных помещений, и т.д.).

4. Содержать учителей, бухгалтеров и других служащих государства, живущих в деревне.

5. Служить в армии.

6. Участвовать в собраниях и общественных мероприятиях, словом и поднятием руки поддерживать любые решения партии и правительства.

Чтобы житель села не пытался уклониться от этих и других, не перечисленных мною повинностей, он был лишен права на свободу передвижения. После введения паспортной системы в 1934-1935 гг. выезд из деревни оказался возможен только с разрешения сельской администрации.

Так возникла новая система сельскохозяйственного производства. Система, обрекавшая непосредственных производителей на полуголодное существование, а порой и на голодную смерть. Система по жестокости эксплуатации не знающая себе равных. Система, логическим завершением которой является сегодняшнее положение, когда страна с самой большой в мире территорией, с самыми большими в мире посевными площадями не может себя прокормить.

Не приходится сомневаться, что современный кризис современного сельского хозяйства СССР уходит своими корнями в события тех далеких дней становления системы.

Пояснения

1. Цифры получены вычитанием численности в 1934-1935 гг. из численности животных в 1928 г. (Народное хозяйство СССР в 1958 году. Статистический справочник. М. 1959, стр. 445; Народное хозяйство СССР в 1978 году. М. "Статистика", 1979, стр. 245).

Паразитично, что во время Второй мировой войны потери животноводства оказались во много раз меньше (10 млн. лошадей, 7 млн. голов крупного рогатого скота, 22 млн. овец). Получено как разница между уровнем 1941 и 1945 гг. (см. там же).

2. Фактический уровень заготовок составил по С.Н. Прокоповичу 1156 млн. пудов. (С.Н. Прокопович. Народное хозяйство СССР. Т. 1, Нью-Йорк, 1952, стр. 213).

3. В.П. Данилов. Советская колхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., "Наука", 1979, стр. 159-204.

4. В.С. Немчинов. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М. 1945, стр. 58.

5. А ведь совсем недавно при более высоком урожае по всей стране (73 млн. т. — 1928 и 70 млн. т. — в 1932 гг. — см. С.Н. Прокопович, цит. соч., стр. 210) в практически таком же урожае на Украине (13,9 млн. т. в 1928 и 14,6 млн. т. в 1932 гг. — см. Народное хозяйство Украины. Киев, 1935, стр. 244) правительство пришло к специальному постановлению по оказанию населению срочной помощи.

Об оказании помощи населению пострадавших от неурода округов Украинской Социалистической Советской Республики и Автономной Молдавской Советской Социалистической Республики

В целях оказания срочной помощи населению пострадавших от неурода округов Украинской Социалистической Советской Республики: Херсонского, Николаевского, Одесского, Кировоградского, Мелитопольского, Запорожского, Зиновьевского и Первомайского, а так

же Автономной Молдавской Советской Социалистической Республики, Совет Народных Комиссаров СССР постановляет:

1. Считая необходимым предоставление населению вышеупомянутых округов Украинской Социалистической Советской Республики и Автономной Молдавской Советской Социалистической Республики льгот по сельскохозяйственному налогу, поручить Народному Комиссариату Финансов Союза СССР в двухнедельный срок рассмотреть заявки правительства Украинской Социалистической Советской Республики о предоставлении скидок по сельскохозяйственному налогу отдельно по каждому округу и Автономной Молдавской Советской Социалистической Республике по группам налогоплательщиков.

2. Из общего количества хлеба, заготавливаемого в 1928-1929 гг. в Украинской Социалистической Советской Республике государственными и кооперативными заготовителями, забронировать 8,000.000 пудов (131.040 тонн) яровых культур в качестве временного фонда.

Порядок и размеры расходования указанного фонда установить при рассмотрении общесоюзного плана снабжения семенами в яровую кампанию 1929 года.

3. Отсрочить до 1 октября 1929 года бедняцким группам крестьянского населения вышеупомянутых округов и Автономной Молдавской Советской Социалистической Республики погашение всей озимой семенной ссуды, выданной в кампанию 1928 года.

Предоставить середняцким группам крестьянского населения упомянутых округов и Автономной Молдавской Советской Социалистической Республики такую же отсрочку в отношении 50% означенной ссуды.

Поручить Народному Комиссариату Финансов Союза ССР совместно с правительством Украинской Социалистической Советской Республики в трехнедельный срок определить размеры дополнительных ассигнований, необходимых для покрытия расходов по предоставлению упомянутых отсрочек, и представить соответствующий проект на утверждение Совета Труда и Оборона.

4. При проведении плана контрактации в вышеупомянутых округах и Автономной Молдавской Советской Социалистической Республике увеличить размер ассигнований за контрактруемый гектар в среднем до 10 рублей.

5. Считая необходимым увеличение средств, отпускаемых по Украинской Социалистической Советской Республике на необходимую тягловую силу как для осенних посевов, так и для яблковой пахоты, поручить комиссии в составе т. Г.Ф. Гринько и представителя Украинской Социалистической Советской Республики, под председательством т. Н.П. Брюхатова, в трехдневный срок установить как размеры дополнительного отпуска необходимых для этого средств, так и источники, из которых эти средства должны быть ассигнованы, и представить об этом доклад Заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Совета Труда и Оборона т. Я.Э. Рудзутаку.

6. План снабжения Украинской Социалистической Советской Республики семенами для озимой посевной кампании 1928 года увеличить с 11.000.000 пудов (180.180 тонн) до 14.200.000 пудов (232.590 тонн).

В целях обеспечения выполнения этого плана признать необходимым ввоз озимых семян с Северного Кавказа в Украинскую Социалистическую Советскую Республику в размере 2.000.000 пудов (32.760 тонн), причем конечным сроком отгрузки считать 15 сентября 1928 года.

Предложить Экономическому Советанию Украинской Социалистической Советской Республики командировать уполномоченных для согласования с Северо-Кавказскими земельными органами и Торговым отделом качества семенного зерна, подлежащего отгрузке, и районов, из которых оно должно быть вывезено.

7. Разрешенные к использованию для посевов на Северном Кавказе 1.400.000 пудов (22.932 тонны) опробированной озимой пшеницы, в порядке обмена на рядовое зерно, сократить до 700.000 пудов (11.466 тонн), с тем, чтобы остальные 700.000 пудов (11.466 тонн) были направлены в Украинскую Социалистическую Советскую Республику в счет указанных в ст. 6 2.000.000 пудов (32.760 тонн) семян.

8. Предложить Экономическому Советанию Украинской Социалистической Советской Республики: а) принять все меры к выполнению плана снабжения семенами Украинской Социалистической Советской Республики к озимой посевной кампании 1928 г.; б) наблюдать за тем, чтобы все семенное зерно советских хозяйств Сахаротреста было использовано для выполнения плана озимой кампании и у сдающих зерно советских хозяйств было оставлено только то количество зерна, которое необходимо для удовлетворения потребности в семенах самих советских хозяйств.

9. Поручить Народному Комиссариату Финансов Союза ССР совместно с Государственной Плановой Комиссией Союза ССР рассмотреть в двухнедельный срок заявки правительства Украинской Социалистической Советской Республики, связанные с оказанием семенной и продовольственной помощи населению пострадавших от недорода округов и Автономной Молдавской Советской Социалистической Республики, обязав Украинское правительство немедленно представить все необходимые для этого материалы.

Зам. Председателя СНК Союза ССР —

Я. Рудзутак

Зам. Управляющего делами СНК Союза ССР и СТО —

Арт. Кактынь

Москва — Кремль

21 августа 1928 г.

6. Советская печать тех лет дает огромное количество примеров чудовищного лицемерия и фальши. Но, пожалуй, самые лаконичные и чеканные формулировки принадлежат действительно непревзойденному специалисту в этой области И. Сталину. Ведь незабываемое "Жить стало лучше, веселее", — он произнес, глядя в лица людей, близкие которых умирали от голода. А вот как описал он для западных читателей процесс коллективизации:

"Что оставалось крестьянам (имеется ввиду отсталость сельского хозяйства в 1928 г.): либо лечь помирать, либо перейти к новой форме землепользования и машинному способу обработки земли. ... Понятно, что крестьяне ухватились за предложения Советского правительства, стали объединять свои мелкие земельные клочки в большие поля, приняв тракторы и другие машины, и вышли, таким образом, на широкую дорогу укрупнения сельского хозяйства".

(Беседа с полковником Робинсоном
13 мая 1933 г.; Собр. соч., т. 13, стр. 267.)

Одновременно с пропагандистской демагогией были прекращены всякие статистические научные публикации, бюджетные обследования, гнездовые переписи и т.п.

Одним из мероприятий, призванных засекретить случившееся, было прекращение публикации сведений о численности населения. Последние данные относятся к декабрю 1932 года. После этого в течение шести лет повторяется все та же цифра, словно в этот момент статистика прекратила свое существование.

7. С.Н. Прокопович. Цит. соч., стр. 207.